

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна»

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 15

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2019

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

А. М. Сендзер

Намеснікі галоўнага рэдактара:

С. М. Севярын (*частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*)

А. Я. Будзько (*частка 2. Прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

В. Е. Гайдук, К. К. Красоўскі, Л. Г. Лысюк, Б. М. Ляпешка, З. П. Мельнікава

Міжнародны савет:

А. А. Афонін (Расія), Ф. Я. Васілюк (Расія), В. А. Главан (Малдова),
Марцін Грабэ (Германія), М. М. Громаў (Расія), В. В. Дзікусар (Расія), Андраш Золтан (Венгрыя),
Антон Мірановіч (Польшча), В. А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча),
Станіслаў Рудальф (Польшча), Б. В. Саліхаў (Расія), В. Р. Самойленка (Украіна),
Фелікс Чыжэўскі (Польшча), Антоні Юўка (Польшча), Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г. І. Займіст (*адказны рэдактар часткі 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*),

Н. С. Ступень (*адказны рэдактар часткі 2. Прыродазнаўчыя навукі*),

У. В. Амелькін, С. В. Арцёменка, М. А. Багдасараў, В. Ф. Байнёў, В. У. Будкевіч,
А. М. Вабішчэвіч, І. Я. Валітава, В. М. Ватыль, П. А. Вадап'янаў, А. М. Вігчанка, А. А. Волчак,
Т. А. Гарупа, А. М. Грыгаровіч, А. А. Гужалоўскі, А. Л. Гулевіч, Т. І. Доўнар, М. П. Жыгар,
В. І. Іўчанкаў, М. С. Кавалевіч, Т. А. Кавальчук, Ч. С. Кірвель, У. Л. Клюня, П. П. Крусць,
У. У. Лосеў, А. А. Лукашанец, М. І. Ляўчук, В. С. Манахаў, І. П. Мартынаў, А. А. Махнач,
А. В. Мацвееў, У. А. Плещюхоў, С. В. Рашэтнікаў, Д. Г. Ротман, В. Ф. Русецкі,
А. А. Савіч, У. С. Секяржыцкі, М. Н. Сендзер, У. А. Сенькавец, Я. У. Скакун, А. С. Сляповіч,
В. А. Сцепановіч, В. І. Сянкевіч, Л. Р. Цітарэнка, М. М. Труш, І. А. Швед,
Я. К. Яловічава, Я. С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

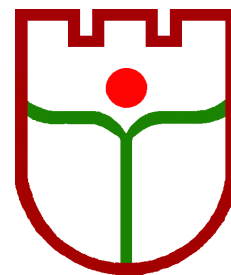
ISBN 978-985-22-0075-2 (ч. 1)

ISBN 978-985-22-0074-5

© УА «БрДУ імя А. С. Пушкіна», 2019

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта
ЗБОРНИК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

2019 • Вып. 15 • Ч. 1

Змест

ФІЛАСОФІЯ

- Лепешко Б. М.** Междисциплинарный дискурс:
основные проблемы и способы реализации 11
- Онуприенко С. П.** «Категорический императив» И. Канта
и современные концепции социально-экологического развития 19
- Каракo П. С.** Космические воззрения Б. Л. Личкова
и их место в системе русского космизма 29

ПАЛІТАЛОГІЯ

- Лысюк А. И.** Политические партии постсоветской Украины:
основные характеристики и тенденции развития 39

ПЕДАГОГІКА

- Григорович Е. Н.** Практикоориентированность подготовки будущих юристов
как условие их профессиональной адаптации 49
- Ковалевич М. С.** Становление субъектной позиции будущих специалистов
помогающих профессий в процессе изучения педагогических дисциплин 58
- Садовска Й., Домбровска Й.** Реформа высшего образования в Польше в 2018 г.:
основания и разногласия 67
- Сивашинская Е. Ф., Ярмолюк И. Ю.** Модель и методические аспекты развития
гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку 72
- Казаручик Г. Н.** Особенности овладения связной речью
детьми среднего дошкольного возраста: теоретический анализ 81
- Александрович Т. В., Евтух А. Л.** Развитие креативности
у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора 90

ФІЛАЛОГІЯ

- Мельнікава З. П.** Мастоцкая хроніка таталітарызму: аповесць В. Быкава «Аблава»99
- Швед І. А.** Энтамалагічны код традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў: павук107
- Поўх І. В.** Архетып дзіцяці ў творчасці англійскіх паэтаў эпохі Рамантызму117

ГІСТОРЫЯ

- Шаўчук І. І.** Статуты Інбелкульту: вытокі сучасных уяўленняў123
- Golota J.** Budownictwo szkolne w Polsce
wobec procesów makroekonomicznych (1956–1970)133
- Biały A.** Kodeks rolny Białoruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej z 1925 r.
w tłumaczeniu i objaśnieniach Stefana Heltmana141
- Лагуновская Е. А., Ярошенко А. А.** Религиозные и культурные аспекты
социального взаимодействия викингов и арабов147
- Бодак А. Ю., Пашкович Е. И.** История производства мороженого в г. Бресте
в послевоенные годы160
- Свирид А. Н.** Католическая церковь византийско-славянского обряда
в Новогрудском воеводстве в 1923–1939 гг.170
- Бодак А. Ю., Бурик Е. А.** Мероприятия советской власти
по восстановлению экономики и социальной сферы Малоритского района
после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков180

ПРАВА

- Робак В. А.** Правовые основы регулирования оборота оружия в зарубежных странах187
- Храмов С. М.** Правовой механизм защиты прав человека
в области биомедицинских технологий198
- Пашаев Х. П.** Практика производства первоначальных следственных действий
по делам об убийствах: отдельные ошибки следователя205
- Зайчук Г. И., Пасечник О. А., Пошвенчук П. В.**
Вопросы юридического понятия диких животных и дикорастущих растений,
относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь,
и права пользования ими210
- Тюнин В. А.** Предмет, пределы и организация прокурорского надзора
за законностью применения мер пресечения и принуждения219

ЭКАНОМІКА

Салихов Б. В. Императивы обеспечения устойчивого социально-экономического роста	225
Салихова И. С. Характеристика творческой деятельности как функции креативного капитала экономического агента	237
Одиноченкова Н. В. Информационное обеспечение управления промышленным предприятием	248
Седель О. Я., Петрукович Д. А. Основные направления совершенствования социально-экономической модели Республики Беларусь	253
Siluk T. S. Polityka regionalna w Unii Europejskiej i Polsce	261
Петрукович Д. А., Седель О. Я., Иванюкович Е. В. Инновационная ориентированность кластера – направление совершенствования промышленного развития Брестского региона	271

РЭЦЭНЗП

Забейворота А. И. Учебник по теории госуправления из разряда «сложно все»	278
--	-----

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university
named after A. S. Pushkin»

*Scientific
Proceeding
Of Brest University*

Collection of scientific works

Issue 15

*Part 1
The Humanities and Social Sciences*

Brest • 2019

Founded 2005

Editor-in-chief

A. M. Sender

Editor-in-chief Deputies

S. M. Sevyaryn (*part 1. The Humanities and Social Sciences*)

A. Ya. Budzko (*part 2. The Natural Sciences*)

Editorial council:

V. E. Gaiduk, K. K. Krasouski, L. G. Lysyuk, B. M. Lyapeshka, Z. P. Melnikava, A. F. Ravinski

International council:

A. A. Afonin (Russia), F. Ya. Vasilyuk (Russia), V. A. Glavan (Maldives),
Martin Grabe (Germany), M. M. Gromau (Russia), V. V. Dzikusar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary),
Anton Miranovich (Poland), V. A. Nestsiarouski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland),
Stanislav Rudalf (Poland), B. V. Salikhau (Russia), V. G. Samoilenka (Ukraine),
Felix Chizheuski (Poland), Antani Yuvka (Poland), Edvard Yarmakh (Poland)

Editorial board:

G. I. Zaimist (*managerial editor part 1. The Humanities and Social Sciences*),

N. S. Stupen (*managerial editor part 2. The Natural Sciences*),

V. V. Amelkin, S. V. Artsyomenka, M. A. Bahdasarau, V. F. Bainyou, V. U. Budkevich,
A. M. Vabishchevich, I. Ya. Valitava, V. N. Vatyly, P. A. Vadapyanau, A. N. Vitshanka, A. A. Volchak,
T. A. Garupa, A. M. Gryharovich, A. A. Guzhalouski, A. L. Gulevich, T. I. Dounar, M. P. Zygar,
V. I. Iuchankau, M. S. Kavalevich, T. A. Kavalchuk, C. S. Kirvel, U. L. Klyunya, P. P. Krus,
V. V. Loseu, A. A. Lukashanets, M. I. Lyauchuk, V. S. Manakhau, Y. F. Martynau, A. A. Makhnach,
A. V. Matsveyeu, U. A. Pletsukhou, S. V. Rashednikau, D. G. Rotman, V. F. Rusetski,
A. A. Savich, V. S. Sekyazhytski, M. M. Sender, V. A. Senkavets, E. V. Skakun, E. S. Slyapovich,
V. A. Stsepanovich, V. I. Syankevich, L. R. Tsitarenka, N. N. Trush, I. A. Shved,
Y. K. Yalovichava, Y. S. Yassevich

Publishing house address:

224016, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 21-72-07

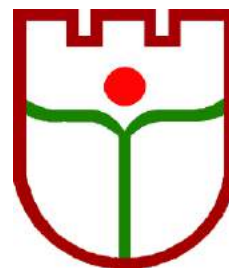
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-22-0075-2 (p. 1)

ISBN 978-985-22-0074-5

© EE «BrSU named after A. S. Pushkin», 2019

Scientific Proceeding

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS

2019• Issue 15• Part 1

Contents

PHILOSOPHY

- Lepeshko B. M.** The Interdisciplinary Discourse Major Issues and Implementation Methods 11
- Onuprienko S. P.** Kant's «Categorical Imperative» and Modern Concepts of Social-Ecological Development 19
- Karako P. S.** Cosmic Views of B. L. Lichkov and their Place in the System of Russian Cosmism 29

POLITOLOGY

- Lysiuk A. I.** Political Parties of Post-Soviet Ukraine: Main Characteristics and Development Trends 39

PEDAGOGICS

- Grigorovich E. N.** Practically Oriented Training of Future Lawyers as a Condition for Their Professional Adaptation 49
- Kovalevich M. S.** Developing of Subject Position of Future Specialists of Helping Professions in the Process of Studying Pedagogical Disciplines 58
- Sadowska J., Dombrowska J.** Higher Education Reform in Poland in 2018: Assumptions and Controversies 67
- Sivashinskaya E. F., Yarmaliuk I. Y.** Model and Methodical Aspects of the Development of College Students' Civil Competences in the Process of Learning a Foreign Language 72
- Kazaruchik G. N.** Features of Mastering the Connected Speech of Children of Middle Preschool Age: a Theoretical Analysis 81
- Alexandrovich T. V., Evtukh A. L.** Development of Creativity in Children Senior Preschool Age Means of Musical Folklore 90

PHILOLOGY

Melnikava Z. P. Artistic Chronicle of Totalitarianism: V. Bykov's Story «Battue»	99
Shved I. A. Zoological Code of the Traditional Spiritual Culture of Belarusians: Spider	107
Powkh I. V. The Child Archetype in English Romantic Poetry	117

HISTORY

Shauchuk I. I. Inbelcult Statutes: The Origins of Current Notions	123
Golota J. School Building in Poland in Relation to Macroeconomic Processes (1956–1970)	133
Bialy A. Code of Law Concerning Agriculture of Socialist Republic of Belarus from 1925 Year Translated and Commented by Stefan Heltman	141
Lahunouskaya A. A., Yaroshenko A. A. Religious and Cultural Factors in the Process of Social Interaction between Vikings and Arabs	147
Bodak A. Yu., Pashkovich E. I. The History of the Production of Ice-Cream in Brest in Postwar Years	160
Svirid A. N. The Catholic Church of the Byzantine-Slavic Rite in the Novogrudok Province in 1923–1939	170
Bodak A. Yu., Burik E. A. Measures of the Soviet Authority to Restore the Economy and Social Sphere of the Malorita District after its Exemption From German-Fascist Inventors	180

LAW

Robak V. A. Legal Bases of Regulation of Arms Turnover in Foreign Countries	187
Chramov S. M. Legal Mechanism Protection of Human Rights in the Field of Biomedical Technologies	198
Pashaev Kh. P. Practice of Conducting Initial Investigative Actions in Murder Cases: Individual Errors of the Investigator	205
Zaychuk G. I., Pasechnik O. A., Poshvenchuk P. V. Issues the Legal Concept of Wild Animals and Wild Plants, Belonging to the Species Included in the Red Book of the Republic of Belarus and the Rights to Use Them	210
Tyunin V. A. Subject, Limits and Organization of Prosecutorial Supervision over the Legality of the Use of Preventive Measures and Coercion	219

ECONOMICS

Salikhov B. V. Imperatives of Sustainable Development of Social and Economic Growth	225
Salikhova I. S. Characteristic of Creative Activities as a Function of the Creative Capital of an Economic Agent	237
Odinochenkova N. V. Optimization of Enterprise Management with the Use of Information Systems	248
Sedel O. Ya., Petrukovich D. A. Key Directions of Improving the Socio-Economic Model of the Republic of Belarus	253
Siluk T. S. Regional Policy in the European Union and Poland	261
Petrukovich D. A., Sedel O. Ya., Ivanyukovich E. V. Innovative Organization of the Cluster – a Direction of Improvement of the Industrial Development of the Brest Region	271

REVIEWS

Zabeivorota A. I. Textbook on the Theory of Public Administration from the Category «Everything is Difficult».....	278
--	-----

УДК 165.192 : 81'42

Б. М. Лепешко

*д-р ист. наук., проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Цель работы – осмысление трех взаимосвязанных проблем: 1) как характеризуется понятие «дискурс» в контексте исследовательских практик современного гуманитарного научного поиска; 2) какие основные проблемы ставятся и решаются учеными, особенно в связи с использованием определения «междисциплинарный», т. е. что означает словосочетание «междисциплинарный дискурс»; 3) какие основные методики избираются исследователями в рамках решения поставленных исследовательских задач.

Сложно найти в современной гносеологической практике термин, который был бы настолько широк, не имел четко очерченных эпистемологических (в частности) границ, как «дискурс». Причем разночтения распространяются на многие параметры осмысления термина: от сущностных до характера перевода. Приведем пример. Сам термин в фундаментальной статье М. Можейко и С. Лепина переводится с латинского *discere* как ‘блуждать’, а вот О. Л. Михалева, известный российский специалист, полагает, что в основе дефиниции *discours* – речь, разговор, беседа. Соответственно, определения понятия различны. В первом случае это «вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной культурной традиции типом рациональности» [1, с. 233]. Во втором случае дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др. Текст, взятый в событийном аспекте. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент познавательных процессов и взаимодействия людей. Речь, “погруженная в жизнь”» [2, с. 3–4]. Конечно, можно сказать, что «вербально артикулированная форма объективации содержания сознания» – это и есть текст, но мы здесь легко попадаем в порочный круг: одно понятие определяется за счет содержания другого, другое основывается на похожих реминисценциях и т. д. Сами авторы определений отмечают неизбежность различных трактовок рассматриваемого понятия, поскольку есть дискурс как рефлексивная речевая коммуникация, как инструмент социальной критики, как лингвистическая аналитика и другие производные. Это фактор объективного порядка, затрудняющий понимание рассматриваемого термина. Есть, однако, и та противоречивая определенность, которая является следствием неразработанности понятийного аппарата. Скажем, есть понимание дискурса (самое распространенное) как текста, социального действия, компонента познавательных процессов. Это беседа, разговор. И эти квалификации справедливы с точки зрения специалистов, прежде всего в области филологии. Отметим, что даже в сфере филологического знания понимание термина «дискурс» не устоялось, общепринятого понимания дефиниции нет, чаще всего господствует извинительный тон при применении понятия: «как нам кажется», «возможно» и т. д. Понятие «дискурс», например, у одного из российских авторов выглядит следующим образом. Первый подход: это два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи. Второй подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Третий – дискурс как высказывание. И дальше:

«Эти определения подразумевают, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры “больше предложения”, а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализированных единиц употребления языка» [3, с. 86]. Понимание этого определения затруднено: неясно, в каком смысле употреблено слово «контекстуализированных», что означает выражение «единица употребления языка» и т. д.

Цитированная нами выше О. Л. Михалева, специалист в сфере дискурса, полагает возможным определить дискурс «как строй научной речи или язык научной школы – специфический характер описания, обсуждения и структурирования материала, опосредованный иноязычным употреблением» [2, с. 4]. Неясно в итоге, дискурс – это «язык научной школы», «строй речи», «текст» или все вместе взятое? Если обратиться за разъяснениями к текстам ученого, мы вообще с трудом сможем разобраться, что такое дискурс. Обилие трактовок не дает возможности сделать приемлемый вывод. Читаем, например, что дискурс – это вербальная коммуникация, это «текст плюс контекст», это «социальная система репрезентации», что дискурс всегда идеологически окрашен, он является «воплощенным в речи мироощущением» и многое другое. Получается, что понятие «дискурс» стало «всеядным», его используют многие представители различных гуманитарных дисциплин, но исследователю, обратившемуся к предмету исследования, от этого не легче.

Возможно, нам поможет обращение к конкретным гуманитарным наукам, в которых слово «дискурс» давно стало общеупотребительным (но от этого не более понятным). В праве данное понятие (наряду с другими терминами постклассической методологии права) системно представил глава Санкт-Петербургской школы профессор А. В. Поляков. Если мы обратимся, например, к учебному пособию «Общая теория права», написанному им совместно с Е. В. Тимошиной, то обнаружим основные дефиниции постклассической парадигмы правового знания, следующие важнейшие положения. Первое: перед нами новый тип рациональности, разработанный Э. Гуссерлем, и понимание системы категорий этого нового типа возможно только в их единстве. Этим можно объяснить различные варианты понимания специфики дискурса: от идей Фуко до дискурсивных сред Гийома. Второе: новый тип рациональности коммуникативен по сути. Отсюда важность таких категорий, как знак, дискурс, язык. Понимание феномена дискурса немыслимо без нового прочтения понятия «знак», а последовательность знаков называется «текстом». Причем текстом может быть все что угодно: мимика, жесты, движения регулировщика и т. д. Знак, текст, дискурс – это явления одного порядка, смысл им придает понятие более общего порядка – коммуникация. Третье: для школы А. В. Полякова дискурс не смыслообразующее понятие, это один из элементов того общего здания, которое выстраивается им и его сторонниками исходя из феноменолого-коммуникативной методологии. Далеко не случайно в списке терминов, венчающих цитируемое издание, слова «дискурс» вообще нет, а в тексте оно встречается разве что в качестве комментария к основным категориям [4, с. 425–427].

Развивая идеи А. В. Полякова, основную тему своей работы исследователь из Курганского университета Н. Г. Храмцова обозначила так: «Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения». Развитие темы осуществляется в рамках формулировки конкретных методик исследовательской работы. Здесь синонимами понятия «дискурс» выступают понятия «диалог», «коммуникация». Объект изучения – практика беседы. Автор ставит задачу «научить участвовать в процессе общения, понимать их (дискутантов. – Б. Л.), влиять на ход ведения беседы», что является «труднейшей зада-

чей обучения дискурсивно-коммуникативной компетенции» [5, с. 4]. Чтобы реализовать эту цель, необходимо изучать правовой дискурс как процесс диалогической (полилогической) продукции, процесс взаимодействия авторов. Отсюда дискурс понимается и как определенная методологическая структура, и как система методических рекомендаций. В рамках коммуникативной теории права упор делается на понимании правовой деятельности как исключительно дискурсивной (коммуникативной), основанной на динамичном изменении общественных отношений, феноменологичных по своей сути.

Таким образом, мы вправе сделать некоторые предварительные выводы. Один из них заключается в том, что нас не должно смущать обилие определений (вариантов) понятия «дискурс». Как дефиниция, рожденная прежде всего постклассической философской мыслью, она полностью соответствует одному из ключевых принципов этого типа размышлений: отказ от догматической формы, отказ от схоластики и признание того факта, что далеко не все понятия постклассической философии могут быть объяснены на языке классической философии. Грубо говоря, формально-логический аппарат мышления здесь востребован вовсе не в универсальном виде и форме. Кроме того, помним, что постмодернистская философия предпочитает определениям описания. Более того, как пишет Д. Э. Гаспарян, ссылаясь на точку зрения Ж. Лакана, «сознание есть глубоко бессознательный процесс» [6, с. 67]. Но если это так, то на первое место выдвигаются не содержательные, а формальные моменты размышлений, которых может быть бесчисленное множество, как и форм их интерпретаций.

Чтобы понять смысл дефиниции «дискурс», было бы целесообразным обратиться к мыслям Ж. Делёза по поводу основного приема размышлений Л. Кэрролла. В работе «Логика смысла» он пишет: «Прием Кэрролла состоит в том, что событие представляется дважды: один раз в предложении, где оно обитает, и другой раз в состоянии вещей, где оно неожиданно появляется на поверхности» [7, с. 51–52]. Сочетание различных состояний, с одной стороны, парадоксально, с другой стороны, представляет собой развитие одного и того же процесса. Дискурс концентрирует в себе противоречивое, динамично развивающееся знание, основанное на тексте. Причем понимание этого текста может быть самым различным: текст как внутреннее состояние, текст как личное противоречие и противоречие социальное, политическое, иное. Дискурс в каком-то смысле неопределяем – читателя (аналитика) ждет судьба человека, все время пытающегося решить какую-то сложную загадку. Причем он уверен, что ответ на загадку может иметь несколько интерпретаций. Дискурс – это текст? Да. Дискурс – это диалог? Да. Дискурс – это артикулированный элемент сознания? Пожалуйста. Т. е. все зависит от компетенций и интерпретации.

В этой связи нас не устроит какое-либо одно из определений термина «дискурс». В конечном итоге решение этой проблемы лежит в сфере компетенции самого человека, пытающегося согласиться с тем или иным определением. Мы же условно (для простоты изложения) будем рассматривать дискурс как понятие, лежащее в основе коммуникативной философии, интегративной философии, основанной на феноменологической методологии и являющееся одним из смыслообразующих понятий постклассической системы мира. Попробуем прокомментировать этот подход с помощью определения «междисциплинарный», т. е. рассмотреть понятие «дискурс» в аспекте его междисциплинарных связей.

«Междисциплинарный» – пожалуй, одно из самых распространенных определений применительно к дискурсу. Во многих статьях, монографических исследованиях словосочетание «междисциплинарный дискурс» употребляется как нечто само собой

разумеющееся, вроде того, что оно аксиоматично и не требует разъяснений. Если свети его к предельно упрощенной трактовке, то синонимом выступает привлечение когнитивных (но не только) ресурсов других гуманитарных наук к пониманию текста, того или иного текста. Например, очень авторитетный журнал «Правоведение», выходящий в Санкт-Петербурге, публикует материал «Современный философско-правовой дискурс: 21 Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии» [8, с. 194–201]. Представлена панорама мировой философско-правовой мысли, ее основных проблем, тенденций и перспектив. Дан перечень основных докладов, представлены темы, отражающие приоритетные направления философии права. Но что интересно: комментарий по поводу термина «современный дискурс» вообще отсутствует. А ведь здесь возникает немало вопросов. Во-первых, если есть «современный дискурс», т. е., очевидно, и не современный, некие исторические формы дискурса. Какие именно? Во-вторых, в каком смысле здесь употребляется слово «дискурс»? Как «обзор», «перечень», что-то иное? Или речь идет о «вербально артикулированной форме объективации содержания сознания», как уже говорилось ранее? Возможно, ни то, ни другое, ни третье, поскольку закономерно возникает проблема «перевода» языка неклассической философии на язык классики? Очевидно, автор обзора и не ставил перед собой такой задачи, но для нас важно подчеркнуть априорную аксиоматичность термина. Недоказательную аксиоматичность.

Некоторые ответы на поставленные вопросы нам может предложить известный российский философ, юрист А. В. Поляков. По его мнению, контекст «междисциплинарного дискурса» достаточно широк. Речь идет о том, что «теория должна, как минимум, отвечать на запросы своего времени, как максимум – стремиться перейти границы своего хронотопа в пределах отведенного ей коммуникативного потенциала» [9, с. 26]. Любое знание легитимизируется в рамках всего комплекса наук, достижений гуманитарной мысли в целом. По мнению ученого, дискурс вообще порожден постоянной конкуренцией идей. «Дискурс – “сердцевина” научной коммуникации, это диалог, в ходе которого формируются новые и новые аргументы, меняющие конфигурацию теоретико-правовых построений. При этом резюмируется не только наличие разных точек зрения и подходов, но и существование того общего, что объединяет всех участников научной коммуникации и обуславливает саму ее возможность» [9, с. 26]. Т. е. существование «междисциплинарного дискурса» объективно в том смысле, что иным он просто быть не может. Дискурс не может быть ограничен какой-то узкой, локальной сферой знания. Он может быть понят как «полилог», т. е. диалог, в котором участвуют как минимум двое, но на деле это всегда более широкий контекст. В центр познания выдвигается интерпретирующий субъект, причем речь идет об использовании всего арсенала его познавательных средств: эмоций, разума, подсознательных стереотипов поведения и т. д. Именно поэтому круг проблем, который охватывает понятие «междисциплинарный дискурс», достаточно широк.

Возникает, правда, и другой непростой вопрос. Что нам дает в познавательном плане словосочетание «междисциплинарный дискурс»? Если аналогом выступает широкий гуманитарный диалог, то есть ли здесь что-либо революционное, благодаря чему мы можем существенно продвинуться на пути расширения знания? Достаточно давно и безо всякого междисциплинарного диалога теоретики оперировали понятиями «интегративность», «синкретизм» и т. д. Широко известны философско-правовые воззрения С. Яценко и Вл. Соловьева, не говоря уже о западной традиции. Термины «дискурс», «междисциплинарный дискурс» предельно неопределенны, в связи с чем мы свободны

в своем «интерпретационном своеволии». Возможно, как это и предлагает А. В. Поляков, следует обратить внимание на проблему в системном виде, т. е. говорить и о дискурсе, и о коммуникации, и о новой интегративности и т. д. Применительно к тому варианту «междисциплинарного дискурса», который предложил Санкт-Петербургский ученый, можно утверждать, что феноменолого-коммуникативный подход уже реальность, выразившаяся в целом ряде работ важного характера. Но есть резон и в замечаниях критиков того междисциплинарного дискурса, который чаще всего называют «бездумным». В качестве примера приведем мысли профессора И. Ю. Козлихина, который вовсе не отрицает важность обращения к опыту иных (кроме права) гуманитарных наук. Это психология, философия, история и т. д. «Еще раз подчеркиваю, что выступаю за взаимодействие между науками, взаимное использование достижений. Я против бессмысленного или вредного использования “чужой” терминологии, терминологии, сложившейся в иных науках и там имеющей свой особый смысл, но теряющей его при переносе на другую почву» [10, с. 40]. Можно добавить, что речь идет не только о «заимствовании» из других наук. Речь идет и о важности определения базисных для постмодернизма терминов в приемлемой интерпретации (для большинства исследователей). Хотя какие могут быть определения в аспекте предпочтения описаний определению?

Общепризнано, что в междисциплинарном подходе нет ничего. Критерий пользы один: новое знание должно углублять знание того предмета, который является объектом нашего интереса, а не всего комплекса привлекаемых наук. Иначе говоря, если мы рассуждаем о проблемах правового мышления в рамках герменевтической парадигмы, то для юриста интересен прежде всего правовой контекст, а уже затем контекст герменевтический. Но здесь важно остановиться на двух терминах: «междисциплинарный подход» и «междисциплинарный дискурс». Это синонимичные понятия или они существенно отличаются друг от друга? В отношении междисциплинарного подхода разногласий, как правило, нет. Так, например, авторы учебного пособия «Философия и методология науки» в одном из разделов подробно анализируют этот методологический феномен, говоря о собственно междисциплинарной системе знаний, трансдисциплинарной системе знаний и т. д. [11, с. 464–466]. С междисциплинарным дискурсом такой ясности не существует. И это понятно, поскольку междисциплинарный дискурс – категория постмодернистской философии, на которую распространяются многие основные характеристики данного типа умствования в целом. Если речь идет о языке изложения проблем, то большинство текстов, связанных с понятием «междисциплинарный дискурс», переполнены сложными и часто неясными фразеологическими оборотами, перегружены терминами, заимствованными из других наук. Возникает чувство, что есть «посвященные» и «непосвященные», понимающие и не очень. Конечно, такое чувство возникает не всегда. Допустим, тексты самого А. В. Полякова – это написанные ясным, понятным, «рационалистическим» языком фрагменты, которые говорят о пользе и важности как раз классической традиции и соответствующего образования. Да, часто форма, характер языка и постмодернистская философия – это одно и то же. Читая, например, Ролана Барта, где он рассуждает о дискурсе, не столько понимаешь, сколько додумываешь. Но, возможно, в этом и заключается смысл повествования? Вот текст Барта: «Дискурс, создавая персонажи, делает это не затем, чтобы играть с ними, чтобы добиться от них сообщничества, обеспечивающего непрерывный кодовый обмен: персонажи – это всего лишь особые типы дискурса, а дискурс, со своей стороны, – это персонаж, подобный всем прочим» [12, с. 265]. Не правда ли, возможность интерпретации данного отрывка является безбрежной, более того, такая возможность заложена в самом

авторском подходе, «темном», многосмысленном, вполне в гераклитовском духе. Говорить о преимуществах или недостатках такого подхода сложно с позиций классической парадигмы знания, да в этом и нет необходимости.

Можно ли использовать понятие «междисциплинарный дискурс» в контексте конкретного исследования, будь то исследование правовое, историческое или какое-либо иное? Вне всяких сомнений. Но здесь нужны некоторые оговорки. Во-первых, нам не избежать «помещения» новых, заимствованных терминов в контекст конкретных, реальных проблем. Ссылаясь на Э. Дюркгейма, российские авторы об этом пишут так: «Нельзя открыть законы реальности только путем конструирования таких понятий, они зачастую походят на покрывало, находящееся между нами и вещами. Они скрывают от нас реальность тем лучше, чем прозрачнее это покрывало нам представляется» [13, с. 6]. Во-вторых, разговор должен вестись на одном языке, весь вопрос лишь в том, на каком именно языке. Поскольку язык Р. Барта и Имре Лакатоса – это все же разные языки. Это особенно ясно видно при обращении к анализу тех или иных конкретных методов, методик исследовательского характера, к которым прибегают ученые. Точнее, в контексте нашего разговора, один ученый – Льюис Кэрролл.

Почему именно Льюис Кэрролл привлек наше внимание? И потому, что он один из столпов постмодернистской философии (хотя сам никогда не заявлял об этом), и потому, что он близок междисциплинарному дискурсу (языком, терминологией, многозначностью смыслов и т. д.). И потому, что он работал «на стыке» научных специальностей (логики, математики, психологии и др.), и потому, что вызывал неподдельный интерес многих современных ученых, работавших в области главных научных направлений прежде всего XX в. Попробуем выделить главное, что характеризует творчество Л. Кэрролла в части рассматриваемых нами проблем.

Первое: игра слов, букв алфавита, говоря языком Ж. Делёза, игра смысла и нон-сенса. Т. е. работы Кэрролла являются логическими и психоаналитическими одновременно. Отсюда важность такой логической формы, как парадокс. Прочитируем Ж. Делёза: «Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но парадокс – это утверждение двух смыслов сразу» [7, с. 9]. Вроде бы здесь нет ничего революционного: парадокс действительно основан на доказательности двух (как минимум) антиномичных суждений. Но Кэрролл не удовлетворен стандартными аристотелевскими категориями, для него парадокс фиксирует движение в двух и более направлениях, причем «отрабатывается» несколько смыслов этого движения. В этой связи знать работы Л. Кэрролла нельзя, трактовать однозначно – бессмысленно. Можно читать, помнить про Алису в Зазеркалье, но быть уверенным, что хитросплетения сюжета, его смысловую вязь вы адекватно поняли, сложно. Далекое не случайно Б. Рассел предлагал издавать сказки Кэрролла с грифом «Только для взрослых». Но тем самым мы фиксируем близость реминисценций Кэрролла духу постмодернистской философии.

Второе: следует обратить внимание на отход писателя, ученого от стандартов той логики, которую мы привычно называем аристотелевской, на его уверенность в том, что логика может быть и иной. Т. е. перед нами еще один признак междисциплинарного дискурса – использование данных наук (логики, философии, психологии и иных) не догматически, свободно (имея в виду процесс мышления). А чего стоит создание Кэрроллом собственного псевдонима, игра слов, букв? Он перевел на латынь свое имя «Чарлз», получилось «Карлус», перевел на латынь свое второе имя «Лютвидж» – получилось «Людовикус», переставил латинские имена – получилось «Людовикус Каролус» – и перевел их снова на английский язык. Так появился Льюис

Кэрролл [14, с. 4]. Главная особенность сочинений Кэрролла по логике не только в том, что он сформулировал некоторые важные идеи своей логики, собственного типа мышления. Главное заключается в том, что он привлек внимание к соотношению понятий «здравый смысл» и правила вывода заключения. Легко сделать вывод, если исходные данные (посылки) осмысливаются с точки зрения здравого смысла. А если нет? Например: «Ни оно ископаемое животное не может быть несчастно в любви // Устрица может быть несчастна в любви // Устрица – не ископаемое животное». Сегодня такая логика – это общее требование формально-логических построений, но во времена Кэрролла для доказательства подобного рода тезисов нужно было прилагать усилия, для этого была нужна эвристическая смелость.

Третье: еще характеристика междисциплинарного дискурса, в частности уверенность, что интерпретационные резюме могут быть столь же безукоризненными, как сложившиеся, имеющие характер общеупотребительности. Например, обращаясь к одному из правил построения силлогизмов, сформулированному Аристотелем, – из двух отрицательных посылок не следует вывод, Кэрролл говорит о «недостаточности» такого утверждения. Точнее, он приводит пример такого умозаключения («Ни один честный человек не мошенник // Ни один нечестный человек не заслуживает доверия // Ни один мошенник не заслуживает доверия») и выносит вердикт. Заблуждался не Аристотель, не знаменитые логики прошлого, пишет ученый. «С их точки зрения они абсолютно правы. Но в их системах содержатся далеко не все мыслимые формы силлогизмов» [15, с. 29]. В мире достаточно места и для сторонников Аристотеля, и тех, кто пробует развивать логические системы. Здесь, на наш взгляд, последовательно и четко выражается одна из важнейших характеристик междисциплинарного дискурса: границ эпистемологического характера не существует, как не существует «обязательного» перечня дисциплин, на которые исследователь может опереться.

Возможно, возникнет вопрос: чем может помочь та или иная трактовка междисциплинарного дискурса конкретному исследователю? Возможно, мы вообще обойдемся без этого термина? Тут весь вопрос в том, является ли для конкретного ученого, работающего в сфере такой методологии, приемлемой сама формула постмодернистской философии. Если да, то многие процессы, факты, подходы могут быть востребованы. Если нет, то ситуация совершенно иная. Нельзя не признать, что развитие научного аппарата применительно к неклассическому типу размышлений является важной задачей. Вопрос здесь разве что в том, чтобы сложность научного аппарата не становилась самоцелью, чтобы всегда на первом плане было главное: приращение знания, а не любовование стилистическими, художественными, интерпретационными ухищрениями.

И в заключение нельзя не сказать несколько слов об эпистолярном наследии мыслителя, поскольку опубликовано несколько томов писем детям, прежде всего маленьким девочкам, пересказывать которые – неблагодарная задача. Нужно лишь сказать, что в них также присутствует игра слов, смыслов, недоговоренность и «сверхдоговоренность», когда смещаются временные горизонты и будущее не кажется столь недосягаемым. И дети прекрасно понимали своего корреспондента. Это и к тому, что постмодернизм может быть понятен и близок, весь вопрос в масштабе личности и уровне мышления тех людей, которые берут на себя эту сложную задачу: раскрыть через парадокс (в частности) сущность вещей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Можейко, М. Дискурс / М. Можейко, С. Лепин // Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001. – С. 233–237.
2. Михалева, О. Л. Дискурс как объект исследования [Электронный ресурс] / О. Л. Михалева. – Режим доступа: any-book.org/download54968.html. – Дата доступа: 31.03.2019.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Поляков, А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб., 2005. – 468 с.
5. Храмцова, Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения / Н. Г. Храмцова. – Курган : Изд-во Курган. ун-та, 2012. – 179 с.
6. Гаспарян, Д. Г. Введение в неклассическую философию / Д. Г. Гаспарян. – М. : РОССПЭН, 2011. – 398 с.
7. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
8. Максимов, С. И. Современный философский дискурс: 21 Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии / С. И. Максимов // Правоведение. – 2003. – № 6. – С. 194–201.
9. Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26–43.
10. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
11. Философия и методология науки : учеб. пособие / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск : Высш. шк., 2012. – 639 с.
12. Барт, Р. SZ / Р. Барт. – М. : Акад. проект, 2009. – 373 с.
13. Гревцов, Ю. И. Юридикто-догматические химеры в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4–22.
14. Данилов, Ю. А. Предисловие / Ю. А. Данилов // Логическая игра / Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – С. 3–7.
15. Кэрролл, Л. Логическая игра / Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – 192 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Lepeshko B. M. The Interdisciplinary Discourse Major Issues and Implementation Methods

The purpose of the article is to comprehend three interrelated problems. First is a description of the concept of «discourse» in the context of those research practices that take place within the framework of modern humanitarian scientific research. Second is a combination of the main tasks formed and solved by scientists, especially in connection with the usage of the «interdisciplinary» predicate. In other words, what does the phrase «interdisciplinary discourse» mean? Third problem is a choice of the main methods in the framework of solving the scientific problems by the researchers.

УДК : 165-053.6+81-25

С. П. Онуприенко

д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник

Института философии НАН Беларуси

e-mail: centr.evrissl@yandex.by

«КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ» И. КАНТА И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проанализированы философско-исторические особенности одного из фундаментальных учений И. Канта в контексте социально-экологических концепций современности. Обоснована теория Н. Н. Моисеева «экологический императив» и ее продуктивная роль в научном познании, основанном как на научных идеях И. Канта, так и на инновациях XXI столетия.

Введение

Среди множества концепций, отражающих динамику социоприродных отношений, следует обратить особое внимание на те из них, которые фиксируют основополагающие особенности диалектики развития цивилизационного процесса. На наш взгляд, большое значение имеет концепция экологического императива, по существу вобравшая всю совокупность научно-технических, морально-этических, интеллектуально-духовных достижений. Его природа, целевые установки закономерно созвучны эволюционно-развивающим этапам человеческой акмеологичности, но требуют четкой теоретической понятийно-терминологической дефиниции и конструктивных методов практико-реализующего подхода. Вышеназванные параметры впервые воплощают авторский замысел и соответствующую попытку системного анализа феномена, характеризующего, во-первых, одноименную концепцию в контексте тенденций социальных трансформаций современного белорусского общества и, во-вторых, познавательно-мировоззренческие установки становления духовно-ценностных ориентиров учащейся молодежи страны.

Данное понятие основывается на концепциях прошлых эпох, включая и специфический феномен, именуемый в научно-исторической литературе «категорическим императивом».

В современном обществе особое место занимает природно-экологическая тематика, поскольку практически каждый житель страны хотел бы знать о состоянии окружающей среды в своей стране, городе. Важно учитывать природно-климатические колебания по месту проживания, создавать благоприятную обстановку для человека как на рабочем месте, так и в иных локациях жизнедеятельности. От этого зависит наше здоровье, финансовое и материальное положение, настроение и психологический климат в семье, в коллективе сотрудников, в общественных местах. Все, что так или иначе связано с экологией, вызывает у нас неподдельный интерес и озабоченность. Чтобы оградить себя от стрессовых ситуаций, защитить себя и близких от всевозможных потрясений, надо уметь ориентироваться в природной и социальной средах, стараться активно преодолевать физические и психоинтеллектуальные трудности посредством упражнений, тренировок, выработки собственной индивидуальной программы психолого-физиологической устойчивости. Чрезвычайно важно уметь разбираться в содержании направленной экологической деятельности, ее целевых установках, реальных ожидаемых результатах, возможности собственного участия в стабилизации экообстановки. Можно

привести множество всевозможных теорий, концепций, так или иначе способствующих защите природной среды и самого человека от его же непродуманных действий.

На наш взгляд, имеет смысл уделить внимание категории императива как всеобщего закона, высшего требования, предписывающего характер долженствования, обязательств и соответствующего поведения в условиях социальной среды. Данная категория в философии и иных науках нашла воплощение со времен ее определения в работе «Основы метафизики нравственности» (1785) основоположника немецкой классической философии и вопросов естествознания И. Канта (1724–1804). По его мнению, императив следует понимать как форму повеления, выражающуюся в двух видах – гипотетическом и категорическом. Первый означает своеобразное предписание стратегического характера, т. е. достижения собственного счастья путем благоразумия как в делах, так и в помыслах. В свою очередь, категорический императив непосредственно предписывает поведение для достижения вышеотмеченной цели, тем самым характеризуя формы и принципы самого поступка. В отличие от своих современников немецкий ученый делает акцент на убеждении сограждан, т. е. этот вид императива является доминирующим в судьбе человека и строится он на нравственных положениях.

Рассматривая современную концепцию экологического императива, разработанную и введенную в научный лексикон российским академиком Н. Н. Моисеевым, целесообразно осуществить небольшой исторический экскурс, чтобы выявить исходные основания данного феномена. Обратим внимание на кантовский императив, из содержания которого фактически и была сконструирована концепция экологического императива. Сравнение первого и второго вовсе не случайно: у них много общего, да и предыстория экологической концепции началась не в XX в., как принято считать, а гораздо раньше. Уже во второй половине XVIII в. ученые, рассматривая этико-нравственные вопросы становления первопричин зарождающегося нового капиталистического общества, пришли к закономерным выводам о необходимости учета, казалось бы, вечных, но постоянно используемых в промышленной, агрохозяйственной и иных сферах производства природных ресурсах. В те времена добывали главным образом уголь (теплоснабжение), железную руду (разнообразные бытовые, строительные предметы, приспособления, а также первые механические машины в ряде отраслей металлопроизводства в мануфактурах, мастерских и т. д.), древесину (строительство, мебель, декоративно-производственная сфера). Все отмеченные растраты заставляли ученых, специалистов вести речь не только о безудержном потреблении ресурсов, но и о разумном их потреблении с учетом интересов конкретных стран и регионов. На повестке дня все отчетливее вырисовывались проблемы морально-этического характера по отношению к земным, водным, воздушным ресурсам, но не последнее место занимали в научных трудах, лекциях, письмах современников нравственные нормативы поведения самих людей, принципы их хозяйственной, семейно-бытовой и иных областей жизни и деятельности. Одним из таких новаторов познания характера новых социальных отношений и явился И. Кант. И дело не только в том, что И. Кант – одна из ключевых фигур мировой философии, и, как выразился российский социальный исследователь Я. Э. Голосовкер, «откуда и как бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому – Кант» [1, с. 35]. Освоение опыта кантовской мысли, причем не только буквы его учения, но прежде всего его духа, исключительно актуально для нас именно в современной социально-динамичной ситуации переосмысления исходных установок и основ философского сознания, поиска новых его путей и перспектив. Необходимо констатировать следующее: И. Кант в первую очередь – решительный враг

всякого догматизма в теоретическом мышлении, доводящий критическую рефлексию до исходных предпосылок, выявляющий коренные проблемы взаимоотношения мысли и бытия, возможности и принципиальные трудности рационально-когнитивного исследования «предельных оснований» отношения человека к окружающему миру. В этом контексте весьма уместно обратить внимание на концептуальные положения мыслителя, имеющие непосредственное отношение к теме данной работы.

И. Кант одним из первых ученых своего времени осознал необходимость новаций зарождающегося капитализма с точки зрения не только того, что и для чего люди производят, но и того, кто и каким образом создает блага цивилизации.

По мнению немецкого ученого, результаты производственной деятельности могут оказаться малоэффективными без способности человеческого ума к моральному действию, т. е. трезвому осмыслению всего того, что люди создают в соответствии с универсальными, всеобщими и категорически необходимыми нормами позитивного нравственного поведения. И. Кант придерживался следующей точки зрения: жизнь разумной личности невозможна без того, чтобы не следовать некоторым самостоятельно установленным правилам. Однако он соглашается, что любые поступки человека обусловлены рядом правил, или императивов, устанавливаемых общественной системой на разных ступенях и уровнях социально детерминированной реальности государственного устройства. Естественно, далеко не всегда эти правила, предписываемые личности в полной мере, отвечают ее насущным интересам, потребностям, духовным критериям. На взгляд философа, подчинение, точнее повиновение, механизму государственного устройства должно сочетаться с духом свободы, т. е. осмыслением каждым гражданином реальности и практической действенности тех прав, которые по сути и составляют представление о свободе личности как таковой. Отсюда послушание, согласие, принятие внешних нормативов поведения, предписываемых общественной системой, по И. Канту, есть процесс согласования, согласия с самим собой, со своими принципами и целевыми жизненными установками. Неверно полагать, что ученый не исключал силового давления на сознание личности, что представляется достаточно обыденной практикой разрешения возникающих проблем в политической ситуации взаимодействия человека и государства. И. Кант несколько идеализировал этот процесс, подчеркивая содержательные характеристики свободы, причем не как узколичностного феномена отдельного индивида, а, скорее, как общенационального, общечеловеческого явления, целью которого и является предупреждение и своевременная ликвидация очагов социальной напряженности, недоверия, конфронтации противоборствующих сторон. На его взгляд, оптимальный вариант разрешения такого конфликтного состояния заключается исключительно в одном стратегически важном положении: действия любых внешних или внутренних факторов должны быть обусловлены положениями так называемого морального закона, на основе которого функционирует свод обязательств в виде категорического императива. И. Кант отвергает какие-либо формы произвольного, частного толкования этих обязательств, или, в современном понимании, нормативов действий и поступков или норм поведения отдельного человека, коллективов, сообщества граждан и т. д. Они формируются с раннего детства, в том числе подсознательно, фактически естественным образом, без физического, психологического давления, но предписывают личности характер допустимых поступков на протяжении всей ее жизни.

Следовательно, категорический императив представляется в виде указания поведения: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [2, с. 196]. Вместе с тем

у И. Канта нет четких пояснений относительно того, какие именно максимы должны выступать в роли принципов всеобщего законодательства. Есть и иного рода неясности в обосновании чистоты, априорности, отсутствия элементов эмпирического знания в толковании открытого им морального закона. Однако, несмотря на отмеченные казусы, ясно одно: категорический императив определяет только форму морального поступка, ничего не сообщая о его содержании, что подсознательно указывает на отсутствие каких-либо оснований для возможности безнравственных действий со стороны субъекта. Отсюда понятна позиция И. Канта: нравственно можно поступать лишь тогда, когда поступки соответствуют моральному закону, основанному на долге перед человеком и всем человечеством.

По сути, на основе рассмотрения содержательных характеристик категорического императива, составляющих стержневое звено морального закона, И. Кант пересматривает воззрения своих предшественников на природу человека. Для него она не есть изначально данная и в своей основе неизменная сущность. «Здесь, – отмечает мыслитель, – под природой человека подразумевается только субъективное основание применения его свободы вообще, под властью объективных моральных законов, которые предшествуют всякому действию» [3, с. 22]. Главная мысль состоит в том, что свобода, по И. Канту, основана на функциях практического разума, с помощью которого человек формирует свои психоинтеллектуальные установки. На наш взгляд, суть данного положения весьма однозначна: нравственный облик личности формируется и совершенствуется не некими трансцендентальными силами, он определяется психофизиоинтеллектуальным укладом ее самой. И. Кант отчетливо представляет тот физический, интеллектуальный, духовный потенциал личности, лежащий, во-первых, в основе ее свободного развития и, во-вторых, определяемый не некими сверхъестественными силами, а объективными моральными законами, проявляющимися в действии механизма категорического императива. И, наконец, мыслитель, веруя в Бога, подчеркивает неиссякаемый потенциал творческих возможностей человека, способного не слепо надеяться на Всевышнего, а благодаря собственным дарованиям совершенствовать свою сущность. Здесь отчетливо просматривается органическая связь природной среды, формирующей многообразную гамму человеческих качеств и антропологических (можно с уверенностью утверждать – эколого-социальных параметров) структурно-функциональных особенностей. Неслучайно в «Критике чистого разума» (1781) ученый сформулировал три знаменитых вопроса из области природы человека: что я могу знать? Что я должен знать? На что смею надеяться? Но он не стал ограничиваться ими, выдвинув четвертый: что такое человек? По его мнению, «в сущности... три первых вопроса относятся к последнему» [4, с. 332], т. е. антропологической сущности человека. И в завершении своего жизненного и творческого пути, в последнем научном труде «Антропология с прагматической точки зрения» (1798), изданном самим И. Кантом, нетрудно отыскать целый ряд естественных состояний обычного индивида (переживания, устремления, особенности поведения и др.), в которых автор пытается сделать итоговый шаг от идеализма к материализму, фактически снимая с него вуаль чрезмерного субъективизма, анализируя его с позиций реального биофизиологического и социального подходов. По его собственному признанию, «человек – самый главный предмет в мире» [5, с. 351], и отличает его от всего живого на планете наличие самосознания. В этом же заключено величайшее его преимущество над окружающей биосредой, оно возвышает его в практических делах и помыслах. Именно в этом немецкий мыслитель видит основное предназначение homo sapiens, тем самым выделяя системно-деятель-

ностные, аналитико-оценочные и прогностически-целевые функции человеческого мышления. Однако все вышеназванное опирается на строгие принципиальные положения категорического императива, придавая смысловую позитивную значимость, последовательность, конструктивизм деяниям любого уровня. И здесь же философ закономерно переходит к расшифровке функционально-творческих потенций, формируемых и реализуемых, на его взгляд, в каждодневном труде на благо людей и собственного развития, включая самооценку, самоконтроль, самодостаточность потребностных запросов, самоответственность за принимаемые решения и т. д. Не блуждая в абстрактно-фантастических грезах, И. Кант четко характеризует жизненную позицию и интеллектуально-профессиональное кредо гражданина, опираясь прежде всего не на похвалу, престиж, восторг, элементы пиара... Самоудовлетворение – тот самый целевой рубеж в достижении и переживании больших и малых значимостей для личности, без чего не может идти речь о самосознании. Однако для того, чтобы в полной мере ощутить величие своих успехов, вовсе не обязательно сотворить нечто инновационно-непредсказуемое, произвести шумный зрелищно-вызывающий фурор. По мысли И. Канта, большинство поставленных и решаемых нами задач по замыслам и содержанию весьма конкретны, лаконичны, а лучшая сфера их воплощения не заоблачные проекты. Человек может состояться как мыслящий, деятельный, отмечает философ, находя удовлетворение, разжигая азарт творческого поиска не где-нибудь, а именно в своей работе: «работа – лучший способ наслаждаться жизнью» [5, с. 475]. Результативность плюс удовлетворенность – стратегическое мерило человеческого самосознания, помноженные на волю, долг, – таковы нравственные критерии кантовского категорического императива.

Таким образом, категорический императив как естественно формируемое у каждого нормально развивающегося человека отношение к природе, самому себе воплощает в своем содержании требования безусловного и всеобщего долженствования с точки зрения общепринятых нравственных норм человеческого существования в естественной гармонии с окружающей средой и собственными правилами здорового образа жизни. Уважение конкретного человека и человечества в целом – главное предназначение каждого из нас для сохранения всего живого и конкретно *homo sapiens* как хранителя и преумножителя всего того, что создано людьми с начала зарождения разумной деятельности. Именно поэтому человеческий мир – наивысшее благо, и надо понимать его как великую цель развития, но не как средство достижения господства, личного обогащения, власти над природой и людьми. По этому поводу мыслитель подчеркивает: «Поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда только как средство» [3, с. 79].

В высказываниях немецкого мыслителя отчетливо просматриваются религиозные положения из Евангелия, где главное требование к мирянам сформулировано следующим образом: «Не сотвори другому того, чего себе не желаешь». Вместе с тем было бы наивным полагать, что И. Кант механически копировал христианские постулаты. В отличие от них мыслитель видит в содержании категорического императива не некое безоговорочное соблюдение божественных заповедей, а чистый человеческий долг. Именно в чувстве долга сконцентрированы волевые, духовно-интеллектуальные потенции разумного человека, позволяющие не слепо, но активно развить его способности, поднять его над самим собой, сделать творцом истории и защитить от социальных и природных катастроф. В данном случае долг понимается не узко как средство достижения частных целевых установок. Он реально значимая, осознанная и конкретизированная задача собственного совершенствования, невзирая на политические, экономиче-

ские, семейно-бытовые и иного рода трудности в динамике жизненных процессов бытия. По мнению И. Канта, категорический императив не беспредметное наивное стремление к всеобщему развитию, счастью. Его целевые границы весьма четко очерчены: формирование принципа безусловного достоинства личности.

Таким образом, логическая цепочка «категорический императив – долг – достоинство личности» представляет собой систему самоуправления, характеризующую человеческое акмеразвитие, включая творческую результативность.

По мнению мыслителя, значимость личности состоит в исторических событиях, семье, воспитании лучших традиций. Анализируя его рассуждения, приходим к выводу о величайшей ответственности, совести, стремлении к познанию и почитанию законов природного и человеческого мира. Концепция категорического императива представляла собой одну из редких попыток научного осмысления нравственно-этического характера проблем того времени, где окружающая среда отмечалась как колыбель и лоно творчества разумных людей. Именно поэтому велика значимость этого свода нравственных норм поведения, особенно для молодого поколения, в качестве своеобразных нормативов прогрессивных поступков и глубоко гуманных методов анализа социальных отношений человека и природы.

Насколько важна для нас эта концепция? Может быть, она проникнута лишь наивными пожеланиями? По этому поводу следует заметить, что И. Кант не только анализировал нравственные категории и проблемы бытия. Мало известно об этом, но он активно участвовал в работе комиссии по землеустройству, следил за сохранностью животного мира и дикой природы, участвовал в озеленении, дренажных работах. В оставленных им документах имеют место деловые предложения, замечания, требования по поводу нарушений баланса растительной среды и застройки площадей, замечания по поводу влажности, продуктивности земельных угодий в разных регионах Пруссии.

Таким образом, с полным правом можно отнести данную работу к области эколого-социальной проблематики. Данный подход означал настоящий прорыв в феодально-патриархальных отношениях прусской монархии того времени. Достаточно вспомнить известное замечание вождя международного пролетариата В. И. Ульянова-Ленина о том, что прусский путь развития нельзя называть иначе как коснобюрократической системой, в то время как наиболее передовым он считал революционно-динамичный американский (фермерский). Эта мысль четко очерчена в его работах «Развитие капитализма в России» (1899), «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899). Суть в том, что необходим скорейший переход от архаичных форм ведения хозяйства, свойственных многим восточноевропейским странам, включая Российскую империю XVIII–XIX вв. Реформы 60-х гг. XIX в. показали всю несостоятельность предпринимаемых попыток обновления хозяйственных принципов ведения хозяйства земледелия. Это отбрасывало хозяйственную деятельность к дореформенным временам крепостничества и застоя. В условиях феодального производства достаточно сложно реализовывать конструктивные проекты эколого-хозяйственного толка, что не могло не отразиться и в содержательных положениях концепции категорического императива.

Прошли столетия с тех пор, как понятие «императив» прочно обосновалось в философии и других науках. В последние десятилетия возникли и имеют тенденцию к дальнейшему «размножению» новые трактовки этого феномена, обосновывающие научную и социальную значимость задач, которые беспокоили умы еще в далеком XVIII в. Среди этого многообразия имеет смысл остановиться на некоторых из них.

Биологический императив характеризует основные тенденции выживания организма и антроповитальные процессы существования видов на нашей планете, включая человека. Здесь диктуют условия законы природы, но за последнее столетие все чаще вердикт нашему сосуществованию в условиях трансформаций социальных и природных сред выносит человеческий фактор, что, с одной стороны, вызывает восхищение творениями homo, а с другой стороны, порождает озабоченность и беспокойство.

Нравственный императив представлен в форме моральных социальных норм и требований к поведению личности в условиях многоликой гаммы социальных, национальных, политических, религиозных, профессиональных и иных направлений жизнедеятельности современников. В их основе лежат экономико-культурные традиционные или новационные нормы и обычаи, соответствующие пространственно-временным установкам социума, исходящим из критериев осмысления категорий добра и зла. «Нравственный императив – это личностное отношение к поступку, отличающее человека от биологических организмов и требующее существования социальных законов поведения» [6, с. 351].

Социальный императив – свод требований в области регуляции социальных отношений, целью чего является поддержка устойчивости структур социальной системы.

Культурный императив представляет сборник требований в виде предписаний, положений, способствующих эффективной передаче знаний, этноантропологических традиций, а также формированию жизненно важных для данного общества потребностей, ценностей, идеалов и т. п.

Политический императив отражает динамику социальных отношений в контексте характера распределения власти и соответствующих субординационных функций взаимодействия личностей, коллективов, социальных институтов управления, государственного аппарата в целом.

Таким образом, категория «императив» охватывает объем допустимых или необходимых полномочий и прав политического деятеля, его команды, который предусматривает не только его связь с интересами одной группы, но и ориентацию на общие интересы [7, с. 235, 236].

Итак, нет смысла перечислять многочисленные прикладные значения категории императива, но важно выделить в них три доминирующих измерения в отношении сущностных характеристик человека: биологический, личностный и социальный (системный), что по логическому заключению позволяет вести речь об их синтезе и представлять нечто более интегрирующее, универсально охватывающее практически все стороны жизни и деятельности личности. Несомненно, таким единоначалом может быть только экологический императив, объединяющий все предписания, пожелания, правила, советы и многое другое для каждого из нас как социального и биоприродного представителя биосферы планеты. Именно поэтому верно трактовать содержание данного феномена исключительно как биолого-нравственно-социальное, где сконцентрированы основы биологических законов, совокупности норм, предписаний, потребностей и ценностных ориентаций социального плана, регулирующих механизмы поведения человека в разных сферах бытия. Суть и предназначение данного феномена – в достижении гармоничных отношений в системе «природа – человек – общество».

Казалось бы, все изложенное не вызывает вопросов, не требует дополнительной расшифровки. Однако по ходу логических размышлений приходится сталкиваться с недопониманием тех положений, которые еще недавно казались доказанными и разъясненными. Иными словами, психовосприятие данного феномена в зависимости от тем-

пераментальных особенностей психики человека может быть и закономерно будет неоднозначным. Поскольку люди по своему психоукладу не одинаковы, то и восприятие, осмысление, а значит и понимание концепции «экологический императив» предполагает разные, пусть с небольшими отклонениями, трактовки. Например, более энергичные (носители более мощного биоэнергетического потенциала по сравнению с другими представителями темпераментальной когорты индивидов), а значит более деловые, активные и, как следствие, законопослушные холерики придерживаются достаточно жестких требований, фактически не отходя от сути категорического императива И. Канта. Неспешные, рассудительные интравертивные флегматики, обладатели не менее мощного биоэнергетического потенциала, но склонные к более длительным логико-смысловым манипуляциям, как правило, не торопятся с выводами, заключениями, предлагая собственные, чаще всего компромиссные варианты разрешения сложных проблем. Им свойственна «мягкость» и последовательность, что в корне меняет отношение к феномену «экологический императив», где вы уже вряд ли встретите строгость приказного плана. В их понимании ответственность органично вплетена в пожелания, советы, обращения к совести и порядочности сограждан в соответствии с общечеловеческими духовно-нравственными традициями прошлого и толерантными принципами настоящего. В свою очередь, представители сангвинического психоуклада относятся достаточно миролюбиво к любым предложенным вариантам структурно-функционального содержания данной концепции. Они стараются не растрчивать жизненные силы на всякого рода длительные дискуссии, более ориентируясь не на словесный смысл термина, а на его практическую реализацию в конкретных делах и поступках каждого. Они – практико-ориентированная когорта индивидов, готовых не побрезговать лопатой и метлой для реальной защиты природы и ярые противники лишних высокопарных слов, чем, как правило, грешат государственные трибунно-кабинетные мужи госуправления. На их взгляд, известное выражение К. Прутков «Зри в корень!» следовало бы перефразировать: «Посади в землю и полей этот корень!» Что же касается меланхоликов, как правило обладающих динамичным, но недостаточно мощным биоэнергетическим потенциалом, то они по психонатуре демократы и человеколюбивы. Всевозможные приказы, указы, распоряжения напрягают их нервную систему, вызывают чувство неудовлетворенности, озабоченности и даже страха. Их позиция такова: категорический императив И. Канта напоминает дискриминационные предписания, скорее пугающие граждан, нежели предлагающие, точнее добродушно приглашающие всех к диалоговой беседе. По сути, моральные законы не должны представлять собой только абсолютизированные кодексы норм и правил, а плавно должны переходить в обыденные, бытовые термины духовно-нравственного порядка, сближая и позитивно нацеливая сообщество на конструктивные действия в социально-экологической сфере.

Полагаем, концепция категорического императива представляет собой научно-теоретический, идейный, фундаментальный феномен, основанный на лучших нравственно-культурологических традициях прошлых столетий. И только спустя почти двести лет экологическая тематика во весь голос заявила о себе на рубеже 60–70-х гг. XX в., тем самым выразив открытое беспокойство за судьбы народов планеты на фоне безудержного роста различных форм агропроизводственной деятельности людей. Негативные тенденции социального развития коснулись и белорусской экономики как в 90-х гг. прошлого века [8, с. 7–18], так и в первое десятилетие XXI столетия [9, с. 8–16]. Существенные деструктивные процессы дополняются многочисленными ядерными, термоядерными, нейтронными и другими испытаниями вооружений (особенно за период

50–80-х гг. прошлого века), бесконечным увеличением мирового автопарка и, как следствие, неконтролируемым выбросом углекислого газа, фенолов, формальдегидов и других отравляющих веществ. В этой связи уместно напомнить одно из первых категорических заявлений, сделанных в начале 1980-х гг. академиком Н. Н. Моисеевым в ходе исследований, проводившихся в Вычислительном центре Академии наук СССР, по проблемам последствий ядерной войны. Тогда посчитали, что экологический императив, как, впрочем, и кантовский категорический, ставит целью запрет всех видов войн, что в наше время выглядит наивным и маловероятным.

Обратимся к развернутому определению экологического императива Н. Н. Моисеева, предложенному им в работе «Восхождение к Разуму» (1993). «Экологический императив – совокупность тех ограничений в активной деятельности людей, нарушение которых может обернуться для человечества самыми катастрофическими последствиями» [10, с. 250]. Основной составляющей понятия Н. Н. Моисеев считает проблему оценки предельных нагрузок на природу, которые еще разрешены человеку. Проще говоря, люди должны знать допустимые пределы производства искусственной энергии, допустимые уровни мутагенеза, границы тех воздействий на биосферу, которые не приведут к деградиционным значениям ее параметров. Разве проблемы духовно-нравственного развития личности не заслуживают первостепенного значения в представленной концепции? Совершенно очевидно: отсутствие разумных помыслов и за ними такие же безответственные действия и поступки как раз и являются главными причинами тех самых запредельных нагрузок на природу и организм человека, о чем в свое время предостерегал И. Кант. Не пора ли искать источники наших бед не в производственных просчетах, а в отсутствии, точнее непринятии технико-социальных результатов исторического опыта в соотношении с логико-методологической аргументацией всего того, что мы планируем, как мы планируем и каковы последствия этих планов.

Подводя итоги плодотворного воздействия кантовских идей в контексте становления духовно-нравственных ориентиров наших современников приходится констатировать закономерную тенденцию: любые социальные, личностные категорические, императивные нормативы деятельности, поведения неизменно определяются характером интересов, творческих установок, позитивной ролью самих людей в практике мирового развития. Человеческая мотивация и направленность воли отныне становятся не производной величиной, не «зависимой переменной», но подлинным демиургом действительности. Такой вывод сделал известный итальянский футуролог XX в. А. Печчеи (1908–1984). По его мнению, выход из тупиковых ситуаций общественного прогресса надо искать не вне, а внутри самого человека – во всей полноте психофизиологических, интеллектуальных, духовных качеств личности, со всеми без исключения потребностями и стремлениями [11].

Исходя из вышеотмеченного, со всей уверенностью можно констатировать следующее футурологическое предположение: на рубеже XX и XXI столетий происходят кардинальные преобразования общественных систем. Причиной тому – сами люди, и именно благодаря им на смену социотехногенному приходит действительно новый тип цивилизационного развития, который со всеми основаниями следует определить как социоантропогенный. По существу, в этой цивилизации меняется вектор направленности содержания деятельности конкретного человека, начинают постепенно укрепляться в сознании наших современников духовно-ценностные, но уже не предпосылки, а полноправные основания значимости лично осуществленного труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голосовкер, Я. Э. Достоевский и Кант / Я. Э. Голосовкер. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 102 с.
2. Кант, И. Основы метафизики и нравственности / И. Кант. – М. : Мысль, 1999. – 1472 с.
3. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 4, ч. 2. – 1965. – 478 с.
4. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – 711 с.
5. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – 1966. – 743 с.
6. Костарев, С. В. Экологический императив: основание и понимание / С. В. Костарев, Ю. И. Калинина // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI, вып. 3 (№ 50). – С. 349–355.
7. Философский словарь / под ред. А. П. Ярещенко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – 555 с.
8. Онуприенко, С. П. Социально-культурные аспекты экологических проблем в Беларуси / С. П. Онуприенко. – Минск : Ин-т тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова АН Беларуси, 1994. – 216 с.
9. Онуприенко, С. П. Стратегия экологической безопасности XXI века: теоретико-методический и методический анализ экологических проблем населения Беларуси / С. П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – 362 с.
10. Моисеев, Н. Н. Восхождение к разуму / Н. Н. Моисеев. – М. : ИздАТ, 1993. – 174 с.
11. Peccei, A. 100 pages pour l'avenir. Réflexions du Président du Club de Rome / A. Peccei. – Paris : Economica, 1981. – 176 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.10.2019

Onuprienko S. P. Kant's «Categorical Imperative» and Modern Concepts of Social-Ecological Development

In the article, there were analyzed the philosophical-historical features of one of the fundamental teachings of Kant in the context of social-ecological concepts of modernity. As a scientific successor, there was grounded the theory by N. N. Moiseev – «ecological imperative» and its productive role in scientific knowledge based on both Kant's ideas and innovations of the 21st century.

УДК 101, 9; 113/119

П. С. Каракo

*д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: kafedra628@gmail.com*

КОСМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Б. Л. ЛИЧКОВА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ РУССКОГО КОСМИЗМА

Раскрывается причастность философа и геолога Б. Л. Личкова к русскому космизму. Особое внимание уделяется выявлению специфичности его космических идей, которые связаны с обоснованием роли космических тел (Луна, Солнце) в порождении тектонических процессов на планете Земля. Подчеркивается влияние идей В. И. Вернадского на становление и выражение космизма Личкова. Раскрываются связи и отношения Личкова с другими представителями русского космизма.

Введение

В современных исследованиях философов России возрастает внимания к раскрытию содержания и сущности идей представителей русского космизма. К этому течению русской мысли стали причисляться и его «новые» представители. Данная тенденция заметно проявляется в работах Б. М. Владимирского, В. Н. Демина, С. И. Шлекина и ряда других авторов. Однако в их трудах нами не замечено даже упоминания о геологе и философе Б. Л. Личкове (1888–1966), соратнике и последователе В. И. Вернадского (1863–1945). Справедливым остается вывод: «наследие Бориса Леонидовича Личкова еще не изучено и не систематизировано, что следовало бы сделать, имея в виду глубокий интерес и внимание, которое уделял идеям и мыслям Б. Л. Личкова великий ученый, его близкий друг Владимир Иванович Вернадский» [1, с. 6]. Остаются неизученными и философские воззрения Личкова, не раскрывается его причастность к русскому космизму. Отмеченные стороны творчества геолога и философа не получили должного освещения и в специальной работе Р. К. Баландина [2]. В ней не сказано ни слова о наличии космических идей в трудах Личкова, о связи этих идей с космизмом Вернадского. К тому же в ней содержится множество неверных сведений, касающихся биографии Личкова. Все это обусловило наш интерес к научному наследию авторитетного русского ученого, друга и последователя Вернадского. При этом будет выявляться и причастность Личкова к русскому космизму и особенностям его космических воззрений.

Солнце является «мощным создателем всего живого»

Б. Л. Личков в 1911 г. окончил Киевский университет по специальности «Геология» и был оставлен в нем для преподавательской работы и осуществления геологических исследований. Одной из первых его работ был философский труд «Границы познания в естественных науках» (1914). Уже на первых страницах труда проводится обоснование важности овладения естествоиспытателями философией, а каждому философу рекомендуется ознакомиться хотя бы «в общих чертах с основными понятиями и проблемами современного ему естествознания» [3, с. 9]. Автор обращает внимание на особенности ряда философских концепций своего времени, возможности их использования естествоиспытателями. Он скрупулезно анализирует философские воззрения Р. Авенариуса, Э. Маха, К. Пирсона, Г. Рикёра и других европейских философов, отмечая их несоответствие развивающемуся естествознанию начала XX в.

Такое несоответствие особенно характерно было для воззрений немецкого химика и философа В. Оствальда (1853–1932). В труде Личкова оценке содержания философских воззрений этого ученого посвящен особый раздел «Энергетическое понимание природы и его критика». Анализ такого «понимания» завершается выводом, что «энергетическая натурфилософия является ложной в самых своих основах. И прежде всего совершенно неосновательна уверенность Оствальда, будто ему удалось в своей философии обойтись совершенно без материи» [3, с. 189]. Такой вывод соответствует заключению, сделанному автором настоящей статьи в одной из своих книг: «В. Оствальд отстаивает позиции субъективного идеализма в философии, а его “энергетическая философия природы” есть не что иное, как своеобразная форма идеалистического толкования природы видным естествоиспытателем Германии» [4, с. 92–93]. Вклад Оствальда в развитие химии в 1909 г. был отмечен Нобелевской премией.

Поиск Личковым адекватной для естествознания философии приводит его к убеждению, что только материализм является «хорошим методом детального научного исследования природы» [3, с. 11]. Он подчеркивал и значимость разработанных в материалистической философии категорий причинности, закона и закономерности, качества и количества и др.; раскрывал важность использования в естествознании ряда научных методов: аналогии, моделирования, исторического и т. д.

Четкую философскую выраженность имеет и труд Личкова «Эволюционная идея и историческое знание» (1921). В нем раскрывалась значимость использования исторического метода познания в естественных науках, особенно в биологии. Автор труда обстоятельно анализирует применение данного метода в эволюционных идеях русских биологов рубежа XIX–XX вв. А. Н. Северцева и К. А. Тимирязева, их понимания эволюции как направленного изменения живых организмов [5, с. 129]. При этом Личков раскрывал содержание понятий «прогрессивной» и «регрессивной» эволюции, которые отражают специфичность исторического развития живого.

Принципиальное значение имел и его вывод о несовместимости научного знания с теологией. Наука, и прежде всего биология, по убеждению Личкова, «окончательно изгнала» это философское воззрение «из пределов» своего предмета [5, с. 106]. Но ему можно возразить: виталистические концепции жизни в наши дни возрождаются.

В работе «Происхождение и развитие жизни» (1923) Личковым проводится материалистическое обоснование происхождения жизни, раскрываются механизмы развития живого. Он подчеркивал значимость не только естественных наук в постижении данных проблем, но и философии. В частности, автор работы рекомендует естествоиспытателям «принимать во внимание трактовки соотношения количественных и качественных изменений Гегелем и их материалистическую интерпретацию Ф. Энгельсом» [6, с. 78] при постижении их проблем. В книге высказываются положения о космической обусловленности появления жизни на Земле. Автор труда подчеркивает тот факт, что Солнце является «мощным создателем всего живого». Кроме того, все процессы жизни находятся в корреляции с «изменениями вещества во вселенной» [6, с. 77]. Последующая конкретизация отмеченных воззрений была связана с восприятием их В. И. Вернадским.

Б. Л. Личкова «надо ценить и беречь для будущего» (В. И. Вернадский)

Знакомство Личкова с Вернадским состоялось в 1918 г. До этого года они знали друг о друге заочно, по научным трудам. Вернадский был знаком и с уже упоминавшимся трудом Личкова «Границы познания в естественных науках». В 1918 г. Вернад-

ский занимался организацией Академии наук Украины. Активное участие в этой работе принял и Личков. Он был одним из основателей Украинского геологического комитета и руководил им до 1927 г. С 1918 г. начинается и личная дружба молодого геолога и философа Личкова с академиком Вернадским. Ее содержание в наибольшей мере раскрывается в их переписке, которая охватила период с 1918 по конец 1944 г. Даже во время пребывания Вернадского в Париже (1922–1926) их переписка не прерывалась. Имели место и их встречи и совместная работа в Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которую возглавлял Вернадский, а Личков с 1927 г. являлся ее ученым секретарем. В январе 1934 г. Личков был незаконно арестован и осужден на 10 лет пребывания в лагерях. Мотивы его ареста и осуждения подробно описаны в работе [7]. С этого времени Вернадский проявляет активную деятельность по облегчению пребывания своего друга в местах заключения. Именно по его обращению к руководителям правоохранительных органов того времени Личков стал осуществлять геологические исследования при строительстве канала Москва – Волга, затем Рыбинского водохранилища. В годы заключения он написал и ряд научных работ, о которых сообщал в письмах Вернадскому. Но многие из них не были опубликованы, а рукописи не сохранились.

В. И. Вернадский прилагал значительные усилия по освобождению Личкова от несправедливого наказания, предоставлению ему возможности заниматься научными исследованиями. Так, в письме к К. Я. Бауману (с 1934 г. заведующий отделом науки ЦК ВКП(б)) от 30.01.1936 он писал, что такого человека, как Личков, «надо ценить и беречь для будущего». Далее в письме отмечалось, что «страна наша далеко не богата такими людьми и должна дать им проявиться во всей их силе» [8, с. 94]. Высокая оценка научных достижений Личкова, его личных качеств и невинности перед страной излагалась Вернадским и в других письмах к К. Я. Бауману, В. М. Молотову, Л. П. Берия, А. Я. Вышинскому. В письме к Вышинскому, датированном 07.07.1939, он писал: «Профессор Борис Леонидович Личков – один из самых блестящих, талантливых геологов, находящийся в полном расцвете сил и, несмотря на пятилетнее заключение, сохранивший свою работоспособность. Им пересланы и хранятся в Академии наук ряд его рукописных работ, которые он переслал в нее когда-то» [8, с. 106–107].

Благодаря усилиям Вернадского его друг и соратник в конце 1939 г. был освобожден, но без права проживания в Москве, Ленинграде и других крупных городах европейской части страны. Так Личков оказался в Средней Азии, в Узбекском государственном университете (Самарканд), где он преподавал, а также занимался конкретными геологическими исследованиями. Особенно плодотворной была его научная деятельность и в Геологическом институте Таджикского филиала АН СССР. Здесь он исследовал состояние природных ресурсов Средней Азии.

В эти же годы Вернадский прилагает усилия по организации и осуществлению защиты Личковым докторской диссертации по специальности «Геология». Он обращается к геологу, академику В. А. Обручеву, минералогу, академику А. Е. Ферсману и другим крупным специалистам того времени с просьбой оказать помощь Личкову в защите им докторской диссертации. В письме к ректору Среднеазиатского университета (Душанбе) Вернадский писал, что Личков «стоит среди передовых геологов мировой среды. Широкий размах его работы в области геоморфологии, геологии Украины, палеонтологии и то, что является у нас редким, – огромная начитанность в мировой литературе и охват геологических явлений нашей страны в аспекте целой планеты выделяют его работы среди современных наших геологов» [9, с. 83]. Усилия Вернад-

ского были успешными. В августе 1943 г. вышеназванный университет присудил Личкову степень доктора геологических наук без защиты диссертации. В 1945 г. Личкова пригласили в Ленинградский университет заведовать кафедрой гидрогеологии. В этой должности он работал до конца своей жизни.

Личков высоко ценил внимание и заботу Вернадского. В письме Вернадскому от 3 августа 1934 г. он писал: «Вы для меня не только горячо любимый друг, но Вы – одновременно – Вы источник вдохновения, мерило ценностей, учитель... всегда благодарю судьбу за то, что она дала возможность встретиться с Вами и в течение ряда лет пользоваться живым духовным общением с Вами. Это я считаю огромным счастьем» [10, с. 99]. Слова признательности старшему другу содержатся практически во всех 226 опубликованных письмах Личкова к Вернадскому. Но чем же «вдохновлял» учитель своего ученика? Как пользовался ученик «живым духовным общением» с учителем?

Воззрения Личкова «во многом созвучны» космическим идеям Вернадского

Конкретным подтверждением вышеупомянутым словам Личкова следует считать влияние научных трудов Вернадского на тематику и содержание ряда теоретических работ его друга. О таком влиянии Личков упоминает во многих письмах Вернадскому и в своих трудах. Так, в письме от 22 октября 1940 г. он пишет, что его работа «Волны жизни и ритмы развития земного шара» (осталась неопубликованной. – П. К.) «во многом созвучна» трудам старшего друга. Это «созвучие» ярко проявляется в содержании опубликованных в виде статей ряда разделов вышеназванной работы Личкова. Например, в статье «Современная геологическая эпоха и ее характерные черты» (1940) он подчеркивает сходство его представлений об эволюционных и революционных этапах развития земного шара с представлениями Вернадского о влиянии природных вод на ход основных, самых грандиозных геологических процессов. Эти представления опубликованы им в труде «История природных вод» (1933–1934, 1936). Изложение своей концепции истории геологических эпох Личков начинает с цитирования отмеченного труда Вернадского. Завершается статья выводом, что в истории Земли «были эпохи спокойного эволюционного процесса и эпохи резких революционных вспышек» [11, с. 29]. Данный вывод находится, по его убеждению, в полном соответствии с диалектикой К. Маркса.

В следующей статье «О ритме изменений земной поверхности в ходе геологического времени» (1941) Личков раскрывает волнообразный характер ритмов геологических процессов Земли, их конкретные временные интервалы: «Мы имеем право высказать предположение, что через каждые 50–70 млн лет спокойного развития нашей планеты в ее жизни наступала революционно-критическая вспышка, продолжавшаяся 5–6 млн лет. Эти вспышки знаменовали подъем волн геологической истории. Таких вспышек в так называемой исторической части истории Земли было не менее семи» [12, с. 43].

В одной из последних опубликованных книг Личкова «К основам современной теории Земли» (1965) отмеченные проблемы вновь были предметом обсуждения и получили свое законченное освещение и выражение. Так, в разделе «Геологическое время, волны жизни и изменение органического мира» подчеркивается, что волны жизни коррелируют с геологическими циклами Земли. При этом прогресс органических форм «всецело зависит от вращения нашей планеты и определяется его ходом» [13, с. 88]. Здесь же отмечается своеобразие смены эпох в развитии растительного мира. Автор книги связывает его с действием космического фактора – «увеличением яркости света и сухости климата». Эти факторы были весьма значимыми в смене растительности.

По утверждению Личкова, «то была революция, которая привела к вымиранию мезозойской флоры, главным образом саговниковых, и к расцвету покрытосеменных» растений [13, с. 94]. Космический, неземной фактор был решающим в данном явлении.

Особое вдохновение получал Личков от прочтения труда Вернадского «Биогеохимические очерки» (1922–1932, 1940). В уже упоминавшемся письме к Вернадскому он писал: «Много раз в связи со своей книгой перечитывал в разных направлениях Ваши “Биогеохимические очерки”. Очень много получил от этого» [9, с. 38]. Что же конкретно он мог получить от прочтения труда?

Личков не мог не обратить внимания на сформулированные Вернадским положения о космической детерминированности бытия живого и геохимических процессов в земной коре. Конкретно обусловленность этого бытия и процессов влияния Космоса выражалась Вернадским в следующих положениях: «Живое вещество создается и поддерживается на нашей планете энергией Солнца. Оно составляет на ней неразделимую часть земной коры – биосферы, неразрывную часть ее организованности» [14, с. 185]. Далее он отмечал, что «через живое вещество энергия Солнца постепенно передается в более глубокие части планеты, ее коры». Там оно «входит в геохимические циклы химических элементов в земной коре, играя в них огромную роль» [14, с. 185]. Оно трансформирует энергию Солнца в геохимические процессы в земной коре, и прежде всего в осуществлении миграции химических элементов в ней.

Под влиянием отмеченных положений Вернадского Личков выявил влияние живого вещества на формирование почвенного покрова Земли и его роль в определении особенностей нижележащих земных слоев. «Весь комплекс поверхностных материковых пород, – писал он, – есть производное почвенного покрова и им создан» [15, с. 178]. Суждения Вернадского о влиянии энергии Солнца на земные процессы были предметом постижения Личкова и подтверждены его исследованиями. Их научная ценность была подтверждена и видными учеными первой половины XX в. академиками Н. Г. Холодным и В. А. Обручевым. Так, Н. Г. Холодный считал исследования Личкова о «роли почв в осадкообразовании – замечательными данными» [Цит. по: 13, с. 92]. В. А. Обручев на основе отмеченных работ Личкова сделал вывод, что существует «почвенный литогенезис, который творит на Земле горные породы под почвами» [Цит. по: 13, с. 92].

Исследования Личковым влияния Солнца на геологические явления Земли были подтверждены и Вернадским. В письме Личкову от 16 августа 1941 г. он писал, что «считает вероятной причиной геологических явлений, в основе своей поверхностных, космические силы». При этом он полагал, что «самое мощное космическое явление, которое доходит до нашей планеты, – это проникающие космические лучи» [9, с. 69]. Исследованию их роли в земных процессах Вернадский придавал особое значение. В какой-то мере их воздействие на геологические процессы земной коры были предметом внимания и Личкова.

Космические факторы геотектонических процессов Земли

В наибольшей мере Личкова интересовали вопросы места и роли гидросферы в истории и современном бытии Земли, ее связей с другими космическими объектами, и прежде всего телами Солнечной системы. Данные вопросы поднимались и обсуждались им в труде «Природные воды Земли и литосфера» (1960). Труд начинается с анализа оценок суждений И. Канта о влиянии приливов и отливов морских и океанических вод

на изменение прибрежных территорий Земли и идей И. Ньютона о наличии сил тяготения (гравитации) между Землей и другими космическими телами.

Однако особое внимание Личков уделяет разбору положений Ф. Энгельса о влиянии приливов на отдельные территории земной суши. Ему импонировала идея философа об обусловленности явлений приливов действием гравитационных сил, складывающихся в системе «Земля – Луна». Энгельс писал, что кинетическая энергия, создающаяся в системе «Земля – Луна», передается «тому или иному участку земной поверхности» [16, с. 427]. Особенно чувствительной к такой энергии является гидросфера Земли. Происходящие в ней приливы и отливы обусловлены силами тяготения, складывающимися в отмеченной системе.

Исследованиями Личкова было выявлено, что приливы порождают тектонические процессы в недрах Земли. «Именно природные земные воды, – писал он, – представляют собой в ходе взаимодействия на тело планеты подвижных ее оболочек важнейший фактор изменения тектонических структур» [17, с. 152]. Следствием такого изменения являются горообразовательные процессы. Природные воды Земли дают, по его убеждению, «ключ к пониманию и разгадке геотектогенеза» [17, с. 152] в глубинных слоях Земли. Они являются и «важнейшим фактором изменения структур нашей планеты» [17, с. 153].

В уже упоминавшейся работе [13], которая является прямым продолжением труда «Природные воды Земли и литосфера», проводится дальнейшее обоснование роли космических факторов в порождении геотектонических процессов Земли. К таким факторам Личков относит и Солнце. Он утверждает, что приливные процессы в гидросфере обуславливаются не только Луной, но и Солнцем. В свою очередь, «приливные воздействия гидросферы создают напряжение в литосфере и приводят к образованию гор» [13, с. 63]. При этом он считал, что солнечно-лунное влияние на тектонические процессы Земли является «определяющим» фактором. Но это влияние осуществляется через ее гидросферу. Вот почему «природные воды планеты вместе с ее атмосферой являются в гравитационном процессе главным фактором создания и переделки структур планеты и изменения ее формы» [13, с. 77–78].

Под воздействием отмеченных факторов происходит и «закономерное преобразование растительности и животного мира» [13, с. 92]. Особенности такого «преобразования» раскрываются Личковым в заключительном разделе рассматриваемого здесь труда. Автор допускал мысль о возможном влиянии на тектонические процессы Земли и «галактических явлений». Но дать утвердительный ответ на наличие такого влияния он не мог, т. к. в то время было «мало данных» о нем. Вот почему он писал, что «надо поставить перед наукой задачу активного изучения данного вопроса» [13, с. 74]. Следует сказать, что и в наши дни «данный вопрос» не стал предметом «активного изучения» представителями естествознания.

При жизни Личкова его исследования влияния космических факторов на гидросферу Земли и тектонические процессы в ней были высоко оценены Вернадским. На многих страницах его «книги жизни» «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) цитируются результаты исследований Личкова. Вернадский считал, что Личков «делал правильный вывод» о космической обусловленности приливов и отливов на нашей планете и их влияние на ее структурные оболочки [18, с. 113].

На других страницах вышеназванного труда Вернадский подчеркивал «геологическое значение» влияния Луны и Солнца на гидросферу и атмосферу Земли. При этом он отмечал, что такое влияние «еще далеко не учитывается» [18, с. 37] естествоиспытателями.

телями. Поставленную Вернадским задачу в наибольшей мере решил Личков. Именно он выявил роль космических факторов в порождении геологических процессов Земли. Последовательное обоснование Личковым космической обусловленности земных процессов привело его ко включению в систему своих воззрений и идею ноосферы.

«Господство ноосферы на Земле» возможно только в условиях, когда «общество пойдет по пути разума»

Б. Л. Личков, видимо, был и первым ученым, кто ознакомился с идеей ноосферы, которую развивал Вернадский. В его письмах к Личкову от 4 января, 7 сентября и 15 ноября 1936 г. подчеркивалась уверенность в неизбежности перехода биосферы в ноосферу. Так, в последнем из указанных писем он писал: «Ввожу новое понятие “ноосфера”, которое предложил Леруа в 1929 году и которое позволяет ввести исторический процесс человечества как продолжение биогеохимической истории живого вещества» [10, с. 185]. В последующих письмах к другу Вернадский вновь и вновь выражал оптимистическую уверенность в неизбежности становления ноосферы и ее «созвучность основным выводам К. Маркса» [9, с. 40]. Причем ноосферу он называл «состоянием наших дней».

Суждения Вернадского о ноосфере принимались и разделялись Личковым. В письме Вернадскому от 27 февраля 1940 г. он отмечал: «Очень хочется свои выводы о современной эпохе сопоставить с Вашей ноосферой и выводами Дэна о цефализации» [9, с. 16]. О таком желании он писал Вернадскому и в других письмах. Особый интерес представляет его письмо от 15 января 1943 г., в котором выражается и определенное несогласие с мыслями Вернадского о ноосфере: «Много думал о Вашей ноосфере, которой я много занимаюсь, и кое в чем я Вас не могу понять. Именно не могу понять, почему Вы так уверены в ее победе. Мне это дело представляется так» [9, с. 123]. Далее он излагает свою точку зрения по обсуждаемому вопросу.

Б. Л. Личков считал, что ноосфера еще только зарождается и находится на очень ранней ступени развития. Причем данный процесс пока тормозится наличием «неразумного» в обществе и его «преобладанием» в нем. В полной мере становление ноосферы будет осуществляться только тогда, когда «человеческая история будет исправляться силами разума непосредственно и ход ее будет определяться разумными факторами, а не непосредственно грубой силой, чисто физической, на основе стихийно неразумных низших сторон природы человека» [9, с. 123]. Вот почему первостепенное значение придавалось им человеку и обществу, формированию у них разума, преобладанию «сил разума над низшими инстинктами». По его убеждению, «господство на земле ноосферы» осуществится только в условиях, когда «человеческое общество спокойно и мирно пойдет по пути разума» [9, с. 124].

Отмеченные суждения более обстоятельно были рассмотрены Личковым в работе «Прогресс человеческой жизни, будущее человечества и ноосфера», которая осталась неопубликованной в связи со смертью автора. Но с ее содержанием при жизни автора был ознакомлен Р. К. Баландин. В работе [2] Баландин освещает некоторые ее положения. По его убеждению, работа Личкова интересна «необычайной широтой охвата проблем. Уже одно это само по себе интересно и поучительно» [2, с. 121].

Среди многих проблем, затронутых в работе Личкова, особое место занимала и проблема ноосферы. Как же ее понимал автор работы? Он, как и Вернадский, считал реальным явлением переход биосферы в ноосферу, который будет осуществляться благодаря деятельности человеческого разума. С разумной деятельностью человека он

связывал победу над энтропией (хаосом, беспорядком) биосферы: «Если биологические явления, и в том числе биологические существа, временно преодолевающие энтропию, самое большое будут обладать долговечностью, то живые существа из ноосферы могут претендовать на вечность существования, и, следовательно, здесь энтропия будет преодолена полностью» [Цит. по: 2; с. 118]. Подобная ноосфера не может стать реальностью, т. к. энтропия не может «полностью преодолеваться». Вот почему переход биосферы к «неэнтропийной» ноосфере следует считать нереальным процессом.

«Поучительными» для нас следует считать суждения Личкова о том, что переход биосферы в ноосферу связан с формированием у людей нравственного отношения к природе, утверждением мира между народами Земли и другими предпосылками, что роднит их с идеями Вернадского и других русских космистов.

О месте идей Личкова в системе русского космизма

Среди таких «других» следует отметить видного украинского биолога, академика АН УССР Н. Г. Холодного (1882–1953). Он являлся автором антропокосмической идеи в русском космизме, другом и соратником Вернадского. Содержание отмеченной идеи раскрывалось автором настоящей статьи в работе [19, с. 136–138] и других трудах.

Дружеские отношения между Холодным и Личковым сложились еще в период их обучения и последующей работы в Киевском университете. Они высоко ценили и научные достижения друг друга. Так, Холодный в письме к Вернадскому писал: «Б. Л. Личкова я знаю давно (еще со студенческой скамьи) и очень ценю как выдающегося ученого с большой способностью к широким обобщениям... в науке для него главный смысл жизни. Таких людей мало и их надо ценить» [Цит. по: 2, с. 129]. Столь же высоко ценил и Личков научные работы Холодного. Свидетельством сказанному может быть содержание его писем Вернадскому (от 18 июля 1944 г. и 26 августа 1944 г.). В них отмечается, что работы Холодного «приводят его в восторг», а некоторые работы автора письма «созвучны» трудам Холодного [9, с. 198, 201].

Такое «созвучие» проявилось прежде всего в совпадении понимания смысла понятия «космического чувства». У Холодного оно выражало любовь человека к природе, «эстетическое и интеллектуальное восприятие космоса», «чувство единения со всем человечеством как важнейшими носителями космической жизни на нашей планете» [20, с. 196, 198].

Сходные суждения высказывал и Личков. В работе «Прогресс человеческой жизни, будущее человечества и ноосфера» он «не ограничился общими рассуждениями о геологической деятельности людей, о биосфере и ноосфере. Он вышел за пределы естествознания, заговорив о нравственности, войне и мире, моральных ценностях» [2, с. 121]. Им поднимался вопрос о важности создания особой области знания – экологической этики, формирования у людей экологической нравственности [2, с. 124, 134]. С этими факторами он связывал становление нового отношения людей к природе и космического чувства у них.

Научное творчество Личкова было «созвучно» и многим идеям и положениям ученика и последователя Вернадского, видного геолога и минералога, космиста, академика АН СССР А. Е. Ферсмана (1883–1945). В письмах Личкова к Вернадскому и в его научных трудах содержатся многократные упоминания Ферсмана, оценка ряда его научных статей и положений. Личков ценил и ту поддержку, которую оказывал ему именитый академик Ферсман в трудные периоды его жизни. В трудах Ферсмана внимание Личкова привлекали не только «чисто геологические» положения, но и поста-

новка и обсуждение проблем этического и эстетического отношения людей к природе как сторон космического чувства. Не мог он оставить без внимания и раскрытие Ферсманом обусловленности космическими факторами красоты камней, минералов и других объектов природы.

Неудивительным становится и то, что Личков «извлек много поучительного» в философии и поэзии В. С. Соловьева [9, с. 87], у которого, как известно, вопросы «одухотворения и возвышения» природы трудом человека занимали важное место в творчестве. В целом вопросы соразмерности человека и природы в нравственных воззрениях русских космистов были стержневыми. Свое конкретное освещение они получили в одной из книг автора [19, с. 123–147]. Данной традиции следовал и Личков.

Роднило Личкова с другими космистами, особенно естественно-научного течения, внимание к материалистической философии. Вернадский называл своего друга «неисправимым философом» [9, с. 38]. С такой характеристикой соглашался и сам Личков. Принципиальной стороной его космической идеи было и то, что она формулировалась на основе учета положений материалистической диалектики. Именно ее принцип всеобщей связи и развития явился философским основанием этой идеи.

Весьма однозначно говорил о значимости этой философии для становления своей космической идеи и Холодный: «Антропокосмизм как миропонимание, опирающиеся на новейшие достижения естествознания, не может быть отделен от диалектического материализма» [20, с. 195].

Заклучение

Можно и далее приводить примеры сходства космических идей Личкова и идей других представителей русского космизма. Но и все отмеченное позволяет сделать вывод, что он занимает достойное место в системе русского космизма, его естественно-научной ветви. Восприняв идеи Вернадского и других представителей русского космизма о космической обусловленности многих явлений на планете Земля, Личков внес вклад в раскрытие роли гидросферы Земли во взаимосвязи ее с другими космическими телами (Луна, Солнце) и их значимости в порождении тектонических процессов в литосфере Земли и ее более глубоких оболочек. Этим самым он «расширял» предметную область исследований в русском космизме и подтверждал его значимость для научного знания и совершенствования практики отношения людей к природе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрарева, М. С. Предисловие / М. С. Бастрарева, В. С. Неаполитанская // Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым (1940–1944). – М. : Наука, 1980. – С. 3–8.
2. Баландин, Р. К. Борис Леонидович Личков / Р. К. Баландин. – М. : Наука, 1983. – 157 с.
3. Личков, Б. Л. Границы познания в естественных науках / Б. Л. Личков. – Киев : Книгоизд-во И. И. Самоленко, 1914. – 259 с.
4. Карако, П. С. Философия природы: прошлое, настоящее, будущее / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2016. – 251 с.
5. Личков, Б. Л. Эволюционная идея и историческое знание / Б. Л. Личков. – Киев, 1921. – С. 106–142.
6. Личков, Б. Л. Происхождение и развитие жизни / Б. Л. Личков. – Киев : Гос. изд-во Украины, 1923. – 108 с.

7. Ашнин, Ф. Д. «Российская национальная партия» – зловещая выдумка советских чекистов / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов // Вестн. РАН. – 1994. – № 10. – С. 920–930.
8. Вернадский, В. И. Из писем разных лет / В. И. Вернадский // Вестн. АН СССР. – 1990. – № 5. – С. 77–125.
9. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым (1940–1944). – М. : Наука, 1980. – С. 9–224.
10. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым (1918–1939). – М. : Наука, 1979. – С. 13–270.
11. Личков, Б. Л. Современная геологическая эпоха и ее характерные черты / Б. Л. Личков // Природа. – 1940. – № 9. – С. 16–29.
12. Личков, Б. Л. О ритме изменений земной поверхности в ходе геологического времени / Б. Л. Личков // Природа. – 1941. – № 4. – С. 28–43.
13. Личков, Б. Л. К основам современной теории Земли / Б. Л. Личков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 120 с.
14. Вернадский, В. И. Биохимические очерки / В. И. Вернадский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 250 с.
15. Личков, Б. Л. Геологические периоды и эволюция живого вещества / Б. Л. Личков // Журн. общ. биологии. – 1945. – № 3. – С. 157–182.
16. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Изд-во полит. лит., 1955–1974. – Т. 20. – 1961. – С. 339–626.
17. Личков, Б. Л. Природные воды Земли и литосфера / Б. Л. Личков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 164 с.
18. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
19. Карako, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карako. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
20. Холодный, Н. Г. Избранные труды / Н. Г. Холодный. – Киев : Наук. думка, 1982. – 444 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2019

Karako P. S. Cosmic Views of B. L. Lichkov and their Place in the System of Russian Cosmism

The article reveals the involvement of philosophy and eminent geologist B. L. Lichkov in Russian cosmism. Particular attention is paid to identifying specific cosmic ideas that are associated with the substantiation of the role of cosmic bodies on planet Earth. The influence of cosmic ideas of V. I. Vernadsky on the formation and expression of Lichkov's cosmism is emphasized. Moreover the connections and relations of Lichkov with other representatives of Russian cosmism are revealed.

УДК 316.46+323.2

А. И. Лысюк

д-р полит. наук (Украина), канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ailysiuk@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Анализируются основные характеристики, логика и этапы партийного строительства в постсоветской Украине. Изучается роль партий в политической системе и процессе принятия политических решений. Исследуется их взаимосвязь с государственными институтами, олигархическими кланами и структурами гражданского общества. Определяются институциональные и политико-культурные рамки их функционирования. Специальному анализу подвергаются отличительные черты партийной системы страны, а также патологии, свойственные политическим партиям.

Введение

Переход постсоветской Украины в стадию демократических преобразований закономерным образом детерминировал становление партийной системы, поскольку именно партии при всем их несовершенстве являются основным орудием канализации общественных интересов, ключевым источником формирования органов государственной власти. Как справедливо отмечает украинский политолог Л. Гонюкова, «преждевременно говорить о деградации партий как политического института хотя бы потому, что человечество не придумало им замены. Отсутствует институт, который мог бы успешнее, нежели политические партии, справиться с передачей власти, политической мобилизацией масс, легитимизацией существующих режимов. Партии остаются процедурным механизмом, посредством которого обеспечивается функционирование представительной демократии» [1, с. 18].

Политическая практика свидетельствует, что современные политические партии в Украине по причине ряда объективных и субъективных обстоятельств не в состоянии в полной мере выполнять свои основные функции, в особенности такие, как контроль за формированием правительства и его деятельностью, определение стратегии развития государства, достижение консенсуса между различными властными институтами и группами интересов. В их рядах пребывает много честолюбцев, любителей наживы, морально уязвимых и просто некомпетентных людей, что снижает политический авторитет партий. Как следствие этого, значительная часть граждан Украины не воспринимает их в качестве важного политического инструмента удовлетворения своих прав и интересов. Становление и развитие партийной системы в стране проходило и проходит противоречиво, а временами и драматично. Анализ логики и содержательных характеристик этого процесса является целью данной статьи.

Основные этапы развития политических партий Украины

Формирование многопартийности в Украине началось в 1990 г. благодаря отмене статей 6 и 7 Конституции СССР. Реальное оформление партийного плюрализма большинство исследователей связывают с созданием Народного Руха Украины (НРУ), учредительный съезд которого состоялся 8–10 сентября 1989 г.

К 1 января 1992 г. в Украине официальный статус приобрели 11 партий. В последующем процесс их количественного роста интенсивно продолжался. На начало 1998 г.

в стране насчитывалось 52 политические партии, на 22 июня 2002 г. были зарегистрированы уже 123 партии, на 1 апреля 2014 г. – 200 партий, на 1 января 2018 г. – 354 партии. При этом количество партий, функционирующих формально, достигает до 25 % от всех действующих [2]. Постсоветская Украина прошла, таким образом, путь от однопартийности до гипертрофированной многопартийности.

Членами политических партий Украины являются приблизительно 1,5–2,0 млн человек (4–5 % взрослого населения страны). Что касается определения реальной численности конкретных политических партий, то наиболее многочисленные из них насчитывают около 100–200 тыс. человек.

Существуют различные подходы к выделению *этапов* становления и развития политических партий в Украине.

Украинский исследователь Ю. Остапец предлагает для периодизации этого процесса использовать методологию Дж. Сартори, указывающего на три основополагающих этапа в формировании партийных систем в посткоммунистических странах: поляризация, фрагментация и плюрализм (умеренный) [3, с. 170].

Начальный период с присущим ему партийно-политическим романтизмом – *поляризация* – связан с созданием первых некоммунистических политических партий на базе альтернативных неформальных общественно-политических организаций и диссидентского движения периода перестройки. Этому процессу сопутствовали три взаимопересекающихся тренда: а) демократизация и постепенное реформирование коммунистической партии (КПУ); б) формирование «зонтичной организации» в лице Народного Руха Украины; в) «интенсивное заполнения политического пространства партиями, которые провозгласили себя носителями традиционных западных политических идеологий – социалистической, либеральной, консервативной, христианско-демократической и др.» [4, с. 22]. Это партии «брендового» типа.

Для периода *фрагментации* характерен распад политических партий (коснулся как НРУ и КПУ, так и «брендовых» партий). Кроме этого, проявляется тенденция создания партий административным путем (государственными элитами), а также появление партий как «политических проектов», инициируемых и спонсируемых крупными и средними финансово-промышленными группами и отдельными персонами для реализации собственных властных и экономических интересов. В результате существует значительное число небольших партий, обладающих минимальным политическим весом. По словам политолога Ю. Шведа, «в рамках созданной атомизированной (мультипартийной) системы существовало множество маловлиятельных партий и правительство формировалось на внепартийной основе. Центральное место заняла так называемая партия власти, в состав которой входил прагматично ориентированный внеидеологизированный высший круг государственной номенклатуры». Что касается партий, представленных в парламенте, то у них отсутствовали «эффективные инструменты влияния на принятие политических решений», что «препятствовало их превращению в авторитетных и ответственных акторов политической сцены» [5, с. 51].

На стадии *плюрализма* (умеренного) формируется относительно стабильная партийная система. Происходит консолидация оппозиционных партий, создание *партийных концернов* и вытеснение в маргине парламентскими политическими партиями и блоками других партий.

Однако Украина отходит от классической схемы партогенеза и создает собственный формат партийного строительства, которому присущи следующие черты.

Во-первых, подавляющее число партий не вписывается в классическую европейскую схему по своим политико-идеологическим ориентациям. Поэтому, к примеру, Партию Регионов некоторые исследователи относят к правоцентристскому крылу, а другие – к левоцентристскому.

Во-вторых, происходит интенсивная олигархизация партий, вызванная тем, что в Украине наблюдается критический уровень олигархизации экономики и системы государственной власти. В этих условиях в рамках клиент-патронажных отношений партии выступают агентами различных корпоративных групп с эгоистическими и меркантильными интересами. Как отмечает, к примеру, М. Кырчанив, «Партия Регионов не является партией в классическом смысле слова. Она не опирается на ясную политическую идеологию, но обладает четко выраженными экономическими и корпоративными интересами», связанными «с сохранением полученных ранее экономических преимуществ и укреплением связей с бюрократическими структурами других постсоветских государств» [6, с. 35]. Практически за всеми украинскими парламентскими партиями скрывается та или иная олигархическая группа, что создает опасность подмены в реальной политике общенародных и общенациональных интересов интересами крупных частных корпораций.

В-третьих, создаются картельные партии как политические проекты, часто ситуативные и недолговременные, обладающие неопределенной идеологической доктриной и устойчиво не связанные с интересами конкретных социальных групп. Эти партии сфокусированы скорее на театрализованной стороне политики, на демократии «зрительского зала». Различия между ними в целях и стилистике являются минимальными, что способствует их ситуативной интеграции и кооперированию.

В-четвертых, очевидна и радикальная персонификация многих партий, т. е. их объединение вокруг известных политических деятелей, с которыми рядовые члены связаны отношениями личной лояльности и преданности. Многие избиратели предпочитают голосовать не за политические программы, а за персоны, которым они доверяют. Украинский политолог П. Молочко отмечает: «Политические партии, а вместе с ними и парламентские выборы в Украине, являются чрезмерно персонифицированными. Отдавая голос за ту или иную политическую силу, большинство избирателей голосуют не собственно за партию и ее программу, а за лидера, который ее возглавляет. Свидетельством этого является существование таких именных блоков, как “Блок Юлии Тимошенко” и “Блок Литвина”... И Партия Регионов, и блок “Наша Украина – Народная самооборона” основную ставку во время избирательной кампании делали на своих лидеров – В. Януковича и В. Ющенко» [7, с. 464]. К примеру, на политический рейтинг блока «Наша Украина» существенным образом повлияли позитивный имидж работы В. Ющенко на посту премьер-министра, его личная харизма, то, что он выбрал «народный» стиль ведения выборной кампании, приезжая на встречи с избирателями без водителя и охраны, используя в качестве коммуникативных площадок клубы, концерты, дискотеки, пивные бары и т. п. По подсчетам М. Кармазиной, в течение 2010–2017 гг. была создана 21 именная партии, а на начало 2018 г. в Украине функционировали 16 персонифицированных партий [8]. В своей радикальной форме этот тренд проявился в создании партии «Слуга народа» В. Зеленского.

Более того, по причине бездействия государственных юридических органов некоторые персоны являются собственниками нескольких партий. Например, в 2017 г. под непосредственным контролем народного депутата Д. Голубова находилось пять партий: «Интернет-партия Украины», «Пиратская Партия Украины», «Одесская Партия

Дмитрия Голубова», «Молодежь – к власти!», Партия «Народный Контроль». В силу приватизации партий не стоит удивляться тому, что, как подчеркивает М. Кармазина, «несмотря на то, что де-юре покупка/продажа политсилы невозможна, “в реальной жизни”... политические партии все же и продаются, и покупаются» [2].

Демократический транзит и формирование партийной системы

Формирование украинской многопартийности было обусловлено особенностями трансформационного процесса («третьей волны» демократизации) в стране и в целом соответствовало его логике. Парадигма транзита исходила из принципиальной важности многопартийности как своеобразного эквивалента демократии.

В Украине в силу различных причин образовался большой разрыв между введением демократических процедур и консолидацией демократии, а в ряде случаев произошел процесс ее свертывания. Транзитология рассматривает демократизацию как разновекторный процесс, который предполагает различные, иногда и пессимистические сценарии развития, поскольку постсоциалистическое общество содержит в себе негативные черты, которые достались от тоталитарного прошлого. Украинский исследователь В. Бурдяк констатирует, что «наряду с вектором демократизации мы получили все же “на выходе” своего рода гибридный, смешанный режим. Во многом он близок классическому транзитологическому понятию “демократуры”, т. е. режиму, который ограничивает массовое политическое участие, но при этом предполагает конкуренцию и торг влиятельных групп нынешней плутократии, происходящий “под ковром”» [9, с. 202]. Реформы в стране не были подкреплены четким представлением о том, что процесс деинституционализации старых государственных институтов должен сопровождаться своевременной легитимацией новых. Гибридность процесса демократизации часто приводит к тому, что он может характеризоваться застоєм, коррупцией и доминированием эгоистически настроенных элит, включая и партийную.

Многие из переходных стран, в том числе и Украина, после первоначального «прорыва» вступили в так называемую «серую зону», в которой при наличии формальных признаков демократизации политической жизни, регулярных выборов и оппозиционных партий наблюдается, тем не менее, политическая стагнация. Все это приводит к сомнительной легитимности выборов, слабому представительству во властных структурах интересов граждан, низкому уровню их политического участия, отсутствию доверия общественности к государственным институтам, включая и политические партии. Победившие на выборах партии могут превращаться в агентов дедемократизации, ориентированных на ограничение внутрипартийной демократии и блокирование свободной конкуренции. Все это стимулирует авторитарное начало в политических партиях, проявляющееся в вождизме, склонности партийных лидеров к популизму. Очевидно, что, к примеру, «Блок Юлии Тимошенко» находится под полным контролем Ю. Тимошенко, партия «УДАР» (Украинский демократический альянс за реформы) – В. Кличко, партия «Слуга народа» – президента В. Зеленского и т. д.

Определенную вину за это несут и украинские избиратели, демонстрируя отчужденность от политической системы и неумение использовать партии в качестве инструмента реализации собственных интересов. М. Кармазина отмечает: «Мы снова и снова голосуем не за дела, а лишь за обещания. Мы – потребители самых невероятных политических обещаний-побасенок, любители патриотических лозунгов, сплетен и мифов, “политической гречки”... Мы легко доверяем и безответственно голосуем» [10].

При всех патологиях политических партий в случае наличия общенационального кризиса именно партийные проекты являются ключевым средством канализации гражданской активности и их лидеры на протестной волне выносятся к властным вершинам (В. Ющенко, П. Порошенко, Ю. Тимошенко, А. Садовый и др.).

Те же западные политологи, предлагающие определять Украину как гибридное государство с авторитарным режимом, ошибаются, поскольку подобный режим предполагает наличие политической партии, которая на протяжении длительного времени выступала бы в качестве «партии власти», что отсутствует в постсоветской Украине, где наблюдается циркуляция партий у руля государства, да и сами правящие партии, как правило, властвуют не самостоятельно, а посредством создания политических блоков с другими «политсилами».

Институциональные основания партийного строительства

Важными факторами, определяющими партийное строительство и последующую эволюцию партийной системы в Украине, являются форма государственного правления и избирательная система.

Основы существующей политической системы по своим базовым характеристикам были сформированы в эпоху Л. Кравчука и Л. Кучмы и впоследствии воспроизводились, за исключением стилистических особенностей, В. Ющенко, В. Януковичем, Ю. Тимошенко. Речь идет о создании полупрезидентской республики, которая просуществовала в Украине до 1 января 2006 г. В ее рамках процесс принятия политических решений в правительственной сфере и в местных администрациях, формирование государственного аппарата и его циркуляция осуществлялись не через парламентские фракции, в которых была заметна роль политических партий, а на президентском уровне, включая и феномен кулуарного (теневого) влияния на главу государства. Ограничению влияния партий способствовало и то, что первые президенты (Л. Кравчук и Л. Кучма) являлись внепартийными политиками. Все это обусловило низкий социально-политический престиж политических партий в обществе и их пребывание на периферии политического влияния.

Утвердившийся в Украине феномен *кучмизма* применительно к партийным практикам выступал в следующих формах.

1. Сохранение партноменклатурного «остова» власти, который «начал «притягивать» к себе разнообразный «человеческий материал»: коммунистов – «суверен-» и... «ортодоксальных», которые после запрета Компартии Украины как составной части КПСС возродились в социалистической ипостаси, национал-демократов, вчерашних активистов-комсомольцев, соблазняя их возможностью участия во власти» [11, с. 148].

2. Функционирование на фоне многопартийности т. н. «партии власти», которую составляли либо конкретная партия, либо, чаще всего, несколько партий или блоков (например, «За единую Украину»).

3. Структурная нестабильность «партии власти», постоянная изменчивость ее «партийного ядра», переходящая от одной политической силы к другой.

4. Манипуляции общественным мнением под популистскими лозунгами.

5. Сращивание власти, бизнеса и криминала, постоянное расширение сферы теневой политики, что не столько ограничивало властные возможности партий, сколько деформировало их политическую миссию. Так, в 1992 г. возникла Партия экономического возрождения Крыма, напрямую связанная с преступным миром. Христианско-либеральную партию Крыма именовали замаскированным «преступным кланом»

и «партией расстрелянных», поскольку большинство ее членов погибли в течение короткого времени, так и не согласовав свои интересы с интересами других преступных группировок полуострова.

6. Формирование системы олигархического корпоративизма, в рамках которого правящий класс, клановые политико-экономические группировки стремятся преумножить собственные материальные блага через каналы политической ренты, превращая государство в свою «пленницу». Такая политическая конструкция позволила, к примеру, Партии Регионов, победившей на парламентских выборах 2012 г., буквально «пронизать» государственный аппарат выходцами из Донбасса.

7. Произошло конструирование структуры парламента не изнутри (партиями), а извне (президентской администрацией и олигархическими группировками) при наличии систематического на него давления.

8. Мажоритарный характер выборов создавал естественные барьеры на пути эффективного партийного строительства. Учреждение же в последующем мажоритарно-пропорциональной избирательной системы детерминировало серьезные изменения рамочных условий деятельности партий. Поскольку размер одномандатных округов увеличился вдвое, то на победу могли рассчитывать лишь те кандидаты, которые имели в своем распоряжении значительный административный и финансовый ресурс.

Следует отметить, что уже в эпоху Л. Кучмы в Украине начались дискуссии об изменении роли политических партий. Так, в его обращении к украинскому народу в связи с 11-й годовщиной независимости Украины 24 августа 2002 г. отмечалось: «Украина формировалась как президентско-парламентская республика со всеми достоинствами и недостатками этой системы... Для дальнейшего развития стране требуется переход к другой политической системе – парламентско-президентской республике... С введением этой модели усилится роль партий и структур гражданского общества... Одним из шагов в направлении политических реформ должна стать реформа избирательного законодательства, призванная соответствовать потребностям парламентско-президентской системы. Другими словами, нам необходима пропорциональная избирательная система, но европейского образца» [12].

В 2004 г. в Конституцию Украины были внесены поправки, и согласно новой редакции закона «О выборах народных депутатов Украины» была введена пропорциональная избирательная система при выборах депутатов Верховной Рады. Парламентские выборы 2006 г. впервые уже проходили по этой системе с 3 %-м избирательным барьером, что способствовало укреплению политических партий, поскольку именно парламент Украины, коалиция парламентского большинства стали оказывать решающее воздействие на формирование Кабинета Министров и кандидатуру премьер-министра. В этой ситуации проблемой для партий является уже не ограниченность властных ресурсов, а отсутствие стабильного и эффективного парламентского большинства.

Важным фактором развития партийной системы Украины является также зарождение института политической (парламентской) оппозиции, которая выполняет функции контролера за правящей коалицией большинства. Правящие партии вынуждены принимать во внимание требования оппозиции, поскольку последняя формирует свой политический капитал в том числе на критике их ошибок и просчетов.

Политико-культурный компонент формирования и функционирования политических партий

Политико-культурные составляющие партийного процесса в Украине выступают в нескольких формах. В первую очередь отметим уровень доверия к политическим партиям. Оно достаточно противоречивое и неоднозначное. Как отмечает Л. Гонюкова, «с одной стороны, господствует полное недоверие. Сегодня партиям не доверяют 68,3 % граждан Украины, доверяют – 6,6 %». Но, с другой стороны, «отвечая на вопрос: “Существуют ли среди действующих в настоящее время в Украине политических партий и движений такие, каким можно доверить власть?”, утвердительный ответ дают 21 %, негативный – 45,1 % и не определились – 33,5 % граждан» [2, с. 3]. Можно выделить и третью позицию: время от времени отдельные партии завоевывают высокий авторитет у избирателей, что помогает им утвердиться в системе государственной власти. Однако доверие к ним у общественности исчезает в течение нескольких месяцев.

Объясняется это тем, что значительная часть граждан Украины, как свидетельствуют социологические исследования, готовы поддерживать демократию формально, внешне, но не на уровне политических установок и моделей поведения. При этих обстоятельствах не вызывает удивления тот социологический факт, что около половины респондентов не видели никакой разницы между существующими партиями, а большинство из них считали, что партийным лидерам нельзя доверять, поскольку они склонны к манипуляции общественным мнением ради собственной выгоды.

Одновременно социологами фиксируется рост политической активности граждан и наличие в Украине пассионарного политического меньшинства. Это обусловлено тем, что, как подчеркивает М. Рабчук, в стране за последнее десятилетие произошел сдвиг «от ценностей выживания к ценностям самореализации... Это движение связано с процессом модернизации, со сравнительной открытостью общества, с появлением среднего класса, которого не удовлетворяет закостенелая, коррумпированная и неэффективная квазифеодальная система, которая не может гарантировать активным гражданам справедливые условия для самореализации... В определенной степени украинское общество становится “обществом знаний”, вырастают новые поколения, которые воспринимают выживание как нечто само собой разумеющееся, поэтому неизбежно все громче будут звучать требования участия в принятии решений в экономической и политической жизни страны» [13, с. 11, 15].

Этому процессу благоприятствовали также относительная открытость страны, проникновение в нее западных демократических ценностей, отсутствие политического террора и преследования инакомыслия, не совсем справедливая, но все-таки политическая конкуренция и плюрализм. Политическая активность, перерастающая в революцию, обычно приводит к радикальному переформатированию политического пространства, что, в свою очередь, существенно изменяет и партийный дизайн. Так, Революция Достоинства способствовала как укреплению позиций проевропейских партий, так и политическому «низложению» пророссийских политических структур.

Происходит также утверждение ценностей постмодерна, характерными чертами которого являются фрагментарность, хаотичность и мозаичность способа жизни, борьба с традиционными ценностями, восприятие реальности как виртуальной, абсурдность мышления, постправда, кризис социальной и национальной идентификации.

П. Молочко констатирует, что в сформированном этими феноменами «текущем обществе» (З. Бауман) с размытыми социальными и политическими идентичностями возникают «не динамические идеи – конкретные проекты развития того или иного

сообщества. Партии со стабильной организацией с массовым членством превращаются в интерактивный PR-проект, который создается, продвигается и переформатируется зависимо от конъюнктуры политического рынка» [14, с. 284].

Следует обратить внимание и на ценностные расколы в стране, в особенности в региональном субкультурном измерении. Известные украинские аналитики настаивают на том, что «пришло время избавиться от пропагандистских стереотипов и переосмыслить разделы в Украине как прежде всего идеологические, а не национальные либо региональные» и что в стране существуют две политические нации с разными векторами развития и ценностями – советская и антисоветская, евразийская и европейская, нация подданных, которые нуждаются в патернализме, и нация свободных граждан» [13, с. 18]. По убеждению Р. Мартынюка, деление на политические нации имеет все же четко выраженный региональный характер и непосредственно связано с региональными субкультурами: «Правобережная Украина тяготеет к западноевропейской цивилизации с акцентом на институты частной собственности, права личности, индивидуализм. Система ценностей Левобережной Украины демонстрирует восточные коллективистские начала и не высказывает высокого интереса к интеграции в общеевропейское социокультурное пространство... Специфическая субкультура присуща жителям Донбасса... где большинство работников идентифицирует себя со своим предприятием и местным населением» [16, с. 181].

Другие политологи указывают на существование в Украине по меньшей мере трех политических наций: «1) украинцы как члены украинской политической нации; 2) россияне, идентифицирующие себя с Россией; 3) “малороссы” (“хохлы”), которые пребывают в состоянии “тутэйших” (“одесситы”, “донбассцы” и др.)» [15, с. 89]. По этой причине, как отмечает О. Осипян, «если в предвыборной кампании В. Янукович позиционировал себя как защитника интересов всей Украины, то в Донбассе эта кампания существенно отличалась от общеукраинской. В ее основу был положен тезис про донбасский характер, про “донбасскую мечту” и “историческую миссию Донбасса”, противопоставляя его В. Ющенко, который якобы называет Донбасс третьесортным, а его жителей “холуями” и “быдлом”, и, если он станет президентом, то донбассцы окажутся в резервации» [17, с. 28].

На уровне партийной жизни это приводит к тому, что, во-первых, каждая политическая нация обладает собственной креатурой в лице политических партий. Например, «Блок Порошенко» – это безусловный «европейский выбор». Во-вторых, возникает широкая сеть политических партий, привязанных к региональным проблемам и субкультурам, включая и партии этнических меньшинств: «Народная партия Крыма», «Украинская Морская партия» (Одесса), «Партия венгров Украины», партия «Родной город» (Житомир) и др. В-третьих, в силу того что в современном украинском обществе отсутствует консенсусная политическая культура и, как следствие этого, доминируют конфликтные политические культуры, то политические партии традиционно находятся в жестком противоборстве, что выразилось не только в феноменах Майдана и Анти-майдана, но и в возникновении военного конфликта на востоке и юго-востоке страны.

Заключение

Очевидно, таким образом, что в постсоветской Украине интенсивно идущие процессы демократизации способствовали переходу от однопартийности к гипертрофированной многопартийности, включая в себя три этапа: поляризации, фрагментации и умеренного плюрализма.

Особенности трансформационных процессов в сфере политических институтов, умноженные на политико-культурные характеристики основных акторов политического процесса, привели в ряду специфических черт в области партийного строительства, главными из которых являются следующие:

- 1) чрезмерная идеологическая эклектика партий;
- 2) создание партийных концернов как результат олигархизации партий;
- 3) формирование партий как политических проектов;
- 4) регионализация партий;
- 5) радикальная персонификация большинства партий и партийный вождизм;
- 6) неумение большинства граждан Украины использовать партии в качестве инструмента реализации собственных интересов;
- 7) преобладание кучмизма в партийных практиках;
- 8) низкий уровень доверия к политическим партиям и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гонюкова, Л. Політичні партії України: сучасність та перспективи розвитку / Л. Гонюкова // Аналіт. зап. – 2014. – Травень. – С. 3–18.
2. Кармазина, М. «Играющий человек»: политические партии в Украине [Электронный ресурс] / М. Кармазина. – Режим доступа: https://zn.ua/internal/igrayuschiy-chelovek-politicheskie-partii-v-ukraine-279795_.html. – Дата доступа: 31.03.2018.
3. Остапець, Ю. Методологічні засади дослідження еволюції партійних систем у перехідних суспільствах / Ю. Остапець // Політологічні та соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Букрек, 2012. – Т. XI : Теорія та історія політичної науки: світовий та національний досвід. – С. 167–178.
4. Якименко, В. Громадянське суспільство в Україні: основні характеристики / В. Якименко // Україна: гражданское общество в контексте европейской интеграции. – Луганск : Знание, 2004. – С. 18–65.
5. Шведа, Ю. Партійна система незалежної України: етапи трансформації / Ю. Шведа // Освіта регіону. Політологія, психологія, комунікації. – 2009. – № 3. – С. 50–54.
6. Кирчанів, М. Пострадянська Україна – постколоніальна держава? / М. Кирчанів // Екон. часопис – XXI. – 2007. – № 1–2. – С. 34–37.
7. Молочко, П. Принцип пропорційного виборчого представництва як фактор трансформації партійних систем на пострадянському просторі / П. Молочко // Політологічні та соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Букрек, 2009. – Т. VIII : Україна – Білорусь – Польща – Литва: від колізій минулого до спільних європейських цінностей та перспективи співпраці. – С. 454–468.
8. Кармазина, М. Партии в Украине: собственные/присвоенные, именные, «использованные»... [Электронный ресурс] / М. Кармазина. – Режим доступа: https://zn.ua/internal/partii-v-ukraine-sobstvennyye-prisvoennyye-imennyye-ispolzovannyye-280-543_.html. – Дата доступа: 06.04.2018.
9. Бурдяк, В. Трансформація постсоціалістичних країн: уніфікація чи розширення варіацій демократичного поступу? / В. Бурдяк // Наук. вісн. Ужгород. ун-ту. Сер. Політологія. Соціологія. Філософія. – 2009. – Вып. 12. – С. 201–205.
10. Кармазина, М. Между лукавством, мессианством и популизмом. В лабиринтах слов и действий политпартий / М. Кармазина // Зеркало недели. – 2018. – № 16.

11. Кармазіна, М. Президентство: український варіант / М. Кармазіна. – Київ, 2007. – 365 с.
12. Кучма, Л. Звернення Президента України до українського народу з нагоди 11-ї річниці незалежності України [Електронний ресурс] / Л. Кучма. – Режим доступу: <https://ukrembassy.kepter.kz/embassy/news/sprich.htm>. – Дата доступу: 15.03.2003.
13. Riabchuk, M. The Unfinished Business of the 1989 East European Revolutions: from Survival to Self-Expression / M. Riabchuk // Belarus on the Forefront of Eurasia: between Moscow and Kyiv. – Warszawa : ELIPSA, 2014. – S. 10–40.
14. Молочко, П. Сучасні засади інтерпретації політичних партій як інститутів політичної системи / П. Молочко // Політологічні та соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Букрек, 2012. – Т. XI : Теорія та історія політичної науки: світовий та національний досвід. – С. 274–288.
15. Нагорний, В. Сутнісні проблеми політичної культури України / В. Нагорний // Політ. менеджмент. – 2006. – № 5. – С. 83–94.
16. Мартинюк, Р. Партійна система України та регіональні чинники в її розвитку / Р. Мартинюк // Політологічні та соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Букрек, 2010. – Т. IX. – С. 180–192.
17. Осіп'ян, О. «Голос Донбасса» як дзеркало помаранчевої революції: використання локальної ідентичності у передвиборчій кампанії Віктора Януковича / О. Осіп'ян // Свобода: український вибір. – 2005. – № 1. – С. 27–30.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.09.2019

Lysiuk A. I. Political Parties of Post-Soviet Ukraine: Main Characteristics and Development Trends

The article analyses main characteristics, logic and stages of parties development in post-Soviet Ukraine. The role of parties in political system and during the decision-making process is studied. Their relationship with state institutions, oligarchic clans and civil society is studied. Institutional and political-cultural frameworks for their functioning are defined. Special analysis are devoted to the distinctive features of the country's party system, as well as to the pathologies inherent to political parties.

УДК 378.147.091.33-027.22:340

Е. Н. Григорович

канд. социол. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: grigorovich@brsu.brest.by

ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Рассматриваются проблемы подготовки юридических кадров, их трудоустройства, конкурентоспособности на рынке труда; даются характеристики таких феноменов, как профессиональная культура и корпоративная культура. Показаны основные направления работы со студентами с целью формирования компетенций, заложенных образовательным стандартом специальности «Правоведение». Анализируются практико-ориентированные образовательные технологии.

Введение

Актуальность рассматриваемой проблемы вытекает из стоящих перед системой высшего образования Республики Беларусь задач, направленных на формирование высокого уровня компетентности будущих специалистов, а также создание условий для их профессионального самоопределения, трудоустройства и карьерного роста. Об этом, в частности, говорится в вынесенном на обсуждение проекте «Стратегии развития молодежной политики на 2020–2030 гг.». В документе отмечается, что, являясь мобильной социальной группой на рынке труда, молодежь по разным причинам весьма уязвима в сфере трудовых отношений [1]. Это подтверждают и данные национального статистического комитета Республики Беларусь: на конец сентября 2019 г. уровень безработицы среди молодежи в возрасте до 30 лет составил 21,6 %, а средняя продолжительность безработицы – 2,0 месяца [2].

Еще более пристальное внимание государственной политики направлено на подготовку будущих юристов. И это не случайно, поскольку подготовка высококвалифицированных юридических кадров является важным условием эффективности и качества функционирования и устойчивого развития национальной правовой системы. В последние годы в нашей стране был предпринят ряд мер правового и организационного характера, направленных на совершенствование профессиональной подготовки специалистов с юридическим образованием. В 2017 г. была принята Концепция развития юридического образования на период до 2025 г. Концепция определяет систему приоритетов, направлений и организационный механизм дальнейшего совершенствования юридического образования в республике с учетом накопленного в данной сфере потенциала [3]. Реализация Концепции призвана обеспечить устранение имеющихся проблем и создание научно обоснованной системы подготовки высококвалифицированных специалистов, готовых к профессиональной деятельности в условиях процессов глобализации, растущей во всем мире конкуренции, интенсивного экономического роста, возрастающей рационализации и технологизации как современной стратегии управления обществом.

В связи с этим существенно расширились и задачи, стоящие перед юридическими факультетами. Необходимость максимального соответствия возрастающим требованиям работодателя, быстрой адаптации выпускников к профессиональной деятельности и меняющимся условиям труда, высокая конкуренция на рынке труда требуют современных подходов к подготовке юридических кадров, обеспечивающих практикоориентированность образовательного процесса и конкурентоспособность молодых специалистов.

Как показывает статистика заявок от заказчиков кадров, в последние годы в регионе заметно растет спрос на выпускников юридических специальностей, однако при этом работодатели предпочитают получить специалиста, имеющего опыт работы не менее года, мотивируя свои требования отсутствием профессионального опыта у выпускников и недостаточной эффективностью их работы в период профессиональной адаптации.

Цель статьи – определить основные направления работы со студентами для адаптации выпускников юридического факультета к будущей профессиональной деятельности и максимально полного формирования в процессе реализации образовательных программ компетенций, заложенных в образовательном стандарте специальности «Правоведение», показать практико-ориентированные образовательные технологии, позволяющие формировать профессиональную культуру будущих молодых специалистов, а также минимизировать недостаток профессионального опыта.

Трудоустройство выпускников – показатель качества профессиональной подготовки и эффективности работы вуза

В системе индикаторов результативности высшего образования, предложенных UNESCO, одну из приоритетных позиций занимает показатель трудоустройства выпускников. Успешная трудовая профессиональная деятельность становится, таким образом, важнейшей целью вузовского образования и показателем результативности работы учреждения образования. Как отмечают российские педагоги И. Н. Сыкеева и Е. В. Положевец, трудовая деятельность является профессиональной, если выполняется не менее двух условий: во-первых, имеется определенный уровень профессиональной подготовки, квалификации, мастерства, специально полученных знаний и навыков, что подтверждается специальным документом о профессиональном образовании (дипломом, свидетельством, сертификатом), во-вторых, профессиональная деятельность служит источником доходов человека, является товаром, пользующимся спросом) [4, с. 65].

По мнению специалистов в области социологии образования, от готовности человека к профессиональной деятельности зависит не только его успех в профессии, карьерный рост, но и в целом успешность жизненной траектории. «Профессия в современных условиях, – пишут И. Н. Сыкеева и Е. В. Положевец, – рассматривается как социально значимая характеристика человека, указывающая на его принадлежность к конкретной категории людей, занимающихся одинаковым видом трудовой деятельности, которая требует наличия определенных знаний, умений, опыта и специальной подготовки. Выбрать профессию – значит не только выбрать себе работу, служащую источником существования, но и психологически быть готовым к включению в разнообразную практическую деятельность с ее сложной профессиональной реальностью (этическими нормами, правилами, принципами, ценностями, образом жизни)» [4, с. 64]. В мотивации стремления к успешной профессиональной деятельности важнейшей побудительной причиной является потребность молодых людей в реализации собственных возможностей и профессиональном самосовершенствовании.

Ценностные ориентации и мировоззренческие установки студентов

Результаты социологических исследований по проблеме ценностно-мировоззренческих ориентаций дают возможность проследить динамику отношения студентов к избранной специальности, а также выявить условия, позволяющие стимулировать их профессиональный и познавательный интерес, повышать мотивацию к высоким учеб-

ным достижениям. По нашему мнению, мотивация и положительное отношение к профессии являются важнейшим условием активизации процесса обучения и познавательной деятельности. Как показывают результаты наших исследований, первокурсники на начальном этапе адаптации (первые месяцы обучения) «романтично» преданы избранной специальности. Более 90 % от числа опрошенных первокурсников университета отмечают, что им нравится избранная специальность; 6–7 % относятся к ней безразлично; и лишь не более 2 % респондентов указывают, что специальность им не нравится. Однако имеется значительный разброс мнений студентов-первокурсников по отдельным специальностям, при этом больше всего избранная специальность нравится студентам юридического факультета. В рамках этих же исследований было выяснено, что 63,5 % опрошенных студентов второго курса считают, что не ошиблись с выбором специальности. Однако на четвертом курсе лишь 38,1 % студентов указали, что поступили бы на свою же специальность и в свой университет, а 41 % опрошенных выбрали бы другое учебное заведение и другую специальность.

Ценностное отношение студентов к избранной специальности прослеживается и в том, насколько они связывают свою будущую работу с деловым успехом и успешной карьерой. Как показывают результаты социологических исследований, почти половина (46,2 %) первокурсников намерены стать профессионалами в избранной специальности и серьезно ориентированы на то, чтобы достичь делового успеха и сделать карьеру (44,7 %). Второкурсники сохраняют эту корреляцию: 51,9 % студентов по-прежнему мечтают достичь делового успеха и сделать карьеру и связывают это с избранной специальностью. Однако уже на четвертом курсе, когда расширились знания студентов об объектах, сферах и задачах их будущей профессиональной деятельности, число респондентов, связывающих достижение делового успеха и успешной карьеры с будущей профессиональной деятельностью, снижается на 12 % и составляет 39,9 %. В ответах студентов старших курсов юридического факультета отмечается, что их не привлекает в будущей профессиональной деятельности перспектива интенсивной работы и личной ответственности. Это свидетельствует о том, что молодежь реализацию своей потребности в самоактуализации во многом еще связывает с экономическими (материальными) успехами. В то же время рейтинг ценностей высокого профессионализма как условия экономического успеха у старшекурсников, по нашим исследованиям, значительно падает.

В свете показанных выше результатов социологических исследований актуальной задачей в высшей школе становится, на наш взгляд, создание продуманных, максимально эффективных условий для всестороннего воздействия, помощи студентам, нацеленных на изменение мотивации молодого человека к делу (учебе, общественной работе), к самому себе и другим людям, окружающему миру, создание образовательного пространства, обладающего мощным социализирующим потенциалом и формирующим профессиональную культуру будущего специалиста. По нашему мнению, университет (факультет) должен стать основной средой подготовки к будущей профессии.

Профессиональная социализация в вузе и формирование профессиональной культуры

Важной образовательной и воспитательной задачей педагогического коллектива является сохранение и укрепление интереса студентов к профессии, к избранной ими специальности, формирование основ профессиональной культуры специалиста. Следует указать, что профессиональная культура – органическая часть социальной культуры [5, с. 369–385]. Как отмечает В. Я. Кочергин, профессиональная культура «представляет

собой саморазвивающуюся систему признанных профессиональным сообществом функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между членами профессиональной группы и другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные требования, образцы достижений и профессиональной мобильности» [6, с. 5]. Профессиональную деятельность организует и «культурно упорядочивает» корпоративная культура. «Корпоративная, или организационная, культура включает в себя корпоративные ценности, систему отношений, складывающихся в ходе профессиональной деятельности, и поведенческие нормы, разделяемые ее сотрудниками» [7, с. 6]. Она также предполагает «отчетливо выраженную миссию (изложение целей, принципов, ценностей и норм деятельности организации), сформированную на ее основе «команду», собственный стиль, бренд, имидж [6, с. 6]. Представители различных сфер профессиональной юридической деятельности являются носителями корпоративной культуры, обладающей своей спецификой. Начинать формирование профессиональной культуры, знакомить с особенностями корпоративной культуры различных юридических сообществ следует, по нашему мнению, в период профессиональной социализации в вузе, развивая и укрепляя связи с профессиональным юридическим сообществом.

На юридическом факультете Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина налажена системная работа, направленная на развитие и совершенствование форм взаимодействия и сотрудничества факультета с заказчиками кадров, что позволяет модернизировать образовательный процесс с учетом требований, предъявляемых к выпускникам специальности «Правоведение» и тем самым повысить эффективность самого образовательного процесса. Интеграция связей с заказчиками кадров осуществляется с целью обеспечения качественной теоретической и практической подготовки специалистов благодаря использованию материально-технической базы и кадрового потенциала организаций-заказчиков для подготовки будущих специалистов. Регулярно проводятся встречи студентов с руководителями органов прокуратуры, следственного комитета, председателями судов, представителями таможни, коллегии адвокатов, юридических бюро и др., организуются экскурсии. С 2009 г. на факультете проводятся Областные студенческие научные чтения «Профессиональная культура специалиста: особенности формирования через учебную и научно-исследовательскую деятельность студента». Во время пленарного заседания и в ходе работы секций студенты факультета, а также учащиеся колледжей – будущие абитуриенты факультета – имеют возможность послушать выступления успешных юристов-практиков о требованиях, предъявляемых к будущим юристам, о трудностях профессионального становления и необходимых компетенциях, которые следует приобрести в вузе. Студенческие научные чтения помогают формировать методологическую и профессиональную культуру будущих юристов, позволяют приобщиться к профессиональному юридическому сообществу.

Практико-ориентированное обучение в процессе реализации образовательных программ

Практико-ориентированное обучение, по нашему мнению, это процесс освоения образовательных программ, представляющий собой оптимальное сочетание глубоких фундаментальных знаний и профессиональной прикладной подготовки. Тесная связь теоретического обучения и практической деятельности заметно повышает уровень профессиональной подготовки будущих специалистов, значительно усиливает мотивацию

выпускников, увеличивает их шансы на трудоустройство по избранной профессии. Высокий уровень сформированности профессиональных компетенций молодых юристов определяет способность выпускника юридического факультета быстро и успешно адаптироваться к практической юридической деятельности в интенсивно изменяющихся социально-правовых условиях.

Эффективной формой взаимодействия факультета с организациями – заказчиками кадров является привлечение опытных специалистов-практиков к преподавательской деятельности на условиях совместительства. Специалисты, имеющие значительный опыт правоприменительной практики, читают лекции по дисциплинам специализаций, ведут практические занятия, руководят курсовыми и дипломными работами. Являясь носителями уникального профессионального опыта, специалисты-практики интересны не только студентам, но и преподавателям. Они также являются разработчиками учебных программ и авторами учебно-методических пособий. Широкое иллюстрирование теоретического материала и практических заданий примерами из реальной профессиональной практики как в процессе лекций и практических занятий, так и в учебно-методических изданиях обеспечивает соблюдение принципа профессионального наполнения и высокую эффективность практикоориентированного обучения.

Практические работники, обладающие богатым профессиональным опытом, привлекаются к проектированию и рецензированию учебных программ, составлению тематики курсовых и дипломных работ. Программы дисциплин специализации и дисциплин по выбору студента, как правило, проходят рецензирование у внешних рецензентов. Ежегодно кафедры согласовывают обновляемую тематику дипломных и курсовых работ с организациями – заказчиками кадров, анализируя предложенные темы с точки зрения их практикоориентированности и инновационности.

Специалисты считают, что ядром профессионального становления является максимально тесное взаимодействие личности и профессии. Поэтому особое внимание на факультете уделяется организации и проведению производственных практик. Именно во время практики студенты приобретают первичные профессиональные знания, знакомятся с условиями будущей профессиональной деятельности, на деле проверяют свои способности к избранной профессии. С целью качественной организации и проведения практик факультетом заключаются долгосрочные договоры на проведение практик. Среди постоянных баз практик – органы прокуратуры, следственный комитет, суды, органы принудительного исполнения, главное управление юстиции, таможня, коллегии адвокатов, юридические бюро и др.

«Высокая эффективность практико-ориентированных методов обучения достигается за счет воссоздания реальных условий профессиональной деятельности, более активного личностного включения студента в профессиональную среду, интенсивного межличностного общения, а также более ярких эмоциональных переживаний. Условия, приближенные к профессиональной деятельности, создаются для студентов в «Юридической клинике». «Юридическая клиника» – учебная лаборатория в структуре юридического факультета, в которой студенты 2–4 курсов проходят производственную практику без отрыва от занятий. Программа практики включает изучение факультативных курсов «Профессиональные навыки юриста» и «Школа правового просвещения», прием студентами под руководством адвокатов Брестской областной коллегии адвокатов граждан, работу на базах практик в качестве общественного помощника специалиста (следователя, инспектора по делам несовершеннолетних, нотариуса, адвоката)» [8, с. 29].

Занимаясь в учебной лаборатории «Юридическая клиника», студенты закрепляют знания законодательных актов, учатся их толковать и применять на практике, юридически грамотно квалифицировать факты и события, составлять документы правового характера, давать правовые заключения и консультации. За время практики в учебной лаборатории студенты осваивают технику юридического письма, легко составляют и анализируют конкретные юридические документы: договоры, учредительные документы, исковые заявления, кассационные жалобы, встречные иски, претензии, ходатайства, письма и др. Полноценная самостоятельная работа в качестве юриста (прием граждан, составление документов, консультирование клиентов) способствует приобретению собственного опыта, кроме того, у студентов вырабатываются не только профессиональные, но и коммуникативные навыки: умение спокойно, уверенно, с уважением общаться с клиентом, способность расположить к себе человека [8, с. 29].

На факультете оборудован зал судебных заседаний, в котором проводятся выездные судебные заседания районных судов города Бреста, экономического суда Брестской области, а также практические занятия по гражданскому, уголовному, хозяйственному и административному процессам. Присутствуя на судебном процессе в зале судебных заседаний или наблюдая за ходом судебного процесса в режиме реального времени с помощью видео-конференц-связи, студенты проходят практическое обучение профессии, знакомятся с особенностями профессии судьи, поведением сторон – участников судебного заседания. Внедрение в учебный процесс видео-конференц-связи позволяет преподавателям не только давать необходимые комментарии по ходу ведения судебного процесса, направленные на усвоение студентами необходимых знаний, но также повышать собственную профессиональную квалификацию.

Проведение практических занятий в зале судебных заседаний в форме деловых игр и других тренинговых технологий обеспечивает достижение максимального подобия между профессиональной и моделируемой ситуацией, что позволяет студентам легче понимать изучаемую область юридической науки.

Эффективной формой творческого сотрудничества кафедр и организаций – заказчиков кадров стало проведение совместных научно-практических мероприятий: конференций, семинаров, круглых столов. Некоторые из мероприятий стали традиционными. Так, например, в рамках семинара «Проблемы правоприменения в практике органов уголовной юстиции» рассматривались актуальные проблемы правоприменительной практики: «Актуальные проблемы квалификации коррупционных преступлений», «Прикосновенность к преступлению: законодательство, теория, практика», «Борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: опыт Брестской области». С докладами выступали практические работники: судьи, следователи, прокурорские работники, сотрудники комитета государственного контроля, эксперты управления специальных и технических экспертиз и ученые-теоретики. Участие студентов в мероприятиях такого уровня способствует их профессиональной социализации, развивает понятийное юридическое мышление.

В рамках сотрудничества с управлением следственного комитета по Брестской области кафедрой уголовно-правовых дисциплин проводились учебно-методические семинары для студентов на базе передвижной криминалистической лаборатории «Современная криминалистическая экспертиза», что позволило студентам получить профессиональные знания, основанные на современных научных исследованиях.

Формирование академических и социально-личностных компетенций, необходимых для решения профессиональных задач

Одной из важнейших инноваций в системе высшего образования Республики Беларусь стало введение образовательных стандартов, в которых закреплены современные требования к уровню подготовки специалистов. Основу этих требований, определяющих качество высшего образования как его соответствие потребностям и интересам личности, общества и государства, составляет когнитивная модель компетентности специалиста, рассматривающая его как субъекта в создании духовно-материального бытия и предполагающая научно-исследовательский тип его социализации. Важно, что в образовательные стандарты Республики Беларусь всех специальностей заложено формирование академических и социально-личностных компетенций, которые следует рассматривать как важное условие для реализации специалистом своих профессиональных задач. Важнейшими составляющими профессионализма специалиста становятся: способность к самообразованию и творческому мышлению, инициативность, ответственность, готовность (и умение) работать в команде, коммуникативные и адаптационные способности. Задача высшего учебного заведения – не только сформировать и развить эти дефицитные сегодня качества, но и помочь студентам в их профессиональном самоопределении.

Следует добавить, что систему подготовки кадров в высшем учебном заведении можно считать эффективной лишь при условии личной заинтересованности студента в изучении преподаваемого материала, его ориентации на профессиональную компетентность и самообразование. Поэтому одной из важнейших составляющих в системе профессиональной подготовки будущих юристов является организация научно-исследовательской деятельности. В настоящее время повсеместно наблюдается спрос на высококвалифицированных специалистов, способных прогнозировать и моделировать результаты собственной профессиональной деятельности, творчески решать сложные задачи в период кризисных ситуаций. Занятие научно-исследовательской деятельностью как раз и открывает возможности для раскрытия творческого потенциала будущих юристов. Вместе с тем значимость студенческих научно-исследовательских работ определяется не только глубиной проведенного исследования, но также актуальностью исследуемых проблем и весомостью практических выводов.

Научно-исследовательская деятельность факультетских кафедр, а также студенческая научно-исследовательская работа проводятся в тесном сотрудничестве с организациями – заказчиками кадров. Проводятся научно-практические и научно-методические мероприятия: конференции, семинары, круглые столы с привлечением организаций – заказчиков кадров.

Заклучение

Образование – это процесс сознательного, организованного, планомерного и целенаправленного воздействия на сознание и поведение развивающейся личности с целью формирования у нее определенных понятий, ценностных ориентаций, социальных установок и подготовки ее к активной профессиональной, общественной и культурной деятельности. Человек становится личностью, усваивая в процессе социализации определенную систему знаний, норм, ценностей, образцов поведения, характерных для конкретной социальной группы и общества в целом. Только усвоив нормы, правила, идеалы культуры и вобрав в себя необходимый социальный опыт, человек может стать активным субъектом общественных отношений и деятельности.

Сегодня главной задачей образования отнюдь не является получение обучаемым знаний о существующем мире. Скорее речь идет о подготовке человека к жизни в динамичной среде, получении им навыков учиться и выработке потребности в самообразовании и готовности к изменению реальной ситуации на основе профессиональных умений. Поэтому образование должно осуществляться не только посредством усвоения некоей суммы знаний, но и в процессе деятельности личности с целью позитивного изменения себя и общества в соответствии с высшими ценностями.

Высшее учебное заведение в процессе образования должно помочь студентам:

1) сохранять и укреплять их интерес к профессии, к избранной ими специальности;
2) развивать способность к самообразованию, при формировании которой важную роль играет информационная образовательная среда как условие стимулирования самостоятельной работы студентов и их обучение современным методам и методикам самообразования;

3) формировать лидерские качества и способности работать в команде (участие в спортивных мероприятиях, интеллектуальных играх, работа в малых группах на семинарских занятиях);

4) способствовать развитию творческого мышления через научно-исследовательскую деятельность и стимулировать потребности в самообразовании;

5) формировать гражданскую ответственность и гражданскую позицию;

6) развивать способность к социализированности, закладывая основы социального капитала, убедительно показывая выгоды, которые молодой выпускник получает при активном включении в многообразные социальные связи и отношения.

Только таким образом можно решить задачу подготовки специалистов востребованных, конкурентоспособных, обладающих необходимыми академическими компетенциями и социально-личностными качествами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегии развития молодежной политики на 2020–2030 гг. Проект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstu.by/>. – Дата доступа: 15.11.2019.

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 15.11.2019.

3. Концепция развития юридического образования на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.brsu.by/sites/default/files/crimlow/28.08.2017_kontseptsiya_s_soglasovaniyami. – Дата доступа: 15.11.2019.

4. Сыкеева, И. Н. Особенности социально-психологической подготовки специалиста к успешному вхождению в профессию / И. Н. Сыкеева, Е. В. Положевец // Пед. наука и образование. – 2019. – № 1 (26). – С. 62–69.

5. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП. – 2018. – 800 с.

6. Кочергин, В. Я. Профессиональная культура и социальные технологии: теоретико-методологический анализ взаимосвязи / В. Я. Кочергин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 3. – С. 4–9.

7. Кузнецов, И. Н. Корпоративная культура : учеб. пособие / И. Н. Кузнецов. – Минск : Мисанта, 2006. – 304 с.

8. Григорович, Е. Н. Практико-ориентированный подход в обучении как инструмент повышения конкурентоспособности выпускников юридических факультетов / Е. Н. Григорович, Т. А. Горупа // Выш. шк. – 2015. – № 4. – С. 28–31.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.12.2019

Grigorovich E. N. Practically Oriented Training of Future Lawyers as a Condition for Their Professional Adaptation

The article deals with problems of training of legal personnel, their employment, competitiveness in the labor market; the characteristics of such phenomena as professional culture and corporate culture are given. The main directions of work with students with the purpose of competence formation, laid down by educational standard of specialty «jurisprudence» are shown; practically coordinated educational technologies are analyzed.

УДК 378

М. С. Ковалевич

канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогікі
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: maria_brest@tut.by

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Представлена программа развития субъектной позиции студентов в процессе изучения педагогических дисциплин и технологический инструментарий педагогического управления процессом развития субъектной позиции будущих специалистов помогающих профессий. Технологический инструментарий включает задание, требующее от студентов разработать синквейны по основным категориям «Педагогика» и «Технологии развития карьеры», интерактивные игры, «Портфолио карьерного продвижения», тренинг «Я выбираю свою судьбу. Билет в будущее» и др.

Мир устроен так, что у всех есть шанс.
Владимир Матецкий, композитор

Введение

К качеству высшего образования сегодня предъявляются высокие требования в плане обогащения его новыми теоретическими подходами. Среди таких требований особое место занимает необходимость развития субъектной позиции студента в образовательном процессе. Актуальность исследования субъектности обусловлена социально-экономической и политической ситуацией в стране и мире, которая привела к переоценке роли человека в социуме. Развитие человека как субъекта деятельности становится одной из целей современного образования и воспитания. Субъектность является основанием всех характеристик человека как субъекта жизнедеятельности.

Справедливость этого требования неоднократно подчеркивалась теоретиками и практиками системы образования, обращавшими внимание на сущность самого термина «образование» как создание, творение своего образа мира и своего места в этом мире. Однако в массовом педагогическом сознании этот термин трактуется только с позиции внешней по отношению к познающему субъекту деятельности, организуемой и осуществляемой для него преподавателем.

Развитие субъекта представляется как непрерывный процесс становления разных его уровней, где на каждом сохраняется целостность, уникальная индивидуальность, избирательность субъекта и его активность в отношении с миром. В связи с этим вопрос развития субъектности актуален на всех этапах онтогенеза.

Важнейшее качество человека – быть субъектом, творцом своей истории: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, познание и другие виды специфически человеческой активности творческой и нравственной.

Важнейшими положениями становления субъектности в образовательном процессе являются следующие:

- 1) центр учебно-воспитательного процесса – личность обучающегося;
- 2) обучающийся как субъект образования в учебно-воспитательном процессе занимает активно-творческую позицию;

3) свобода самовыражання і самореалізацыі асобы ў адукацыйнай асяродку, пошук індывідуальнай стратэгіі самоапрадэлявання адукаванага ў жыцці;

4) актуалізацыя прынцыпаў актывнасці, дыялагічнасці, самастойнасці, ініцыятывы, творчасці;

5) адукаваны і адукавальны – адкрытыя, самарэгулюючыя сістэмы, імкючыяся да развіцця суб'ектнасці і суб'ектывнасці;

б) свабода выбара стратэгіі індывідуальнага жыццёвага сцэнарыя, а значыць выбара адукацыйных праграм, курсоў, глыбіні іх зместу і самага прэпадарыцеля.

Аўтараў метадаў і метадык развіцця суб'ектнай пазіцыі асобы ў адукацыі дастаткова многа. К. А. Абульханова-Славская навукова абаснавала і прадпала праграму і тэхналогіі становлення студэнта як суб'екта часу сваёй жыцці [1]. І. І. Казімірская ісследвала дынаміку становлення суб'ектнай пазіцыі студэнта ўніверсітэта ў працэсе ізучэння педагагічных дысцыплін [2]. А. В. Хуторскай ісследвал магчымасці і стварыла метадыку педагагіскай падтрымкі ўчашыхся ў разработку імі «траекторыі свайго развіцця» [3]. В. Я. Ляудіс ісследвала магчымасці і абаснавала праграму стварэння студэнтамі сцэнарыяў сваёй жыццёвага дзейнасці. Яна апрадэляе дзейнасць арганізацыі часу жыцця як стварэнне асобных сцэнарыяў сваёй жыццёвага дзейнасці для паслядоўных часавых перыядаў і кантроль над іх ажыццяўленнем.

В. Я. Ляудіс выдзеліла цэлую сістэму дзейнасці па арганізацыі часу жыцця:

1. Смысловое планіраванне асобнай жыццёвага дзейнасці, выдзеленне асноўных і прамежуточных цэляў дзейнасці і ўзаемадзействія і іх упарадкаванне.

2. Текучы кантроль, напавалены на парядак рэалізацыі сістэмы цэляў і задач і рэгуляцыю затрат часу на апрадэляваныя дзейнасці.

3. Вероятнаснае прагназаванне, напрыклад планіраванне рэжыма неадзілі.

4. Ісполніцельны кантроль – ўчет рэзультатаў і карэктывка планаў [4].

Метадалагічным асновам для ісследвання суб'ектнай пазіцыі студэнта ў адукацыйнай дзейнасці ў нашым ісследванні выступае сінергетычная тэорыя развіцця. С пазіцыі сінергетыкі арганізацыя працэса развіцця суб'ектнасці заключаецца ў выбара такіх ўздзействіяў на адкрытую нераўнаважную сістэму, якія бы саотваставалі яе ўнутраным тэндэнцыям развіцця. Сінергетыка не прымае метод прамого ўздзействія на сістэму, ўмесе з тым правільна арганізаваныя, рэзанансныя ўздзействія на адкрытую складную сістэму, якой і з'яўляецца працэс развіцця суб'ектнасці будучага педагага, ачынь эфектыўны. Рэзанансныя педагагічныя ўздзействія падталкываюць сістэму на адзін з асобных шляхоў яе развіцця. Гэта дазваляе разрабтваць працэс развіцця суб'ектнасці як актывізацыю ўнутраных магчымасцяў сістэмы, якой прысущ нелінейны характар развіцця [5, с. 198].

Рэгуляванне (управаленне) працэсам становлення суб'ектнасці дажна быць напавалена, пражде ўсего, на «запуск» механізмаў самоарганізацыі, патэнцыяльна заложаных ў асобнай сістэме індывіда. Рэгуляванне дажна ўчытваць «дэлікатнасць» механізма самоарганізацыі: ўправалючыя ўздзействія дажны адвечать яго чалавечнай, т. е. гуманнай сутнасці, ў процывном случае яны разрашут самоарганізацыю.

Такім апраам, сінергетычны падход дае нам магчымасць по-новому пспмазреть на працэс развіцця суб'ектнасці як ўслова прафесіянальнага самоапрадэлявання, аптымальна арганізаваць педагагіскую падтрымку асобы ў сітуацыі асобнага развіцця. С адной староны, прынцып суб'ектывнасці значытельно аблегчае і ўпрашчае труд педагага, а с другой староны, ставы педагага перад неабходна-

мостью мягкой и продуманной технологии профессиональной деятельности и высокой квалификации.

Технологический инструментарий педагогического управления процессом развития субъектной позиции студента

Технология включает:

1) систему упражнений, заданий для студентов, побуждающих к выявлению субъективного отношения к курсам «Педагогика» и «Технологии развития профессиональной карьеры»; она презентуется как «Портрет дисциплины»; обратную связь студенты получали на основании анализа результатов выполненных «декартовых координат»;

2) задание, требующее от студентов разработать синквейны по основным категориям курсов «Педагогика» и «Технологии развития карьеры» (образование, воспитание, карьера) и позволяющее выяснить способы категоризации структуры индивидуального сознания при освоении ведущих понятий педагогических дисциплин;

3) интерактивные игры (пресс-конференция «Я и моя карьера»), деловая игра «Молодежь. Карьера. Успех», «Карьера: старт-2018!»);

4) дебаты по проблеме «Семья и/или карьера»;

5) круглый стол «Профориентация: когда начинать?»;

6) тренинг «Я выбираю свою судьбу. Билет в будущее»;

7) «Предметно-профессиональное портфолио студента», «Портфолио карьерного продвижения»;

8) творческие проекты «Мои жизненные планы и профессиональная карьера», «Взгляд в будущее», «Мой выбор», «Профессия и карьера»;

9) эссе «Я и моя карьера», «Карьерограмма моей профессии», «Ресурсы карьеры», «Мое профессиональное будущее».

Полученные в ходе реализации технологического инструментария сведения дали материал для анализа динамики реального изменения субъектной позиции студентов в процессе изучения педагогических дисциплин.

Особую заинтересованность вызвал у студентов тренинг «Я выбираю свою судьбу. Билет в будущее». В ходе проведения тренинга соблюдались единые правила:

- Общение по принципу «здесь и теперь».
- Конфиденциальность всего происходящего.
- Персонификация высказываний.
- Недопустимость перехода «на личности».
- «Обратная связь».
- Тайминг.
- Правило «одного микрофона».

Девиз тренинга – «Сделай свое хобби профессией, и тебе больше не придется работать ни дня».

Содержание тренинга включало следующие компоненты:

- профессиональные компетенции;
- собеседование по-новому;
- изменения на рынке труда;
- требования работодателя к соискателям.

Студенты получили рекомендации поэтапного прохождения карьерного процесса:

• Первый шаг – определитесь с интересами: что вызывает у вас неподдельное любопытство, что вы готовы изучать и делать с полной отдачей?

• Второй шаг – выявите свои потребности. Кому-то необходимо приносить пользу обществу, кто-то хочет стать известным и богатым, а кто-то просто хочет получать от жизни удовольствие, не задумываясь о доходе.

• Третий шаг – овладеть необходимыми умениями для выполнения работы мечты. Профессиональные навыки обусловлены нашими когнитивными способностями, а наш мозг любит учиться. Так что развивайте свой мозг, осваивайте новое и идите навстречу мечте!

Далее определили:

- Хороший сотрудник – это...
- Хороший руководитель – это...
- Каких людей наиболее охотно берут на работу, на хорошие должности?
- Что такое хорошая работа?
- Что стимулирует людей работать, наиболее охотно?
- Зачем люди стремятся сделать карьеру?

Приводим результаты изучения созданных студентами текстов.

Главные качества идеального сотрудника глазами будущих специалистов в сфере помогающих профессий – трудолюбие, ответственность, коммуникативность (умение работать в команде), стремление к личностному росту, развитию профессиональных качеств, приверженность целям компании, профессионализм, бесконфликтность. Лучшее всех выполняет свои обязанности тот, кто любит свою работу и представляет ее смыслом своей жизни, человек, который чувствует, что в нем нуждаются в этой сфере.

По мнению будущих специалистов помогающих профессий, начальник – это не только должность, но и призвание. Какими качествами должен обладать руководитель, чтобы подчиненные его уважали и подчинялись ему? Студенты хотят видеть своего будущего начальника умным, креативным, порядочным, дипломатичным, демократичным, объективным, мудрым, харизматичным, стрессоустойчивым, отзывчивым, целеустремленным, адекватным, с чувством юмора, дальновидным и способным проявлять навыки психолога, за дело болеет душой.

Кого же берут на работу наиболее охотно? Как правило, специалистов, имеющих опыт работы в данной профессиональной сфере (3–5 лет). Такие работники умеют уживаться в коллективе, соответствуют запросам рынка, знают себе цену, умеют работать.

Что такое хорошая работа? Респонденты назвали такие характеристики хорошей работы, как стабильность и комфортные условия труда, профессиональный и карьерный рост, достойная зарплата, возможность проявить самостоятельность уважение окружающих, быстрое продвижение по карьерной лестнице.

По мнению будущих работников, стимулирует людей работать наиболее охотно: высокая зарплата, творческая работа, ориентация на результат, карьерный рост, неавторитарный стиль управления, ощущение значимости, возможность самореализации, уверенность в завтрашнем дне.

На вопрос, зачем люди стремятся сделать карьеру, студенты ответили: чтобы занять достойное место в обществе, иметь высокий социальный статус, достичь высокого финансового положения для исполнения своих желаний. «Карьера – это своего рода аккумулятор жизненной энергии, помогающий человеку достойно жить и быть счастливым». «Любям свойственно стремление быть крутыми, независимыми и богатыми».

Почему для многих карьера стала смыслом жизни? Возможно, потому что она способна дать человеку особые привилегии, права, которых он не может получить, будучи простым, рядовым служащим. А может быть, все дело только в деньгах?

• Любой человек всегда мечтает о большем. И люди стараются продвинуться по служебной лестнице в поисках лучшей жизни и не перестают верить в то, что она станет лучше.

• Человек жаждет доказать себе, а главное – окружающим, что способен хорошо делать главное дело своей жизни, брать крутые вершины, преодолевая на своем пути все мыслимые и немыслимые преграды.

• Успехи в профессиональной жизни помогают человеку достигнуть гармонии с собой, получить адекватную оценку окружающих. Карьера – это возможность проявить себя как состоявшуюся личность.

• Человек понимает свое предназначение в жизни по-разному, и для кого-то это стремление реализовать себя в профессиональном плане, стать лучше других в той или иной области.

• Карьера помогает развиваться, стремиться к новым вершинам, новым знаниям, дает новые возможности для роста и развития.

• Карьера заменяет семью, друзей, пустоту одиночества.

• Карьера – это способ зарабатывания денег.

Поскольку исследование проводилось на выборке студентов социально-педагогического факультета, определились с требованиями к кандидату в педагоги.

Способности:

- организаторские;
- коммуникативные (навыки общения с людьми);
- вербальные (умение говорить четко, ясно, выразительно);
- способность к сопереживанию;
- любовь к детям;
- способность уделять внимание нескольким объектам одновременно.

Личностные качества:

- наблюдательность;
- коммуникабельность;
- самоконтроль и уравновешенность;
- эмпатия;
- терпимость;
- тактичность;
- интерес и уважение к другому человеку;
- склонность к организации социально-культурной деятельности;
- стремление к самопознанию, саморазвитию, профессиональному росту и высокому качеству результатов труда.

Назвали качества, препятствующие эффективности профессиональной деятельности в данной области:

- отсутствие организаторских способностей;
- отсутствие любви к детям;
- агрессивность;
- брезгливость;
- эгоистичность;
- психическая и эмоциональная неуравновешенность;
- неспособность к сопереживанию;
- безответственность.

В течение тренинга участники планировали свои действия на рынке труда, использовали различные стратегии построения карьеры. Деловая игра «Карьера: старт-2018!» позволила участникам снизить страх перед реальным собеседованием, выстроить свою модель поведения на рынке труда, почувствовать конкуренцию при трудоустройстве. Игра дала возможность участникам пройти весь путь трудоустройства от поиска работы до карьерного роста, максимально приближенный к реальным условиям.

Результаты исследования

В процессе исследования использована техника «декартовы координаты». Основной смысл техники – расширение видения возможных перспектив. Методом изучения созданных студентами текстов избран контент-анализ; единицами квантования и формализации определена направленность: на личностное развитие, на профессиональный рост и карьеру, на жизненное самоопределение и жизненный успех, на решение академических проблем.

Студентам было предложено ответить на следующие вопросы:

- 1) Что случится, если я буду знать педагогику на «отлично»?
- 2) Что не случится, если я буду знать педагогику на «отлично»?
- 3) Что случится, если я не буду знать педагогику на «отлично»?
- 4) Что не случится, если я не буду знать педагогику на «отлично»? [2].

Отвечая на первый вопрос, студенты отметили, что отличное знание педагогики обеспечит: большее понимание детей, уверенность в своих силах, статус любимого воспитателя у детей, хорошей мамы собственных детей, успешную сдачу экзамена, облегчит путь к успешной карьере, будет способствовать личностному росту, повышению профессионального мастерства.

Ответы на второй вопрос определили, что отличное знание педагогики не помешает желаемому распределению; не станет причиной увольнения с работы; не случится провала сессии; станет препятствием для неуверенных шагов в жизни, сгорания от стыда перед педагогами и будущими работодателями, разочарования в выбранной профессии, потери доверия к людям; зарплата выше не станет.

Ответы на третий вопрос показали, что незнание педагогики: может уменьшить шансы хорошего распределения, увеличит вероятность провала экзамена, увеличится риск не построить хорошую карьеру, может создать трудности и проблемы в профессиональной деятельности, станет препятствием для профессионального роста, повышения квалификации и профессионального статуса, возможности самореализоваться и поступить в магистратуру. Прогнозируя, к чему может привести незнание педагогики как науки, будущие специалисты опасаются, что они будут владеть только житейскими знаниями, не смогут реализовать индивидуальный подход к детям, найти общий язык с воспитателями и родителями, организовать занятия и режимные моменты.

Ответы на четвертый вопрос выявили неготовность обсуждать проблему.

Анализ синквейнов выявил следующее. Поясним вначале, что синквейн – это пятистрочное высказывание, которое оформляется по следующим правилам: в первой строке – одно слово (это существительное, определяющее тему синквейна); во второй строке – два слова – определения к теме; в третьей строке – три слова (глаголы, конкретизирующие функции темы); четвертая содержит четыре слова, представляющие собой законченное высказывание по поводу темы данного синквейна; в пятой строке – одно слово как обобщение и синоним к первой строке темы.

Анализ принципов категоризации понятий, представленных в разработанных синквейнах (образование, воспитание, карьера), выявил готовность и желание дать собственную характеристику категориальному аппарату, что свидетельствуют о значимой роли данного вида деятельности в развитии субъектной позиции студента, переживании им значимости авторства в разработанных определениях.

Приведем несколько примеров. Характеризуя синквейн «образование», студенты употребили прилагательные *необходимое, качественное, трудно осуществимое, полезное, обязательное, достойное, целесообразное, интересное, непрерывное, увлекательное, высшее*.

Третья строка включает глаголы, конкретизирующие функции образования: *развивает, направляет, учит, совершенствует, воспитывает, дисциплинирует, увлекает, просветляет, требует, подготавливает, мучает, открывает, формирует, обогащает, приобщает*.

Четвертая строка содержит слова, представляющие собой законченное высказывание по поводу темы синквейна. Вот наиболее характерные высказывания: *процесс и результат развития личности, образовываться никогда не поздно, дает новые огромные возможности, необходимо для каждого человека, отнимает время, но развивает, тренер для нашего мозга, труд на весь жизненный путь, образование через всю жизнь, мой личный решающий выбор, грамотный высокоразвитый человек, ученье – свет, неученье – тьма*.

В пятой строке как обобщение и синоним категории образование оказались: *становление, улучшение, знание, возможность, развитие, труд, настоящее и будущее, жизненный путь, ученый, самосовершенствование*.

Воспитание как важнейшая категория педагогики охарактеризовано как: *целенаправленное, сложное; важное, правильное; семейное, общественное; человеческое, личностное; трудовое, нравственное; демократичное, авторитарное; достойное, прекрасное; необходимое, требуемое; хорошее, порядочное; духовное, физическое; благоразумное, целесообразное; достойное, ценностное*.

Третья строка включает глаголы, конкретизирующие функции воспитания: *развивает, учит, вкладывает, помогает, поддерживает, обогащает, социализирует, проявляется, усовершенствует, контролирует, демонстрирует, характеризует, направляет, содействует, сдерживает, организует, дисциплинирует, закладывает, ценится, приветствуется*.

Четвертая строка, представляющая собой законченное высказывание по поводу воспитания: *необходимое для общества качество личности; помогает стать достойным человеком; комплекс важнейших жизненных ценностей; способствует становлению высоконравственного человека; формирует этическую культуру общения; помогает воспитать в себе человека; важное украшение для каждого человека; что посеешь, то и пожнешь; залог достойной человеческой жизни; трудишься, крутишься, стараешься, растешь; трудно осуществимый, сложный процесс; необходимо каждому ребенку и взрослому*.

В пятой строке как обобщение и синоним категории воспитание: *человек, труд, ценность, социум, уважение, цель, необходимость, мама, жизнь, лицо, смысл, культура, дорога, ребенок, семья*.

В этих определениях – субъектный опыт будущих специалистов, их собственное видение значимости и ценности воспитания и для отдельной личности, и для общества, и для собственного личностного и профессионального становления, понимание инди-

видуального характера воспитательного процесса, его необходимости для становления личности ребенка и взрослого, значимости семьи, особенно мамы в этом процессе, подчеркнутость сложности воспитания и ответственности воспитателя перед обществом и самим собой.

Характеризуя понятие «карьера», будущие специалисты в области образования употребили прилагательные: *быстрая, увлекательная; активная, интересная; профессиональная, личностная; успешная, развивающая; горизонтальная, вертикальная; успешная, блистательная; необходимая, высокооплачиваемая; ступенчатая, диагональная; стремительная, растущая; доступная, важная; индивидуальная, осознанная; высокая, сложная; любимая, долгожданная; тернистая, упорная*. Один студент, избравший профессию, по-видимому, случайно, охарактеризовал ее как *обязательную и нудную*.

Функции карьеры как важнейшей категории на жизненном и профессиональном пути человека видятся в том, что она *способствует развитию, совершенствованию, открывает, дарит, платит, возвышает, самообразовывает, учит трудиться, стремиться, не отчаиваться, способствует реализации поставленных целей, самореализации, стимулирует, поддерживает, сохраняет, содержит, обеспечивает, подталкивает, поднимает*. Вместе с тем иногда *портит нервы, портит здоровье, нервирует*.

Четвертая строка, представляющая собой законченное высказывание, показывает, как будущие специалисты видят карьеру: *начало профессиональной жизни, будущее; осознанный выбор, определяющий жизненный путь; дает возможность реализовать себя на высоком уровне; успешное начало профессиональной жизни; мой выбор, мой труд и мой интерес; без труда не вынешь и рыбку из пруда; стремление к лучшему; дает возможность ставить перед собой цель и добиваться ее, подниматься высоко по карьерной лестнице, во благо себе и во вред себе; предназначена для сильных людей; держит человека в форме*.

В качестве синонима категории «карьера» названы: *успех, развитие, достижение, цель, труд, рост, путь, возможность, стремление, жизнь*. Для тех, кому карьера *портит нервы, портит здоровье, нервирует*, синонимы – *начальник, больница, нервы*.

Заключение

Представленная программа управления процессом становления субъектной позиции студента доказала свою правомерность и эффективность. Она может быть использована широким кругом преподавателей. Синергетический эффект в развитии субъектной позиции личности достигнут благодаря согласованному использованию элементов адаптивной технологии, идей личностно ориентированного обучения, технологии саморазвития и самоопределения, диалогового подхода, проектного обучения и других образовательных технологий гуманистической направленности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Казимирская, И. И. Становление субъектной позиции студента университета в процессе изучения педагогических дисциплин: теоретические подходы и практика их реализации / И. И. Казимирская // Педагогическая среда университета как пространство профессионально-личностного развития будущего специалиста : сб. науч. ст. – София ; Габрово : ЕКС-ПРЕС, 2010. – С. 295–298.

3. Хуторской, А. В. Развитие одаренности школьников: методика продуктивного обучения : пособие для учителя / А. В. Хуторской. – М. : Гуманитар. изд. центр, 2000. – 320 с.

4. Ляудис, В. Я. Формирование учебной деятельности студентов / В. Я. Ляудис. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 240 с.

5. Касперович, Г. И. Синергетические концепции управления : курс лекций / Г. И. Касперович. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 258 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2019

Kovalevich M. S. Developing of Subject Position of Future Specialists of Helping Professions in the Process of Studying Pedagogical Disciplines

The program of development of subject position of students in the process of studying pedagogical disciplines and technological tools of pedagogical management of the process of subject position development of future specialists of helping professions are presented in the article. Technological tools include the task, requiring from students to develop cinquainson the basic categories of «Pedagogics» and «Technologies of career development», interactive games, «Portfolio of career advancement», training «I choose my destiny. Ticket to future», etc.

УДК 378.1

Й. Садовска¹, Й. Домбровска²

¹д-р хабылітываваньні політ. навук,
декан факультета історыі і міжнародных адношын
Беластокскага ўніверсітэта

²д-р гуманітарных навук факультета навук аб адукацыі
Беластокскага ўніверсітэта

e-mail: ¹sadowska@uwb.edu.pl; ²j.dabrowska@uwb.edu.pl

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛЬШЕ 2018 г.: ОСНОВАНИЯ И РАЗНОГЛАСИЯ

Представлена позиция академического сообщества относительно изменений в польском высшем образовании. С весны 2019 г. в Польше реализуется Закон о высшей школе и науке от 20 июля 2018 г., целью которого было в частности повышение эффективности науки, обеспечение связи научных исследований с экономикой и увеличение рейтинга вузов в мире. Внесенные изменения имеют очень широкий диапазон: они касаются способа управления вузом и его финансирования, компетенций ректора и сената, структуры факультетов и возможностей профессионального роста. Не подлежит сомнению, что польские университеты требуют модернизации, адаптации к мировым стандартам. Однако текущая реформа, подготовленная сотрудниками министерств, которые не ориентируются в практических аспектах функционирования высшей школой и руководствуются соображениями эффективности и рентабельности, во многих областях имеет обратный эффект и вызывает восприятие изменений как сильно политизированных. Особую обеспокоенность она вызвала среди гуманитариев из-за чрезмерных технических, бюрократических решений и повышенных требований к сотрудникам. Новый закон требует дорогостоящей и целостной внутренней реорганизации вуза, а отход от междисциплинарных областей обучения вызывает нестабильность высшего образования в Польше.

Введение

В Республике Польша с весны 2019 г. вступил в силу Закон о высшем образовании и науке от 20 июля 2018 г. [1]. Его главная цель состояла в том, чтобы адаптировать существующие образовательные институты к мировым стандартам и мировому уровню. Тем не менее план университетских преобразований, подготовленный должностными лицами министерств без подробных инструкций, фактически привел к хаосу и беспокойству среди научных работников. Реформа воспринимается как противоречивое бюрократическое решение. В статье речь пойдет об особенностях реформы и об актуальной ситуации в высшей школе Польши.

История высшего образования в Польше начинается во второй половине XIV в. (первый университет был основан в Кракове благодаря усилиям короля Казимира Великого: 12 мая 1364 г. он издал учредительный акт о предоставлении университетам прав и привилегий [2, с. 30–32]), но только XX в. и провозглашение II Польской Республики способствовали его широкомасштабному развитию. В польских вузах была принята Гумбольдтовская модель – «идея партнерского сообщества учащихся и ученых, которые ищут ответы на актуальные исследовательские вопросы» [3, с. 29], – сочетание академических исследований с дидактикой, разнообразные области обучения при независимом от государства бюджете. Такой формат был полностью реализован в межвоенный период. 1930-е гг. были ознаменованы протестом польского академического сообщества против реформы системы образования, подготовленной правительством санации, явно бросающей вызов автономии университета, а также отдельным профессо-

рам – сторонникам эндекской оппозиции [4]. Реформу не удалось остановить, но от ее реализации практически все остались неудовлетворенными.

В послевоенный период имела место частичная ассимиляция польской системы обучения и советской системой высшего образования. Произошло, например, сужение учебных областей, доминировала практическая ориентация и тенденция на сознательное сокращение числа студентов, несмотря на создание новых университетов. Коэффициент приема в высшие школы во времена ПНР составлял 10 %. В 1989 г. насчитывалось 92 университета, в которых обучались 450 тыс. студентов, что означало отсутствие доступа к обучению многих людей с высоким интеллектуальным потенциалом.

С 1990-х гг. высшее образование в Польше претерпевает постоянные изменения: устранение барьеров на пути создания новых учебных учреждений; допуск частных школ и оплата некоторых образовательных услуг в государственных школах; введение Болонской системы; вступление в программу Erasmus; введение общенациональной оценки образования и научных исследований (в основном в числовых показателях). Большинство изменений проводилось по образцу западноевропейских и американских университетов. Поэтому в настоящее время состояние высшего образования в Польше является результатом совмещения западных моделей и польской традиции (например, в области низкого финансирования высшей школы).

В 2017/18 учебном году в Польше функционировало 397 высших учебных заведений, в том числе 130 государственных, обучались 1,3 млн студентов, из них 1 млн в государственных вузах/школах. Общий коэффициент охвата составлял 47 % (56 % для женщин, 39 % для мужчин) [5, с. 346–347]. Широко распространено мнение, что процент студентов сейчас слишком высок, а это негативно влияет на уровень обучения и вызывает разочарования в связи с несоответствием амбиций рынку труда. В 2018 г. в престижном списке QS World University Ranking среди 1 000 университетов было лишь 14 польских вузов. Наилучшим оказался Варшавский университет, но занял он только 394-е место в мировом рейтинге [6]. Такую ситуацию часто объясняют крайне низким уровнем финансирования: расходы государства на высшее образование составляют около 16,5 млрд злотых, что равняется всего 0,8 % ВВП, тогда как средние европейские показатели – 1,2 % [6].

Убеждение, что польские университеты требуют адаптации к мировым уровням и стандартам, привело к тому, что высшая школа на протяжении многих лет постоянно реформируется. Нынешняя реформа высшего образования, осуществляемая правительством Объединенных правых сил под руководством министра Ярослава Говина, является продолжением, или, скорее, расширением концепции Гражданской платформы (Platformy Obywatelskiej). Ранее за планирование и осуществление изменений отвечали предыдущие министры Барбара Кудрицка и Лена Коларска-Бобиньска.

План университетских преобразований определяется Законом о высшем образовании и науке от 20 июля 2018 г. [7]. В настоящее время он находится в стадии реализации, хотя к весне 2019 г. еще не существовало пакета конкретных положений, что вносило хаос и беспокойство в академическое сообщество. Можно заметить, что, несмотря на существующее общее согласие относительно не наилучшего состояния польского высшего образования, Закон от 20 июля 2018 г. был встречен с очень настороженно со стороны значительной части научных работников. Открытый протест принял форму писем, резолюций, пикетов и даже студенческой забастовки. Под влиянием этих действий некоторые решения были исправлены, однако суть изменений сохранилась.

Проводимая реформа, хотя и является очень глубокой, не сразу изменит ситуацию и облик польских вузов. Сохраняются основные, первичные типы школ, идет адаптация к Болонскому процессу, государственные школы финансируются из государственного бюджета (бесплатное очное обучение). Не планируется ликвидация университетов, и следует отметить, что реформа лишь в незначительной степени окажет влияние на формы обучения. Намерения законодателя заключаются прежде всего в повышении эффективности науки и высшего образования, укреплении связей между научными исследованиями и экономикой, повышении рейтингов вузов, модернизации, совершенствовании, необходимости дерегулирования и, хотя это прямо не декларируется, сокращении числа студентов. Основным инструментом для решения главной задачи повышения академического уровня является механизм финансирования университета. Согласно предлагаемому алгоритму расчета субсидий вырисовывается тенденция к сокращению количества студентов (оптимальное соотношение – 13 студентов на одного сотрудника), консолидации учебных заведений, коммерциализации публикаций результатов исследований за рубежом и т. п. Метод управления вузами также частично изменен. В реформированных учреждениях появляются университетские советы, известные по американской системе образования. Компетенции ректора и сената возрастают, потому что советы факультетов, которые до сих пор были очень важны, перестают существовать, а факультеты изменяют свою структуру и перестают функционировать как первичные единицы.

Изменения в способах управления образовательными учреждениями, представленные как расширение их автономии, на деле были интерпретированы с точностью до наоборот – как ее ограничение. Речь идет, в частности, о возможности влияния Министерства образования на ректора, чьи полномочия расширяются и положение в университете значительно вырастет. В то же время предоставление свободы в определении своей внутренней организации (например, в отношении существования факультетов) и распоряжении средствами из государственных субсидий (хотя большинство идет на заработную плату, минимальный размер которой регулируется законом) в реальности является противоречивым решением. Сильная дифференциация в финансировании государственных университетов, направленная на выбор небольшой группы вузов, щедро финансируемых, которые сосредоточены на научных исследованиях (а не на обучении студентов), может привести к снижению рейтингов и даже ликвидации многих.

Наибольшую обеспокоенность нынешняя реформа вызывает у гуманитариев, опасающихся сильной зависимости финансирования вуза от библиометрической оценки, или публикаций. Такое решение представляется слишком техническим, бюрократическим, и наибольшую озабоченность вызывает тот факт, что идет активное продвижение публикаций за рубежом, а это может обесценить исследования в области национальной и местной истории, литературы, образования и культуры. Гуманитариев беспокоит также отношение к университетам по критерию эффективности/прибыльности – неэффективности/неприбыльности. Тем не менее следует подчеркнуть что, в Законе от 20 июля 2018 г. нет идеологических, мировоззренческих или политических акцентов.

Наибольшую же эмоциональную реакцию вызывают решения, влияющие на профессионально-статусное положение отдельных академических преподавателей. Так, отменена обязательная хабилизация, что по задумке позволит преподавателю сконцентрироваться на научно-исследовательских проектах. Пока неизвестно, повысит или снизит это активность ученых. Похоже, что такое решение, воспринимаемое некоторыми работниками как облегчение их обязанностей, является – наряду с умеренным повышением

заработной платы (в основном для молодых работников) – «подслащиванием» принятия непростых изменений.

В некоторых учреждениях образования реформа, вероятно, приведет к серьезным кадровым изменениям, поскольку очень высокая зависимость финансирования от оценки научного уровня повышает требования к сотрудникам. Университеты, не соответствующие новым требованиям, будут вынуждены изменить свою работу, или они будут ликвидированы. На все это будет накладываться наблюдаемый в Польше демографический спад: меньшее число потенциальных студентов будут претендовать на поступление на учебу. Уже сейчас изменение метода финансирования (алгоритм расчета субсидий) привело к значительному сокращению количества поступающих в государственные университеты [8]. Результатом этого является укрепление рейтинга частных высших школ, которые годами сталкивались с очень серьезными проблемами.

Реализация реформы требует больших усилий, времени и поддержки со стороны академических преподавателей. Дискуссия вокруг нее на протяжении нескольких лет является основной темой заседаний коллегиальных органов университетов. Есть опасения, что это отвлечет внимание сотрудников от научной деятельности, интенсификации которой реформа должна была способствовать. Непредсказуемые последствия изменений порождают у сотрудников чувство неуверенности, что ухудшает условия труда. При этом следует отметить, что некоторые из введенных правил имеют обратную силу (например, критерии оценки достижений будут учитываться после половины периода, который должен быть принят во внимание; изменение способа финансирования в течение учебного года). Это вызывает разочарование, но, конечно, и удовлетворение тех, кто (иногда неожиданно) становится бенефициарами новых решений.

Слишком рано говорить о заметных изменениях в лучшую сторону. В настоящее время при реализации реформы обнаруживаются в основном ее слабые стороны, то, чего авторы реформы не предвидели. Например, новый закон требует на практике затратной и широкомасштабной внутренней реорганизации университета (что, вероятно, не планировалось) и отхода от междисциплинарных областей обучения. Это, вероятно, эффект от подготовки решений министерскими чиновниками, которые не ориентируются в практических аспектах функционирования университетов.

Накал страстей вокруг реформы повышается из-за того, что она воспринимается как сильно политизированная, и не столько из-за взглядов на направление изменений, сколько из-за того факта, что ее проведение является политическим решением. Речь идет о позиции министра высшего образования и науки Ярослава Говина в правительстве Объединенных правых сил. Существуют прогнозы, что политические перемены (например, смена министра) могут привести к частичному отходу от непопулярной реформы. Независимо от ожидаемых эффектов все это сеет хаос в учебных заведениях.

В настоящее время наиболее распространенным выводом из наблюдения за положением дел в высшем образовании в Польше является утверждение о нестабильности ситуации. Будущее видится очень неопределенным. Следует отметить, однако, что феномен неопределенности и ликвидности начинает затрагивать все больше сфер жизни, и, конечно, не только в Польше. Можно считать, что это свидетельствует о переходе к постмодернистскому миру, описанному, к примеру, Зигмунтом Бауманом [9]. Даже университеты, история которых уходит корнями в глубокую историю и которые являются институтами уже длительного периода, не могут функционировать в таком постоянно и быстро меняющемся мире не изменяясь.

Заклучение

Реализуемая реформа требует большого объема работы, времени и усилий со стороны академических преподавателей. Однако существует опасение, что это отвлечет сотрудников от научной деятельности, которую реформа должна была усилить. Атмосфера неуверенности и нестабильности ухудшает условия труда. Дорогостоящая и глобальная внутренняя реорганизация университетов является результатом решений, подготовленных должностными лицами министерств, которые не в полной мере ориентируются в практических аспектах функционирования университета как научно-образовательного учреждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Prawo o szkolnictwie wyższym i nauce [Elektronowy zasób] : ustawa z dnia 20 lipca 2018 r. // Dziennik Ustaw, wydawany przez Prezesa Rady Ministrów. – Warszawa, 2018. – Reżim dostępu: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20180001668>.
2. Wroczyński, R. Dzieje oświaty polskiej do roku 1795 / R. Wroczyński. – Warszawa, 1996. – T. I. – 272 s.
3. Sauerland, K. Idea uniwersytetu: aktualność tradycji Humboldta? / K. Sauerland. – Przegląd Pedagogiczny. – 2008. – № 1. – S. 29–37.
4. W obronie wolności szkół akademickich / J. Archutowski [i in.]. – Kraków, 1933. – 234 s.
5. Rocznik statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej 2018. – Warszawa, 2018.
6. Ranking Uniwersytetów [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>. – Data dostępu: 01.03.2019.
7. Zdziebłowski, S. Budżet w 2018 r.: ponad 9,2 mld zł na naukę i ok. 16,5 mld na szkolnictwo wyższe [Elektronowy zasób] / S. Zdziebłowski. – Reżim dostępu: <http://naukawpolsce.pap.pl>. – Data dostępu: 01.03.2019.
8. Paculek, A. Mniej miejsc na studiach. Uczelnie tną limity przyjęć [Elektronowy zasób] / A. Paculek. – Reżim dostępu: <http://wyborcza.pl/77539823427911-mniej-miejsc-na-uczelniach.htm>. – Data dostępu: 01.03.2019.
9. Bauman, Z. Ponowoczesność jako źródło cierpień / Z. Bauman. – Warszawa, 2000. – 389 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.10.2019

Sadowska J., Dombrowska J. Higher Education Reform in Poland in 2018: Assumptions and Controversies

From spring 2019, the Act of 20 July 2018 Law on Higher Education and Science is being implemented in Poland. The goal was, among others increasing the effectiveness of science, linking research with the economy and raising their rank on the world stage. The article entitled Reform of higher education in Poland in 2018 – assumptions and controversies prepared by employees of the University of Białystok – dr hab. Joanna Sadowska and dr Joanna E. Dąbrowska – introduces the position of the academic community regarding the introduced changes. The new law changes the way universities are managed and the financing mechanism, and thus indirectly forces costly and absorbing internal reorganization. Some policies are retroactive. Too technical, bureaucratic solutions and increasing requirements for employees are a cause for concern. The most concerned are humanists who perceive it as an expression of thinking about universities in terms of efficiency or cost-effectiveness.

УДК 172.1 : [377.169.3.811.112.2]

Е. Ф. Сивашинская¹, И. Ю. Ярмолюк²

¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²преподаватель иностранного языка Пинского колледжа,

магистрант каф. педагогики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹sivashinskaya@mail.ru; ²kononowitsch@mail.ru

**МОДЕЛЬ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Уточняются понятие, состав и содержание гражданских компетенций учащихся колледжа. Представлена модель и определены педагогические условия развития гражданских компетенций учащихся в процессе обучения иностранному (немецкому) языку. Приводятся фрагмент разработанной и апробированной программы формирующего этапа эксперимента и краткая характеристика продуктивных методов и форм обучения и воспитания учащихся колледжа в контексте развития их гражданских компетенций.

Введение

Эффективное развитие современного общества и государства обеспечивается системностью передачи от поколения к поколению национальных традиций и ценностей, норм и правил общественной жизни, знанием гражданами государственного устройства, осознанным участием личности в жизни сообществ и страны в целом. В связи с этим разработка проблемы развития гражданских компетенций учащихся является одним из приоритетных направлений в современной педагогической теории и практике. Гражданское воспитание рассматривается в качестве одного из главных условий построения демократического правового государства и фактора повышения стабильности и устойчивого развития общества.

Ключевыми направлениями гражданского воспитания в учреждениях среднего специального образования является систематизация знаний о политических процессах в стране и мире, институтах государственной власти; усвоение основ политической культуры; выработка способности противостоять чуждому идеологическому влиянию и воздействию деструктивных групп и организаций; участие в общественной жизни учреждения образования; осознание социальной действительности и своего положения в обществе; проявление уважения к культуре и традициям белорусского народа, а также культуре других народов.

В ходе исследования нами было установлено, что содержание учебной дисциплины «Иностранный язык (немецкий)» наряду с содержанием других учебных дисциплин предоставляет преподавателю определенные возможности для развития гражданских компетенций учащихся. В процессе освоения иностранного языка происходит ознакомление учащихся с системой мировоззренческих взглядов, гражданских ценностей, этических оценок, доминирующих в обществе; формирование позитивного отношения к стране изучаемого языка, уважения к образу жизни другого народа; изучение страноведческих сведений, отдельных аспектов культуры своей страны и страны изучаемого языка.

Цель статьи – обосновать необходимость развития гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку, охарактеризовать модель данного процесса и программу ее опытно-экспериментальной апробации, а также опреде-

лить педагогические условия развития гражданских компетенций учащихся на учебных занятиях и в воспитательной работе по иностранному языку.

В теории и практике гражданского воспитания установлено, что проблему развития гражданских компетенций следует решать с позиции компетентного подхода и общей теории развития компетенций. В соответствии с концепциями А. В. Хуторского, И. А. Зимней, О. Л. Жук и др. компетенции личности – это знания, умения, опыт, система ценностей и отношений, необходимые ей для решения разнообразных жизненных и профессиональных задач [1–3].

Определим, какое место занимают гражданские компетенции в системе ключевых компетенций. Согласно классификации ключевых компетенций, определенных Советом Европы, гражданские компетенции относятся к группе социальных компетенций и трактуются как «способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов» [цит. по: 3]. И. А. Зимняя выделяет три основные группы ключевых компетентностей. При этом компетенции гражданственности она характеризует как знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свободу и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание символов государства (герб, флаг, гимн) и гордость за них [2].

Для нашего исследования также представляет интерес классификация ключевых компетенций А. В. Хуторского, согласно которой гражданские компетенции относятся к группе социально-трудовых компетенций. Под гражданскими компетенциями ученый понимает владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя) [1]. В разработанном на основе компетентного подхода образовательном стандарте высшего образования первой ступени Республики Беларусь подчеркивается, что гражданские компетенции обеспечивают культурно-ценностные ориентации личности, знание идеологических, нравственных ценностей общества и государства и умение следовать им.

Понятие, состав и содержание гражданских компетенций раскрываются в работах А. Н. Князева, Г. Л. Котовой, В. Ш. Масленниковой, Е. В. Митиной, Ю. В. Розка и других исследователей. Например, В. Ш. Масленникова трактует гражданские компетенции как совокупность готовности и способности, которые позволяют личности активно, ответственно и эффективно реализовывать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в демократическом обществе, применять свои знания и умения на практике [4].

З. С. Мазыр определяет гражданскую компетенцию как готовность к применению знаний о государстве, обществе, праве, политике, обладание политико-правовыми умениями и навыками, позволяющими выполнять в конкретных общественных ситуациях гражданские роли (избирателя, законопослушного гражданина, участника общественных организаций, волонтера и др.) [5].

Е. В. Митина под гражданской компетентностью понимает интегративную характеристику личности, представляющую собой синтез когнитивного, мотивационно-ценностного, деятельностного и личностного компонентов. С позиции исследователя, гражданская компетентность проявляется в освоении гражданских знаний и умений, опыта гражданской деятельности, в наличии системы гражданских ценностей и развитых гражданских качеств, необходимых для осуществления социально значимой гражданской деятельности [6]. Согласно концепции А. М. Князева процесс воспитания гражданственности имеет акмеологический вектор; вершиной этого процесса является акме как интегрированная социально, социокультурно и исторически обусловленная граж-

данская зреласць чалавека. По ўтверджэнню ученага, становленне грамадзянскасці в адукацыйнай сістэме абумоўліваецца кампанентамі грамадзянскай кампетэнтнасці, свойсвеннымі таму або іншаму этапу ўзроставага развіцця адукаваных [7].

Тэарэтычны аналіз навуковых работ і нарматыўных дакументаў па праблеме даследавання дазваляе нам ўточніць паняцце, склад і змест грамадзянскіх кампетэнцый. Пад грамадзянскімі кампетэнцыямі адукаваных каледжа мы разумеем агульнасць грамадзянскіх ведаў, уменняў, каштоўнасцей асобы, неабходных ёй для эфектыўнага ўзаемадзеяння і функцыянавання ў грамадстве, і вопыт іх прымянення і праяўлення ў кожнадзёнай жыццёвай дзейнасці. Грамадзянскія кампетэнцыі забяспечваюць каштоўна-сэнсавую накіраванасць асобы, сфармаванысць яе базовай культуры, здольнасць і гатовнасць да сацыяльнаму ўзаемадзеянню.

Пры вызначэнні кампанентнага складу грамадзянскіх кампетэнцый адукаваных каледжа мы апрапаралі таксама на падыход І. А. Зімнага да апісання структурных блокаў кампетэнцый (кампетэнтнасцей). Учыны выдзяляе ў структуры сацыяльнай кампетэнтнасці ведавы, манавацыйны, паўдзельны (працэсуальна-дзейнасцый), каштоўна-сэнсавы, эмацыянальна-валявы кампаненты. Указаны кампанентны склад сацыяльных кампетэнтнасцей можа быць універсальным і прымянімым да апісання структурных блокаў любых відаў сацыяльных кампетэнцый, ў том ліку і грамадзянскіх [2]. У нашым даследаванні кампаненты грамадзянскіх кампетэнцый аб'яднаны ў тры групы: кагнітыўныя (КК), каштоўна-сэнсавыя (ЦСК), працэсуальна-дзейнасцыйныя (ПДК). Апішам зместна даныя групы кампетэнцый, абазначыў іх наступным чынам:

КК-1 – ведае заканаў грамадзянскага грамадства, нарм сацыяльнай жыццёвай;

КК-2 – ведае праваў і абавязнасцей грамадзяніна, а таксама адпаведнасці за іх несоблюдене;

КК-3 – ведае історыі, культурных і духоўных традыцый беларускага народа, а таксама другіх народаў, ў том ліку краіны даследаванага мовы;

КК-4 – ведае аб мелях, асабнасцях і прававых асновах дзейнасці грамадзянскіх маладзёжных арганізацый, арганам самаўправалення адукацыйнага ўзаведэння;

КК-5 – ведае аб правах і абавязнасцях адукаванага, рэальных і патэнцыяльных сацыяльных ролях адукаванага як грамадзяніна;

ЦСК-1 – праяўленне уважлівага адносіна да грамадзянскім каштоўнасцям і нармам;

ЦСК-2 – праяўленне эмацыянальна-каштоўнага адносіна да дзяржаўным сімвалам, культуры і традыцыям беларускага народа, другіх народаў, ў том ліку краіны даследаванага мовы;

ЦСК-3 – праяўленне адпаведнага адносіна да выканання праваў і абавязнасцей адукаванага каледжа і грамадзяніна;

ЦСК-4 – праяўленне эмацыянальна-каштоўнага адносіна да якасцям асобы, неабходным для паспяховай рэалізацыі праваў і абавязнасцей адукаванага і грамадзяніна (целенапрамаванасць, адпаведнасць, чыство долга, і др.);

ЦСК-5 – праяўленне крытычнага адносіна да свайму паўдзельню і паўдзельню другіх людзей ў разных сітуацыях сацыяльнага ўзаемадзеяння і грамадзянскага жыцця;

ПДК-1 – умення выстраіваць свай паўдзельню і дзейнасць ў адпаведнасці да нармам сацыяльнага ўзаемадзеяння і грамадзянскага жыцця;

ПДК-2 – умення аналізаваць і даваць ацэнку дзейнасці сацыяльных інстытутов, сачаваць асобныя і грамадзянскія інтарэсы, праяўляць ініцыятыву і браць на сябе адпаведнасць;

ПДК-3 – владение способами и определенным опытом общественно полезной деятельности в условиях колледжа и вне учебного заведения;

ПДК-4 – умения исполнять гражданские обязанности, пользоваться своими правами;

ПДК-5 – умения вступать в диалог, определять и аргументировать свою позицию.

Развитие вышеназванных компетенций является целевым ориентиром в работе преподавателя иностранного языка, а значит системообразующим компонентом модели развития этих компетенций при обучении иностранному языку. При использовании метода моделирования в нашем исследовании мы руководствовались тем, что данная модель, во-первых, должна отражать логику и организацию образовательного процесса, а во-вторых – включать педагогические условия развития гражданских компетенций учащихся колледжа в ходе учебных занятий и воспитательной работы по иностранному языку. В соответствии с этим в процессе моделирования развития гражданских компетенций учащихся при обучении иностранному языку нами были выделены целевой, методологический, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты, а также определены педагогические условия развития гражданских компетенций учащихся при обучении иностранному языку. Целевой компонент характеризуемой модели заключается в ориентации учебно-воспитательной работы преподавателя иностранного языка на развитие гражданских компетенций учащихся. Методологический компонент представлен культурологическим, аксиологическим, личностно ориентированным, компетентностным подходами.

Содержательный компонент вышеназванной модели определяется составом и содержанием гражданских (когнитивных, ценностно-смысловых и процессуально-деятельностных) компетенций учащихся колледжа, а также содержанием учебной дисциплины «Иностранный язык (немецкий)». Технологический компонент дисциплины включает методы и технологии развития гражданских компетенций (ролевые и деловые игры; интерактивные методы; обучение в сотрудничестве; подготовка и выступление учащихся с презентациями; методы проектов, организации рефлексивной деятельности), а также формы воспитательной работы (ток-шоу, виртуальная экскурсия, круглый стол, театрализованное представление, квест и др.).

Оценочно-результативный компонент разработанной модели состоит из диагностического инструментария, уровней развития гражданских компетенций учащихся колледжа, критериев и показателей, необходимых для их диагностики, а также ожидаемых результатов опытно-экспериментальной работы по апробации данной модели. Диагностический инструментарий представлен такими методами, как наблюдение, анкетирование, метод самооценки, метод экспертной оценки, которые применялись нами в рамках диагностических методик, разработанных К. М. Левитаном и Т. Е. Шепелевой (соответственно «Шкала оценки уровней сформированности профессионально значимых качеств и умений» и «Методика диагностики гражданской компетентности студентов» [8; 9]), адаптированных к нашему исследованию.

Уровни развития гражданских компетенций учащихся колледжа при обучении иностранному языку определялись нами на основе уровней сформированности профессионально значимых качеств и умений, выделенных К. М. Левитаном, с учетом специфики нашего исследования: требуемый (гражданские компетенции ярко выражены, всегда проявляются в образовательном процессе); достаточный (гражданские компетенции достаточно выражены и часто проявляются в образовательном процессе); допустимый (гражданские компетенции имеют место, время от времени проявляются в образовательном процессе), недостаточный (гражданские компетенции недостаточно выражены, проявляются редко либо совсем не проявляются в образовательном процессе)

уровни [8]. При этом прогнозируемым результатом апробации представленной модели в опытно-экспериментальной работе является повышение уровня развития гражданских компетенций учащихся колледжа.

В ходе моделирования развития гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку нами были определены педагогические условия развития данных компетенций: 1) отбор содержания обучения и воспитательной работы по иностранному языку с акцентированием его ценностно-ориентационной составляющей; 2) реализация компетентностного подхода при проектировании учебных занятий и воспитательных мероприятий по иностранному языку; 3) применение продуктивных методов и форм организации учебно-познавательной и иных видов деятельности учащихся при обучении иностранному языку. Рассмотрим кратко каждое из этих педагогических условий.

Изучение научно-методической литературы (И. Л. Бим, И. Н. Верещагина, Е. И. Вишнеvский, К. Б. Есипович, Г. В. Рогова и др.) позволяет сделать вывод, что освоение иностранного языка как учебной дисциплины способствует приобщению учащихся к мировой культуре и лучшему осознанию культуры родной страны. Как подчеркивает И. Л. Бим, главной воспитательной целью изучения иностранного языка является формирование социально активной личности, воспитание патриотизма, коллективизма и других гражданских и нравственных качеств [10]. Содержание учебной дисциплины «Иностранный язык», его коммуникативная направленность, обращенность к изучению быта, обычаев, традиций, прав и обязанностей граждан родной страны и страны изучаемого языка предоставляет преподавателю большие возможности для развития гражданских компетенций учащихся.

Определяя второе педагогическое условие, мы опирались на вывод исследователей о том, что главным элементом компетентностного подхода становится опыт решения разнообразных задач и выполнения социальных ролей и функций на основе сформированных знаний, универсальных способностей и видов готовности, относящихся к разным сферам социальной жизни, деятельности, науки, культуры. Реализуя компетентностный подход при проектировании учебных занятий и воспитательной работы по иностранному языку, выбираем такие формы обучения и воспитания учащихся, которые имеют практико-ориентированный характер [3]. Включение учащихся в созданные в образовательном процессе проблемные ситуации, имитирующие жизненные и социальные проблемы, способствует осознанию и принятию ими гражданских ценностей, накоплению опыта гражданской деятельности.

Согласно следующему педагогическому условию, в процессе развития гражданских компетенций учащихся колледжа необходимо применять продуктивные методы и формы обучения и воспитания на учебных занятиях, а также при проведении воспитательных мероприятий по иностранному языку. В частности, использование на занятиях педагогических методов и технологий, основанных на рефлексивно-деятельностной позиции всех участников образовательного процесса, способствует развитию гражданско-патриотической направленности личности, активной жизненной позиции, готовности учащихся к осознанному выполнению социальной роли гражданина, стимулированию их социальной ответственности. Следует также подчеркнуть, что применение продуктивных методов и форм обучения и воспитания учащихся колледжа и в целом реализация компетентностного подхода в образовательном процессе позволяют усилить практический, прикладной, воспитательный аспекты освоения иностранного языка как учебной дисциплины.

Экспериментальная работа по апробации модели развития гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку проводилась в Пинском колледже Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. В ней участвовали 52 учащихся I и II курсов, составивших экспериментальную и контрольную учебные группы (по 26 человек). На констатирующем этапе эксперимента с помощью описанного выше диагностического инструментария были выявлены уровни развития гражданских компетенций учащихся: высокий уровень у 13,5 % учащихся, средний уровень у 42,3 %, низкий уровень у 44,2 %. Полученные результаты свидетельствуют об актуальности и значимости исследуемой нами проблемы, а также об имеющемся потенциале развития гражданских компетенций учащихся.

Основная цель формирующего этапа эксперимента заключалась в апробации модели развития гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку. Для его проведения нами была разработана программа формирующего этапа эксперимента. Приведем фрагмент этой программы (таблица).

Таблица. – Фрагмент программы формирующего этапа эксперимента (на примере разработки темы «Молодежь и общество»)

Месяц	Тема учебного занятия или воспитательного мероприятия	Целевые ориентиры	Методы, технологии, формы развития гражданских компетенций
Январь	1. Современная молодежь. Занятия молодежи в свободное время	КК-5 ЦСК-3 ЦСК-4	Социологический опрос «Ценности современной молодежи»; дискуссия; прием составления ассоциогаммы; метод организации рефлексивной деятельности «Облако тегов»
	2. Мечты, желания и стремления современных молодых людей	КК-5 ЦСК-3 ЦСК-5 ПДК-5	Работа в малых группах «Мечты и желания современных молодых людей»; метод «Мозговой штурм»; прием «Броуновское движение»
	3. Интересы и идеалы современной молодежи. Права и обязанности молодых людей	КК-1 КК-5 ЦСК-4 ПДК-4	Ролевая игра «Права и обязанности молодых людей»; метод организации рефлексивной деятельности «Заверши фразу»
	4. Воспитательное мероприятие «Поэты о любви к родной земле»	КК-3 ЦСК-2 ПДК-3	Устный журнал; презентация стихов белорусских и немецких поэтов; беседа
Февраль	5. Участие молодых людей в работе общественных организаций и групп	КК-4, ЦСК-5 ПДК-2 ПДК-5	Подготовка и выступление учащихся с презентациями «Молодежные организации Беларуси и Германии»; метод организации рефлексивной деятельности «Оценочный лист»
	6. Вовлеченность молодых людей в социальные проекты и общественно значимые дела. Молодежные акции и дела	ЦСК-3 ЦСК-5 ПДК-1 ПДК-3	Разработка проектов «Молодежные инициативы и идеи»; дискуссия; метод организации рефлексивной деятельности «Рефлексивный круг»
	7. Воспитательное мероприятие «Край, где я живу»	КК-3 ЦСК-3	Виртуальная экскурсия; разработка и презентация учащимися разработанных туристических маршрутов по культурным и историческим уголкам Беларуси

Охарактеризуем кратко методы, технологии, формы обучения и воспитания, которые использовались в ходе формирующего этапа эксперимента, в том числе представленные в таблице.

Как показывает образовательная практика, эффективными методами гражданского воспитания учащихся являются дидактические, ролевые, деловые игры. Например, при изучении темы «Jugend und Gesellschaft» («Молодежь и общество») учащимся было предложено стать участниками ролевой игры «Rechte und Pflichten der Jugendlichen» («Права и обязанности молодых людей»). Предварительно учащиеся ознакомились с положениями законов Беларуси и страны изучаемого языка в области молодежной политики. В ходе игры учащиеся исполняли различные роли (эксперт, родитель, социальный педагог, учащийся), высказывали свое мнение по проблеме, отстаивали свою позицию, демонстрировали знание своих прав и обязанностей как гражданина и учащегося. При изучении темы «Umwelt und Umweltprobleme» («Экология и экологические проблемы») проводилась ролевая игра «Einfälle statt Abfälle» («Хорошие идеи вместо свалок мусора»), в которой учащимся было предложено обсудить проблему организации мест в городе для сбора мусора. Исполняя роли жителя города, бургомистра, члена организации Гринпис и др., учащиеся должны были занять определенную позицию по этой проблеме, обосновать свою точку зрения. В подобного рода ролевых или деловых играх создаются условия для воспитания ценных гражданских качеств (ответственность, организованность, инициативность и др.), развития умений работать с информацией, аргументировать свою точку зрения, выступать перед слушателями (КК-2, КК-5, ЦСК-2, ЦСК-5, ПДК-2, ПДК-3, ПДК-5 и др.).

В ходе экспериментальной работы также применялся метод проектов, который предоставляет учащимся возможность самостоятельного освоения знаний в процессе решения практических задач или проблем. Так, реализуя проект «Die berühmten Menschen meines Bezirks» («Известные личности моего региона»), учащиеся осуществляли поиск информации о жизни и деятельности известных людей, представителей своей малой Родины. В ходе выполнения проекта «Belarus für Touristen» («Беларусь глазами туристов») учащиеся разрабатывали туристические маршруты по самобытным уголкам родной страны и презентовали их.

В проекте «Nationale Stereotypen» («Национальные стереотипы») учащиеся провели социологический опрос и по его результатам составили список типичных черт внешности и характера народа страны изучаемого языка. Как показали промежуточные результаты опытно-экспериментальной работы, все методы, которые применялись в рамках технологии проектного обучения, способствовали развитию гражданских компетенций учащихся (КК-3, КК-5, ЦСК-2, ЦСК-4, ПДК-2, ПДК-5 и др.).

В ходе изучения тем «Internationale Zusammenarbeit» («Международное сотрудничество»), «Nationalcharakter» («Национальный характер»), «Sozialkulturelles Porträt des Landes» («Социокультурный портрет страны») учащиеся подготовили и представили мультимедийные презентации «Weltkulturerbe der UNESCO» («Культурные памятники, охраняемые ЮНЕСКО»), «Das Porträt eines Belarussen» («Портрет белоруса»), «Sitten und Bräuche des belarussischen Volks» («Народные обряды и традиции белорусского народа») и др. Кроме того, на протяжении всего формирующего этапа эксперимента учащиеся составляли ассоциогаммы и электронные письма, были участниками виртуальных экскурсий, анализировали учебные видеofilмы, писали эссе. Эти и подобные педагогические методы и приемы способствовали воспитанию толерантности,

ответственности, инициативности, развитию стремления к диалогу и дискуссии и других гражданских качеств учащихся.

Во внеучебной деятельности по иностранному языку применялись такие формы ее организации, как ток-шоу, театрализованное представление, круглый стол, викторина, устный журнал и др. Например, учащимся был подготовлен и проведен устный журнал на тему «Das Thema Heimatliebe in der Literatur von Deutschland und Belarus» («Белорусские и немецкие поэты о любви к родной земле»). При проведении квест-игры в рамках недели иностранного языка учащимся предлагалось проходить этапы и выполнять задания, которые были направлены на освоение знаний в области истории и культуры Беларуси и страны изучаемого языка.

Заклучение

Таким образом, теоретическое изучение психолого-педагогической литературы и нормативно-правовой документации позволило уточнить понятие, состав и содержание гражданских компетенций учащихся колледжа, обосновать утверждение, что содержание и процесс освоения учебной дисциплины «Иностранный язык» обладает значительным педагогическим потенциалом в контексте развития гражданских компетенций учащихся колледжа, разработать модель и определить педагогические условия развития данных компетенций при обучении иностранному языку.

Ход и предварительные результаты опытно-экспериментальной работы позволяют сделать вывод, что процесс обучения иностранному языку в ходе учебных занятий и воспитательной работы по этой дисциплине предоставляет широкие возможности для развития гражданских компетенций учащихся. Предметно-тематическое содержание учебной дисциплины, формы и методы организации деятельности учащихся, применяемые в рамках ее изучения, способствуют пониманию многообразия мира, прав и обязанностей гражданина и учащегося, формированию толерантного сознания, ценностного отношения к культуре своей страны и страны изучаемого языка и др. При этом продуктивными педагогическими средствами развития всех групп (КК, ЦСК, ПДК) гражданских компетенций учащихся колледжа в процессе обучения иностранному языку являются игровые, интерактивные методы, методы организации рефлексивной деятельности, социологический опрос, подготовка презентаций и выступление, виртуальная экскурсия, викторина, ток-шоу, устный журнал и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. – Дата доступа: 01.10.2019.
2. Зимняя, И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>. – Дата доступа: 01.10.2019.
3. Жук, О. Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода : учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко ; под общ. ред. О. Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2007. – 192 с.
4. Масленникова, В. Ш. Педагогическая модель социально-ориентированной личности студента : метод. пособие / В. Ш. Масленникова. – Казань : ИСПО РАО, 2006. – 124 с.

5. Мазыр, З. С. Формирование гражданской компетенции учащихся в процессе обучения в школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / З. С. Мазыр. – Самара, 2005. – 24 с.

6. Митина, Е. В. Опыт формирования гражданской компетентности старших школьников [Электронный ресурс] / Е. В. Митина // The Emissia.Offline Letters : науч.-пед. интернет-журнал. – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2010/1429.htm>. – Дата доступа: 02.10.2019.

7. Князев, А. М. Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 19.00.13 / А. М. Князев. – М., 2008. – 70 с.

8. Левитан, К. М. Основы педагогической деонтологии : учеб. пособие для высш. шк. / К. М. Левитан. – М. : Наука, 1994. – 192 с.

9. Шепелева, Т. Е. Методика диагностики гражданской компетентности студентов / Т. Е. Шепелева // Сред. проф. образование. – 2016. – № 1. – С. 27–33.

10. Бим, И. Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам / И. Л. Бим // Иностр. яз. в шк. – 2001. – № 4. – С. 5–7.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2019

Sivashinskaya E. F., Yarmaliuk I. Y. Model and Methodical Aspects of the Development of College Students' Civil Competences in the Process of Learning a Foreign Language

The article reveals the theoretical and methodical aspects related to the development of civil competences of college students while teaching a foreign language. The term, structure and content of civil competences regarding college students are specified. The model is presented and pedagogical conditions of development of college students' civil competences in the process of teaching a foreign language are defined. A designed and tested program fragment of the experiment on its forming stage and a brief description of productive educational methods and training forms in relation to college students in the context of their civil competencies development are given.

УДК 373.21:81'233(043.3)

Г. Н. Казаручык

канд. пед. наук, доц., зав. каф. спецыяльных педагогічных дысцыплін
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: kazaruchyk@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧЬЮ ДЕТЬМИ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Раскрывается сущность связной речи, ее формы и виды. Описаны типы монологического высказывания. Представлен исторический аспект становления и современные направления методики развития у детей дошкольного возраста связной речи. Проанализированы психологические основы развития связной речи дошкольников и раскрыт ее онтогенез. Описаны особенности овладения связной речью детьми среднего дошкольного возраста. Показано соотношение контекстной и ситуативной речи, ее связь с мышлением ребенка. Представлена специфика развития связной монологической речи как главного направления на пятом году жизни. Раскрыты основные характеристики связной речи детей среднего дошкольного возраста.

Введение

В настоящее время проблема развития речи становится особенно значимой. Главными и отличительными чертами современного общества являются сокращение живого человеческого общения, зависимость от различных гаджетов (компьютеров, планшетов, мобильных телефонов), недостаток общения родителей со своими детьми, обесценивание в глазах родителей детской художественной литературы, игнорирование речевых трудностей, что увеличивает число дошкольников с речевым развитием, не соответствующим возрастной норме.

Многочисленные исследования (А. Г. Абсалямова, Н. Г. Андреева, Е. И. Мельник, Е. А. Павлова, Н. Г. Смольникова, Л. Г. Шадрина) показывают, что у многих детей не развита именно связная речь. Преобладание ситуативной речи, состоящей из простых предложений, неспособность детей грамматически правильно построить распространенное предложение, засорение детской речи сленговыми и нелитературными словами и выражениями, бедная диалогическая речь, неумение грамотно формулировать вопросы и отвечать на них, неспособность ребенка к построению связного монологического высказывания (описательного или сюжетного рассказа, пересказа текста, творческого рассказа) – все это является актуальной проблемой как в дошкольном, так и в младшем школьном возрасте.

В исследовании проведен теоретический анализ овладения связной речью детьми среднего дошкольного возраста.

Характеристики связной речи детей среднего дошкольного возраста

Связная речь представляет собой наиболее сложную форму речевой деятельности. Она носит характер последовательного систематического развернутого изложения. «Связная речь – это такая речь, в которой в социально закрепленных грамматических формах выражена законченная мысль» [1, с. 15]. С. В. Алабужева под связной речью понимает «развернутое изложение определенного содержания, которое осуществляется логично, последовательно, точно, правильно и образно. Это показатель общей речевой культуры человека» [2, с. 112]. А. М. Бородич считает, что «связная речь – это смысловое развернутое высказывание (ряд логически сочетающихся предложений), обеспечиваю-

щее общение и понимание людей» [3, с. 46]. Согласно исследованиям Ф. А. Сохина, связная речь неотделима от мира мыслей: «связность речи – это связность мыслей» [4, с. 115]. В связной речи отражается логика мышления ребенка, его умение осмыслить воспринимаемое и правильно выразить его.

«Связной речью считается такая речь, которая организована по законам логики, грамматики и композиции, представляет собой единое целое, имеет тему, выполняет определенную функцию (обычно коммуникативную), обладает относительной самостоятельностью и законченностью, расчленяется на более или менее значительные структурные компоненты» [5, с. 223]. Связная речь отражает уровень развития ребенка, показывает овладение словарем, грамматическим строем, звуковой культурой речи.

Связность, считал С. Л. Рубинштейн, это «адекватность речевого оформления мысли говорящего или пишущего с точки зрения ее понятности для слушателя или читателя» [6, с. 481]. Следовательно, основной характеристикой связной речи является ее понятность для собеседника. Ф. А. Сохин считал связную речь «содержательной, логичной, последовательной, достаточно хорошо понятной самой по себе, не требующей дополнительных вопросов и уточнений» [4, с. 5].

Существуют две формы связной речи – диалогическая и монологическая.

Диалогическая речь – классическая естественная форма речевого общения, в которой проявляется коммуникативная функция языка. Главной особенностью диалога является чередование говорения одного собеседника с прослушиванием и последующим говорением другого. Собеседники всегда знают, о чем идет речь, и не нуждаются в разрывании мысли и высказывания. Устная диалогическая речь протекает в конкретной ситуации и сопровождается жестами, мимикой, интонацией. Речь в диалоге может быть неполной, сокращенной, иногда фрагментарной.

Для диалога характерны:

- 1) разговорная лексика и фразеология;
- 2) краткость, недоговоренность, обрывистость;
- 3) простые и сложные бессоюзные предложения;
- 4) кратковременное предварительное обдумывание;
- 5) обеспечение связности диалога двумя собеседниками.

Диалогическая речь отличается произвольностью, реактивностью. Для нее типично использование шаблонов и клише, речевых стереотипов, устойчивых формул общения, привычных, часто употребляемых и как бы прикрепленных к определенным бытовым положениям и темам разговора. Речевые клише облегчают ведение диалога.

Монологическая речь – связное, логически последовательное высказывание, протекающее относительно долго во времени, не рассчитанное на немедленную реакцию слушателей. Она имеет сложное строение, выражает мысль одного человека, которая неизвестна слушателям. Высказывание содержит более полную формулировку информации, оно более развернуто. В монологе необходимы внутренняя подготовка, более длительное предварительное обдумывание высказывания, сосредоточение мысли на главном. Здесь тоже важны неречевые средства (жесты, мимика, интонация), умение говорить эмоционально, живо, выразительно, но они занимают подчиненное место.

Для монолога характерны:

- 1) литературная лексика;
- 2) развернутость высказывания, законченность, логическая завершенность;
- 3) синтаксическая оформленность (развернутая система связующих элементов);
- 4) связность монолога обеспечивается одним говорящим.

Эти две формы речи отличаются и мотивами. Монологическая речь стимулируется внутренними мотивами, и ее содержание и языковые средства выбирает сам говорящий. Диалогическая речь стимулируется не только внутренними, но и внешними мотивами (ситуация, в которой происходит диалог; реплики собеседника). Значит, «монологическая речь является более сложным, произвольным, более организованным видом речи и поэтому требует специального речевого воспитания» [Цит. по: 7, с. 254]. Развитие диалогической речи до уровня обобщающих развернутых бесед приводит к овладению связным монологическим высказыванием. Вместе с тем диалог и монолог взаимосвязаны. Так, в процессе общения монологическая речь интегрируется в диалогическую, а монолог может приобретать диалогические свойства. Часто общение протекает в форме диалога, иногда с монологическими вставками. Тогда наряду с короткими репликами употребляются более развернутые высказывания, состоящие из нескольких предложений и содержащие различную информацию.

По способу передачи информации, или по способу изложения, выделяются такие типы монологического высказывания, как описание, повествование, рассуждение. О. С. Ушакова [5, с. 85] дает следующие определения перечисленным высказываниям:

Описание – это монологическое высказывание, которое начинается с общего определения и названия предмета или объекта; затем идет перечисление признаков, свойств, качеств, действий; завершает описание итоговая фраза, дающая оценку предмету или высказывающая отношение к нему. При помощи описания можно запечатлеть в статичном состоянии какой-то момент действительности, создать словесный образ предмета, обозначив в нем наличие или отсутствие его каких-либо признаков. В описании употребляются языковые категории, раскрывающие признаки фактов, явлений, предметов: именные конструкции, формы настоящего времени глаголов, слова с качественным и пространственным значением.

Повествование – это монологическое высказывание, в котором развитие сюжета развертывается во времени и логической последовательности. Повествование предназначено для передачи развития действия, которое включает следующие друг за другом события, сценки, картины. Особую значимость имеет соблюдение структуры повествования, т. к. ее несоблюдение нарушает последовательность изложения событий, их логику. Поэтому схема повествования должна быть выдержана четко – начало, середина, конец (завязка, кульминация, развязка). В повествовательном типе высказывания используются самые разнообразные лексические и грамматические средства, особенно это относится к глаголам, которые способны выстраивать последовательность действий и событий. Разновидностями повествования являются **рассказ** – самостоятельное развернутое изложение ребенком определенного содержания и **пересказ** – осмысленное воспроизведение литературного образца в устной речи.

Рассуждение – это монологическое высказывание, включающее причинно-следственные конструкции, вопросы, оценку. Оно содержит **тезис** (начальное предложение), **доказательство** выдвинутого положения и вывод, который из него следует. Рассуждение не имеет жесткой структуры, доказательства тезиса могут излагаться в разной последовательности. В рассуждении может доказываться не одно, а несколько положений и может быть сделано несколько выводов или один обобщенный [3, с. 86].

Связная речь может быть **ситуативной** и **контекстной**. **Ситуативная речь** связана с конкретной наглядной ситуацией и не отражает полностью содержания мысли в речевых формах. Она понятна только при учете той ситуации, о которой рассказывается. Для ситуативной речи характерно широкое использование жестов, мимики, указательных местоимений. **Контекстная речь** сосуществует с ситуативной. Контекстную речь

отличает связность, когда содержание высказывания раскрывается в самом его контексте. Ее единицей уже становится не слово, а предложение. Сложность контекстной речи состоит в том, что здесь требуется построение высказывания без учета конкретной ситуации, с опорой только на языковые средства.

Психологи подчеркивают, что в связной речи отчетливо выступает тесная связь речевого и умственного воспитания детей. Ребенок учится мыслить, учась говорить, но он также и совершенствует речь, учась мыслить. Связная речь играет роль социализирующего фактора – помогает ребенку устанавливать связи с окружающими людьми, определяет и регулирует нормы поведения в обществе, что является решающим условием для развития его личности. Обучение связной речи влияет и на эстетическое воспитание: пересказы литературных произведений, самостоятельные детские сочинения развивают образность и выразительность речи, обогащают художественно-речевой опыт детей [7, с. 256].

Внимание проблеме развития связной речи детей дошкольного возраста уделяли известные педагоги, психологи, лингвисты в течение многих лет. Так, еще чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский (1592–1672) предлагал в качестве средства развития связной речи использовать в работе с детьми художественные рассказы, басни, сказки о животных. Развитие связной речи, по его мнению, начинается с четкого правильного называния предметов: нужно учить самим вещам, а не словам, их обозначающим. К. Д. Ушинский в конце XIX в. внес большой вклад в методику развития связной речи детей дошкольного возраста. К. Д. Ушинский подчеркивал ведущую роль сказки в развитии связной речи дошкольников. В современной практике детских садов широко используются упражнения, рассказы, написанные К. Д. Ушинским, и народные сказки в его обработке. Однако наибольшего расцвета методика развития речи в целом и развитие связной речи в частности достигли во второй половине XX в.

Развитие связной речи, обучение родному языку Е. И. Тихеева рассматривала в связи с развитием личности. Ею разработаны виды детского рассказывания: рассказы по заглавиям, по началу рассказа, по картинкам, из опыта и др. Е. А. Флерица подчеркивала роль непринужденной обстановки в общении, необходимость специальных бесед с детьми, предложила свою классификацию и методику бесед.

Большой вклад в разработку методики обучения детей рассказыванию внесла А. М. Бородич. Она оказала влияние на совершенствование работы по развитию речи детей в массовой практике [3].

Широкое применение в практике нашли методические и дидактические пособия, наглядный материал, подготовленные Л. М. Ляминой, В. В. Гербовой. Ими разработаны методики развития диалогической и монологической речи для всех возрастных групп: различные беседы, обучение пересказу, составлению рассказов, а также сюжетно-дидактические игры, в которых дети, исполняя роль, должны описать предмет, игры-инсценировки. Подчеркивается важность стимулирования взрослым самостоятельной речевой активности ребенка, а также создания развивающей речевой среды во всех возрастных группах.

Большое влияние на развитие научной методики оказали исследования сотрудников лаборатории развития детской речи под руководством Ф. А. Сохина. Разработка Ф. А. Сохиным методической теории включала психологические, психолингвистические, лингвистические и собственно педагогические аспекты. Он убедительно доказал, что развитие детской речи имеет свое самостоятельное значение и не должно рассматриваться только как аспект ознакомления с окружающим миром: «Связная речь – это не просто последовательность связанных друг с другом мыслей, которые выражены

точными словами в правильно построенных предложениях... Связная речь как бы вбирает в себя все достижения ребенка в овладении родным языком, в освоении его звуковой стороны, словарного запаса и грамматического строя. По тому, как дети строят свои высказывания, можно судить об уровне их речевого развития» [4, с. 5].

А. М. Леушина считала, что развитие связной речи должно вестись в процессе плановой и систематической работы над пересказом литературного произведения и обучения самостоятельному рассказыванию, содержание детского рассказа необходимо обогащать на основе наблюдения окружающей действительности, важно учить детей находить более точные слова, правильно строить предложения и соединять их в логической последовательности в связный рассказ [Цит. по: 8, с. 155]. Вывод А. М. Леушиной нашел подтверждение в исследовании М. И. Лисиной и ее учеников. Ученые доказали, что речевое развитие зависит от уровня развития общения у детей.

Исследователи последних лет (О. С. Ушакова [5], А. А. Зрожевская [9]) в формировании связной речи на материале игрушки исходили из того, что детей надо учить не видам рассказывания, а умению строить монолог-повествование, опираясь на категориальные признаки текста. Изыскания, проводившиеся учеными, показали, что углубленная, обогащенная по содержанию работа по развитию связной речи детей, которая начинается по меньшей мере с младшего возраста, дает в конце их обучения и воспитания в детском саду в любой возрастной группе большой эффект.

Исследования О. С. Ушаковой, опирающиеся на глубокое понимание процессов развития речи, во многом изменили подход к содержанию и методике развития речи детей. На их основе была разработана программа речевого развития детей, методические пособия для воспитателей, отражающие комплексный подход к речевому развитию и рассматривающие овладение связной речью как творческий процесс.

В работе А. А. Зрожевской [9] доказана возможность и целесообразность формирования у детей среднего дошкольного возраста умений и навыков описательной связной речи, в которой соблюдается общая структура текста, последовательно выстраиваются и достаточно полно раскрываются высказывания, используются разнообразные внутритекстовые связи. Результаты исследования раскрывают не использованные до сих пор в развитии речи детей среднего дошкольного возраста возможности в овладении связной описательной речью.

В современных методических и психологических исследованиях отмечается, что умения и навыки связанной речи при спонтанном их развитии не достигают того уровня, который необходим для полноценного обучения детей в школе. Этим умениям и навыкам, по мнению исследователей (А. Г. Абсалямова, Е. А. Павлова и др.), нужно обучать специально.

Наиболее подробно методы развития связной речи рассмотрены Л. Ф. Спириной. Определяя пути формирования связной речи, Л. Ф. Спиринова считает, что в основе такой работы должны лежать общие принципы развития речи: принцип единства развития речи и мышления, принцип системности, принцип перехода от простого к сложному. Основным направлением обучения детей монологической речи является путь от развития понимания связного высказывания к усвоению речевого образца и от него к самостоятельной контекстной речи. В качестве специальных приемов, обеспечивающих понимание рассказов, рекомендуется: использование вопросов, направленных на осмысление взаимосвязи событий, их временной последовательности; составление рассказов из деформированных предложений.

Большой вклад в изучение механизмов развития связной речи внесли исследования психологов Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии,

Н. Н. Поддьякова, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина, М. И. Лисиной и др. В психологических исследованиях дана детальная характеристика особенностей двух форм связной речи. Психологи считают связную речь показателем не только речевого, но и умственного развития ребенка, а также его эмоционального развития.

Свои методики составления рассказов по серии картин и по использования сказок для развития связной речи внедряют в дошкольное образование современные белорусские педагоги-исследователи Н. С. Старжинская и Д. Н. Дубинина. Ими разработаны не только методические рекомендации для педагогов, но и серии наглядных пособий для развития связной речи дошкольников [10].

Развитие связной речи в онтогенезе проходит в несколько этапов. На первом году жизни в процессе непосредственного эмоционального общения со взрослым закладываются основы будущей связной речи. На основе понимания, сначала очень примитивного, начинает развиваться активная речь детей. К началу второго года жизни появляются первые осмысленные слова, позднее они начинают служить обозначениями предметов. Постепенно появляются первые предложения. На третьем году жизни быстрыми темпами развивается понимание речи, собственная активная речь, резко пополняется словарный запас, усложняется структура предложений. Дети пользуются диалогической формой речи.

В дошкольном возрасте происходит отделение речи от непосредственного практического опыта. Главной особенностью является возникновение планирующей функции речи. Она приобретает форму монологической, контекстной. Дети осваивают разные типы связных высказываний (описание, повествование, отчасти рассуждение) с опорой на наглядный материал и без него. Усложняется синтаксическая структура рассказов, увеличивается количество сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. К старшему дошкольному возрасту у детей должна сформироваться связная монологическая речь (рассказ и пересказ). Пересказ художественного произведения наиболее близок ребенку. Он ориентируется на готовый образец, усваивает структуру рассказа. Ребенок сопереживает героям, что является мотивирующим фактором, побуждающим ребенка к пересказу услышанного текста.

По мнению А. А. Леонтьева, к семи годам дети дошкольного возраста способны самостоятельно составлять рассказ, соблюдая его структуру, связывая составные части, создавать сюжет (не всегда последовательный и разнообразный), а также использовать прямую речь. Стимулятором речевой активности выступают различные виды деятельности детей, особенно игровая. Дети объясняют выполненные действия, планируют этапы предстоящей деятельности, объясняют и рассуждают, как будут выполнять то или иное действие и т. д. К концу дошкольного возраста ребенок овладевает основными формами устной речи, присущими взрослым [11].

В среднем дошкольном возрасте речь детей характеризуется рядом особенностей. Потребность ребенка многое узнать, о многом рассказать, воздействовать с помощью речи на взрослого, сверстников и самого себя – все это становится мотивом к активному овладению родным языком, движущей силой речевого развития. Меняющееся социальное окружение, расширение круга жизненных связей, усложнение деятельности приводит к интенсивному развитию всех сторон речи, ее форм и функций [12].

Результаты психологических исследований показывают, что по сравнению с младшим возрастом в среднем дошкольном возрасте речь усложняется как по строению, так и по содержанию. Значительно увеличивается словарный запас, усваиваются стандартные грамматические формы родного языка, обогащается чувственный и познавательный опыт. Все это способствует совершенствованию речевых умений.

Как было показано в исследовании А. М. Леушиной, основная линия развития связной речи состоит в том, что от исключительного господства ситуативной речи ребенок переходит к речи контекстной. Появление контекстной речи определяется задачами и характером его общения с окружающими. Ребенок, уже способный к контекстной речи, в своих рассказах активно использует определения, сложноподчиненные предложения, способен рассуждать, делать выводы, что говорит о развитии логического мышления. Возникновение контекстной речи обеспечивается обогащением словаря и освоением грамматического строя речи. Контекстная речь сосуществует с ситуативной.

Ситуативная речь присутствует у средних дошкольников в рассказах на темы из своего быта, при пересказе с введением картинок. Она часто встречается в общении со взрослыми или сверстниками, когда дети выполняют совместную деятельность. Важно подчеркнуть, что степень связанности речи прямо определяется обучением ребенка. Притом решающее значение имеет словарный образец взрослого [1].

Вместе с тем в речи ребенка пятого года жизни сохраняются черты предыдущего этапа развития: в рассказывании ребенок часто пользуется указательными словами «этот», «там»; встречаются и самые разнообразные ошибки в звуковом оформлении высказывания. Д. Б. Эльконин считал, что «на пятом году жизни у ребенка появляется форма речи – сообщения в виде монолога» [Цит. по 8: с. 133].

В возрасте 4–5 лет усложняются связи речи и мышления, формируется интеллектуальная функция речи (речь – орудие мышления). Слово фиксирует результат познавательной деятельности ребенка, закрепляет его в сознании. Ребенок не только воспринимает действительность и констатирует увиденное, но и делает выводы, рассуждает, высказывает свое мнение, оценки, находит в предметах и явлениях скрытые связи и закономерности. Выделяется особая речевая деятельность в виде бесед, слушаний, рассуждений, составления рассказов и сказок. Речь превращается в умственную интеллектуальную деятельность.

Главное направление развития речи на пятом году жизни – это освоение связной монологической речи. Происходят заметные изменения и в освоении способов словообразования, начинается словотворчество. Дети получают начальное представление о слове как звуковом процессе (оно звучит, состоит из звуков, звуки произносятся друг за другом, последовательно). Дошкольников среднего возраста интересуют «игры со словом», они начинают подбирать рифмы к словам (иногда это несуществующие слова). «Словотворчество выступает как симптом овладения языком» (Д. Б. Эльконин) [Цит. по: 12, с. 120]. Этот процесс очень важен для последующего речевого развития.

Связная речь детей среднего дошкольного возраста характеризуется точностью, выразительностью, содержательностью при условии имеющихся у ребенка представлений об объекте высказывания. Формируется произвольность и преднамеренность связной речи (планирующая функция речи, избирательный подбор слов для передачи смысла высказывания, понимание уместности используемых языковых средств). Самостоятельность связной речи проявляется в мотивированности на общение со взрослым и сверстниками.

Характерной особенностью монологической речи детей пятого года жизни является контаминация рассказа – одновременное присутствие в рассказе и описания, и повествования. Большинство детей не владеют в достаточной степени умением строить описание и повествование: нарушают структуру, последовательность, не владеют умением связывать между собой предложения и части высказывания. Эта характеристика приблизительна. Уровни речевого развития детей одного возраста бывают очень разными. Особенно ясно эти различия выступают именно в среднем дошкольном возрасте:

во-первых, к этому времени большинство детей усваивает слово- и звукопроизношение, а во-вторых, ребенок овладевает связной речью и начинает строить самостоятельное высказывание, состоящее на первых порах лишь из нескольких предложений. В этот период продолжается усвоение грамматических форм и морфологических средств языка, обогащается лексика и формы ее использования. Это расширяет возможности ребенка при составлении сюжетных и описательных рассказов. Именно на пятом году жизни у ребенка совершенствуются элементы звуковой стороны слова, необходимые для оформления высказывания: темп, дикция, сила голоса и интонационная выразительность.

Активно развивается и диалоговая речь. Движущей силой здесь выступает потребность ребенка в познании окружающего мира, желание вступить во взаимодействие с другими, рассказать о своих переживаниях и наблюдениях, а также расширение социальных связей. Дети 4–5 лет активно вступают в разговор, могут участвовать в коллективной беседе, пересказывают сказки и короткие рассказы, самостоятельно составляют рассказы об игрушках и по картинкам. Вместе с тем их связная речь еще несовершенна. Они не умеют правильно формулировать вопросы, дополнять и поправлять ответы товарищей [7]. Развивается понимание детьми литературных произведений. Ребенок удерживает сюжетную нить, может сосредоточиться на большом количестве персонажей, может высказать идею произведения, дать оценку поступкам героев. К концу этого возрастного периода ребенок осваивает следующие умения: 1) пересказывать короткие сказки и рассказы с незнакомым им ранее содержанием; 2) составлять рассказ по картинке или об игрушке совместно со взрослым; 3) описывать предмет, изображенный на картинке, называя признаки, качества, действия, высказывая свою оценку; 4) пользоваться разнообразными вежливыми формами речи.

Таким образом, связная речь является высшей степенью речевого развития и объединяет в себе все речевые достижения ребенка, а также демонстрирует его умственное, эмоциональное и личностное развитие. Связная речь ребенка среднего дошкольного возраста характеризуется точностью, выразительностью, содержательностью, осознанностью, самостоятельностью, произвольностью и преднамеренностью. В среднем дошкольном возрасте наиболее развита диалогическая речь. Совершенствование монологической речи может происходить только в условиях систематического обучения, воздействующего на все стороны речи.

Заклучение

1. Формирование связной речи, развитие умения содержательно и логично строить высказывание являются одной из главных задач речевого развития детей дошкольного возраста. Связная речь является системным объектом. Формирование связной речи, изменение ее функций является следствием усложняющейся деятельности ребенка и зависит от содержания, условий и форм общения ребенка с окружающими. Функции речи складываются параллельно с развитием мышления, они неразрывно связаны с содержанием, которое ребенок отражает посредством языка.

2. В среднем дошкольном возрасте наиболее развита диалогическая речь. Монологическая речь несовершенна и требует систематических педагогических воздействий. Сущностными характеристиками связной речи детей среднего дошкольного возраста являются: точность, выразительность, содержательность при условии имеющихся у ребенка представлений об объекте высказывания, произвольность и преднамеренность связной речи (планирующая функция речи, избирательный подбор слов для передачи смысла высказывания, понимание уместности используемых языковых средств).

Самостоятельность связной речи проявляется в мотивированности на общение со взрослым и сверстниками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леушина, А. М. Развитие связной речи у дошкольников / А. М. Леушина // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1941. – Т. 30. – С. 27–71.
2. Алабужева, С. В. Риторика для старших дошкольников и младших школьников / С. В. Алабужева. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2003. – 445 с.
3. Бородич, А. М. Методика развития речи детей / А. М. Бородич. – М. : Просвещение, 1981. – 255 с.
4. Развитие речи детей дошкольного возраста : пособие для воспитателя дет. сада / под ред. Ф. А. Сохина. – 2-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1979. – 223 с.
5. Ушакова, О. С. Методика развития речи детей дошкольного возраста : пособие для воспитателей дет. сада / О. С. Ушакова, Е. М. Струнина. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 288 с.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.
7. Алексеева, М. М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников : метод. пособие для воспитателей ДОУ / М. М. Алексеева, В. И. Яшина. – М. : Академия, 2000. – 400 с.
8. Ушакова, О. С. Развитие речи дошкольников / О. С. Ушакова. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 256 с.
9. Зрожевская, А. А. Обучение монологам-описаниям / А. А. Зрожевская // Дошк. воспитание. – 1986. – № 12. – С. 42–46.
10. Старжинская, Н. С. Учим детей рассказывать / Н. С. Старжинская, Д. М. Дубинина, Е. С. Белько. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2003. – 144 с.
11. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
12. Урунтаева, Г. А. Дошкольная психология : учеб. пособие / Г. А. Урунтаева. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 1999. – 336 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2019

Kazaruchik G. N. Features of Mastering the Connected Speech of Children of Middle Preschool Age: a Theoretical Analysis

The article reveals the essence of coherent speech, its forms and types. The types of monological utterance are described. The article presents the historical aspect of the formation and modern directions of the methodology of development of coherent speech in preschool children. Psychological bases of development of coherent speech of preschool children are analyzed and its ontogenesis is revealed. The features of mastering coherent speech by children of middle preschool age are described. The correlation of contextual and situational speech, its connection with the child's thinking is shown. The specificity of the development of coherent monological speech as the main direction in the fifth year of life is presented. The main characteristics of coherent speech of children of middle preschool age are revealed.

УДК 373.2

Т. В. Александрович¹, А. Л. Евтух²

¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²магистр пед. наук, преподаватель Пинского колледжа
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ¹Talex1965@mail.ru; ²alesya.navarich.1988@mail.ru

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Рассматривается сущность понятия «креативность», раскрывается содержание, особенности и условия развития креативности у детей старшего дошкольного возраста. На основе теоретического анализа и результатов экспериментального исследования определяется педагогический потенциал музыкального фольклора как средства развития креативности у детей старшего дошкольного возраста и предлагается методическое обеспечение развития общей и специальной креативности у детей старшего дошкольного возраста посредством различных видов и жанров музыкального фольклора, включенного в различные виды деятельности детей, праздники, развлечения, в интегрированные и тематические музыкальные занятия.

Введение

В XXI в. одной из проблем образования стала проблема творческого развития личности. Воспитание творчески активной личности, обладающей способностью эффективно и нестандартно решать разнообразные проблемы, начинается в дошкольном детстве и является условием его созидательной творческой деятельности в будущем. Современное дошкольное образование в качестве приоритетных ставит задачу воспитания творческой личности, имеющей нестандартный взгляд на проблемы, умеющей находить собственные решения, оригинальные ответы, открыто высказывать смелые идеи и гипотезы, способной быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и т. д. И поэтому сегодня, в условиях модернизации образования, ставится задача развития у обучающихся всех возрастов ключевых компетенций, среди которых важное место занимает креативность. Креативность как общая универсальная творческая способность проявляется и реализуется в процессе творческой деятельности в виде готового продукта (материального или духовного). Для развития креативности важно найти способы и средства решения новых задач, требующих нетрадиционного подхода. В качестве такого средства в данном исследовании выступает музыкальный фольклор, т. е. народное музыкальное искусство.

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально апробировать программу развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора. Задачи исследования:

- 1) раскрыть сущностные характеристики креативности и условия ее развития у детей старшего дошкольного возраста;
- 2) выявить педагогический потенциал музыкального фольклора как средства развития креативности у детей старшего дошкольного возраста;
- 3) определить уровень развития креативности у детей старшего дошкольного возраста;
- 4) разработать и экспериментально апробировать программу развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора.

Основные характеристики и условия развития креативности у детей старшего дошкольного возраста

Понятие «креативность» (от лат. creation – ‘творить, созидать’) рассматривается и как личностная категория, а именно как дивергентное мышление, отличительной особенностью которого является разнонаправленность и вариативность поиска разных, в равной мере правильных решений относительно одной и той же ситуации (Дж. Гилфорд), и как способность человека изменять и преобразовать окружающий мир (Б. М. Теплов), и как способность обнаружения новых способов решения проблем, привнесения в жизнь чего-то нового для индивида (К. Роджерс), и как реализация собственной индивидуальности (Е. П. Ильин) и т. д.

В исследованиях Я. А. Пономарева, А. Н. Лука, Ф. Баррона и др. креативность представлена как интегративное качество личности, характеризующееся склонностью к сомнению, чувством новизны, остротой мысли, творческим воображением, интуицией, остроумием, смелостью и независимостью суждений.

Ряд психологов (Л. А. Венгер, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов и др.) при характеристике креативности указывают на проблему способностей и чаще всего креативность рассматривают как общую творческую способность, центральным компонентом которой у детей дошкольного возраста является способность к творческому воображению.

Н. А. Ветлугина утверждает, что развитие креативности у ребенка-дошкольника идет от подражания взрослому к применению приобретенного опыта в самостоятельной деятельности, а затем к творческой инициативе и креативности, и указывает на наличие у дошкольников способностей, лежащих в основе креативности:

- 1) воспринимать и переживать прекрасное в жизни, в произведениях искусства;
- 2) легко «входить» в воображаемую ситуацию, откликаться эмоционально на красоту;
- 3) оценивать прекрасное в окружающем, различать средства художественной выразительности в содержании произведений;
- 4) творить по законам красоты, проявлять творческую инициативу и личное отношение к происходящему;
- 5) самостоятельно искать, находить оригинальные приемы решения проблем [1].

В ряде исследований (Е. В. Котова, В. Т. Кудрявцев, Н. Н. Подьяков, С. Я. Сечко) выделены особенности развития креативности у детей дошкольного возраста:

1. Уровень эмоциональности ребенка определяет интенсивность и силу его воображения.

2. Опора воображения на восприятие. Развитие воображения в дошкольном возрасте происходит за счет совершенствования воссоздающего воображения, все более правильного и полного отражения действительности.

3. Психомоторика дошкольника отличается слабой управляемостью движений и их недостаточной координацией. Степень развития психомоторной сферы влияет на качество креативных результатов деятельности.

4. Креативность дошкольника динамична, она не является чем-то статичным, неизменным. Каждый ее структурный компонент находится в процессе становления, развития. Все они сформированы в разной степени, поэтому их проявления весьма индивидуальны.

5. Развитие креативности напрямую зависит от окружения, в котором ребенок проводит первые годы жизни. У многих детей данные способности начинают разви-

ваться только в результате планомерной педагогической работы, что не означает их слабости [2–5].

Условия развития креативности личности исследователи делят на несколько групп.

Первая группа условий связана с субъектами развития и саморазвития. В структуре этой группы условий выделяют психофизиологические особенности (включая ведущие репрезентативные системы). Поскольку индивидуальные репрезентации мира различны, чтобы эффективно осуществлять любые виды коммуникаций (в том числе и творческие), необходимо учитывать различия в развитии репрезентативных систем, используя ведущую модальность, а также расширять способности каждого, развивая другие репрезентативные системы. В реальном процессе развития креативности трудно разделить влияние социального и природного факторов. Возрастные особенности и связанные с ними сензитивные периоды в развитии различных видов креативности – важное педагогическое условие. Преждевременное или запаздывающее педагогическое воздействие оказывается недостаточно эффективным и неблагоприятно сказывается на развитии личности.

Вторая группа условий предопределяет педагогическую деятельность. Во-первых, это направленность на развитие креативности, организация педагогического пространства (психологического и физического), согласно целям творческого развития детей. Во-вторых, содержательное и технологическое обеспечение (программы, методы, средства, формы, процедуры, направленные на диагностику и развитие креативности). Оба направления обеспечиваются следующими педагогическими условиями:

1) организация педагогического взаимодействия как свободы творчества (создание позитивных образцов творческого мышления, поведения, отношений; креативность педагога; ослабление регламентированного, принятие и подкрепление творческого поведения);

2) работа педагога в зоне ближайшего развития креативности личности (педагогические усилия, направленные на идентификацию уровня креативности, создание мотивации творческого саморазвития, продвижение в зону ближайшего творческого развития и саморазвития);

3) организация творческого пространства (доверительные отношения, позитивные ожидания, создание ситуаций успеха;

4) материальные условия для творческой деятельности и др.

Третья группа условий отражает социальную, включая семейную, ситуацию, т. е. влияние окружения на развитие креативности личности. Педагогический контекст этой группы условий убедительно аргументирует следующее положение. Социальная ситуация развития обладает двухуровневым характером: базовым, который определяет главное содержание развития, и уровнем постепенных, поэтапных изменений, накопление которых приводит к преобразованию базового уровня и всей ситуации в целом (Л. С. Выготский). Для развития креативности имеет значение социальное подкрепление творческого поведения личности; ожидания значимых взрослых (ожидания достижений, успеха, позитивное родительское раннее программирование) [3; 6; 7].

Не менее значимым педагогическим условием развития креативности у старших дошкольников является приобщение детей к музыкальному фольклору. Слово «фольклор» имеет английские корни и переводится как «народная мудрость». По своей природе музыкальный фольклор многообразен и включает в себя песни, хороводы, колыбельные, колядки, частушки, игру на народных инструментах, всевозможные обряды и танцы. Музыкальный фольклор отражает различные виды музыкальной деятельности ребенка:

слушание – восприятие, пение, игра на музыкальных инструментах, народная хореография. Знакомство с детским музыкальным фольклором развивает интерес и внимание к окружающему миру, народному слову и народным обычаям, воспитывает художественный вкус. Фольклорное наследие играет значительную роль и в развитии креативности у детей. Связано это в первую очередь со спецификой музыкального фольклора как устного пласта музыкальной культуры. Именно устность порождает большое количество мелодических, ритмических, текстовых вариантов одного напева, а их исполнение предполагает высокую степень импровизационности, вариативности (в зависимости от возможностей исполнителя).

Музыкальный фольклор способствуют развитию у дошкольников музыкально-творческого воображения и мышления, интереса к музыкально-творческой деятельности и желания заниматься ею; развивает у детей способность легко и быстро оперировать способами музыкально-творческой деятельности, формирует умения импровизировать, перевоплощаться, сочинять, выражать свои чувства. Музыка как вид искусства формирует внутренний мир ребенка, способствует общему творческому развитию личности через развитие художественного воображения, образно-ассоциативного мышления, наблюдательности, интуиции. Дети проявляют креативность в такой близкой им деятельности, как музыкальные игры, хороводы, пляски, инсценировки, пение, во всех видах музыкального творчества. У ребенка вырабатывается стремление к проявлению собственной инициативы в музыкальной деятельности, стремление создать что-то новое, свое, стремление расширить кругозор, наполнить новым содержанием свои познания в области музыкальной культуры. У детей пяти-шести лет широко развивается самостоятельное творчество: музыкальное, музыкально-театральное, музыкально-литературное [8; 9].

Г. Боронина, определяя педагогические условия приобщения старших дошкольников к музыкальному фольклору, отмечает, что образовательный процесс должен быть организован через ознакомление дошкольников с фольклором в широких контекстных связях, а не только в ситуациях концертной направленности, и указывает на целесообразность овладения музыкальным фольклором в его региональной специфике, на важность сотворчества детей и взрослых в условиях «проживания» фольклора. Атмосфера сотворчества предполагает, что взрослые должны стимулировать такое состояние детей, когда их чувства и воображение «разбужены», когда малыши увлечены тем, что делают. При этом они ощущают себя комфортно, раскрепощенно, свободно. Это возможно в том случае, когда на занятии или в самостоятельной художественной деятельности царит атмосфера сотрудничества, доверительного общения, сопереживания, а также веры в силы ребенка, его поддержки при неудачах и сорадования его достижениям. Внимательное и бережное отношение к процессу и результату детской деятельности – также одно из условий «освобождения» креативности [8].

О. Н. Анцыпирович, разрабатывая проблему развития креативности у дошкольников средствами музыкальной культуры фольклора, выделяет два принципа организации процесса развития креативности у ребенка. Одним из таких принципов является отказ от пассивно-репродуктивных способов деятельности, поощрение активности и творческой инициативы ребенка. Именно в процессе собственного экспериментирования с музыкальным материалом на основе предложенной модели-образца, а в дальнейшем и в самостоятельно создаваемой импровизации в пении, движении, музицировании происходит как развитие образного мышления и воображения дошкольника, так и усвоение норм музыкального языка, их осознание, а значит и активное формирование компонентов музыкальной культуры ребенка. Второй принцип – вариантности

фольклорных образцов и вариативности их освоения. Выделение этого принципа продиктовано такими особенностями фольклора, как вариантность и вариативность. Вариантность является формой существования фольклора, подразумевая бытование любого фольклорного произведения в вариантах. Вариативность – способ существования фольклорной традиции, указывает на изменчивый, импровизационный характер создания фольклорного произведения. Поскольку наличие множества вариантов, основанных на одной модели – инварианте, является неотъемлемой чертой фольклора, то изучение таких вариантов на любом уровне музыкального воспитания и обучения дает возможность формирования более адекватного представления о фольклоре [10]. Варианты одного напева демонстрируют возможные для данного музыкального языка способы изложения музыкальной мысли, поэтому восприятие нескольких вариантов, сравнение их может способствовать лучшему усвоению языковых норм. В работе с детьми дошкольного возраста это может быть реализовано в сравнении образцов колыбельных песен, колыдок, щедровок и др. Еще большие возможности в работе с дошкольниками предоставляют текстовые варианты. Подчеркивание вариативности фольклора в процессе не только восприятия дошкольниками, но и создания ими собственных вариантов на основе фиксированного фольклорного произведения, выступающего здесь в роли своеобразного «инварианта», позволит осваивать сам механизм устного музыкального творчества, способствуя тем самым развитию продуктивного креативного мышления.

Организация и результаты экспериментального исследования по развитию креативности у детей старшего дошкольного возраста

Экспериментальное исследование по проблеме развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора проводилось в ГУО «Ясли-сад № 10 г. Лунина». Выборка составила 40 дошкольников: по 20 детей в экспериментальной (ЭГ) и контрольной группах (КГ). Диагностика уровня развития общей креативности дошкольников осуществлялась с помощью методики «Придумай рассказ» (Э. Торренс) и теста «Использование предметов» (Дж. Гилфорд) [11]. Для выявления уровня развития специальной креативности в разных видах музыкальной деятельности (музыкально-ритмические движения, пение, восприятие музыкального произведения, игра на музыкальных инструментах) были адаптированы методики и диагностические задания, разработанные О. Н. Анцыпирович [10], К. В. Тарасовой [12], Л. С. Ходонович [9].

На основе теоретического анализа научно-методической литературы были выделены критерии, показатели и уровни развития общей и специальной креативности у детей старшего дошкольного возраста:

а) критерий *беглость*, его показатели: способность создавать музыкальные образы в музыкально-ритмической деятельности; способность к порождению большого количества идей; умение быстро адаптироваться в сложившейся ситуации; скорость придумывания нового образа, рассказа;

б) критерий *гибкость*, его показатели: способность выдвигать разнообразные образы, идеи, гипотезы; способность к преобразованиям и перевоплощениям; способность переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать различные стратегии решения проблемы в различных видах творческой деятельности; способность создавать индивидуальные ритмические рисунки;

в) критерий *оригинальность*, его показатели: глубина понимания, уникальность ответов, создаваемых музыкальных образов; способность необычного использования

предметов; метафоричность (использование сравнений, эпитетов при характеристике образа или предмета, умение эмоционально окрашивать создаваемый образ); умение предложить существенные и несущественные варианты импровизации;

г) критерий *самостоятельность*, его показатели: умение поставить определенную цель и настойчиво добиваться ее выполнения собственными силами; умение ответственно относиться к своей деятельности, действовать при этом сознательно и инициативно не только в знакомой обстановке, но и в новых условиях, требующих принятия нестандартных решений; проработанность и детализированность создаваемых образов.

Уровни развития креативности у старших дошкольников:

1. *Собственно творческий* (высокий уровень). Дети проявляют инициативность и самостоятельность принимаемых решений, у них выработана привычка к свободному самовыражению; проявляется наблюдательность, сообразительность, творческое воображение, высокая скорость мышления; создают свое, новое, оригинальное, непохожее ни на что другое; находят выразительные интонации, мелодия песенки выразительна, соответствует словам; с увлечением импровизируют, создавая оригинальные по мелодии и ритму, законченные (или не законченные) по форме пьесы; владеют некоторым запасом движений, танцуют легко, вдохновенно и разнообразно; их танец – целостно-дифференцированная модель музыкального произведения; воспроизводят в движении не только общий характер музыки, но и ее частей, отдельные яркие моменты, проявляя исключительно высокую эмоциональную отзывчивость на музыку и отличное чувство ритма.

2. *Творчески воспроизводящий* (средний уровень). Дети осознанно воспринимают задания, работают преимущественно самостоятельно, но предлагают недостаточно оригинальные пути решения; пытливы и любознательны, выдвигают идеи, но особого творчества и интереса к предложенной деятельности не проявляют; на анализ работы и ее практическое решение идут лишь в том случае, если данная тема интересна; в музыкальной деятельности им свойственны эмоциональная отзывчивость, интерес, желание включаться в музыкальную деятельность, однако в выполнении задания затрудняются, им требуется помощь педагога, дополнительное объяснение, показ, повторы; не сразу решаются попробовать спеть мелодию, возникшая мелодия однообразна; танцуют с удовольствием, с помощью простых основных (виды шагов, бег, прыжки) и танцевальных движений передают общее настроение музыки; преобладают ритмические вариации, иногда появляются простые мелодические обороты, но в целом их отличает ритмический уровень.

3. *Воспроизводящий* (низкий уровень). Дети пассивны, с трудом включаются в творческую работу, ожидают подсказки со стороны воспитателя; нуждаются в более длительном промежутке времени для обдумывания; все детские ответы шаблонны, нет индивидуальности, оригинальности; не проявляют инициативы, мало эмоциональны, «ровно», спокойно относятся к музыке, к музыкальной деятельности, нет активного интереса, равнодушен; не способен к самостоятельности, могут сначала отказаться сочинять мелодию, наконец, соглашаются, но не выходя на уровень творчества; характер движений не соответствует характеру музыки.

Проанализировав количественно и качественно результаты диагностического исследования по всем методикам, мы установили, что высокий уровень развития общей и специальной креативности продемонстрировали только 5,7 % детей ЭГ и 9,3 % КГ; средний – 45,7 % ЭГ и 42,1 % КГ. Почти половина респондентов обеих групп была отнесена к низкому уровню развития креативности (рисунок 1).

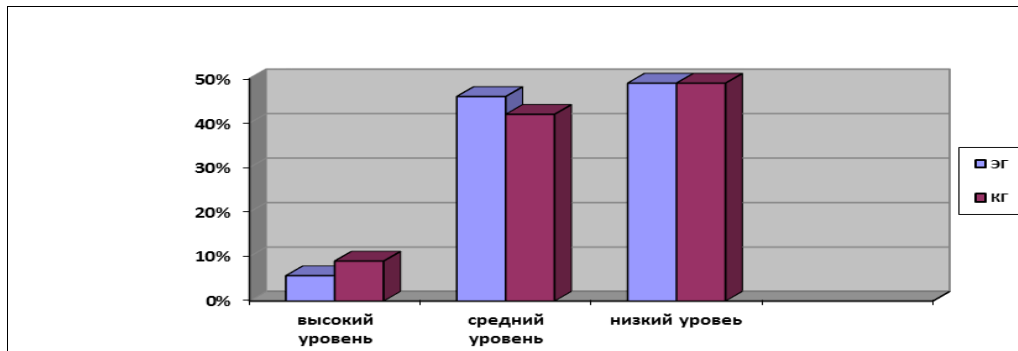

Рисунок 1. – Уровни развития креативности у дошкольников на констатирующем этапе педагогического эксперимента

Для развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора была разработана специальная программа. Ее задачи: развивать беглость и гибкость мышления, побуждая детей выражать свои музыкальные впечатления в исполнительской и танцевальной деятельности; развивать оригинальность творческого мышления через развитие способности к спонтанному творческому поведению; развивать природную музыкальность детей и первоначальные навыки музицирования; развивать творческое воображение у детей.

В основе программы лежат принципы лично ориентированного образования: гуманизации, учета возрастных и индивидуальных особенностей и возможностей детей, субъект-субъектного взаимодействия в процессе организации музыкально-творческой деятельности, учета детской субкультуры, профессионального сотрудничества и сотворчества, синкретичности, импровизационности. *Содержательный* компонент программы включает различные виды и формы музыкальной деятельности: слушание музыки; детское музыкальное исполнительство (пение, музыкально-ритмические движения, игра на музыкальных инструментах); музыкально-познавательная деятельность (начальные элементы музыкальной грамоты); продуктивное и исполнительское творчество, направленные на развитие когнитивного, мотивационно-потребностного, аксиологического и эмоционального компонентов креативности. *Операционно-деятельностный* компонент отражает процессуальную часть реализации программы и представлен системой тематических музыкальных занятий как формы организации образовательной работы, праздников, развлечений, в совокупности взаимосвязанных методов и приемов работы по обеспечению развития креативности у детей старшего дошкольного возраста.

Методика работы выстроена на основе традиционного народного опыта (подражание, подпевание, «подхватывание», пение «за следом», диалог, детское творчество) и технологий современного образования (лично-развивающие, интерактивные методы, возможности аудио- и видеозаписей и др.). Широко использовались также практические и игровые методы и приемы. Всего было проведено 16 занятий, сгруппированных в четыре темы: «Зимний фольклор», «Занятия наших предков», «Весенний фольклор», «Кирмаш» (по четыре занятия в каждой), развлечения, праздники.

Эффективность представленной программы развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора показал контрольный этап педагогического эксперимента. Так, было установлено, что высокий уровень развития общей и специальной креативности показали 49,3 % испытуемых ЭГ и 11,4 % КГ; средний – 50,7 % детей ЭГ и 47,9 % КГ; 40,7 % детей КГ проявили низкий уровень развития креативности (рисунок 2).

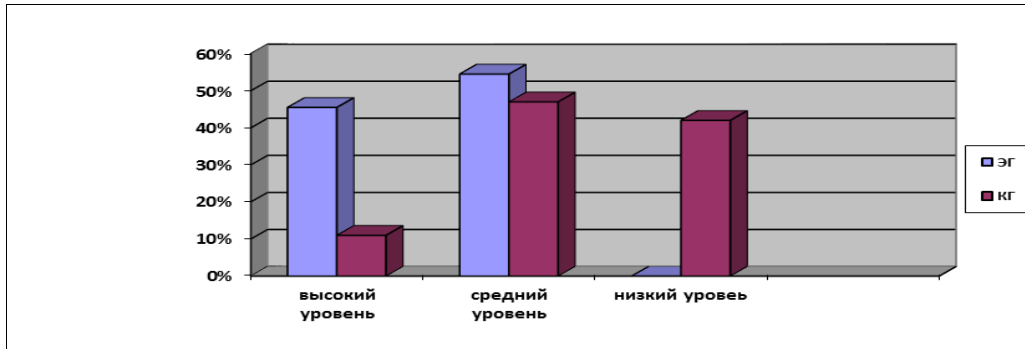

Рисунок 2. – Уровни развития креативности у дошкольников на контрольном этапе педагогического эксперимента

Для оценки различий между двумя группами по уровню развития творческих способностей был использован метод расчета χ^2 . Расчет проводился по формуле:

$$\chi^2 = \frac{(f_0 - f_e)^2}{f_e}$$

где f_0 – наблюдаемые частоты, f_e – ожидаемые частоты (в качестве f_0 была принята экспериментальная группа, f_e – контрольная группа).

На констатирующем этапе педагогического эксперимента $\chi^2_{\text{эксп.}} = 0/3 + 2^2/19 + 2^2/19 = 0,42$, тогда как на контрольном этапе $\chi^2_{\text{эксп.}} = 17^2/4 + 4^2/20 + 17^2/17 = 90,05$, в то время как $\chi^2_{\text{крит}} = 5,99$. Следовательно, экспериментальное значение превысило критическое, и мы можем говорить о наличии достоверных различий между группами. Воспитанники экспериментальной группы стали заметно больше проявлять эмоциональную отзывчивость на музыку, осознанно выражали свои музыкальные впечатления и адекватно выражали содержание музыкального произведения в движении, пластике, мимике, высказываниях. Дети вели себя увлеченно, были захвачены деятельностью, показали способность быстро входить в изображаемые обстоятельства, искренне и непосредственно переживать.

Заклучение

Креативность детей старшего дошкольного возраста представляет собой интегративное личностное образование, которое характеризуется проявлением творческого воображения и дивергентного мышления, выражающихся в богатстве продуцируемых образов, беглости, гибкости и оригинальности. Значимыми составляющими креативности у детей старшего дошкольного возраста являются направленность на творчество (мотивация), эмоционально-волевая и интеллектуальная активность. Креативность в дошкольном возрасте формируется в процессе целенаправленного воспитания и обучения дошкольников, проявляется и развивается в деятельности. Значительную роль в развитии креативности у детей играет фольклорное наследие, т. к. устность порождает большое количество мелодических, ритмических, текстовых вариантов одного напева, а их исполнение предполагает высокую степень импровизационности, вариативности.

Различные виды и жанры музыкального фольклора (прослушивание народной музыки, организация танцев, хороводов, пение, музыкально-ритмические движения, игра на детских музыкальных инструментах и пр.) способствуют развитию значимых составляющих креативности у детей старшего дошкольного возраста: развивают умение выдвигать разнообразные идеи, использовать различные стратегии решения; развивают

способность к изобретательству, формируют умение эмоционально окрашивать образ, быстро адаптироваться в сложившейся ситуации и др. Музыкальный фольклор, включенный в различные виды и формы деятельности (музыкальные занятия, праздники, игры, развлечения), предоставляет широкие возможности для развития креативности старших дошкольников, поскольку ребенок является не просто объектом воспитания, а становится участником творческого акта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветлугина, Н. А. Теория и методика музыкального воспитания в детском саду / Н. А. Ветлугина, А. Кенеман. – М. : Просвещение, 1982. – 123 с.
2. Поддьяков, Н. Н. Творчество и соразвитие детей дошкольного возраста / Н. Н. Поддьяков. – Волгоград, 2014. – 178 с.
3. Котова, Е. В. Развитие творческих способностей дошкольников / Е. В. Котова, С. В. Кузнецова. – М. : ТЦ Сфера, 2016. – 128 с.
4. Кудрявцев, В. Т. Феномен детской креативности / В. Т. Кудрявцев. – М. : Знание, 2006. – 210 с.
5. Сечко, С. Я. Формирование креативности у детей дошкольного возраста / С. Я. Сечко // Сервис в России. – 2009. – № 10. – С. 112–117.
6. Козленко, В. Н. Проблема креативности личности : Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / В. Н. Козленко. – М. : МГУ, 2013. – 221 с.
7. Дормидонтова, Л. П. Педагогические условия развития творческих способностей дошкольников средствами музыкального фольклора / Л. П. Дормидонтова // Дошк. воспитание. – 2012. – № 3. – С. 94–99.
8. Боронина, Е. Г. Музыкальный фольклор как средство приобщения к традиционной народной культуре детей старшего дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. Г. Боронина. – М., 2007. – 73 с.
9. Ходонович, Л. С. Развитие музыкального творчества дошкольников / Л. С. Ходонович. – Минск : ИВЦ Минфина, 2007. – 144 с.
10. Анцыпирович, О. Н. Формирование основ музыкальной культуры старших дошкольников средствами музыкального фольклора : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. Н. Анцыпирович. – Минск, 2012. – 131 л.
11. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013. – 448 с.
12. Тарасова, К. В. Диагностика музыкальной одаренности детей дошкольного возраста / К. В. Тарасова, В. Е. Кузьмин. – М. : Просвещение, 1994. – 160 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2019

Alexandrovich T. V., Evtukh A. L. Development of Creativity in Children Senior Preschool Age Means of Musical Folklore

The article deals with the essence of the concept of «creativity», reveals the content, features and conditions of development of creativity in children of senior preschool age. On the basis of theoretical analysis and the results of experimental research, the pedagogical potential of musical folklore as a means of developing creativity in children of senior preschool age is determined and methodological support for the development of General and special creativity in children of senior preschool age through various types and genres of musical folklore included in various types of musical activities, holidays, entertainment, integrated and thematic musical classes is proposed.

УДК 821.161.3.09:17

З. П. Мельнікава

д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: pralih@mail.ru

**МАСТАЦКАЯ ХРОНІКА ТАТАЛІТАРЫЗМУ:
АПОВЕСЦЬ В. БЫКАВА «АБЛАВА»**

В. Быкаў з незвычайнай глыбінёй асэнсоўвае трагедыйны вопыт нашай гісторыі, горкія ўрокі калектывізацыі. Выяўлена маральная пазіцыя пісьменніка-мысляра: гуманістычныя ідэалы, каштоўнасць кожнага чалавечага жыцця, хрысціянская маральнасць – аснова сацыяльнага і духоўнага жыцця кожнага чалавека і грамадства ў цэлым. Аповесць В. Быкава «Аблава» дапамагае сучаснікам зразумець маральна-палітычныя дэфармацыі эпохі таталітарызму, што стала драматычным вопытам беларускага народа. Гэты твор народнага пісьменніка – своеасаблівы помнік ахвярам таталітарызму ў Беларусі.

Народны пісьменнік Беларусі В. Быкаў яшчэ не да канца ацэнены сучаснікамі як мастак і як філосаф-мараліст, які ў сваёй творчасці пакінуў за павет – адрозніваць дабро і зло, праўду і падман. Ён быў яшчэ і пісьменнікам-гісторыкам, які на ўласным лёсе зведаў трагедыю жыцця беларускага народа ў XX ст. – гвалтоўную калектывізацыю, сталінскія рэпрэсіі і вайну з фашызмам. Яго творы – мастацкія падручнікі, якія дапамагаюць сёння маладым пакаленням спасцігнуць вытокі і супярэчліваю сутнасць савецкага рэжыму, глыбока ўсведамляць трагізм беларускай гісторыі. Па сіле ўздзеяння на свядомасць і светапогляд беларусаў у другой палове XX – пачатку XXI ст. яму няма роўных.

В. Быкаў адным з першых звярнуўся да мастацкага асэнсавання і адлюстравання ў нашай літаратуры трагічных падзей нацыянальнай гісторыі 1920–30-х гг. У многіх творах пісьменніка сумяшчаюцца і ўзаемаздзейнічаюць літаратурна-мастацкія, гістарычныя і маральна-філасофскія аспекты зместу і паэтыкі. Гэты пісьменнік, як ніхто іншы ў беларускай літаратуры, паказаў трагічныя зломы беларускай савецкай гісторыі, калі ўладу ў грамадстве атрымалі «бесы» (Ф. Дастаеўскі) – бальшавікі, разбуральнікі «старога» ладу і традыцыйнай хрысціянскай маралі. Творчасць пісьменніка каранямі ідзе ад драматычнага народнага вопыту.

Тэма гвалтоўных і бязлітасных сталінскіх рэпрэсій выразна гучала ў многіх творах пісьменніка яшчэ з 60-х гг. у выглядзе асобных эпизодаў, матываў, успамінаў герояў ваеннай прозы аб даваенным жыцці. Адносна самастойнае вырашэнне яна атрымала ў аповесцях «Знак бяды», «Сцюжа», апавяданнях «На Чорных лядах», «Перад канцом», «Жоўты пясочак» і інш. Аднак цэласнае, глыбокае і пераканаўчае ідэйна-мастацкае асэнсаванне гэта тэма атрымала ў аповесці «Аблава» (1989).

Аб задуме гэтага твора В. Быкаў у 1988 г. пісаў: «У нас ёсць нямала велічных помнікаў ахвярам нямецкага фашызму... Але нішто яшчэ ў нас не напамінае пакаленням аб ахвярах сталінішчыны. Тое няправільна і недаравальна! Мы павінны памятаць аб іх – не героях, а бязвінных ахвярах тырана – спрацаваных рабочых, галодных калгасніках, першых народных інтэлігентах, мужчынах і жанчынах, – якія з куляю ў патыліцы клаліся ў самімі ж выкапаня ямы, вымаўляючы не праклёны, не пратэст, а адзінае марнае і трагічнае слова: “Завошта?” Яны ўжо ніколі не пачуюць адказ на тое сваё пытанне, затое адказ на яго павінны зразумець мы».

Аповесць «Аблава» ўражае мужнасцю погляду пісьменніка на лёс беларускага сялянства ў гады сталінішчыны, у часы гістарычнага эксперыменту ўлад над сваім наро-

дам. Некаторыя гісторыкі выказваюць меркаванне, што ў гады калектывізацыі Беларусь страціла больш за тры мільёны чалавек. Аповесць В. Быкава «Аблава» нельга ўспрымаць толькі як мастацка-літаратурны твор, гэта яшчэ псіхалагічна дакладная сацыяльна-гістарычная хроніка знішчэння беларускага сялянства. Многія архіўныя дакументы аб тых падзеях былі страчаны або свядома знішчаны ў час вайны. Письменнік добра ведаў, што ў гады калектывізацыі людзей высылалі часам цэлымі вёскамі, і лёсы многіх з іх так і засталіся невядомымі і не ўлічаны афіцыйнай статыстыкай.

В. Быкаў успамінаў, што аповесць «Аблава» напісана на аснове рэальных падзей і лёсаў, пра якія ён даведаўся ў адзін з прыездаў дадому ад знаёмага жыхара вёскі Кублічы Ушацкага раёна. Ён раскажаў пра трагічны лёс земляка, які, пахаваўшы ў высылцы на Поўнач жонку і дачку, «адолеўшы тысячу кіламетраў, апынуўся на родным котлішчы і на адзіноце паплакаў. Але на тым і скончылася ўсё яго шчасце вяртання... Яго пазнаў першы ж сустрэты ранкам сусед. І ўжо надвечоркам на яго пачалі паляваць, наладзілі аблаву, у якой – во драма! – вымушаны быў прымаць удзел і яго сын...» [1, с. 516]. Ніколі ў гісторыі ніводнага народа не было, каб сын паляваў на гвалтоўна абылганага, несправядліва асуджанага роднага бацьку. Прымусовая калектывізацыя вынішчала гаспадарлівых беларускіх сялян. З бязлітаснай праўдзівасцю В. Быкаў паказаў, як на зруйнаваных сядзібах бацькоў засталіся бяздумныя, бязродныя сыны з так званымі «новымі людзьмі».

Галоўная ідэя твора – выкрыццё амаральнасці сталіншчыны, якая не толькі фізічна знішчала тысячы годных людзей, але і расчалавечвала слабых, растоптвала ў іх душах спагадлівасць, міласэрнасць і здольнасць адчуваць чужы боль, звычайную суседскую прыязнасць, сяброўскія і сваяцкія пачуцці. Кожнай старонкай твора В. Быкаў сцвярджае, што самае страшнае злачынства сталінізму – разбурэнне духоўнасці і маральнасці, страты пачуцця самазахавання ў народзе. Гэта, у быкаўскім разуменні, катастрофа: гвалт над непавіннымі людзьмі, знішчэнне чалавека-гаспадара, здзек улад з асабістай годнасці ніколі не павінны паўтарыцца.

Гэтае аўтарскае перакананне выяўлена праз разгортванне сюжэтных падзей, сістэму герояў аповесці «Аблава» і найперш – праз трагічны лёс галоўнага героя, беларускага селяніна, а потым «спецперасяленца» Хведара Роўбы.

Сюжэт твора надзвычай драматычны. Аповесць пачынаецца з апісання пакутніцкай дарогі галоўнага героя, які ўцёк з высылкі і трэці месяц прабіраецца ў родныя мясціны на развіталыны паклон роднай зямлі. Тут жылі яго продкі, тут вырас і жыў у цяжкай працы і ён. У час калектывізацыі Хведар быў беспадстаўна залічаны да ворагаў-кулакоў, бо набыў малатарню, якой карысталіся і суседзі, аднавяскоўцы. Праз пяць год высылкі ён уцёк з далёкага паўночнага Котласа і незаўважна для ўсіх хоча прабрацца ў родную вёску Нядолішча, каб даведацца пра сына і паглядзець на шчаслівае жыццё ў калгасе, аб чым так многа і з перакананнем гаварылі савецкія кіраўнікі, арганізатары калгасаў.

Дарога ў аповесці набывае абагульнена-сімвалічны сэнс – пакутніцкі гістарычны шлях беларускага народа, а праз перадачу думак героя ў дарозе письменнік паказвае драматычныя падзеі яго мінулага жыцця. Так праз успаміны героя аўтар выяўляе рысы яго характару і глыбіню перажытых пакут. На чужыне, у халоднай зямлі засталіся жонка і дачка Хведара, ім не суджана было вярнуцца ў родныя мясціны: «*Прыбраў бог на чужой старане, навекі супакоіў над жвіровым абрывам далёкай сцюдзёнай ракі*» [2, с. 366]. Пасля смерці ў высылцы жонкі і дачкі жыццё для Хведара амаль цалкам страціла свой сэнс. Але ў родных мясцінах пасля службы ў савецкім войску застаўся яго сын Міколка. Яшчэ да арміі ён быў актыўным, старанным камсамольцам. А зараз, дачуўся бацька, яго

сын стаў у раёне вялікім начальнікам. Але гэта мала цешыла Хведара, бо сын ні разу не пацікавіўся лёсам сваёй сям'і. Больш таго, Хверар чуў, быццам бы сын выракся сваіх бацькоў. Раскулачанаму без падстаў селяніну больш за ўсё хацелася апошні раз у жыцці паглядзець на сваю зямлю, сядзібу, куды былі ўкладзены яго праца, сіла: на хату, сад, на гаспадарчыя пабудовы, на ўсё, што ён здабыў уласнымі сіламі, зрабіў сваімі рукамі. Хведар раздабыў дакумент на чужое прозвішча і цвёрда вырашыў уцякаць з высылкі. Некалькі папярэдніх уцёкаў былі няўдалымі, яго даганялі, вярталі і жорстка каралі. І вось зараз ён ужо на роднай зямлі. Герою невыносна крыўдна, што ён, як злодзей, павінен хавацца ад людзей, прабірацца да свайго двара крадком.

В. Быкаў падрабязна, з мастацкай дакладнасцю пісьменніка-псіхолога апісвае выгляд героя, чалавека надта худога, немаладога веку. *«На даўно не голеным твары чырваней даўгі прастуджаны нос, з-пад святлявых броваў насцярожана зыркалі шэрыя вочы. Рот яго быў трохі разяўлены – ад стомы ці залішняй увагі, з-пад абвіслых вусоў вытыркаліся два ніжнія зубы, іншых спераду не было відаць. Дыханне ў чалавека чулася сіпатае і частае – усё ж, мусіць, далася яму ў знакі гэтая хада...»*

Відаць было па ўсім, што чалавек даўно ішоў адзін, звыкся са сваёй адзінотай і старанна абмінаў людзей. Людзі для яго былі найвялікшаю небяспекай... ці не таму ён выбіраў шлях воддаль ад дарог, між параснікаў і балацявін або цераз лес» [2, с. 366].

Пісьменнік рознымі спосабамі падкрэслівае трагічную адзіноту героя і безвыходнасць становішча гэтага бязвіннага чалавека. Сапраўды, людзі, асабліва знаёмыя, былі для Хведара найбольшай небяспекай. За час сваіх блуканняў ён нават адвык ад чалавечага голасу, сам маўчаў, толькі напружана ўзіраўся і ўслухоўваўся ў наваколле. Менш баяўся ён статка, разы тры падыходзіў да пастушкоў, яму давалі чаго-небудзь перакусіць. Адна дзяўчынка-пастушка, якая вельмі нагадала яму памерлую ў высылцы дачушку Волечку, нават пачаставала яго кавалачкам сала. Адышоўшыся, расчулены Хведар заплакаў першы раз пасля таго, як пахаваў дачку.

Хведар зайздросціць людзям, якія спакойна ходзяць па сваёй зямлі і не здагадваюцца нават, як цяжка, невыносна жыць на чужыне. Напружаны трагізм перажыванняў героя аўтар перадае праз унутраны маналагізм: *«Божа літасцівы, чаму ж я такі нешчаслівы? – звыкла падумалася Хведару, як думалася амаль штодня ўсе пяць гадоў ягоных пакут. – Жывуць людзі спакойна, ходзяць па роднай зямельцы, і, мусіць, ніхто не ведае, як без яе... А ён, калісьці гвалтам адарваны ад яе, здаецца, здзічэў нутром ад самоты па ёй, спархнеў розумам»*, – так перадае В. Быкаў горкія думкі і ўнутраны стан свайго героя [2, с. 367].

Аўтар-псіхолог дакладна перадае, з якім трапяткім хваляваннем герой прабіраецца праз лес, дзе некалі была яго дзялянка дроў, як асцярожна, каб не сустрэцца са знаёмымі людзьмі, мінае знаёмую дарогу, *«якою калісьці ездзіў на станцыю, у мястэчка, малы – з бацькамі на кірмашы. Затым у раён да начальства, колькі разоў вазіў нарыхтоўкі збожжжа, падатак просты і два разы цвёрды»* [2, с. 367]. Асабліва асцерагаецца герой, і гэта падкрэслівае пісьменнік, нечаканых сустрэч з мужчынамі, *«маладымі хлопцамі, дзеўкамі, якія хутка маглі яго затрымаць, здаць у міліцыю. На маладых надзеі не было ніякай, тыя цяпер спрэс камсамольцы, выхаваныя ў нянавісці, падазрэнні да кожнага чужога, незнаёмага...»* [2, с. 367–368].

Так праз думкі героя аб небяспецы сустрэчы з камсамольцамі пісьменнік ускосна гаворыць аб атмасферы падазронасці і нянавісці ў тагачасным грамадстве, аб палітызаванасці савецкага жыцця, аб маніпуляцыях светапоглядам моладзі з боку таталітарнай партыйнай ідэалогіі.

З эмацыйнай напружанасцю і псіхалагічнай дакладнасцю В. Быкаў перадае кульмінацыю пакутнага шляху героя: нарэшце ён дасягнуў мэты, убачыў стрэхі роднай, маленькай вёскі Нядолішча з яе неўрадлівымі палямі. Родная вёска, нягледзячы на яе звычайнасць і беднасць, была для Хведара самым дарагім і жаданым месцам на вялікай зямлі. Тут прайшлі яго маладыя гады, тут калісьці ён паверыў у шчаслівую будучыню.

Праз успаміны героя, яго думкі, унутраныя маналогі В. Быкаў пераносіць чытача ў 1930-я гг., паказвае калектывізацыю, адносіны ўлад да чалавека ў тыя гады.

Хведар Роўба вырас у вялікай сялянскай сям'і, дзе сямейнікаў *«было восемь душ, з их пять мальцаў»*. Ён сумленна, цягавіта выконваў усякую работу, *«біўся зімой і ўлетку як рыба аб лёд, і будаваўся, абрабляў палаткі. Стараўся спраўна плаціць падаткі і пазыкі»* [2, с. 369]. Герой шукае адказу на балючае пытанне: завошта яго пакаралі, чаму людзі з ім абышліся так жорстка і несправядліва? Ён жа заўсёды з павагай ставіўся да ўлады, быў шчыра ўдзячны ёй, што дала яму, бедняку, зямлю. Савецкую ўладу ён лічыў сваёй, але яна ашукала яго жорстка і бязлітасна. Роўба крыўдаваў і на людзей, якія ведалі яго змалку: чаму ніхто з аднавяскоўцаў за яго не заступіўся? Разам з тым Хведар разумеў, што, магчыма, яго даверлівыя аднавяскоўцы і не лічылі яго ворагам, але заступіцца за яго яны проста баяліся, бо ніхто не хацеў рызыкаваць сваім лёсам. Кожны баяўся трапіць у няміласць улад. Герой многа і пакутліва раздумвае над маральным зломам, што адбыўся пад прэсам «новай улады» ў грамадстве і ў свядомасці яго аднавяскоўцаў. Да яго прыходзіць разуменне: *«Дабрыня, мусіць, там, дзе справядлівасць і праўда. Дзе класавая бязлітаснасць, жорсткасць вышэйшых да тых, хто ніжэй, якая ж там дабрыня! Мусіць, навек адышла дабрыня з мінулым часам, на змену ёй паявілася нешта новае – жорсткае і няшчаднае»* [2, с. 384].

На вобразе Хведара Роўбы пісьменнік стварае тып сумленнага і трывушчага беларускага селяніна. Сціплага, стрыманага чалавека Роўбу часта ашуквалі хітрэйшыя і не зусім сумленныя суседзі, радня, аднасяльчане, начальства. Ашуквалі яго і ў высылцы таварышы па няшчасці. Ашуквалі таму, што для розных прыстасаванцаў да ўлады ён быў нязручным чалавекам, бо жыў па сумленні і ніколі не шукаў выгоды. Руплівы гаспадар, заняты штодзённым сялянскім клопатам, ён быў далёкі ад палітыкі. Але сваёй штодзённай працай сцвярджаў перавагу над актывістамі-балбатунамі.

У Хведара ўзнікала непаразуменне: чаму калгасам кіруюць няўмекі, а не рупліўцы-гаспадары. Яго абурала, што самы лянiвы ў Нядолішчы гаспадар, Зміцер, у якога некалі ад голаду здохла кабыла, бо з'ела за зіму саламяную страху і ўсё роўна не хапіла, стаў брыгадзірам. Гэты чалавек за жыццё нават не навучыўся плесці лапцей, яму заўсёды пляла жонка. І гэты лайдак зараз кіруе іншымі, распараджаецца людскімі лёсамі...

З выпадковай сустрэчы з калгаснікамі суседняй вёскі Хведар даведаўся, што калгаснікі галадаюць: *«З Вялікадня да Іллі траўку елі. З Іллі пачалі патроху бульбачку капаць. Ды... якая там бульбачка! Арэхі... Аднаго і паратунку, што кароўка, малачко! Ды і тое здаць трэба. Дзвесце літраў. І мяса, і яйкі, і воўну. Зімой асмалілі падсвінка, дык штраф далі пяцьдзясят рублёў»* [2, с. 387]. Хведар робіць трапнае параўнанне, што ў калгаснікаў амаль тое ж галоднае жыццё, што і ў высылцы. Толькі адна палёгка, што пакутуюць калгаснікі на сваёй роднай зямлі.

Аўтар асабліва падкрэслівае кроўную прывязанасць героя да роднай зямелькі. Нязмерная, трапяткая любоў да яе зноў і зноў выяўляюцца праз думкі, маналогі Хведара. Чалавек, па яго глыбокім перакананні, без роднай зямлі нішто. Нават памерці на радзіме, легчы ў родны пясочак для Хведара – вялікае шчасце. Ноччу герой блукае па вясковых могільках на ўскраіне вёскі і зайздросціць тым, хто навекі супакоіўся ў роднай зямлі:

«То былі тутэйшыя могілкі з усёй яго раднёй, старымі, дзядамі і прадзедамі – усім яго родам, і шмат якімі вясковымі родамі, што адышлі, аджылі сваё, адпакутвалі. Зайздросная ўсё ж доля, падумаў Хведар: навек разам з усімі, у сваім кутку. А ягоная жонка Гануля, спакутаваная вясковая кабета, не ашчаслівілася нават і гэткаю доляй – легла ў балотную ямку пад сцюдзёным Котласам...» [2, с. 370].

Пакутлівыя развагі героя аўтар увесць час чаргуе з апісаннямі прыроды. Пануры, смутны, сцюдзёны восеньскі пейзаж роднай зямлі падкрэслівае трагізм становішча Хведара. Родныя лес, балота, поле, яго здзічэлы сад, разбуранае котлішча – усяму сваёй спакутаванай сялянскай душой малітоўна кланяецца ён. Здаецца, што і саду, і лесу, кожнаму дрэўцу і кусціку гэтак жа пякельна балюча і няўтульна на роднай зямлі, як і Хведару.

Як ні асцерагаўся Хведар, яго ўсё ж убачылі аднавяскоўцы. На ўцекача, «ворага народа», наладжваецца аблава. Апісанне яе – самыя балючыя і трагічныя старонкі твора. Гаспадар зямлі, які ўмее і любіць працаваць на ёй, ні ў чым не павінны чалавек стаў выгнаннікам з Бацькаўшчыны. Сталася так, што яму ўвогуле няма месца на зямлі, няма месца ў жыцці. Толькі нейкі час Роўба адчуў сябе вольным, хаваючыся ад людзей. Але менавіта ў гэтыя тры месяцы ўцёкаў ён быў вольны ад прымусу, нагляду, меў магчымасць быць сам-насам з сабой, з гаротнымі думкамі аб сваім чалавечым лёсе, са шчымлівымі ўспамінамі аб сваёй гаспадарцы, зямлі і працы.

Уцёкі быкаўскага героя з высылкі дадому – гэта выклік безвыходным абставінам. Яго трагічнае вяртанне дадому на працягу ўсяго твора суправаджаецца спавядальным роздумам селяніна-праўдашукальніка: «За што?» Хведару прыходзіла думка: магчыма, яго жорсткі лёс і ёсць *кара ад Бога* за тое, што ён маўкліва дазволіў некалі Міколку вынесці з хаты абразы, а замест іх сын-камсамалец прывалок у хату вялікі партрэт Карла Маркса.

Зноў і зноў, тэкстам і падтэкстам аповесці пісьменнік паказвае супрацьстаянне сумленнага чалавека і жорсткіх абставін, супраціўленне асобы гвалтоўным парадкам, пазбаўленым справядлівасці, духоўнасці і волі. У новым жыцці, паказвае В. Быкаў на лёсе свайго героя, няма месца сумленнасці, а нявольніцтва і людскія пакуты сталі звычайнай з'явай і доляй непавіннага чалавека. Перадаючы светаадчуванне героя, уцекача з таго свету, В. Быкаў піша: «Цяпер ён здань, начны, бесцялесны прывід, ад якога жахаюцца людзі, месца якому, мабыць, побач з ваўкамі ў лесе» [2, с. 427].

«Кулацкую морду», як пагардліва называе Хведара аблава, заганяюць, нібы звера, у багну. Ён нічым не можа сябе суцешыць у апошнія хвіліны жыцця. Наадварот, на ўласным лёсе ён выразна спазнаў, што свет расчалавечыўся: «Чалавек бы не ўцякаў ад людзей, ён нешта сказаў бы, і яго паслухалі. Значыць, ён ужо і не чалавек... Людцы, завошта вы так? Што я зрабіў кепскае вам?... Ці ж я хацеў каму кепскага?.. Толькі ж завошта мяне так люта? Людцы, адумайцеся!..» [2, с. 428–429].

У аблаве на Хведара ўдзельнічаюць блізкія суседзі, людзі, якім ён не зрабіў зла, а толькі спрыяў і дапамагаў. Але самае горкае, што кіруе аблавай сын уцекача – Міколка. Ён пазнае сына, шкадуе і апраўдвае яго ў апошнія мінуты жыцця: «Бедны Міколка! І яму во лезці сюды! Мусіць, аднак, не ад салодкай жыцці» [2, с. 430].

Хведар Роўба – моцны сваім характарам, як і іншыя героі В. Быкава. Загнаны аблавай у дрыгву, ён да канца захоўвае волю, імкненне застацца сабой і недасягальным для нелюдзяў. «Ён не хаваўся наогул. Ён ужо быў для іх недасяжны. Ён яшчэ не дабрыв да таго свету, але ўжо бадай што сышоў з гэтага. На гэтым засталася хіба ягоная галава і вочы. Каб астатні раз зірнуць і развітацца» [2, с. 431].

Хведар не шкадуе пакідаць свет, які прагнаў яго, не прызнаў сваім. Апошняе, што яго турбуе, – перараджэнне яго сына, які выракся бацькі, здрадзіў усяму роду: *«Калі такое магчыма, тады як жа жыць? Можжа, яму яшчэ загадаюць, злавіўшы, учыніць допыт над бацькам? І сын зможа яго катаваць? Божжа! На што ты сатварыў тады белы свет?»* [2, с. 431].

Пісьменнік-мысляр В. Быкаў у кожным творы задумваецца над маральна-этычнай, духоўнай сутнасцю чалавека. Як са звычайнага вяскоўца фарміруецца здраднік, кат? Пад уплывам чаго? Гэтым аўтарскім роздумам абумоўлены вобразы-тыпы вясковых актывістаў Івана Сокура, Зміцера Цыпрукова, селькора Зыркаша, сына галоўнага героя Міколкі Роўбы, некаторых іншых. Іван Сокур – старшыня сельсавета, які памагаў савецкім актывістам у Нядолішчы раскулачваць Хведара. Іван быў сынам разумнага, паважанага ў вёсцы селяніна-серадняка. Яго бацька ніколі не шкодзіў людзям, а, наадварот, дапамагаў у цяжкую хвіліну. Аднак не ў бацьку, спагадлівага, маральнага чалавека, удаўся сын. Іван меў падатлівы характар, і раённае начальства ім папіхала. Калі высылалі Роўбу, ён быў наглядчыкам і рупным памагатым двух упаўнаважаных з раёна, сачыў, каб раскулачаныя, як было загадана, узялі з сабой толькі пілу, тапор ды харчоў на тры дні. Новыя, чорныя Волеччыны валёнкі кінуліся ў вочы аднаму з раённых упаўнаважаных, і ён аддаў загад Сокуру. *«Сокур трохі памяўся, перасмыкнуў голеным тварам, але падступіў да дзяўчынкі і перадаў загад. Волечка паслухмяна здзела адзін чорны валёначак, затым другі і засталася ў снезе ў адных панчошках...»* [2, с. 397].

Але ці не спасцігла Сокура справядлівая кара Усявышняга, думае Хведар, бо сярод знаёмых магіл на вясковых могілках ён бачыць недагледжаную магілу з надпісам на белай дошцы: «Сокур Іван». Пяць гадоў назад гэты начальніцкі памагаты быў здаровы, дужы і рухавы сярэдняга веку чалавек. Сокур у быкаўскім творы ўвасабляе тых людзей, што імкнуліся прыстасавацца да ўлады і былі гатовыя на ўсё, каб выслужыцца і засведчыць ёй сваю вернасць. Без пакут сумлення гэты актывіст распараджаецца лёсамі людзей, бяздумна дзейнічае па ўказцы начальства. Старшыня сельсавета гатовы ўсё знішчыць, магчыма і забіць чалавека, калі на гэта будзе загад начальства. З такіх людзей, па перакананні пісьменніка, нараджаюцца самыя агідныя здраднікі і каты.

Каінавы паслугі аказвае новай уладзе яшчэ адзін жыхар Нядолішча – Зыркаш. Хведар упэўнены, што менавіта ён сапсаваў усё жыццё яго сям'і, і не толькі ёй адной. Зыркаш – зайздросны, нядобры чалавек. Гэта ён калісьці напісаў на Роўбу скаргу за малатарню. З гэтага і пачаліся беды Хведара. Каб не паклёпніцкая заява гэтага зайздросніка, можа б усё па-людску абышлося, і Роўба не спазнаў бы такога трагічнага лёсу.

Уцякаючы ў балота, Хведар пазнае ў сваіх праследвальніках знаёмых, якім ён не зрабіў нічога дрэннага: Шурку, якога некалі выключылі з камсамола, сваіх былых суседзяў. Гэтыя людзі добра ведалі Хведара як працавітага сумленнага чалавека. Што ж іх прымусіла дамагацца яго смерці і ўдзельнічаць у гэтай аблаве? Чаму ён стаў ім небяспечным, ён жа дапамагаў суседзям ва ўсім?.. Можжа, і яны запалоханыя?.. Разам з героем чытач сам павінен адказаць на гэтыя драматычныя пытанні.

Уцякач кіруецца туды, дзе бачыць адзінае выйсце – у непраходнае балота Багавізна, туды, дзе вечная і бяздонная багна. Аблава на Хведара нагадвае эпізоды партызанскай аповесці В. Быкава «Воўчая зграя». Але ў аналізаваным творы лютай звярынай зграяй аказваюцца свае людзі, а не чужынцы, фашысцкія карнікі. Гэта дае падставы правесці некаторыя паралелі: бесчалавечнасць, якую насаджаў таталітарны рэжым, нагадвае фашызм.

Аднак самым страшным у маральным падзенні з'яўляецца сын Роўбы Міколка. У дзяцінстве хлопчык быў вельмі чулым, спагадліва ставіўся да ўсіх, нават жывёлу не крыўдзіў. Ён радаваў бацькоў сваёй працавітасцю. Сям'я мела някепскую па тым часе гаспадарку, бо змаглі купіць малатарню, ды і падрос сын-памочнік. *«Міколка надта прыхільна памкнуўся да зямлі і гаспадаркі, рана пачаў працаваць плячо ў плячо з бацькамі... Ды неўзнарок неяк улёг у навуку – спярша ў школе, затым – як уступіў у камсамол»* [2, с. 374]. Так, падкрэслівае В. Быкаў, «новая навука» вытруціла з душы сялянскага сына любоў да зямлі і працы на ёй. Міколка стаў удзельнікам бясконцых сходаў, мітынгаў, спрэчак аб новым жыцці. А калі стварылі камсамольскую ячэйку, выбралі яго сакратаром. Хлопцу стала зусім не да гаспадаркі, ён стаў чужынцам для роднай сям'і.

Бацькоў выслалі па сутнасці з-за малатарні, якую сям'я нажыла па парадзе Міколкі, каб весці «культурную гаспадарку» ў сябе і дапамагаць іншым. Хлопец у гэты час служыў у войску. Вярнуўшыся дадому, ён нават не захацеў пацікавіцца лёсам бацькоў, куды іх выслалі, ці жывыя яны і сястрычка Волечка... Ён не хацеў нічога чуць аб родных. Бацькі ж увесь час бедавалі аб сыне, але не адважваліся яму нават пісаць, каб не пашкодзіць яго жыццю, будучаму. Спадзяваліся, што Міколка напіша ім сам. *«Тамаш (аднавясковец. – З. М.) пісаў, што бачыўся з ім у раёне, значыцца, мог бы дазнацца бацькаў адрас, – думаў Хведар. – А калі не піша, дык значыць... І дзень, і ноч ён думаў, вагаўся і – так нічога і не ўдумаў. Ён не ведаў, як паставіцца яму да сына, а галоўнае – як сын паставіцца да яго... Хведар шмат начэй думаў пра сына і яго начальніцкую пасаду, непакіўся і перажываў. І ўсё стаяла ў думках, што сказаў Сталін: сын за бацьку не адказвае... Калі Міколку паставілі ў раёне начальнікам, дык, мусіць жа, ведалі, дзе бацька і маці... Можна, даўмеліся нарэшце, што раскулачылі няправільна, незаслужана, і таму сын ні пры чым...»* [2, с. 375].

Дарэмна Хведар спадзяваўся, калі сын вялікі начальнік, дык можа як-небудзь аблегчыць лёс бацькі, які яго гадаваў, вучыў. Мікола баяўся, што дзеці раскулачаных таксама могуць падвяргацца рэпрэсіям. «Разумны» Міколка зрабіў кар'еру: адрокшыся зусім ад роднага бацькі, ён стаў партыйным сакратаром раёна. Пад націскам абставін у той час так рабілі многія. Але, як даведаўся Роўба, яго сын вызначаўся асаблівай лютасцю ў адносінах да людзей. *«Малады, а як цівун той»*, – казалі пра Міколу людзі. Ён нават адрокся ад бацькавага прозвішча – памяняў на іншае. Хведар гатовы быў сыну многае дараваць, але каб памяняць прозвішча ды стаць цівуном... Для бацькі няма большай ганьбы, чым мець такога сына. Герой В. Быкава пакутліва раздумвае: як і чаму яго сын ператварыўся ў нелюдзя?.. Бацькі ж вучылі яго быць добрым, спагадлівым да людзей. Але былі ў камсамольца Міколкі і іншыя настаўнікі. Юнак аказаўся маральна слабым чалавекам, калі ў яго душы не засталася месца дабру і справядлівасці, спагадзе і міласэрнасці. Ён без сумненняў прыняў ідэі «новага жыцця», і ніхто разумны не перасцярог Міколку аб нерэальнасці ідэй сусветнай рэвалюцыі, аб грахоўнасці жорсткіх адносін да людзей, родных і ўсіх іншых. Міколка, як і іншыя актывісты таго часу, захапіўся сацыялістычнымі ідэямі аб шчасці ўсяго чалавецтва і не задумваўся аб няшчасці блізкіх і родных людзей, тых, каму ён ламаў лёсы. Гэта – таксама тыповы герой-прыстасаванец і кар'ерыст. Рукамі такіх «актывістаў» здзяйсняліся многія злачынствы таталітарнай улады супраць свайго народа.

В. Быкаў па-грамадзянску смела і пераканаўча паказваў антыгуманнасць ідэй таго часу, якія спрыялі адрачэнню сыноў ад сваіх бацькоў. Сын ішоў супраць бацькі і не нёс за гэта ніякай маральнай адказнасці, людскога асуджэння і віны. Гэта прэрэчыла хрысціянскім і агульначалавечым нормам, маральную безадказнасць і жорсткасць несла тата-

літарная ідэалогія. Менавіта Міколка ў канцы быкаўскага твора ўзначальвае злавесную аблаву на роднага бацьку. Сын стаў зусім чужым, адрачэнцам, здраднікам сваім людзям, свайму роду і зямлі. Ён аддана служыць сістэме, якой ён і патрэбны менавіта бязродным, амаральным, без сумлення і святых пачуццяў у душы.

Магчыма, у гэтым вінаваты і сам бацька? Ён некалі не запырэчыў сыну, які выкідаў з хаты абразы. Тады Хведар не дужа над гэтым задумваўся, хоць *«трохі шкада было святых, з якімі мінала жыццё, але... калі тое робіць сын ад імя ўлады... усё ж уладзе ён верыў. Лічыў, што там недзе, у Маскве ці ў Мінску, сядзяць разумныя людзі, адукаваныя і справядлівыя, і калі яны вырашылі, што без бога народу лепш, дык, мабыць, гэтак і трэба»* [2, с. 416]. У гэтых развагах аўтар падкрэслівае даверлівасць, недалёкасць і наўнасьць свайго героя-селяніна, які шчыра верыў савецкай уладзе.

І тут В. Быкаў застаецца верным праўдзе, хоць яна вельмі жорсткая. Але без сумлення, праўдзівага адлюстравання гісторыі народа, быў перакананы пісьменнік, не можа быць вартай, годнай будучыні. Пісьменнік спадзяваўся, што, дзякуючы яго праўдзе, у будучым беларусы не паўтораць трагічных памылак сваёй гісторыі. Сродкамі мастацкага слова Быкаў-мысляр асуджаў таталітарызм, паказваў, як у нечалавечых абставінах «калгаснага будаўніцтва» руйнаваўся свет вясковага, народна-хрысціянскага ўкладу жыцця, як разбуралася чалавечая мараль – аснова суіснавання людзей і грамадства. На думку пісьменніка, разбурэнне чалавека і расчалавечванне свету, адмаўленне грамадства ад гуманістычнай маралі і духоўнасці, знішчэнне чалавека-гаспадара – вось галоўныя наступствы таго супярэчлівага і трагічнага часу, якія тлумачаць многія дэфармацыі ў савецкім грамадстве наступных дзесяцігоддзяў.

Балючая праўда нашай гісторыі патрэбная сучаснікам, каб годна ўвекавечыць памяць пра ахвяр сталіншчыны, каб нашчадкі вынішчанага таталітарнай сістэмай ахвярнага пакалення ніколі не забывалі, што сярод тысяч загубленых суайчыннікаў найбольш было непавінных працаўнікоў, вяскоўцаў-беларусаў. Сёння іх цяжка назваць па імёнах, цяжка адшукаць магілы высланых на спецпасяленні. В. Быкаў аповесцю «Аблава» стварае ім усім велічны і самотны рэквіем. Назва аповесці – ёмістая метафара таго, як знішчаліся многія мільёны сялян і гуманістычная народная мараль не толькі беларускага народа, але і многіх народаў вялікай савецкай краіны. Гэта аблава на ўсё мужнае, сумленнае, годнае, што было ў людзях і што супраціўлялася злачыннай палітычнай сістэме.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. – Мінск : Кніга, 2003. – 544 с.
2. Быкаў, В. У. Збор твораў : у 6 т. – Мінск : Маст. літ., 1992–1994. – Т. 5. – 1994. – 432 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2019

Melnikava Z. P. Artistic Chronicle of Totalitarianism: V. Bykov's Story «Battue»

V. Bykau with extraordinary depth comprehends the tragic experience of our history, the lessons of collectivization. The moral position of the writer-thinker: humanistic ideals, the value of every human life, Christian morality – the basis of social and spiritual life of each person and society as a whole is revealed. V. Bykau's story «Battue» helps contemporaries to understand the moral and political deformations of the era of totalitarianism, which became a dramatic experience of the Belarusian people. This work of the people's writer is a kind of monument to the victims of totalitarianism in Belarus.

УДК 398.3

І. А. Швед

д-р філал. навук, праф., праф.каф. рускай літаратуры і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: Shved_Inna@tut.by

ЭНТАМАЛАГІЧНЫ КОД ТРАДЫЦЫЙНАЙ ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ: ПАВУК*

Артыкул прысвечаны гісторыка-генетычнаму і функцыянальна-семантычнаму даследаванню вобраза павука як чынніка заалагічнага кода традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў. На матэрыяле розных фальклорных жанраў паказана, што міфапаэтычным мысленем беларусаў семіятызуюцца такія прыкметы павука, як колер, бляск, наяўнаць на целе выявы крыжы, «маўкліваць», здольнасць плесці павуціну, лакалізацыя ў куце, ля ікон, пад бэлькай, а таксама рух уверх ці ўніз. Павук выяўляецца як мужчынскі персанаж, працаўнік, паходжанне якога звязана з чалавекам. Касмалагічныя легенды пра павука, які «свет сьнаваў», сумяшчаюць матывы, звязаныя з першатарэннем і знішчэннем свету. Амбівалентна ацэнены павук судачыняецца як са сферай хтанічнага, дэманічнага, душаў памерлых, гадамі, так і са светам нябеснага, боскага, надзелены медыятыўнымі здольнасцямі, сакральным статусам, ахоўнымі і апякунскімі функцыямі ў дачыненні да Святога сямейства, розных біблейскіх персанажаў і чалавека.

Уводзіны

Жывёлы і заалагічны код адыгрываюць надзвычай вялікую ролю ў традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў і іншых народаў, што матывавана тым выключным значэннем, якое, як справядліва адзначыў У. Тапароў, «мелі жывёлы на ранняй стадыі развіцця чалавецтва, калі яны яшчэ не аддзяляліся з усёй рэзкасцю ад чалавечага калектыву – ні ў яго сінхранічным стане (уклучэнне жывёл у сацыяльную іерархію, памяшчэнне свяшчэнных жывёл на вяршыні іерархічнай лесвіцы), ні ў дыяхранічным аспекце (ідэя паходжання дадзенага калектыву ад жывёлы ці ад жывёльнага продка), ні, нарэшце, анталагічна (уяўленне пра жывёлу як пра адмысловую іпастась чалавека)» [1, с. 440]. Практычна ўсе каляндарныя і сямейныя абрады і звязаныя з імі вербальныя тэксты, а таксама неабрадавы фальклор беларусаў, як і іншых народаў, актыўна выкарыстоўваюць заалагічны код для мадэлявання міфапаэтычнай карціны свету. Таму зразумела, што шматлікія аспекты семантыкі і функцыянальнасці заалагічных вобразаў і адпаведнай лексікі, славянскай народнай заалогіі неаднойчы станавіліся прадметам даследавання беларускіх і замежных этнолагаў, фалькларыстаў, лінгвістаў.

У шэрагу прац фальклорна-этнолагагічнага і этналінгвістычнага кірункаў разглядаецца сімволіка асобных жывёл, прадстаўленая ў розных відах і жанрах народнай культуры славян. Глыбока і ёміста на аснове сучаснага метадалагічнага падыходу да вывучэння традыцыйнай заасімволікі народныя ўяўленні славян пра жывёл, у тым ліку павука, рэканструююцца ў манаграфіі А. Гуры «Сімволіка жывёл у славянскай традыцыі» [2]. З улікам дасягненняў папярэднікаў расійскі этналінгвіст распрацаваў дэталізаваную схему аналізу заавобраза і ахарактарызаваў асноўныя вобразы жывёл (і адначасова цэлых груп і класаў) славянскай народнай традыцыі. Акрамя агульнай класіфікацыі прыкмет А. Гура прапанаваў культурныя «партрэты» пэўных жывёл

*Прадстаўлены некаторыя вынікі навукова-даследчай працы «Зоологический код белорусской традиционной духовной культуры (по записям XIX – начала XXI века)», якая выконваецца па ДПНД «Экономика і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (№ дзяржрэгістрацыі 20160897 ад 13.04.2016).

(у тым ліку павука), што дазваляе ўбачыць як спецыфіку кожнай жывёлы, так і ўсю народную сістэму трактоўкі жывёльнага свету ў цэлым. Ён, на думку даследчыка, размяркоўваецца на такія класы, як дзікія звяры, гады, насякомыя, птушкі і рыбы. Пры гэтым павук з улікам яго месца ў народнай класіфікацыі жывёл разглядаецца ў складзе класа гадаў і насякомых. Ацэньваючы прадуктыўнасць такога падыходу, адзначым, што ён мае несумненную значнасць пры даследаванні заасімволікі канкрэтных этнічных традыцый, у прыватнасці беларускай. Прадстаўленая ў грунтоўнай манаграфіі А. Гуры схема задае каардынату этналінгвістычнага вывучэння вобразаў розных жывёл, стымулюе тэарэтычную рэфлексію ў галіне сістэмнага даследавання як кодаў культуры ўвогуле, так і заалагічнага кода і яго чыннікаў у традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў у прыватнасці. Пры гэтым прыведзеныя ў працы А. Гуры грунтоўныя меркаванні наконт міфалагічнай сімволікі павука патрабуюць развіцця на беларускім фальклорна-этнаграфічным матэрыяле разнапланаванага характару, у тым ліку сабраным у апошнія гады ў розных рэгіёнах Беларусі.

Мэта гэтага даследавання – этнасеміятычная характарыстыка вобраза павука як чынніка заалагічнага кода традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў. Паколькі традыцыйная духоўная культура вызначаецца інтэгральнасцю і сферу функцыянавання адзначанага вобраза складаюць фальклорныя жанры (павер’і, легенды, загадкі, прыказкі, прымаўкі і да т. п.), абрадавыя практыкі, лексіка і фразеалогія, гэтыя ўзаемаўзгодненыя каналы трансляцыі этнакакультурнай інфармацыі з’яўляюцца аб’ектам даследавання.

Разгледзім тэндэнцыі мадэлявання вобраза павука ў адзначаных кантэкстах. Уяўляецца, што найбольш універсальнымі параметрамі семіятызацыі павука выступаюць яго дзеянні, функцыі (прэдыкаты) і прыкметы (атрыбуты). У залежнасці ад прыпісаных функцый павук у даследаваных тэкстах розных жанраў беларускага фальклору можа адносіцца да персанажаў розных тыпаў. Так, павук – *мужчынскі персанаж, працаўнік*, паходжанне якога звязана з чалавекам.

Заўзятая працавітасць, як заўважылі У. Лобач і С. Санько, калісьці і падвяла павука і нават сталася для яго конам-праклёнам. Паводле захаванай на Гомельшчыне версіі колішняга этыялагічнага міфа, павук і пчала былі братам і сястрой. Адноўчы, калі памірала іх маці, прыляцела сарока – спачатку да пчалы, а потым і да павука – і паведаміла сумную вестку. Пчала адразу ж кінула сваю працу і паляцела да маці, а павук, спаслаўшыся на вялікую занятасць, застаўся за сваёй працай. За гэта маці пракляла яго, і ён вымушаны вечна ткаць сваё павуцінне і ніяк яго не скончыць [3, с. 336] (характэрная загадка: «Без станка і без рук, а кросны тчэ. – Павук» [4, с. 149]). «Гэты матыў перагукаецца з вядомым старагрэцкім міфам пра суперніцтва майстрыхі-ткалі Арахны (ад ст.-гр. Αράχνη ‘павук’) з вялікай Атэнай і пра яе пакаранне за пахвальбу сваім майстэрствам ператварэннем у павука, які з тае пары вечна мусіць ткаць павуцінне. Прыведзеная вышэй версія тлумачыць і пачатак непрыязных, нават варожых дачыненняў паміж павуком і пчалой, якія больш выразна праяўляюцца ў казцы “Каваль”, дзе павук палоніць у павуцінне пчалу сабе на спажытак. Пчалу ратуе каваль, за што пчала паказвае яму крыніцу з жывой вадой» [3, с. 336].

Мужчынская прырода павука выявілася ў варажбе цяжарных жанчын пра пол дзіцяці, якое павінна з’явіцца на свет. «Калі дажыналы, то робылы бараду, рвалы калоссе і клалы крыж-накрыж. Тады яшчэ цяжарныя жаночыны ворожылы, хто народыцца. Калі ў траве знаходылы павучка, то будэ хлопец, а калі чорненькую

казюлька – то дзяўчына» (*ФА; Мачулішча, Камянецкі р-н). Вядомая беларускай традыцыі і асацыяцыя павука з удаўцом. Так, жнеі пасля праполвання барады варажылі пра будучае замужжа – падымалі снапы, на якіх яны спажывалі дажынкавую яешню, і глядзелі, што будзе пад імі. Калі бачылі павука, то гэта прадказвала шлюб з удаўцом [3, с. 336].

Павуку прыпісана *касмаганічная* функцыя, ён выступае ў ролі *крэатара, творцы свету*, адпаведна павуку нельга шкодзіць. Паводле легендаў і вераванняў, «повук світ соснаваў, як світ начынаўся. Когда-то, до тых давніх врэманов, повук заснаваў світ. І нельзя ёго бэты» [5, с. 373], «кі повука... тожэ нэможна забываты, шчо вродэ основывався свет, так як повукі» [6, с. 115], «павука нельга біць, таму што ён сьвяшчэнны, сьвет саснаваў» [7, с. 585], «*Свяшчэнны*» *павук-крэатар* мог уяўляцца памочнікам Божай Маці: «Ткань розводыв павук, як світ робывся. То ёго нельзя быты. І він помогав Матэры Божэй. [А калі дапамагаў?] – Ну як начынаўся світ. Начыналася перва жызннь людска» [5, с. 374]. З прыведзеным касмаганічным сюжэтам, верагодна, стасуюцца наступныя ўяўленні: «Ото летаюць такіе белыя полосы. Это Божая Маці прадзе і свое ніткі пускае. А павук іх ловіць і пляце гэтае павуцінне. От і все. А я, малая, наловлю этих ніток на палку, ды нясу. А баба: “Божа, Божа, шо ж ты наробіла?! То Божа Маці прадзе, шоб повук плёў Ёй гардзіны, шоб завешываці Ёй!”» (Тонеж, Лельчыцкі р-н) [7, с. 484]. Уяўленні пра далучанасць павука да актаў першастварэння свету, верхняга яруса светабудовы, пра яго кантакт з сакральнымі персанажамі і самім Богам матывавалі надзяленне яго свяшчэнным стусам: «Прыдумалі, што ён карысны, што ён павуціну пляце... Я кажу: а які ён карысны, калі ён павуціны гэтай начапае? А яна: не, нельзя забіваць, ён як бы ат сьвятога. Ат такога вот, што сьвятыя... Сьвятыні ён ужо некія прыношуе» [8, с. 531]. На высокі сяміятычны статус павука і яго ўлучанасць у касмалагічныя сюжэты паказвае актуалізацыя гэтага заавобраза ў загадках архаічнага тыпу, якія займаюць важнае месца ў песнях новалецця: «А што чорна, ня чэрнючы? // А што бела, ня белючы? // А што блішчыць, не малюючы? // – Чоран воран ня чэрнючы, // Лебедзь белы ня белючы, // Павук блішчыць не малюючы» [9, с. 34].

Як крэатар павук «выступае своеасаблівым індикатарам пры выбары месца пад новае жылло: калі на новым месцы ён за ноч сатчэ ў збане павуцінне – месца лічылася ўдалым» [3, с. 336]. «Магчыма, што менавіта касмаганічныя функцыі павука і яго павуцінны адлюстраваны ў адным з народных назоваў сузор’я Пляяды (або Вожа) – Сіта, паколькі павук з павуціннем звычайна загадваецца праз сіта: “Вісіць сіта, не рукамі віта, хто адгадае, той многа знае”» [3, с. 336], «Сіта без рук звіта. – Павуцінне», «На полцы, у вуголцы ляць сіта, ды не рукамі шыта. – Павуцінне» [4, с. 149].

У тэкставай прасторы «народнай Бібліі», як вядома, этыялогія (касмагонія) і эсхаталогія (канец свету) складаюць рамачную канструкцыю, полюсы якой адлюстроўваюць адзін аднаго. Адпаведна легенды пра павука, які «свет снаваў», сумяшчаюць матывы, звязаныя з першастварэннем і знішчэннем свету. Калі пляценне павуком-дэміургам павуцінны ў першачасы станоўча ацэньвалася як першапачатковая фаза касмагенезу, фаза ўсталявання сувязі паміж усім жывым і Богам (таму забаронена забіваць павукоў і рваць павуцінне), то, згодна з шэрагам славянскіх легенд, другаснае зацягванне свету павуціннем перашкаджае жыццю людзей (з-за павуцінны яны не бачаць дарогі, праўды і г. д.). Снаванне павуком новага свету лічыцца грахам. Узмацненне негатыўнай канатацыі гэтых міфалагічных уяўленняў у эсхаталагічных

*ФА – Фальклорны архіў студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі БрДУ імя А. С. Пушкіна «Фалькларыстыка і кразнаўства» (кіраўнік – І. А. Швед).

наратавах адбываецца не толькі праз указанні на другаснасць стварэння «сусветнай павуціны», але і праз падкрэсліванне яе дэманічнай прыроды – «сетка», якая аблытвае свет (неба), маркіруецца як жалезная – гэта дроты: «Да то Святое Пісаньне пісалося. Шо нэбо будэ змотано дротом. Хто то верыв? Шчо жэлэзны птушкі будуць лэтаць. Потом, шчо жывы мэртвому будэ завідуваты» [6, с. 133]. Пры гэтым як у касмалагічных легендах, так і ў эсхаталагічных прадказаннях можа выкарыстоўвацца адзін і той жа дзеяслоў «сноваць» – павук сноваў свет, і ў апошнія часы свет «аснуецца павуцінай», але яна будзе жалезнай – павуціна мае тэхнагенную сутнасць; металічнымі будуць і іншыя, некалі «жывыя» рэаліі: «Вот, сынок, прыйдзе такая ўрэм'я, оснуецца сьвет павуціною, і будуць лэтаць жалезныя пташкі по небу» [6, с. 134]; «Будзя ўвесь сьвет на павуціне аснован, увесь сьвет!» [7, с. 577]; «Прыдзіць урэмя, будзеццэ усё змотана вакруг у павуціну. У павуціну абаўецца. Во, цяпер правады» [10, ч. 2, с. 273]. Жалезная павуціна разам з жалезнымі жывёламі выступае прыкметай канца свету. Свабодна распрасцёрты з часоў тварэння белы свет «когда-то сплечецца, всё ровно, как павукі плетуцца, о так. Потому шо тоды нічога не было – ні электрычства, ні радыа, ні телефонов, нічога ж не было» [6, с. 137].

У шматлікіх фальклорных кантэкстах «бажэсьцьвенны» павук выступае *медыятарам*, які злучае розныя ярусы светабудовы і іх насельнікаў, звязвае людзей з Богам: «Мяне ўсё ўрэмя ўбіждалі, што павука нільзя трогаць, патаму што павук даходзіць да Бога па сваім павуціннійку» [10, ч. 1, с. 36], «Павука біць нельзя. Ён жа бажэсьцьвенны, ён жа Богу даносіць усё па павуціне» [10, ч. 1, с. 36]. Лёгкасьць, «паветранасць» павуцінныя звязвае павука са сферай нябеснага, боскага [3, с. 336]. Павук транслюе ў чалавечы свет недасягальныя людзям веды і, надварот, інфармуе Бога пра паводзіны людзей. Паводле легенды, «павуку вызначана ад Бога глядзець за хлебам». Ён пільна сочыць за людзьмі, якія кідаюць крошкі хлеба і, уносячыся на павуцінні да неба, дакладае аб гэтым Богу, а Бог карае людзей за гэта памяншэннем ураджаю [3, с. 336]. «Суаднесенасць павука з нябесным, салярным (дзякуючы асаблівасцям будовы, формы павуцінны) супрацьпастаўляе яго хтанічным істотам. Так, нельга было абрываць і вымятаць павуцінне ў гумне, бо іначай развядуцца мышы» [3, с. 336].

Далучанасць павука да іншасвету тлумачыць яго вяшчунскія здольнасці. Так, павук, які спускаўся па сваім павуцінні ў хаце, прадвяшчаў з'яўленне гасцей. Мелі значэнне як месца, так і час спускання павука па павуцінні. Калі павук спускаецца перад кімсьці, то таго чакае нейкі прыпадак, не абавязкова ўдалы. Каб унікнуць непажаданых вынікаў, раілі такога павука спаліць жыўцом. Аднак удача ці няўдача тут залежала ад часу з'яўлення павука: калі перад абедам ці проста ўдзень, то чакае непрыемнасць, калі ж пасля абеду ці ўвечары, то прыпадак будзе ўдалы. Калі павук спускаецца проста на галаву чалавеку, той атрымае нейкі падарунак, яго чакае дарога або ён атрымае ліст. Павук, які спускаецца на стол або ў пасудзіну ў час яды, прадвяшчае прыбытак у хаце, удалае завяршэнне распчатых справаў, але, магчыма, сям'я мае патаемнага ворага [3, с. 336]. У Брэсцкім Палессі і Цэнтральнай Беларусі лічаць, што павук прыносіць у чалавечы свет інфармацыю пазітыўнага зместу, калі паўзе ўверх. У Брэсцкім раёне павука забіваюць, калі бачаць яго скіраваным уніз (ФА; Люта). З апатрапейнай мэтай такому павуку могуць паказаць фігу: «А еслі павук спускаецца па павучынні ўніз, гэта не к дабру. А еслі наабарот уверх падымаецца – к дабру. А еслі спускаецца – нада яму фігу паказаць, тады ён пойдзеццэ уверх. І еслі па сцяне спускаецца – тожа фігу паказаць. Я ад бабы сто разоў чуў» [8, с. 531]. У падобных выпадках звяртаюцца і да вербальнай магіі: «Павука біць нільзя. Нельзя, тож святы павучок. Ён урэда ня дзелаіць, павуцінку

здылаіць – і ўсё. Павуцінінку этую ўбраў, а павучка ня бі – нільзя. А вот спускаецца павучок, як маленькі павучок вот спускаецца, а ты гавары, што: “Павук, павук, на добрае – угору, на дрэннае – уніз, на добрае – угору, на дрэннае – уніз”. Як угору – тады харашо, а як уніз – тады хужэ» [10, ч. 2, с. 268]. Семантыка дарогі ў сувязі з вобразамі павука і павуціння праглядае і ў вясельнай песні: «Божа, Божа! // Павучок па сценцы йдзе, // Павуцінейка вязе. // Божа, Божа! // Леначка да столу йдзе, // Мамачцы ў ножкі падзе: // – А мамачка родная, // Перайдзі дарожаньку...» [3, с. 336]. У прыкметах семіятызавалася і афарбоўка павука: «Ну если спускается с хаты де-то, мо... если спускается чёрный – значит, какую-то новость может принести плохую» (ФА; Фядоры, Столінскі р-н); «Мама казала: “Павука ніколі не бі, дочка. Колькі будзеш жыць на сьвеце... Выкінь і ўсё”. Павук сівенькі – харошыя весьці. Павук чорны – кепскія весьці» [11, с. 233].

Розная ацэнка прадказанняў з вобразам павука можа тлумачыцца і яго глыбіннымі міфалагічнымі значэннямі: «Відавочная амбівалентнасць вяшчунскіх здольнасцяў павука звязаная з яго судачыненнем з пачатковымі фазамаі касмагенезу. Ён сімвалізуе сабой менавіта той пракаветны ідэальны стан Сусвету (не крануты яшчэ распадам і хаосам вырай), калі ўсе рэчы і ўсе істоты былі злучаныя паміж сабой і з богам-творцам нябачнымі нітамі-павуцінкамі, і які пазней быў людзьмі страчаны» (М. Эліядэ). Нездарма ў старажытных касмагоніях Бог – Стваральнік Сусвету – параўноўваўся менавіта з ткачом-павуком, а сам працэс стварэння Сусвету прыпадабняўся да працэсу вытыкання тканіны, дзе аснова (у іншых адменах – уток) сімвалізавалася пачатковымі водамі. У стараіндзейскай традыцыі гэта сам Брахма. У беларускай касмагоніі гэты вобраз хутчэй суаднесены з іншым удзельнікам стварэння Сусвету, будучым антаганістам Бога-Творцы, чортам: «Моташна чорту, хочацца яму ўсё насенне з жывата выкінуць, от ён снуе па вадзе, бы павук, да ўсё блюе. Па немалым часе ўся вада закрылася лазою да ракітаю». Апроч іншага і за гэта павука забаранялася біць, бо “павук новы свет снуе, а гэта грэх”» [3, с. 336]. Падваенне, паўтарэнне нечага ўвогуле адмоўна ацэньвалася міфа-паэтычным мысленнем.

У павука, як і ў большай часткі гадаў і насякомых (змяі, жабы, чарапахі, крата, чарвяка, цвыркуна, павука, чорных тараканаў, мурашоў і інш.), выяўляюцца функцыі *хатняга гаспадара* («Павук – эта хазяін дома» [8, с. 531]), *апекуна*, *ахоўніка*, што збліжае яго з *дамавіком*, *душой продка* – «прашчур» («шчур» як назва гада) і, адпаведна, з багаццем. Жыхарка вёскі Люта, адмоўна адказваючы на пытанне, ці забівае яна павукоў, казала нам, што нават калі нікога са сваякоў няма ў хаце, яна заўсёды адчувае на сабе позірк свядомай істоты – за ёю ўвесь час сочыць нейкі асаблівы павук, не такі як усе астатнія (ФА; Брэсцкі р-н). Дагэтуль існуе забарона забіваць павукоў-«дамавікоў»: «Домовік – павук, нэ можна быты. Кажут, што нэ дрэнны. Павутыну ўзяты на шчо такое і выкінуты, а не быты» [5, с. 552], «[А з павукамі звязаны якія-небудзь прыкметы?] – Весць несут. – [А Вы забіваеце павукоў?] – Нет, я іх выбрасываю. Муху ўб’ю, а паўка как-то рука не поднімаецца» (ФА; Люта, Брэсцкі р-н). Дзве жыхаркі вёскі Вялікія Радванічы, адказваючы на пытанне, ці можна забіваць павукоў, гавораць: «Нельзя. Категорічэскі нельзя». – «А я дэ колы махну». – «А я, еслі там словіла, на ўліцу выкінула». – «А я дэ колы, дэ колы гнэздо убачу, і того, там і прэб’ю» (ФА; Брэсцкі р-н).

Лічылі, што калі заб’еш павука або парвеш павуцінне, то будзе балець галава ці здарыцца нейкае іншае няшчасце: «Еслі заб’еш павука, будзець балець галава» [8, с. 531], «Як паука затрошчыш і пауць порвеш, то голова будзе болець» [12, с. 501]. На Століншчыне кажуць, што «няможна павукоў у хаце біць, а то грашэй не будзе» (ФА; Мачуль, Столінскі р-н). Паводле іншых меркаванняў, за забойства павука ў чалавека сорак грахоў будзе [5, с. 392–393]; «Як заб’еш павука, так сорак грахоў будзеш несцьці

на гэтай зямлі. [А чаму?] – Ну так Бог даў. Чужыя грахі тады трэба атпакутваць» [11, с. 533]. На Беларуска-Польскім памежжы – у Бельска-Падляшскіх аколіцах – павука не б'юць, каб не было няшчасця (ФА).

Разам з тым павук, звязаны з засветамі, смерцю, душамі людзей, улучаецца ў *дэманалагічны* кантэкст і адмоўна ацэньваецца. Выразным прыкладам сказанаму можа быць міфалагічны аповед пра тое, як мужчына лавіў на рацэ рыбу. «Пад вутра рыба так ловіцца, ісклучыцельна. Паяўляецца, гаворыць, павук, большу-ую такі круг здзелаў, после павука палучаецца бурбалка: бур, бур, бур вада. І ён крычыць з вады: “Душа нада!” Душа нада! Дык еты дзед спугаўся, кінуў эту рыбу лавіць і пайшоў. І вот ён ідзець, а дзевачкі бягаюць купацца. І ён гаворыць дзевачкам: “Дзевачкі, ня ідзіце, я так і так слышаў”. А яны пайшлі. Толькі раздзеліся, каторая первая ўвайшла ў ваду, тая і патанула... Вот і ўсё. “Душа нада!” Душу забіраець... У вадзе ж яны і ў балоце ж яны. І ў вадзе яны, і ў балоце яны. Іхняе жыццельства. Ну, канешне, яны цяпер у хатах бываюць, усюды. Горы ж празрушылі. Яны сядзелі ў горах акованы» [8, с. 476].

Як і іншыя *гады*, павук лічыцца *атрутным*. Так, на Случчыне верылі, што на дубе, які «зімою не скідае лісту, а вясною развіваецца вельмі позна», «водзіцца такі павучок, што як яго з'есць говядо, та прападзе» [13, с. 56]. Павука маглі лічыць *прычынай* аднайменнай *хваробы* сэрца. Ад хворага сэрца – «ад павука» – раілі ўжываць мёд: «Калі павук трапіў у ежу, а з ёю ў страўнік чалавека, то лячыць мёдам» [12, с. 710]. У выслоўях вобраз павука выкарыстоўваецца для негатыўнай ацэнкі чалавека: «Нашатырыўся як павук [і сядзеў моўчкі]» [14, с. 354], «Во набраўся як павук» [14, с. 294], «Праціўны як павук» [14, с. 369].

На беларуска-расійскім памежжы замест павука-выратавальніка з'яўляецца вобраз *павука-даносчыка*: «Не білі. На павука казалі: “Хазяін на дварэ”. А мы ўсё раўно іх... (смяецца). А ўродзе бы другія кажучь, што нада забіць. Вот кінеш ты дзе крошачку хлеба. Павук ета бярэ і нясе, і ўжэ Богу паказывае. Ну знаеш, за паджыгацеля: “Во, во, палядзіце-ка, як людзі хлеб раськідаюць! Значыць, ім трэба паменей, каб меней ім хлеба даставалась, штоб яны не раськідалі, а ўсё паядалі”» [7, с. 480].

Нярэдка матывіроўкай забароны забіваць павука выступае яго *апякунская функцыя* адносна *Святога сямейства*, падчас уцёку якога ў Егіпет павук спрыяў тым, што сплёл павуціну, і Божая Маці з Сынам схаваліся пад ёю ад пераследнікаў: «Дід був Онуфрій. Казав, шо нэ можна павука забываты, бо за ёго сорок грэхів будэ... Павуку сплэлы такую сетку, шо тые забойцы, шо хотілы взяты Божу Маці, воны нэ бачылы. То блгодаря павукам. За павутой засновалы до такой степэні, шо нічэво не было відно. Божу Матер закрылы» [5, с. 392–393], «Павука біць няможна. Затоя, што Мацер Божая ішла з Ісусам Хрыстом і яго хацелі ўністожыць. Яна ўлезла ў яму, а павукі скоранька заплялі. Дык ляцелі гэтыя, што хацелі ўбіваць Ісуса Хрыста, дык кажучь: “Тут нічога німа, тут павуцінай усё зацянута”» [10, ч. 1, с. 36]; «Божая Маці бегла, а за ей бег жыды і хацелі яе забіць. І нідзе не было ні кустоў, нічога. Толькі бегла, глядзіць, мост, яна тады скоранька пад мост. А павукі яе павуцінай абняслі. Абняслі, абняслі, а тыя паглядзелі пад мост, яе ня ўвідзілі – і яна асталася жывая. Затоя і павукоў нельзя біць» [10, ч. 1, с. 36–37]. На Берасцейшчыне апавядаюць: «Калі ж Божа Мацер породіла Ісуса Хрыста, то Вона ж ховалася, ходіла. Ховалася скрозь, з месца на месца пераходзіла з Маленькім, бо Яго шукалі, хацелі ўбіць. Вона под ёлочку стала, і ея павук аплёл павуціннем усю кругом, тую ёлачку. І Вона там сядзела ўсё ўрэм'я. <...> Павук абплёл і закрыў. І тым ставят ёлкі, убірают в разныя цацкі... І павука тым не можна біць, бо вон спас Ісуса Хрыста» [5, с. 393], «Жыды шукалі Суса Хрыста. Под дзіраво сіла (Божа Маці. – *I. Ш.*), а павук

засновав тэе дзерво, коб вот ішлі, не ўгледзелі Божу Мацер с Ісусом Хрыстом. <...> І павука не можна біць за гэта, шо павук спас Божу Мацер» [5, с. 392].

На Гродзеншчыне таксама павука забаранялі біць за тое, што ён уратаваў Святое сямейства, заткаўшы павуціннем уваход у пячору ці «заплёўшы дарогу», і гэта ўвяло пераследнікаў у зман [3, с. 336]. Паводле запісу з Брэстчыны, «говорілі, шо когда этот Ісус Хрыстос прятаяся, маленькім... І пауцінкой заплелі дарогу. І вжэ той Юда, ішлы эты Его... І гаворят эты: “Тут ніхто, тут дажэ человек не проходів”. То пауков всегда моя мама выкідвала [не біла]» (ФА; Лелікава, Кобрынскі р-н). Паводле матэрыялаў з Гомельскага Палесся і Падняпроўя, «калісь Марыя – Мацер Божая – с Ісусам Хрыстом маленькім хавалася па павуцінах ад палачоў... Там, дзе авечкі былі. Там жа ў кажнам сарае павуціны поўна. Яна і хавалася так: дзе навіта павуціна, дак залазіла», «Дак білі тых ужо дзяцей, колькі ж выразалі. А Яна схавалась, быў стары дом – дзвьярэй не было, нічога. І яны кінулісь туды – а дзвьярэй няма – і ўсё заснована павуцінай. Дак яны падышлі і кужуць: “Тут павук аснаваў павуцінай, яны не йшлі, яны б прарвалі б”. А яны там былі. А ўсьлед Гасподзь аснаваў павуціну. І вот так і астаўсь Хрыстос жыў» [7, с. 558]. Павукі могуць заплятаць яму, каб Божая Маці не разбілася: «Як Матка Боская уцякала з Панам Езусам, і выкапана была яма, каб Яна ўвалілася і прапала з Дзіцям гэтым. А павукі сабраліся, згаварыліся, і яны ўзялі павучыньнем гэтым, як посьцілкай, засьцялілі, засьцялілі. Матка Боская з Дзіцяткам на павучыньне гэтае села і прасядзела датуль, пакуль Яе шукалі і йшлі, каторыя Пана Езуса бераглі. Яна на гэтым павучыньні задзяржалася» [11, с. 360].

Нярэдка павукі і павуцінне згадваюцца ў сувязі са Страсцямі Хрыстовымі: «Ісус Хрыстос, як ужэ хацелі Яго замучыць гэтыя ўжэ... Яго шукалі, як была ноч цёмная-цёмная. А ён упаў – галлё такое ляжала. Ён так шуснуў туды і пайшоў у тое галлё – там яма была выкапана. І павучкі заплялі павуціннем, а Ён там ляжаў. Ну і заплялі. А яны <тыя жыды> кажуць: “Што мы будзем шукаць, калі тут павуцінне дажа ўсё цэлае!”» [5, с. 401], «Ісус Хрыстос уцякаў ужэ ат разбойнікаў. Забег – хата там ужо старая была. Абеблі за ім бандзіты. А тут павуціна. Уся на дзвьярах павуціна – значыць, тут нікога няма. Павук спас. Нельга павучка біць. Ганяем гэтага па хаце, гэтага павучка. Спас Ісуса Хрыста павучок. Дак хай ужо павуціне ў хаце вісіць!» [7, с. 557]. Павук і павуціна фігуруюць і ў занатаваных на Берасцейшчыне народна-біблейскіх аповедах пра распяцце Хрыста – яны давалі цень распятам Хрысту: «Вот я кагда-та чула, нашы бабушкі і мамы гаварылі, што павукі абвілі Ісуса Хрыста, на распяц’і ён быў. Яны абвіталі яго, аграждалі сваімі, ценямі сваімі» (ФА; Малышы, Ляхавіцкі р-н). Паводле матэрыялаў з Гродзенскага Панямоння, «калі Бог вісеў на крыжы, так павучок ат сонца зрабіў гэту павучынку, зацянуў. Каб Яму ў вочы сонца не сьвяціла» [11, с. 360].

Такім чынам, павук – гэта *боская істота, ахоўца Святога сямейства* і іншых біблейскіх персанажаў (Давіда, Мухамеда і пад.), якой *забараняецца шкодзіць*. Паводле падання, ратуючы цара Салімона (Саламона), павук заплёў павуціннем уваход у пячору, у якой хаваўся цар Салімон, і тым падмануў варту, якая таго шукала. Можа гаварыцца і пра выратаванне павукамі нейкага чалавека: «Вабшчэ нельзя біць [павука]. Кажуць, даўней у калодзежы павучыння надзелалі. А там чалавек сядзеў. А тады нешта... Тоя павучыння спасло таго чалавека. Нельзя біць» [8, с. 532]. Павук таксама *абараніў абраз*: «Ну, ікону он зашчыціл от всякого грэха. Мацер Богородіцу <...> Павуціной. Ад злых людзей» [5, с. 427].

Сакральны статус павука і адпаведна забарона на яго забойства могуць матывавацца яго *лакалізацыяй у «святых месцы»* («Гаворылы, тому нэ можна павука забываты,

шо вун над царскімы двэрамы, павук. Потому ёго нэ можна забываты» [5, с. 427]), а таксама выявай крыжа на целе. Павука нельга забіваць, «потому шо ў него на сьпіне есьць крэсьцік <...> У кожнаго. Хоть он і вред дзелае, шо павуціны... Павуціны снімаюць, павука куда-то... Но ўбіваць нельзя» [5, с. 427]. Месцазнаходжанне павука пад бэлькай, якая мела сакральны статус (загадка: «Пад бэлькаю асмаляны верабей сядзіць. – Павук» [4, с. 149]), у куце (у тым ліку чырвоным), як слушна адзначылі У. Лобач і С. Санько, дазваляе разглядаць яго як *ахоўніка сям'і* і яе *дастатку*. Гэта выяўляецца ў распаўсюджаным звычай рабіць саламяныя аб'ёмныя ўпрыгожванні – «павукі» – напярэдадні Калядаў і Вялікадня і вешаць іх «на шчасце» ў покуці над сталом. Невыпадковай з'яўляецца форма гэтых вырабаў: шарападобная (нагадвае сонца з разыходнымі прамянямі), рамбічная (ромб як архаічны сімвал урадлівасці і плоднасці) і зоркападобная» [3, с. 336]. Выразна сувязь жывога і саламянага павукоў (з іх функцыяй аховы дому) высвечваецца ў наступным запісе: «[Павука нельга забіваць]. Ну, вот яны ахраняюць дом. От ранней жа павуки рабілі саламяныя. Яны ахраняюць дом, як бы такія дамавыя» [7, с. 731].

Павук фігуруе і ў мэтэаралагічных прыкметах, прычым яго вясчунская функцыя служыць матывіроўкай узнікнення забароны на забойства: «Нельзя павука забіваць. Павук дажа паказуе пагоду. Дажа можа вылезьці з леса, павук, таму што ён па сонцу дажа тчэ павуціну. І хто разьбіраецца, нікагда ў лес не заблудзіць. Нікагда. Вот на юг, на поўдня, таўсьцейшая павуцінка, на север – танейшая павуцінка. На захад і на ўсход – адна і тая павуцінка. А тады для гэтыя павуцінкі, для чатырох етых знакаў, ён клетачкі ўстаўляе, наводзіць із павуцінкі» [8, с. 532]; «Зайшоў адзін друг к свайму і па сцяне поўзаў павук. Ён узяў і яго забіў. А той прышоў у хату і глядзіць: няма павука. – А дзе павук? – Я яго забіў. І ён абідзіўся. Ён яму прэдказываў пагоду: калі на рыбу іці» [10, ч. 1, с. 36–37].

У замовах павук можа выконваць функцыю *памочніка*: «Як от запарушыш вока, дак тягают за вейку и кажутъ: “Паўчок, паўчок, // Выйди на далинку, // Выньми парушынку. // Парушынка скачэ, // А (імя) плача”» [12, с. 487]. Павук выкарыстоўваўся ў *народнай медыцыне*. Так, ад малярыі «некаторыя ў лушпіне арэха (альбо ў напарстак) запіхваюць павука, зашываюць у кавалачак палатнянай анучкі і вешаюць хвораму на шыю. Хворы не павінен зазіраць у анучку, бо не дапаможа» [12, с. 211]. Ад ліхаманкі карысным лічылі насіць на шыі загорнутага ў анучку навознага жука, які быў знойдзены ў дарожнай каляіне і змешчаны ў арэхавую лупінку, павука, знятага з прыдарожнага дрэва, жабу ў анучцы і скуру змяі пасля лінькі... як толькі хвароба пачне праходзіць, кінуць усе гэтыя прадметы на бягучую ваду» [12, с. 241]. Ад «ячменю» раілі «паука зхлапаці, памяці і да ока прытуліці, і ячмень загіня» [12, с. 499]. «Ад спугу шукаюць павука, задушаць яго і ў топлеае малако, а тадэ працэдзюць і піць даюць» [12, с. 652]. Ад пярэпалахаў павука «чорнага ловюць. Лапкі атрываюць. А тады яго ў хлеб і даюць... А павук чорны, жопка вялічанькая» [12, с. 652]. Ад пярэпалахаў трэба было «злавіць ці тры, ці дзевяць павукоў з вугла, раздавіць, працадзіць у чарку і даць выпіць» [12, с. 652] (у апошнім выпадку гаючыя ўласцівасці павука ўзмацняюцца праз апеляцыю да сакралізаваных лічбаў – лікавага кода).

Павуціна (у прыватнасці, з чырвонага кута) выкарыстоўвалася ў народнай медыцыне разам з вяночкамі з купальскіх кветак: «Прыходзіць, значыт, прыходзіць яна, ну крысьціца, моліцца, малітву чытаець і патом ідзець – у хаці с краснага вугла бярэць павуцінку, дзе ёсць якая... І вот накрэст бярэць павуцінку гэту сабіраець, уродзі бы гэту, складваіць, патом вянок гэты на галаву надзеваіць гэтаму... [хвораму]» [10, ч. 2, с. 126]. Павуціна фігуруе ў актач ачышчальнай магіі: «Во время уборки жилья, когда снимаете

веником паутину с потолка и стен, говорите: “Что пришло – на веник перешло!”» (ФА; Беражное, Столінскі р-н). На вялікае значэнне павуціны ў міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў указвае і прадстаўленасць яе вобраза ў загадках тыпу «Нітак многа, а ў клубок не змотаеш. – Павуцінне» (ФА; Магілёўцы, Пружанскі р-н), «Ныток многа, а в клубок ны змотаеш. – Павуціна» [5, с. 613].

Заклучэнне

У заключэнне адзначым, што міфапаэтычным мысленнем беларусаў семіятызуюцца такія прыкметы павука, як колер, бляск, наяўнаць на целе выявы крыжа, «маўклівасць», здольнасць плесці павуціну, лакалізацыя ў куце, ля ікон, пад бэлькай, а таксама рух уверх ці ўніз. Павук у традыцыйнай міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў – гэта мужчынскі персанаж, працаўнік, паходжанне якога звязана з чалавекам. Касмалагічныя легенды пра павука, які «свет сначаў», сумяшчаюць узаемазвязаныя матывы першатварэння і знішчэння свету. Павук судачыняецца як са сферай хтанічнага, дэманічнага, душамі памерлых, гадамі, так і са сферай нябеснага, боскага, надзелены медыятыўнымі здольнасцямі, сакральным статусам, ахоўнымі і апякунскімі функцыямі ў дачыненні як да чалавека, так і Святога сямейства ды розных біблейскіх персанажаў. Адпаведна яшчэ і ў наш час пашыраны забароны з рознымі матывіроўкамі шкодзіць павуку.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Топоров, В. Н. Животные / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. ; гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Рос. энцикл., 1994. – С. 440–449.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
3. Лобач, У. Павук / У. Лобач, С. Санько // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск, 2011. – С. 335–336.
4. Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 363 с.
5. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. – 2008–2009. – Кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – 2009. – 863 с.
6. Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / уступ. арт., уклад. і камент. А. М. Боганевай. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2010. – 116 с.
7. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. / Т. В. Валодзіна [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – 2012–2013. – Кн. 2. – 2013. – 1231 с.
8. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь : у 2 кн. / В. І. Басько [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – 2010–2011. – Кн. 2. – 911 с.
9. Беларускі фальклор у сучасных запісах. Традыцыйныя жанры. Мінская вобласць / уклад. В. Д. Ліцвінка, Г. Р. Кутырова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 477 с.
10. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад. А. У. Лобач. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – 2 ч.

11. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн. / В. І. Басько [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Кн. 2. – 2006. – 636 с.

12. Народная медыцына: рытуальна-магічная практыка / уклад. Т. В. Валодзінай. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 776 с.

13. Сержпутоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

14. Выслоўі / склад. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2019

Shved I. A. Zoological Code of the Traditional Spiritual Culture of Belarusians: Spider

The article is dedicated to historical and genetic and functional-semantic research of the image of a spider as a factor in the zoological code of traditional spiritual culture of Belarusians. The material of different folklore genres shows that such spider signs as color, luster, presence on the body image of the cross, «silence», the ability to weave a web, localization in the corner, near the icons, under the beam, as well as moving up or down are semanticized by mythopoetic mental of Belarusians. Spider appears as a male character, worker, whose origin is associated with a human. Cosmological legend about a spider that «founded the world», combine the motifs associated with first creation and the destruction of the world. Ambivalently rated spider is associated to both the scope of chthonic, demonic souls of the dead for years, and the world of heaven, divine, endowed mediate abilities, sacred status, protective and custodial functions in relation to the Holy Family, and various biblical characters and the person.

УДК 124.42-053.2:821.111-1.09“17/18”

I. В. Поўх

канд. філал. навук, дац. каф. замежных моў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: iryna_powkh@tut.by

**АРХЕТЫП ДЗІЦЯЦІ Ў ТВОРЧАСЦІ АНГЛІЙСКИХ ПАЭТАЎ
ЭПОХІ РАМАНТЫЗМУ**

Разглядаецца праблема ўвасаблення архетыпу дзіцяці ў творчасці англійскіх паэтаў-рамантыкаў У. Блэйка і У. Уордсварта. Аўтар вылучае асноўныя ўласцівасці адзначанага архетыпу і спосабы адлюстравання сімвалікі дзяцінства ў паэзіі эпохі Романтизму. Асаблівая ўвага надаецца ўзаемасувязі дзяцінства і прыроды, канцэптам нявіннасці і натуральнасці ў асобе чалавека, прыроднай мудрасці і гармоніі дзяцінства. Прыведзены літаратуразнаўчы аналіз асобных твораў з пункту погляду ўвасаблення ў іх архетыпу дзіцяці на ўзроўні вобразнай сферы, лексічных і сінтаксічных сродкаў мастацкай выразнасці.

Уводзіны

У сучасным літаратуразнаўстве існуе шэраг даследаванняў, прысвечаных архетыпу дзіцяці ў літаратуры. Да яго звярталіся Л. М. Осцін, К. Рэйнальдс, Дж. Плотц, Э. Хопкінс і іншыя навукоўцы [1; 2]. Усе яны падкрэсліваюць значную ролю эпохі Романтизму ў працэсе стварэння і распрацоўкі архетыпу дзіцяці ў розных відах мастацтва, у прыватнасці літаратуры.

Традыцыйнае пурытанскае стаўленне да дзіцяці як істоты, што ад нараджэння носіць на сабе першародны грэх падзення чалавецтва, і дзяцінства як перыяду, поўнага рызыкамі і небяспекі, страчвае сваю актуальнасць з сярэдзіны XVIII ст. Пурытанская літаратура была накіравана на выратаванне дзіцячых душ праз навучанне і прыклад правільных паводзін. У сваю чаргу, з сярэдзіны XVIII ст. з перыядам дзяцінства пачалі асацыявацца больш станоўчыя якасці і ўласцівасці: нявіннасць, свабода, творчасць, шчырасць, непасрэднасць і, магчыма, найважнейшае для тых, хто займаўся адукацыяй і выхаваннем дзяцей, – здольнасць прыстасоўвацца да знешніх абставін. Ж.-Ж. Русо, адзін з натхняльнікаў Французскай рэвалюцыі, сцвярджаў, што прыродзе дзяцінства ўласціва адкрытасць, якой іх пазбаўляе грамадства. Менавіта Ж.-Ж. Русо належыць канцэпцыя «дзіця прыроды» і сцвярджанне, што дзецям патрэбна як мага меней фармальнай адукацыі – ім неаходна жыць на прыродзе, ад якой яны самі возьмуць усё, што трэба.

Ідэя «дзіцяці прыроды» мела значны ўплыў на творчасць паэтаў-рамантыкаў, якія разглядалі дзяцінства як самастойны, непаўторны перыяд у жыцці чалавека, які мае ўласную каштоўнасць і які нельга скарачаць штучным паспешным сталеннем.

Літаратуразнаўца Д. Г. Джыльям прапаноўвае наступную інтэрпрэтацыю паняцця «нявіннасць»: «“Нявіннасць” – гэта паняцце, якое мы ўжываем у дачыненні да жывёл, дзяцей і дарослых, што жывуць проста і немудрагеліста» [3, с.14]. З прыведзенага азначэння вынікае, што дарослыя таксама могуць быць нявіннымі. Д. Г. Джыльям канкрэтызуе сваю думку наступным чынам: «У дзяцей ёсць прыродная прыязнасць, якую яны дэманструюць натуральна, але якую рэдка можна заўважыць у вопытных дарослых, апроча тых, хто здолеў захаваць прыродную ласкавасць. Моманты нявіннасці больш каштоўныя ў дарослых: яны ўраўнаважваюць больш складаную істоту і глыбокія веды, чым у дзяцей» [3, с. 14].

Паэты-рамантыкі адхіляюць некаторыя думкі і перакананні сваіх папярэднікаў як занадта строгія і рыгідныя для дзяцей. Яны сцвярджаюць, што жорсткая дысцыпліна

не дазваляе дзецям адкрыта праяўляць свае думкі і пачуцці, у першую чаргу адмоўныя. Паэты-рамантыкі надаюць перавагу асабе перад грамадствам, эмацыянальнаму пачатку перад рацыянальным, натуральнаму перад штучным. Дзіцячая непасрэднасць бачыцца паэтам-рамантыкам як асаблівы стан мыслення, калі эмоцыі і ўражанні пераважаюць над розумам і логікай. У пошуках натхнення яны звяртаюцца да фальклору, прыроды і мінулага, распрацоўваюць філасофію дзяцінства як перыяду адкрытасці і шчырасці, цеснай і непарыўнай сувязі з Богам і прыродай, перыяду, калі чалавека трэба ахоўваць ад жорсткіх рэалій жыцця, паважаць і берагчы яго ўнутраную чысціню.

Мэта даследавання – прасачыць шляхі ўвасаблення архетыпу дзіцяці ў паэзіі эпохі Рамантызму на прыкладзе творчасці У. Блэйка і У. Вордсварта.

Архетып дзіцяці ў творчасці У. Блэйка

Уяўленне пра дзяцінства як перыяд нявіннасці, шчырасці і адкрытасці знайшло сваё адлюстраванне ў творчасці У. Блэйка, П. Б. Шэлі, С. Т. Кольрыджа, У. Вордсварта і іншых паэтаў эпохі Рамантызму, а таксама мела ўплыў на пазнейшыя адукацыйныя тэорыі і спосабы ўвасаблення вобраза дзіцяці ў творчасці паэтаў і пісьменнікаў наступных пакаленняў. Сімволіка дзяцінства прыцягвала рамантыкаў сваёй натуральнасцю, нявіннасцю, чысцінёй, непасрэднасцю, шчырасцю, наіўнасцю, мудрасцю і блізкасцю да Бога. Дзяцінства пазіцыянавалася як найлепшы перыяд у жыцці чалавека, увасабленне надзей і спадзяванняў усяго чалавецтва, у той час як сталенне азначала адыход ад гэтага блаславеннага стану. Стаўленне да дзяцінства як найбольш натуральнага перыяду ў жыцці чалавека абумовіла вядучую ролю топасу прыроды як неад'емнай часткі архетыпу дзіцяці ў творчасці згаданых вышэй паэтаў. Дзеці ў вершах паказваюцца на свежым паветры, часта побач са звярамі і птушкамі, дзе яны не толькі гуляюць, але і набываюць новыя веды пра навакольнае асяроддзе. Топасы прыроды і вёскі ў паэзіі эпохі Рамантызму ствараюць своеасаблівую сімвалічную прастору, найбольш спрыяльную для развіцця прыродных схільнасцей і здольнасцей дзяцей.

Зборнік «Песні нявіннасці» У. Блэйка (упершыню выдадзены ў 1789 г.) – прадвеснік рамантычнай чуллівасці і сентыментальнасці, у якім найбольш выразна і перакананая гучыць пастаральная ідэя адзінства дзіцяці і прыроды. У. Блэйк увасабляе супрацьпастаўленне рамантычнай прыхільнасці да ўсяго прыроднага, натуральнага і мадэрнізму, з яго індустрыяльна-ўрбаністычнымі матывамі ў зборніках «Песні нявіннасці» і «Песні вопыту» (упершыню выдадзены ў 1795 г.). Так, у вершы «Лондан» паэт стварае вобраз гарадскога дзіцяці, разгубленага, няшчаснага, спалоханага. Агульны настрой верша падкрэсліваецца шэрагам адмоўна афарбаваных лексічных адзінак: *manacles* – наручнікі, *wandered* – блукаў, *weakness* – бяссілле, *woe* – жалоба, *fear* – страх і інш.

I wandered thro' each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow,
And mark in every face I meet
Marks of weakness, marks of woe.
In every cry of every Man,
In every Infants cry of fear,
In every voice, in every ban,
The mind-forg'd manacles I hear.
How the Chimney-sweeper's cry
Every black'ning Church appals [4, с. 40].

Вобраз дзіцяці прысутнічае і ў вершах сацыяльнай праблематыкі. Напрыклад, у «Маленькім чорным хлопчыку» У. Блэйк падкрэслівае духоўную аднолькавасць дзяцей з цёмнай і светлай скурай, тым самым выступаючы ў падтрымку руху супраць расізму і гандлю рабамі. Антытэза чорны – белы з першых радкоў падкрэслівае агульны настрой твора. Як і ў разгледжаным вышэй вершы, аповед вядзецца ад першай асобы, што дазваляе чытачу ўбачыць свет вачыма дзіцяці:

My mother bore me in the southern wild
And I am black, but O! My soul is white [4, с. 5].

Дзіцячую нявіннасць і шчырасць, душэўную чысціню і давер перадае найўная ўпэўненасць у тым, што цёмны колер скуры – толькі хмарка, якая з цягам часу знікне:

And these black bodies and this sun burnt face
is but a cloud, and like a shady grove [4, с. 5].

Верш мае агульную мінорную танальнасць, абумоўленую знявагай і пагардай, якую дзіця адчувае да сябе з боку людзей з іншым колерам скуры. Тым не менш гэты смутак светлы, што падкрэсліваецца і сістэмай параўнанняў (светласкурае дзіця – анёл, душы дзяцей – ягняты), і створанай у вершы сімвалічнай прасторай, дзе адбываецца дзеянне (дзіця сядзіць пад дрэвам на матчыных каленях), і метафарычнымі вобразамі-сімваламі (сонечнае святло, радасць, раніца, усход і інш.).

Матыў страты дарослага гучыць у вершы «Маленькі хлопчык заблукаў» (зборнік «Песні нявіннасці»). Верш складаецца з дзвюх строф, першая з якіх гучыць ад першай асобы, маленькага хлопчыка, другая – ад трэцяй, дарослага апавядальніка, што назірае за сітуацыяй. Дынамічнасць і эмацыянальная афарбаванасць першай страфы перадае адчай спалоханага дзіцяці пераважна сінтаксічнымі сродкамі: кароткія радкі, звароты, паўторы, пабуджальныя канструкцыі:

Father, father, where are you going
O do not walk so fast.
Speak father, speak to your little boy
Or else I shall be lost [4, с. 8].

Другая страфа гучыць значна больш павольна і стрымана, адлюстроўваючы халодную, змрочную атмасферу ночы і дзіцячую адзіноту ў ёй. Манатоннасць і аднастайнасць рытмічнай структуры гэтай страфы перадаецца праз сінтаксічны паралелізм трох першых радкоў:

The night was dark no father was there
The child was wet with dew.
The mire was deep, & the child did weep
And away the vapour flew [4, с. 8].

Варта адзначыць, што, нягледзячы на агульную сітуацыю страты, твор мае аптымістычную канцоўку: злыя духі знікаюць у начной цемры і не палюхаюць дзіця.

Лагічным працягам верша «Маленькі хлопчык заблукаў» выступае верш «Маленькі хлопчык знайшоўся» з гэтага ж зборніка. Вершы аб'ядноўвае матыў слёз дзіцяці, але ў другім вершы перад хлопчыкам з'яўляецца Бог і вядзе яго да маці, тым самым сцвярджаючы ідэю дзяцінства як бласлаўленага часу, калі чалавек знаходзіцца пад асабліва моцнай аховай Бога і анёлаў.

Сфера настрояў і пачуццяў дзіцяці таксама знайшла сваё ўвасабленне ў творчасці У. Блэйка. Так, антаганістычныя па сваім настроі вершы «Смутака немаўляці» і «Радасць немаўляці» са зборнікаў «Песні вопыту» і «Песні нявіннасці» адпаведна ствараюць два супрацьлеглыя вобразы нованароджанага дзіцяці. Першае нарадзілася, відавочна, у беднай сям'і, не патрэбнае нікому, што перадаецца эмацыянальна афарбаванымі дзеясловамі і прыметнікамі з адмоўнай канатацыяй:

My mother groaned! My father wept
Into the dangerous world I leapt:
Helpless. Naked. Piping loud [4, с. 42].

Другі верш пабудаваны ў форме дыялогу з няўласна простаай мовай паміж маці і немаўляткам. У апошняга яшчэ няма імя, але яно, відавочна, доўгачаканае, нясе радасць у сям'ю:

I have no name
I am but two days old. –
What shall I call thee?
I happy am
Joy is my name, –
Sweet joy befall thee! [4, с. 18].

Агульны прыўзняты настрой верша ствараецца як лексічнымі, так і сінтаксічнымі сродкамі. Кароткія радкі робяць твор дынамічным і простым, перадаюць рухавасць і чысціню думак малага дзіцяці. Шматлікія паўторы, клічныя сказы, у тым ліку напрыканцы кожнай з дзвюх строф адсылаюць чытача да магіі дзіцячага фальклору – замоў, пацешак, забаўлянак, тым самым падкрэсліваючы нявіннасць дзяцінства і яго блізкасць да прыроды.

Архетып дзіцяці ў творчасці У. Уордсварта

Архетып дзіцяці займае значнае месца ў творчасці англійскага паэта-рамантыка У. Уордсварта. Вобраз дзіцяці ў яго паэзіі ідэалізаваны: дзеці ўяўляюцца паэту больш дасканалымі і вартымі павагі і шанавання, чым дарослыя. Так, у вершы «Вясёлка» перыфраза «бацька чалавека» ў дачыненні да дзіцяці сцвярджае прыродную мудрасць і пабожнасць дзяцінства, што з узростам страчваецца пад уздзеяннем знешніх абставін. «Ода Несмяротнасці» («Ода: Пачуццё несмяротнасці з ранняга дзяцінства») стварае архетып дзіцяці праз шэраг вобразаў, што падкрэсліваюць яго чысціню і натуральную гармонію – прырода, «святло нябёсаў», вясёлка, ружа, птушкі і ягняты, сонца, Бог, маці. Само дзіця атрымлівае шэраг метафарычных найменняў, якія падкрэсліваюць яго веліч – *Mighty Prophet* (Магутны прарок), *Eye among the blind* (Вока між сляпых), *Philosopher* (Філософ), *Nature's Priest* (Святар прыроды), *Master o'er a Slave* (Гаспадар над рабом), *Presence which is not to be put by* (Прысутнасць, якой не пазбегнуць) і інш.

Сваёй творчасцю У. Уордсварт прапагандуе навучанне ў натуральным асяроддзі і выхаванне праз сапраўдныя жыццёвыя сітуацыі, засваенне маральных каштоўнасцей праз паводзіны блізкіх і знаёмых яму людзей, разуменне неабходнасці быць добрым, спагадлівым, чулым, смелым і г. д. на ўласным вопыце. Паэт сцвярджае, што менавіта прырода павінна быць першым настаўнікам дзіцяці. Маніфестам яго светапогляду гучыць верш «Сталы перакулены». Аўтар заклікае дзіця кінуць кнігі і выйсці ў поле, да сонца, паслухаць спеў птушак і засвойваць веды не розумам, а сэрцам.

And hark! how blithe the throstle sings!
And he is no mean preacher;
Come forth into the light of things,
Let Nature be your teacher [5].

Верш пабудаваны на супрацьпастаўленні двух семантычных палёў: класічнага і натуральнага навучання. Семантычнае поле класічнага навучання ствараюць пераважна лексічныя адзінкі з адмоўнай канатацыяй: *toil and trouble* – праца і клопат, *dull and endless strife* – нудная і бясконцая барацьба, *mean preacher* – суровы прапаведнік, *barren leaves* – пустыя аркушы і інш. У сваю чаргу, семантыка натуральнага навучання складаецца з кантэкстуальных антонімаў прыведзеных вышэй лексічных адзінак: *freshening lustre mellow* – свежы, сакавіты бляск, *sweet music* – прыемная музыка, *spontaneous wisdom* – раптоўная мудрасць і інш.

У шэрагу вершаў У. Уордсварта гучыць ідэя кароткачасовасці дзяцінства, яго безабароннасці перад жорсткім і няўмольным матэрыяльным светам дарослых. Вершы гэтай тэматычнай групы прасякнуты глыбокім смуткам, пакутніцтвам, тугой, пачуццём страты і блізкасцю смерці, якія ахутваюць вобраз дзіцяці (вершы «Вечаровае блуканне», «Віна і шкадаванне», «Вершы Люсі» і інш.). Так, у вершы «Вечаровае блуканне» паэт распавядае пра бяздомную жанчыну, якая блукае са сваімі дзецьмі і нідзе не знаходзіць прытулку. Тым не менш яна імкнецца супакоіць і развесяліць дзяцей, прапаноўваючы ім то паглядзець на зорку, што падае з неба, то пагуляць з жуком-светляком:

Turn to a silent smile their sleepy cry,
By pointing to the gliding moon on high.
When low hung clouds each star of summer hide,
Oft has she taught them on her lap to lay
The shining glow-worm [6].

Трагічны кантраст паміж безнадзейнасцю аб'ектыўнай сітуацыі і імкненнем знайсці ў ёй нешта станоўчае перадаецца праз шэраг супастаўленняў: усмешка і плач, цяжкія хмары, за якімі хаваюцца зоркі і поўня і г. д. У выніку змрок і цемра перамагаюць, намаганняў маці недастаткова, каб захінуць дзяцей ад пранізлівага ветру, дажджу і навальніцы, сагрэць іх сваім дыханнем.

Oh! when the sleepy showers her path assail,
And like a torrent rears the headstrong gale;
No more her breath thaw their figures cold,
Their frozen arms her neck no more can fold [6].

Дзеці замярзаюць і гінуць – на думку паэта, гэта адзінае выйсце з бясконцага шэрагу цяжкасцей і перашкод.

Заклучэнне

Такім чынам, архетып дзіцяці – адзін з найбольш значных у паэзіі эпохі Рамантызму – атрымлівае разнастайную інтэрпрэтацыю ў творчасці паэтаў-рамантыкаў. Паслядоўнікі Ж.-Ж. Русо разглядалі дзяцінства як перыяд максімальнай адкрытасці і шчырасці, адзінства з прыродай, здольны змяніць свет і грамадства да лепшага. Дзяцінства ўспрымалася як увасабленне нявіннасці, блізкасці да Бога і прыроднай мудрасці. Увасабленне архетыпу дзіцяці ў творчасці У. Блэйка і У. Уордсварта адбываецца праз сістэму скразных вобразаў як са станоўчай, так і з адмоўнай канатацыяй,

лексічных і сінтаксічных сродкаў выразнасці. У. Блэйк падкрэслівае чысціню і нявіннасць дзіцяці, яго бездапаможнасць перад знешнімі абставінамі. Такая інтэрпрэтацыя архетыпа дзіцяці назіраецца і ў асобных вершах У. Уордсварта, але ў той жа час паэт ставіць дзіця вышэй за дарослага, дзякуючы яго натуральнай гармоніі і чысціні, пабожнасці і прыроднай дасканаласці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Metz, S. Romanticism and the Child: Inventing Innocence [Electronic resource] / S. Metz // Romantic Poets. – Mode of access: <http://web.utk.edu/~gerard/romantic-politics/childhood.html>. – Date of access: 20.09.2019.
2. Reynolds, K. Perceptions of childhood [Electronic resource] / K. Reynolds // Discovering Literature: Romantics & Victorians. – Mode of access: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/perceptions-of-childhood>. – Date of access: 25.09.2019.
3. Gillham, D. G. William Blake / D. G. Gilliam. – London : Cambridge Univ. press, 1973. – 216 p.
4. Blake, W. Songs of Innocence and of Experience [Electronic resource] / W. Blake // Global Language Resources. – Mode of access: <http://triggs.djvu.org/djvu-editions.com/-BLAKE/SONGS/Download.pdf>. – Date of access: 05.10.2019.
5. Wordsworth, W. The Tables Turned [Electronic resource] / W. Wordsworth // Poetry Foundation. – Mode of access: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45557/the-tables-turned>. – Date of access: 23.09.2019.
6. Wordsworth, W. The Earliest Wordsworth: Poems, 1785–1790 / W. Wordsworth. – New York : Routledge, 2002. – 140 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Powkh I. V. The Child Archetype in English Romantic Poetry

The article discusses the child archetype manifestation in the poetry of English Romanticists W. Blake and W. Wordsworth. The author points out the main features of the said archetype and analyses the most common childhood symbols in Romantic poetry. Special attention is paid to the close ties between childhood and nature, the concepts of personal innocence and natural behaviours, the inborn wisdom and harmony of childhood. The conclusions are based on literary analysis of individual poems in terms of imagery, lexical and syntactical stylistic devices.

УДК 930 (476)+357.71

І. І. Шаўчук

*д-р гіст. навук, дац. дац. каф. усеагульнай гісторыі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: genhist@brsu.brest.by*

СТАТУТЫ ІНБЕЛКУЛЬТА: ВЫТОКІ СУЧАСНЫХ УЯЎЛЕННЯЎ

Прадстаўлены вынікі гістарыяграфічнага вывучэння аднаго з фрагментаў гісторыі Інстытута беларускай культуры (ІБК) – нарматыўнага афармлення яго дзейнасці, адлюстраванага ў статутах. Даследуюцца працэс стварэння першага статута ІБК у 1921 г. Выяўлена адсутнасць увагі да гэтай праблемы ў айчынай гістарычнай навуцы. Устаноўлены вытокі аднастайнай эпизадычнай канстатацыі зазначанай праблемы – намінальныя згадкі пра яе ў літаратуры міжваеннага перыяду. Зроблена выснова пра некарэктнасць заключэнняў аўтараў адносна часу арганізацыі стварэння і аўтарства першага статуту (пачатак 1921, 1922 гг., У. І. Пічэта, выкладчыкі БДУ, шматлікія камісіі), пра адсутнасць аргументацыі падобных высноў. Зроблена спроба рэканструкцыі рэальных падзей таго часу.

Гісторыю стварэння асобнага навукова-даследчага комплексу навуковага патэнцыялу Беларусі ў айчынай гістарыяграфіі слухна пачынаюць адлічваць ад стварэння Інстытута беларускай культуры (ІБК), гэта значыць ад часу паўторнай інстытуалізацыі навукі на пачатку ХХ ст. У артыкуле выдзелены толькі адзін аспект з усёй іх сукупнасці, што тычыцца гісторыі вывучэння стварэння і дзейнасці Інстытута. Адпаведна ўвага будзе звернута на асвячленне ў навуцы гісторыі статутнага афармлення функцыянавання ўстанова і, перад усім яе першага статута. Дадзеная праблема не атрымала ні гістарычнага, ні гістарыяграфічнага вывучэння. Таму папярэдзіць асноўны тэкст гістарыяграфічным аналізам зробленага не ўяўляецца магчымым.

Неабходна зазначыць, што ўзнятая тэма, дакладней першы статут, згадваецца ў вялікай колькасці навуковых публікацый, трапіла ў навучальныя выданні, выкарыстоўваецца ў папулярных публікацыях, але выключна намінальна, без верыфікацыі выніковых канстатацый. Нават навуковыя працы грунтуюцца толькі на канспектыўных эпизадычных згадках тэкстаў 1920-х гг.

Дзеля таго каб выразна прадэманстраваць развіццё думкі па акрэсленай праблеме, згрупуем асноўныя пазіцыі паводле прозвішчаў членаў камісій (па арганізацыі ІБК, напісанні статута), як яны прадстаўлены ў спецыяльных публікацыях. Такі падыход паспрыяе высвятленню і разуменню каранёў сённяшніх, быццам бы бясспрэчных, канстатацый. Зыходзячы са сказанага, можна выдзеліць наступныя групы:

І. З. Х. Жылуновіч, У. І. Пічэта.

С. Н[екарашэвіч] (1922) [тут і далей курсіў наш. – І. Ш.]: «Была выбрана камісія для распрацавання статуту ІБК. Апрацаваны гэтай камісіяй пад старшынствам З. Жылуновіча праект статуту ІБК адводзіў толькі шырокае месца культурна-грамадзянскім пытанням, надаючы, такім чынам, Інстытуту характар больш грамадзянскай, чымся навукова-даследчай установы. Адначасна праўленне БДУ ў асобе рэктара Пічэты апрацавала статут ІБК па тыпу даследчых інстытутаў» [1, с. 279].

Г. Няміга (1957): «У студзені 1921 г. нарада выбрала камісію па апрацаванні статуту Інбелкульту. Апрацаваны камісіяй пад старшынствам З. Жылуновіча праект статуту Інбелкульту адводзіў толькі шырокае месца культурна-грамадзянскім пытанням, надаючы... Інстытуту характар больш грамадскай, чымся навукова-даследавальнай

установы. Побач... будучы рэктар Бел. Дзярж. Універсітэту праф. У. Пічэта ў Маскве апрацоўвае праект статуту Інбелкульту па тыпу даследавальных інстытутаў» [2, с. 15].

Інстытут беларускай культуры (1993): «Была створана камісія па выпрацоўцы статута Інстытута беларускай культуры пад старшынствам З. Х. Жылуновіча. Праект статута, які выпрацавала камісія, надаваў інстытуту характар навукова-даследчай і грамадска-культурнай установы. Адначасова *праўленнем* Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам У. І. Пічэты быў падрыхтаваны праект статута Інбелкульту па тыпу даследчых інстытутаў» [3, с. 7].

Такім чынам, прыведзеныя выказванні ілюструюць вытокі меркаванняў пазнейшых аўтараў – тэкст С. М. Некрашэвіча.

П. Я. Л. Дыла, З. Х. Жылуновіч, Я. Ф. Карскі, У. І. Пічэта.

Э. Р. Іофе (1972): актыўна ўдзельнічалі ў распрацоўцы Статута Інбелкульту У. Пічэта, Я. Дыла, Я. Карскі, З. Жылуновіч [4, с. 205].

У. М. Міхнюк (1979): «Да лістапада таго ж года камісія *па стварэнню* Інстытута беларускай культуры, у якую ўваходзілі У. Пічэта, Я. Дыла, Я. Карскі і Д. Жылуновіч, закончыла распрацоўку статута інстытута, вызначыла яго структуру і характар дзейнасці» [5, с. 21].

Беларусь. Энцыклапедычны даведнік (1995): «У распрацоўцы першага статута прымалі ўдзел Я. Л. Дыла, З. Х. Жылуновіч (старшыня камісіі), Я. Ф. Карскі, У. І. Пічэта» [6].

ЭГБ (1996): «У стварэнні ІБК і падрыхтоўцы яго першага статута ўдзельнічалі Я. Л. Дыла, З. Ф. Жылуновіч, Я. Ф. Карскі, У. І. Пічэта» [7, с. 490].

З прыведзеных канстатацый адназначна вынікае наяўнасць з канца студзеня сталай камісіі пад старшынствам З. Хв. Жылуновіча, якая распрацавала статут ІБК да лістапада 1921 г. Не спрачаючыся з тым, што ўсе пералічаныя тут чатыры асобы насамрэч у розны час бралі ўдзел у распрацоўцы статута(-аў), зазначым пэўную блытаніну, а значыць, хісткасць прадстаўленай пазіцыі. Старшынства З. Х. Жылуновіча пазначана ў вышэйпрыведзенай публікацыі С. М. Некрашэвіча. Але ні ў ёй, ні ў іншых тэкстах, у тым ліку архіўных, не паказаны асабовы склад гэтай камісіі. Прозвішчы членаў камісіі ўяўляюць сабой меркаванні. Аднак тое, што гэта менавіта меркаванні, нікім не падкрэсліваецца, а таму выглядае рэканструкцыяй рэальных падзей.

Паколькі да сёння не выяўлена інфармацыі ў даваенных матэрыялах пра паказаную камісію і яе ўдзельнікаў, родапачынальнікам ідэі можна лічыць Э. Р. Іофе. Нягледзячы на чатыры прыведзеныя пазіцыі ў розных выданнях, яны належаць двум аўтарам, паколькі непадпісаны артыкул у «Беларускай энцыклапедыі», думаецца, створаны на базе ранейшага тэкста У. М. Міхнюка. Ён, як і ў папярэдняй групе Г. Няміга, спаслаецца на часопіс «Асве́та» (1924, № 2). Але ні ў адным артыкуле нумара, прысвечанага ІБК, такой інфармацыі няма. У. М. Міхнюк у дадатак спаслаўся на кнігу «Інстытут Беларускае Культуры» (1926). Але і там гэтага няма, што вынікае са складу наступнай трэцяй групы.

А. В. Баранова (2009): «У пачатку 1921 г. у час працы Маскоўскай камісіі па арганізацыі Беларускага ўніверсітэта *група прафесараў пад яго [Пічэты] старшынствам* у схему БДУ ўключыла і інстытут беларускай і яўрэйскай культур, быў распрацаваны праект яго статута па тыпу навукова-даследчых інстытутаў. Адначасова статут Інбелкульту распрацоўваўся ў Мінску спецыяльнай камісіяй пры Наркамаце асветы пад старшынствам Д. Ф. Жылуновіча, згодна яму Інбелкульт арганізоўваўся як грамадская арганізацыя... Над статутам інстытута, акрамя Пічэты, актыўна працавалі Я. Л. Дыла

(ад Наркамата асветы ССРБ) і акадэмік Я. Ф. Карскі, знаходзячыся ў Ленінградзе. У выніку прынятага рашэння аб аб'яднанні ўсіх трох азначаных праектаў статут Інбелкульта быў распрацаваны і прыняты, як мяркуецца, у лістападзе 1921 г.» [8, с. 78, 79].

А. В. Баранава інтрыгуе больш за ўсіх. У яе варыянце працуюць дзве камісіі: У. І. Пічэты і З. Х. Жылуновіча, а таксама два «індывідуалы» – Я. Ф. Карскі і Я. Л. Дыла. Але аб'ядноўваюцца «тры азначаныя праекты». Загадка. Але вырашаць яе не станем, таму што ўсё сказанае – бяздоказныя фантазіі.

III. Я. Л. Дыла, Я. Ф. Карскі, У. І. Пічэта.

А. І. Цвікевіч (1926): «Усе адчувалі, што ў форме Камісіі... развіццё беларускай культуры не можа адбывацца нармальна. У звязку з гэтым рад асоб заняўся апрацаваннем статуту будучага Інстытута: Пічэта ў Маскве, Дыла ў Мінску, Карскі ў Ленінградзе. Гэтыя праекты адбівалі, кожны па свойму, цэнтральнае разыходжанне, якое зазначылася яшчэ на сходзе 27 студзеня [1921 г.]. Урэшце праект Пічэты, Карскага і Дылы сумесна ўзгадніў гэтыя два прынцыпы і ІБК быў заснаваны як установа навукова-даследчая і, разам з тым, як установа культурна-грамадзянская» [9, с. 10]. Складальнік кнігі крышталізаваў часопісны (1922 г.) тэкст С. М. Некрашэвіча, фактычна сцвярджаючы пра тры праекты (камісіі) статута. І менавіта ў такой форме ідэя набыла папулярнасць у некаторых пасляваенных даследчыкаў пасля іх уласнай дапрацоўкі.

І. Ф. Шпілеўскі, Л. А. Бабровіч (1933): «Нацыянал-дэмакраты – заснавальнікі тэрміналагічнай камісіі... ужо ў 1922 г. паднялі пытанне аб арганізацыі Інстытута, прапанаваўшы... заўзятым вялікадзяржаўнікам, як Пічэта і Я. Дыла і нават манархістам – акадэміку Карскаму – распрацаваць адпаведны статут будучага Інстытута Беларускай Культуры» [10, с. 3–4].

У. А. Палуян (1972): «Неўзабаве вядомыя вучоныя Пічэта, Карскі, Дыла падрыхтавалі праект *утварэння* Інстытута беларускай культуры» [11, с. 104]. Такім чынам, тут аўтар прапануе не толькі склад камісіі па напісанні статута, а, перад усім, склад камісіі па арганізацыі Інбелкульта. Што канкрэтна мелася на ўвазе, сказаць цяжка, паколькі думка, сфармуляваная ў дадзеным двухрадкавым абзацы, працягу не мае.

В. К. Бандарчык (1972, 1999): «У гэтым жа годзе было ўзнята пытанне аб рэарганізацыі камісіі [НТК] у інстытут. Карскі, Пічэта, Дыла распрацавалі статут і ў пачатку 1922 г. быў створаны Інстытут беларускай культуры» [12, с. 16–17; 13, с. 261].

Акадэмія навук БССР (1979): «У распрацоўцы яго (ІБК) статута ўзялі ўдзел выбітны вучоны філолаг і этнограф Я. Ф. Карскі, вядомы гісторык У. І. Пічэта, мастацтвазнаўца Я. Л. Дыла» [14, с. 14].

Э. Р. Іофе (1981): «Вялікую ролю адыграў У. І. Пічэта ў арганізацыі Інстытута беларускай культуры. Разам з акадэмікам Я. Ф. Карскім і мастацтвазнаўцам Я. Л. Дылам ён распрацаваў яго статут» [15, с. 36]. У дадзеным варыянце сцвярджаецца пра камісію, якая агульнымі намаганнямі стварыла адзін статут.

А. А. Яноўскі, А. В. Баранава (2008): «Яго [У. І. Пічэты] праекту ў пачатку 20-х гг. быў *супрацьпастаўлены* праект беларускіх навуковых і культурных дзеячаў, якія імкнуліся стварыць Інстытут беларускай культуры ў якасці асобнай установы. Над статутам інстытута акрамя Пічэты актыўна працавалі Я. Л. Дыла ад Наркамасветы Беларусі і акадэмік Я. Ф. Карскі ў Ленінградзе. У выніку прынятага рашэння аб аб'яднанні ўсіх трох праектаў, статут Інбелкульта быў распрацаваны і прыняты, як мяркуецца, у лістападзе 1921 г.» [16, с. 227].

А. А. Яноўскі (2017): «У пачатку 1921 г., падчас працы Маскоўскай камісіі па арганізацыі БДУ група прафесараў пад яго [Пічэты] старшынствам у схему БДУ

ўключыла і Інстытут беларускай і яўрэйскай культур, быў распрацаваны праект яго статута па тыпу навукова-даследчых інстытутаў... Яго [У. І. Пічэты] праекту быў *супрацьпастаўлены* праект беларускіх навуковых і культурных дзеячаў, якія імкнуліся стварыць Інстытут беларускай культуры ў якасці самастойнай установы. У. І. Пічэта актыўна ўключыўся ў напісанне статута *такога* [самастойнага] інстытута (разам з прадстаўніком Наркамасветы Я. Л. Дылам і акадэмікам Я. Ф. Карскім). У выніку аб'яднання ўсіх трох праектаў статут Інбелкульту быў распрацаваны і прыняты восенню 1921 г.» [17, с. 35–36].

Погляды, прадстаўленыя ў гэтай групе, цалкам грунтуюцца на схематычным выказванні А. І. Цвікевіча, якое атрымала пазнейшую папулярнасць і развіццё. Звернем увагу, А. І. Цвікевіч піша пра *шэраг асоб*, якія заняліся распрацоўкай статута, і далейшае *ўзгадненне імі* сваіх пазіцый. З 1972 г. гэты шэраг асоб са сваімі прапановамі фактычна пераўтвараецца ў зладжаную каманду (камісію). У 2000-х гг. адбываецца вяртанне да сцвярджэння пра пагадненне *трох праектаў*. Адкуль яны ўзяліся, з адпаведных тэкстаў не зразумела, паколькі з друку 1920-х гг. такая выснова не вынікае. Адначасова А. А. Яноўскі і А. В. Баранава ўводзяць пэўныя навіны ў карціну стварэння статута. Канцэнтравана іх думка выглядае наступным чынам: група маскоўскіх прафесараў на чале з У. І. Пічэтам (альбо Пічэта самастойна – іх супольны артыкул 2008 г.) падчас арганізацыі БДУ стварыла праект статута, а пазней яму быў *супрацьпастаўлены* праект беларускіх навуковых і культурных дзеячаў. Заўважым таксама, што ніводная публікацыя 1920-х гг., як і архіўныя матэрыялы, не згадвае пра супрацьпастаўленне праектаў статутаў. Бянтэжыць яшчэ адна ідэя А. А. Яноўскага ў артыкуле 2011 г. і кнізе 2017 г. выдання. Вышэй працытаваны ўрывак з кнігі. Прывядзем цытату з ранейшага артыкула: «Але рэктар [Пічэта] быў адным з распрацоўшчыкаў Статута Інбелкульту як *асобнай* навуковай установы, а пазней актыўным прыхільнікам стварэння на яго базе Беларускай акадэміі навук» [18, с. 55]. Гэта супярэчыць усім вядомым даным, нават іншым выказванням самога аўтара. А таму зрабіць нейкія навуковыя высновы з прычыны скажэння рэальнай агульнавядомай сітуацыі наўрад ці магчыма.

Нельга прамінуць увагай змену пазіцый Э. Р. Іофе на працягу амаль пяцідзесяці гадоў. Так, у 1970 г. ён толькі зазначыў: «У. Пічэта прыняў актыўны ўдзел у арганізацыі і дзейнасці Інстытута беларускай культуры» [19, с. 220]. У 1971 г. тэма «Пічэта і ІБК» ім праігнаравалася [20]. Аналагічная пазіцыя прадэманстраваная ў 2000 г. Яго аб'ёмісты артыкул у расійскім выданні (15 старонак, 1,6 д. а.) не ўтрымлівае ні слова пра ролю У. І. Пічэты ў гісторыі Інбелкульту [21]. Але на канферэнцыі, прысвечанай Інбелкульту (2017) нават назва даклада Эмануіла Рыгоравіча была сфармулявана наступным чынам: «Удзел У. І. Пічэты ў *стварэнні* і дзейнасці Інстытута беларускай культуры» [22]. Ітак, развіццё поглядаў Э. Р. Іофе прайшло шлях ад ігнаравання пытання аб актыўным удзеле да ледзь не прыярытэтнай ролі У. І. Пічэты ў стварэнні ІБК і напісанні яго першага статута (нягледзячы на разовае адступленне на старыя пазіцыі замоўчвання ў 2000 г.). Як бачым, на гэтым шляху здараліся хістанні канцэптualaнага характару. Праўда, усе версіі, як і выкрэсліванне са спісу стваральнікаў статута З. Х. Жылуновіча, пакінутыя без тлумачэнняў і аргументацыі.

Мусім згадаць яшчэ адзін момант. А. В. Баранава і А. А. Яноўскі ў працытаваных творах 2008, 2009 і 2017 гг. пішуць пра прыняцце (зацвярджэнне) статута ў лістападзе 1921 г. У 2008 г. імі зроблена спасылка на кнігу А. І. Цвікевіча «Інстытут Беларускае Культуры (Інбелкульт). Гісторыя ўзнікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць» (1926, с. 11). А. В. Баранава ў кандыдацкай дысертацыі пайшла ўдаскана-

ленным шляхам. У адрозненне ад артыкула ў суаўтарстве з А. А. Яноўскім (2008), яна пашырыла дыяпазон спасылак, павялічыўшы колькасць старонак першай спасылкі (с. 9–11), дадаўшы да кнігі А. І. Цвікевіча калектыўную манаграфію «Навука Беларусі в XX столетии» (2001, с. 6).

Але таго, хто захоча знайсці падобную інфармацыю ў зазначаных выданнях, чакае расчараванне. Ні на указаных старонках, ні ўвогуле ў прыведзеных кнігах такой думкі не фіксуецца. У сваю чаргу, суаўтары не прадставілі ніякіх доказаў пасля памянёнай фразы. Упершыню ж падобнае меркаванне змешчана ў часопіснай публікацыі: «У лістападзе-снежні [1921 г.] ІБК атрымаў зацверджаны статут» [23, с. 28]. Дадзеная думка ў крыху скарэктаваным выглядзе прысутнічае ў наступным артыкуле: «Не пазней, чым у лістападзе [1921 г.], ІБК атрымаў зацверджаны статут» [24, с. 18] і манаграфіі: «Мы можам, як падаецца, канстатаваць... атрыманне ім [ІБК] у лістападзе зацверджанага палажэння (статута)» [25, с. 21]. Такім чынам, павярхоўнае знаёмства А. В. Баранавай і А. А. Яноўскага з праблемай, якая асвятляецца, некарэктныя запазычванні чужых меркаванняў не дазволілі ім наблізіцца да стварэння праўдападобнай карціны працэсу напісання статута Інбелкульта.

ІВ. Я. Л. Дыла, Я. Ф. Карскі, С. М. Некрашэвіч.

У. М. Ігнатоўскі (1928): «Наркамат Асветы арганізоўваў сходы культурнікаў для абгавору пытання аб арганізацыі Інбелкульта». Адзін з іх прадстаўлены цытатай з газеты «Савецкая Беларусь»: «18 чэрвеня.. пад старшынствам народнага камісара асветы адбылася нарада беларускіх культурных працаўнікоў сумесна з прафесарамі Е. Карскім, У. Пічэтам і Х. Туруком па пытанні аб Інстытуце Беларускай Культуры, які мае незабавам адчыніцца ў Менску... Для канчатковага апрацавання статута нарада выбрала з сябе камісію з трох чалавек праф. акадэміка Карскага, Я. Дыла і С. Некрашэвіча» [26, с. 11]. Дадзены вынік можна разглядаць як лагічны працяг рашэння Навукова-літаратурнай калегіі НКА, якая на паседжанні 1 чэрвеня 1921 г. пастанавіла: «Пацвердзіць папярэдняю пастанову аб Інстытуце белар. культуры... распрацаваць уставу [ІБК] і падаць яе на зацвярджэнне Камасветы» [27].

М. У. Токараў (1992): у чэрвені 1921 г. для канчатковай выпрацоўкі статута створана камісія: Я. Ф. Карскі, Я. Л. Дыла, С. М. Некрашэвіч [28].

Інстытут беларускай культуры (1993): «У чэрвені 1921 г. для канчатковай выпрацоўкі статута Інбелкульта была створана камісія ў складзе акадэміка Я. Ф. Карскага, Я. Л. Дылы і С. М. Некрашэвіча. Да лістапада 1921 г. яна распрацавала статут Інбелкульта, які аб'яднаў у сябе абодва прынцыпы развіцця Інстытута – і як навукова-даследчай, і як культурна-грамадскай установы» [3, с. 7–8].

В. У. Скалабан, М. У. Токараў (2011): «У чэрвені 1921 г. для канчатковай выпрацоўкі статута была створаная камісія ў складзе акадэміка Расійскай акадэміі навук Я. Ф. Карскага, Я. Л. Дыла і С. М. Некрашэвіча. Да лістапада яна распрацавала статут Інстытута, які аб'яднаў у сабе прынцыпы развіцця інстытута – як навукова-даследчай і культурна-грамадскай установы» [27, с. 4].

Э. Р. Іофе (2018): «У чэрвені 1921 года для канчатковай выпрацоўкі статута Інстытута беларускай культуры была створана камісія ў складзе акадэміка Я. Ф. Карскага, Я. Л. Дылы і С. М. Некрашэвіча. Да лістапада 1921 года яна распрацавала статут Інстытута беларускай культуры, які аб'яднаў абодва прынцыпы развіцця ІБК – і як навукова-даследчай, і як культурна-грамадскай установы» [29, с. 5–6].

Сучасныя аўтары, за выключэннем Э. Р. Іофе, які спаслаўся на кнігу 1993 г., па-першае, не паказалі сапраўднай крыніцы сцверджання, якое лагічна ўспрымаецца

ў якасці іх уласнага, хаця і аднастайнага, меркавання. Але, як вынікае, за шмат гадоў да названых даследчыкаў сітуацыя адлюстравана ў артыкуле У. М. Ігнатоўскага. Ён, у адрозненне ад сённяшніх гісторыкаў, паказаў крыніцу – газету «Савецкая Беларусь».

Другое, на што трэба звярнуць увагу, гэта на прысутнасць на чэрвеньскай нарадзе Я. Ф. Карскага, У. І. Пічэты і Ф. Ф. Турука. Усе пасляваенныя даследчыкі, а фактычна можна казаць пра аднаго аўтара – М. У. Токарава, пазнаёміўшыся з артыкулам У. М. Ігнатоўскага на пачатку 1990-х гг., адкуль узятая інфармацыя, упарта не заўважалі гэтых дзвюх асоб. А надарэмна. Як вядома, У. І. Пічэта і Ф. Ф. Турук выступалі за арганізацыю навукова-даследчага інстытута пры Белдзяржуніверсітэце. Вялікае значэнне мае іх актыўная дзейнасць у дадзеным кірунку і ў Маскве, і ў Мінску. Я. Ф. Карскі жа не браў заўважнага ўдзелу ў акрэсленых арганізацыйных працэсах. Жыў у Петраградзе і з'яўляўся своеасаблівым дарадцам праз прыватную перапіску, наколькі сёння вядома, толькі з намеснікам старшыні Акадэміі Цэнтра С. М. Некрашэвічам. Канкрэтная інфармацыя пра погляды Я. Ф. Карскага на арганізацыйнае становішча ІБК адсутнічае. Але можна меркаваць, ён катэгарычна не выступаў за стварэнне інстытута ў складзе БДУ, таму, хутчэй за ўсё, і апынуўся ў складзе камісіі.

Такім чынам, пасляваенная, і нават сучасная, гістарыяграфія пакідае без увагі факт неўваходжання (неабрання, непрызначэння) у камісію на нарадзе культурных працаўнікоў пад старшынствам Наркама асветы У. М. Ігнатоўскага (18 чэрвеня 1921 г.) У. І. Пічэты і Ф. Ф. Турука, якія бачылі будучыню НДІ па беларусазнаўству выключна ў складзе ўніверсітэта па аналогіі з НДІ пры ФГН Маскоўскага ўніверсітэта. А гэта ж вельмі важны момант арганізацыйнай гісторыі. Ён сведчыць пра тое, што ў чэрвені ў дырэктывных органах узмацняюцца пазіцыі беларускіх нацыянальных дзеячаў з іх імкненнем стварэння самастойнага НДІ як перадумовы будучай Акадэміі навук. Мусім памятаць, што ўсё гэта адбываецца пасля пастановы 3-й сесіі ЦВК БССР, якая 17 красавіка 1921 г. чарговы раз пастанавіла «ўстанавіць навукова-даследчы інстытут беларускай і яўрэйскай культуры» пры ўніверсітэце [30, с. 43].

Цікава, што У. І. Пічэта, гаворачы ў артыкуле «Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэту на Беларусі» (1928) пра красавіцкую паездку маскоўскай арганізацыйнай тройкі па стварэнні ўніверсітэта, нічога не згадвае пра ўяўленне ёю мэтай Інстытута. А яна выразна выказана Ф. Ф. Туруком на сходзе «культурнікаў» 19 красавіка. Напрыклад: «Адначасова з вывучэннем Беларускай мовы будзе адбывацца вывучэнне рускай і ўкраінскай моваў». Не згадаў першы рэктар БДУ ні пра спрэчку на сходзе, ні пра рашэнне яго ўдзельнікаў «даручыць выпрацоўку плана і праграмы дзейнасці будучага інстытута беларускай культуры беларускім культурным працаўнікам разам з прафесарамі-беларусамі» [31]. Заканчваючы свае нататкі, У. І. Пічэта пераходзіць ад красавіцкай пастановы адразу да ліпеньскага дэкрэта аб адкрыцці БДУ (11.07.1921), не згадваючы пра чэрвеньскую нараду, уласную ролю ў напісанні статута ІБК і пра стварэнне ў складзе ўніверсітэта Інстытута беларускай і яўрэйскай культуры, прадугледжанае гэтым дэкрэтам. Думаецца, першы рэктар БДУ наўмысна абмінуў увагай статутныя калізіі, паколькі ў 1928 г., часе напісання ім тэксту, Інбелкульт насуперак яго, і не толькі, першапачатковым (1921–1922) планам праіснаваў як самастойная ўстанова сем гадоў і падыходзіў да новага этапу свайго развіцця – пераўтварэння ў Акадэмію навук.

Недастатковае асэнсаванне матэрыялаў прывяло некаторых аўтараў да супярэчнай сітуацыі. Гэта дэманструе элементарнае несупастаўленне напісанага ледзь не на адной старонцы. Ілюструючы дадзеную ацэнку, паўтарымся цытаваннем. На пачатку с. 7 «Института беларускай культуры» (1993) сказана пра праект статута камісіі З. Х. Жылуновіча

(студзень 1921 г.), які надаваў Інстытуту «характар *навукова-даследчай і грамадска-культурнай установы*» (гл. вышэй: група I). Праўда, не адзначана, калі завершана гэтая распрацоўка. Напрыканцы с. 7 – пачатку с. 8 гаворыцца пра чэрвеньскую камісію (гл. вышэй: група IV), канчатковы праект якой аб'яднаў у лістападзе два прынцыпы арганізацыі «*і як навуковай, і як культурна-грамадскай установы*». Пытанне, навошта ў такім выпадку спатрэбілася стварэнне камісіі ў чэрвені, калі ўсё было створана студзеньскім калектывам, аўтары, відаць, аднеслі да рытарычных. Таму адказ на яго заканамерна адсутнічае.

Даволі арыгінальнай выглядае гістарыяграфічная навацыя апошніх гадоў. Намаганні выкладчыкаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пакладзены пачатак укараненню ў гістарычную свядомасць арыгінальнай, але цалкам фантазіянай канцэпцыі стварэння Інбелкульту і яго першага статута. Для зручнага ўспрыняцця інфармацыі зноў скампануем публікацыі храналагічна і дадаткова выдзелім групу.

У. У. І. Пічэта, Я. Ф. Карскі.

С. М. Ходзін, А. А. Яноўскі (2016): «У 1922 годзе стаў дзейнічаць Інстытут беларускай культуры – першая комплексная навуковая ўстанова Беларусі. Яе статут быў распрацаваны вучонымі БДУ на чале з У. І. Пічэтам і развіты спецыяльнай камісіяй на чале з Я. Ф. Карскім» [32, с. 18].

С. У. Абламейка (2017): «Універсітэт з'явіўся падмуркам для стварэння і развіцця ў 1922 г. Інстытута беларускай культуры... Яго статут быў распрацаваны навукоўцамі БДУ на чале з У. І. Пічэтам і развіты спецыяльнай камісіяй на чале з Я. Ф. Карскім, а першым кіраўніком стаў Сцяпан Міхайлавіч Некрашэвіч – універсітэцкі прафесар-філолаг» [33, с. 17].

Першае, што кідаецца ў вочы, гэта тое, што рэктар БДУ С. У. Абламейка без спасылкі перапісаў ранейшы тэкст гісторыкаў. Дарэчы, С. М. Ходзін і А. А. Яноўскі пра БДУ як падмурак ІБК сцвярджалі ў тым жа супольным артыкуле [32, с. 16]. Думаецца, С. У. Абламейка быў арыентаваны самімі суаўтарамі. Неверагоднасць прыведзенага відавочна, што яскрава характарызуе ўзровень асэнсавання навуковай праблемы. Гістарычнай навуцы невядома, а ў тэкстах не паясняецца, на чым грунтуецца сцвярджанне пра распрацоўку статута ІБК навукоўцамі БДУ вясной – восенню 1921 г., калі статут Інстытута распрацаваны да лістапада гэтага года, а рэальная праца ўніверсітэта пачалася з 1 лістапада. Між іншым, тады ж сфарміраваны і першы склад выкладчыкаў. Незразумела, калі не памятаць пра артыкул С. М. Некрашэвіча, адкуль аўтары ўзялі, што У. І. Пічэта ўзначальваў нейкую камісію па распрацоўцы статута. Таксама невядома, адкуль яны даведаліся пра існаванне спецыяльнай камісіі Я. Ф. Карскага, якая «шліфавала» праект. Ніводная канстатацыя не пацверджана дакументальна. Усе яны ахінутыя нейкай заслонай сакрэтнасці альбо трывіяльнасці. Наяўная сукупнасць архіўнага і апублікаванага матэрыялу не дазваляе пагадзіцца з падобнага роду выказваннямі. Нават у дробязях: С. М. Некрашэвіч у 1921–1922 гг. не займаў пасады прафесара ў БДУ, ды увогуле ў акрэслены час у ім не выкладаў. Між іншым, апошняй памылкі можна было б пазбегнуць, пазнаёміўшыся з біябібліяграфічным даведнікам, складзеным А. А. Яноўскім [34].

Завяршыў думку наконт знаходак універсітэцкіх вучоных выяўленнем каранёў іх найноўшай мыслі пра гісторыю стварэння статута (па храналогіі з'яўлення ў друку):

- 1) 1922 г.: праўленне БДУ ў асобе рэктара У. І. Пічэты апрацавала статут ІБК;
- 2) 1957 г.: прафесар У. Пічэта ў Маскве апрацаваў праект статуту Інбелкульту;

3) 1993 г.: праўленне БДУ *над кіраўніцтвам У. І. Пічэты* падрыхтавала праект статута;

4) 2009, 2017 гг.: *група прафесараў над старшынствам У. І. Пічэты* распрацавала праект статута ў час працы маскоўскай камісіі па арганізацыі БДУ;

5) 2016, 2017 гг.: *навукоўцы БДУ на чале з У. І. Пічэтам* распрацавалі статут.

Нават у сістэматызаваных намі выказваннях стваральнікі новай канцэпцыі не бачаць супярэчнасці. Вынікае, меркаванні, выказаныя зазначанымі выкладчыкамі БДУ як навуковую пазіцыю ўспрымаць нельга. Між тым, А. А. Яноўскі і іншыя зусім ігнаруюць вядомае ім выказванне Ф. Ф. Турука: «У схему Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта быў уключаны навукова-даследчы інстытут беларускай і яўрэйскай культур... *праект статута якога пасля зазнаў перапрацоўку ў Наркамасвецце С.С.Р. Беларусі*» [35, с. 199].

Такім чынам, і ўніверсітэцкія аўтары, і іншыя недастаткова дбайна прапрацавалі шэраг праблем, якія яны імкнуліся разгледзець. Адсюль, бачачы канспектыўнасць і эпизадычнасць даных, прадстаўленых у літаратуры 1920-х гг., яны не задаліся пытаннем, чаму яна, літаратура таго часу, так невыразная ў дадзеным выпадку. Нават больш невыразная, як у шэрагу іншых выпадкаў з арганізацыйнай гісторыі Інбелкульта. У выніку гісторыя статутнага афармлення дзейнасці такой знакавай установы, як Інстытут беларускай культуры, на працягу многіх дзесяцігоддзяў заставалася па-за ўвагай даследчыкаў і нейкага больш ці менш адэкватнага асэнсавання не атрымала, капіруючы асобныя згадкі арганізатараў навукова-арганізацыйных працэсаў таго часу. На гэтай глебе ва ўмовах паслясавецкага перыяду выкладчыкамі БДУ, галоўным чынам, створана зусім неаргументаваная, і ў выніку неадпаведная, карціна працэсу стварэння першага статуту ІБК.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. С. Н. Інстытут Беларускай Культуры / С. Н. // Адраджэньне. – 1922. – Сш. 1. – С. 278–282.

2. Няміга, Г. Інстытут беларускай культуры – Беларуская Акадэмія навук – Акадэмія навук Беларускай ССР / Г. Няміга. – Мюнхен, 1957. – 162 с.

3. Інстытут беларускай культуры / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал.: М. А. Барысевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 255 с.

4. Іофе, Э. Р. Першыя крокі / Э. Р. Іофе // Палымя. – 1972. – № 2. – С. 205–209.

5. Міхнюк, У. М. Інстытут беларускай культуры / У. М. Міхнюк // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1979. – № 1. – С. 21–30.

6. Інстытут Беларускай культуры (Інбелкульт) // Беларусь : энцыкл. давед. ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1995. – С. 347–348.

7. Міхнюк, У. Інстытут беларускай культуры / У. Міхнюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1993–2003. – Т. 3. – 1996. – С. 490–491.

8. Баранова, Е. В. Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918–1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. В. Баранова. – Минск, 2008. – 144 л.

9. Інстытут Беларускае Культуры (Інбелкульт). Гісторыя ўз'янікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць / апрацаваў А. І. Цьвікевіч. – Менск : ДВБ, 1926. – 118 с.

10. Шпилевский, И. Ф. Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки : ист. очерк / И. Ф. Шпилевский, Л. А. Бобрович. – Минск, 1933. – 112 с.
11. Палуян, У. А. Інстытут беларускай культуры і станаўленне беларускай савецкай навукі / У. А. Палуян // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 6. – С. 104–111.
12. Бандарчык, В. К. Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі / В. К. Бандарчык ; рэд. А. И. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 168 с.
13. Беларусы : у 8 т. / В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2009. – Т. 3 : Гісторыя этналагічнага вывучэння / В. К. Бандарчык. – 1999. – 365 с.
14. Академия наук Белорусской ССР / Н. И Голенчик [и др.] ; редкол.: Н. А. Борисевич (пред.) [и др.]. – Минск : Гл. ред. Белорус. Совет. Энцикл., 1979. – 600 с.
15. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 126 с.
16. Баранова, Е. В. В. И. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) / Е. В. Баранова, О. А. Яновский // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Белорус. гос. ун-т. ; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 219–232.
17. Яновский, О. А. Владимир Иванович Пичета. 09.10.1878 – 23.06.1947 / О. А. Яновский // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941): 100 лет университетскому образованию и науке в Беларуси / С. В. Абламейко [и др.] ; науч. ред. О. А. Яновский. – Минск : БГУ, 2017. – С. 23–41.
18. Яновский, О. А. «Революция пришла, она меня захватила...». Два текста, объединенные одной судьбой / О. А. Яновский // Беларус. думка. – 2011. – № 10. – С. 54–64.
19. Іофе, Э. Партрэт вучонага / Э. Іофе // Польша. – 1970. – № 12. – С. 215–221.
20. Іофе, Э. Р. Першы рэктар / Э. Р. Іофе // Маладосць. – 1971. – № 10. – С. 124–127.
21. Иоффе, Э. Г. Владимир Иванович Пичета / Э. Г. Иоффе // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. – М. ; Иерусалим : Университет. книга, 2000. – Т. 1 : Отечественная история. – С. 177–191.
22. Іофе, Э. Р. Удзел У. І. Пічэты ў стварэнні і дзейнасці Інстытута беларускай культуры / Э. Р. Іофе // Інстытут беларускай культуры: здабыткі, значэнне, вынікі дзейнасці : матэрыялы Міжнар. круглага стала, прысвеч. 95-годдзю Інстытута беларускай культуры, Мінск, 10 ліст. 2017 г. / Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – С. 11–20.
23. Шаўчук, І. І. Стварэнне Інстытута беларускай культуры (да 80-годдзя) / І. І. Шаўчук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. – 2002. – № 1. – С. 24–29.
24. Шаўчук, І. Арганізацыя навукі Беларусі ў пачатку 20-х гадоў / І. Шаўчук // Беларус. гіст. часоп. – 2006. – № 8. – С. 15–20.
25. Шаўчук, І. І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады ХХ ст.) / І. І. Шаўчук. – Брэст : БрДУ, 2007. – 279 с.
26. Ігнатоўскі, У. Старонка з гісторыі культурнага будаўніцтва ў БССР / У. Ігнатоўскі // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 12. – С. 10–27.
27. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928 : дакументы і матэрыялы / В. У. Скалабан, М. У. Токараў. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 19.

28. Токарев, Н. В. Как создавался Инбелкульт / Н. В. Токарев // Навіны Беларус. Акад. – 1992. – 21 лют. – С. 5.
29. Ёфэ, Э. Р. Ад Інстытута беларускай культуры да нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Малавядомыя старонкі // Наука и инновации. – 2018. – № 8. – С. 4–10.
30. Пічэта У. І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. І. Пічэта. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 48 с.
31. Інститут белорусской культуры // Звезда. – 1921. – 23 апр. – С. 4.
32. Ходин, С. Объединяя прошлое, настоящее и будущее / С. Ходин, О. Яновский // Беларус. думка. – 2016. – № 10. – С. 12–20.
33. Абламейко, С. В. БГУ – основа белорусской науки и высшего образования / С. В. Абламейко // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941): 100 лет университетскому образованию и науке в Беларуси / С. В. Абламейко [и др.] ; науч. ред. О. А. Яновский. – Минск : БГУ, 2017. – С. 8–21.
34. Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / склад. А. А. Яноўскі. – Мінск : БДУ, 2001. – 339 с.
35. Турук, Ф. Университетская летопись / Ф. Турук // Тр. Белорус. гос. ун-та в Минске. – 1922. – № 1. – С. 175–207.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2019

Shauchuk I. I. Inbelcult Statutes: The Origins of Current Notions

There are presented in the paper the results of a historiographic study of the comprehension of one of the fragments of the Institute of Belarusian Culture (IBC) history, namely the normative shaping of its activities, reflected in the statutes. The process of creating the first statute of the IBC in 1921 is examined. In this case the lack of attention to the problem in the national historical science is revealed. The sources of the same episodic statement of the marked problem are established – nominal references to it in the literature of the interwar period. The conclusion is drawn about the incorrectness of the authors' assertions regarding the time of organization of creation as well as authorship of the first status (beginning of 1921, 1922. V. I. Picheta, BSU professors, numerous commissions). There is emphasized the lack of argumentation for such conclusions. At the same time an attempt was made to reconstruct the real events of that time.

УДК 725.1:373:330.101.541(438) “1956/70”

Gołota J.

*dr habilitowany, prof. Instytutu Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego (Olsztyn, Polska)
e-mail: januszgo@op.pl*

**BUDOWNICTWO SZKOLNE W POLSCE
WOBEC PROCESÓW MAKROEKONOMICZNYCH (1956–1970)**

Analizą zostały objęty ruch budowlany w Polsce w latach 1956–1970, w oparciu o środki pochodzące z budżetu państwa oraz za pieniądze uzyskane ze zbiorów społecznych. Szkolny ruch budowlany był odpowiedzią na katastrofalną powojenną sytuację lokalową oraz na apogeum wyżu demograficznego. W wielką akcję budowlaną zaangażowane były władze państwowe, partie polityczne, organizacje gospodarcze i społeczne, nauczyciele, młodzież, inni obywatele. W omawianym okresie w Polsce zbudowano 83 743 izb szkolnych w tym, 23 423 ze środków społecznych, w tych liczbach znalazły się nowoczesne pracownie przedmiotowe. Wzniesiono blisko 55 tysięcy izb mieszkalnych dla nauczycieli. Wg danych statystycznych zebrano 18,4 mld zł, ponadto organizowano prace społeczne, wytwarzano materiały budowlane. Mimo makroekonomicznych preferencji dla przemysłu, budownictwo szkolne osiągnęło sukces. Pod tym względem był to najlepszy czas w historii Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej.

Wprowadzenie

Celem artykułu jest przedstawienie problemów związanych z budownictwem szkolnym prowadzonym zarówno ze środków pochodzących z budżetu państwa, jak i ze zbiorów pieniężnych od ludności. Zbiór materiałów archiwalnych dotyczących opisywanych w tym artykule zdarzeń znajduje się przede wszystkim w Archiwum Akt Nowych w Warszawie: Społeczny Fundusz Budowy Szkół [1], Społeczny Fundusz Budowy Szkół i Internatów [2]. Uzupełniające dokumenty w tymże Archiwum zgromadzone są w zespołach: Ministerstwa Oświaty [3], Polska Zjednoczona Partia Robotnicza [4]. Ze źródeł drukowanych wykorzystane zostały dane statystyczne [5]. Egzemplifikacja niektórych zdarzeń dokonana została w oparciu o relacje prasowe, zawarte przede wszystkim w «Głosie Nauczycielskim» i innych czasopismach oświatowych, a także w «Trybunie Ludu», tudzież w prasie wojewódzkiej wydawanej jako organy stosownych terytorialnych instancji PZPR. Podstawowym opracowaniem prezentującym szkoły wznoszone ze środków społecznych jest album «Architektura i budownictwo szkolne PRL» [6] i wykaz ministerialny szkół [7]. Niniejszy artykuł jest efektem kontynuacji badań przedstawionych w poprzednich artykułach [8], co pozwoliło wprowadzić nowe obszary poznawcze. Jest także wynikiem oryginalnych analiz i nowych konstatacji.

Wskazane cezury czasowe w historii Polski zostały eufemicznie nazwane «małą stabilizacją». Miano wywodzi się z dramatu «Świadkowie, albo nasza mała stabilizacja» (1964) autorstwa Tadeusza Różewicza, polskiego poety, dramaturga, prozaika i scenarzysty. Obejmuje lata pełnienia funkcji I Sekretarza KC PZPR przez Władysława Gomułkę – od entuzjastycznego powrotu do polityki w październiku 1956 r., do finalizującej jego rządy tragedii grudniowej w 1970 r., w wyniku której w Gdańsku, Gdyni, Szczecinie, Elblągu zostało zabitych 41 osoba. W globalnej działalności gospodarczej Polski wskazany w tytule czasokres obejmuje trzy kolejne państwowe pięcioletnie plany gospodarcze: 1956–1960, 1961–1965 i 1966–1970. Opisywane w artykule specyficzne zjawiska gospodarcze zostały zobrazowane głównie na przykładach z drugiej pięciolatki, najbardziej zadaniowo efektywnej i symptomatycznej jeśli chodzi o budownictwo szkolne. Ale końcowe efekty inwestycyjne, obejmują wszystkie trzy pięciolatki.

Państwowe determinanty ożywienia szkolnego ruchu budowlanego w przedmiotowej przestrzeni czasowej

Okres ten charakteryzował się przejściową liberalizacją polityki wewnętrznej państwa polskiego, złagodzeniem cenzury, rozwojem kultury, przede wszystkim stanowił odejście od skrajności stalinizmu w Polsce, co określane jest mianem «odwilży październikowej». W centralnie sterowanej gospodarce, po przejściowym uwzględnieniu przemysłu spożywczego i towarów konsumpcyjnych, skupiono się ponownie na przemyśle ciężkim, wydobywczym. Jeszcze poważniejszym uwarunkowaniem opisywanych lat była napięta sytuacja międzynarodowa «zimna wojna» wymuszająca przygotowanie państwa na ewentualność wojny realnej, co w odniesieniu do budownictwa znaczyło podpiwniczanie szkół schronami, jako potencjalnych szpitali. Ten wątek jest jednak jeszcze bardzo hipotetyczny, na podstawie autopsji i wymagający dalszy badań. Inny drobnym symptom ówczesnych uwarunkowań politycznych było nadawanie imion szkołom, np.: Jurija Gagarina (3 szkoły), Armii Czerwonej, Christo Botewa, Ernesta Guewary, Władimira Komarowa, Aleksandra Florenki. Co prawda to stanowi niewielki odsetek w kompleksowym nazewnictwie szkolnym.

Światowe problemy makroekonomiczne i geopolityczne usytuowanie Polski uwarunkowały jej perspektywy gospodarcze. Kierunki rozwoju na lata sześćdziesiąte zdeterminowała uchwała III Zjazdu PZPR, odbywającego się w Pałacu Kultury i Nauki w Warszawie od 10 do 19 marca 1959 r. [9]. W konsekwencji przyjętych postanowień podjęto realizację «II etapu industrializacji», czyli zwiększenia akumulacji, poprzez rozbudowę przemysłu maszynowego, hutniczego, chemicznego i surowcowo – paliwowego, a także elektroniki, elektrotechniki i motoryzacji. Uruchomiono w sumie ok. 370 różnej wielkości zakładów wytwórczych i wydobywczych. Obok «wielkich budowli socjalizmu» (np. petrochemia Płock, zakłady azotowe w Piławach, kopalnie miedzi w Lubinie i Polkowicach, kopalnie węgla brunatnego w Zagłębiu Turoszowskim i Konińskim, przemysł zbrojeniowy), z różną skutecznością rozwijano budownictwo mieszkaniowe. Preferencja industrialna ujemnie wpłynęła na stan rolnictwa, transportu i przetwórstwa spożywczego. W latach 1956–1958 nakłady inwestycyjne rosły 4–10 % rocznie, a w 1959 już o 17 %. [10]. W latach sześćdziesiątych krajowy budżet inwestycyjny wzrastał znacząco o 35 % od pozycji wyjściowej z 1958 r.

Mimo konkurencji wielkich zakładów, był to najbardziej korzystny czas dla budownictwa szkolnego w okresie Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Jednym z powodów tego stanu rzeczy było wsparcie oświatowych inwestycji państwowych, pieniędzmi pochodzącymi ze zbiorów społecznych.

Prosperita inwestycyjna w szkolnictwie została wymuszona przez zapaść lokalową. Straty wojenne (1939–1945) w szkolnych zasobach lokalowych zostały oszacowane przez Komisję Specjalną przy Radzie Ministrów na 30–40 %. W wyniku trzyletniego Planu Odbudowy Gospodarczej (1947–1949) oddano do użytku tylko 9 500 izb, w czasie realizacji planu 6-letniego (1950–1955) nastawionego na przemysł ciężki i zbrojeniowy, zbudowano ich tylko 8 283. W latach 1956–1960 wzniesiono 16 740 izb. Drugim uwarunkowaniem sytuacji lokalowej był powojenny wyż demograficzny. Np. w 1957 r. na świat przyszło 782 300 dzieci, w 1958 r. – 755 500 dzieci, w 1965 r. – 547 400 [11] (dla porównania: w 2014 r. urodziło się 375 tys. dzieci).

Spoleczne wsparcie inwestycji szkolnych. Zbiórki pieniężne

Wkrótce po zakończeniu II wojny światowej tworzono regionalne stowarzyszenia inicjujące lub wspierające budownictwo szkolne. Wzorce sięgały jeszcze okresu międzywojennego. Oto kilka przykładów powojennych. 22 marca 1947 r. powołano Śląsko-Dąbrowski

Fundusz Odbudowy, w ramach którego w latach 1947–1956 zebrano 44 5581 zł, zbudowano 360 obiektów szkolnych, 10 kulturalnych, 20 o innym przeznaczeniu, np. Stadion Śląski i planetarium [12]. W 1957 powołano Społeczny Fundusz Budowy Szkół w Poznaniu, podobnie w Olsztynie [13]. W 1957 r. samorzutne komitety na wsiach podjęły budowę 950 izb, W województwie białostockim w latach 1956–1960 budowano więcej izb w ramach czynów społecznych, niż ze środków państwowych [14]. Natomiast od 1945 r. istniał centralny Społeczny Fundusz Odbudowy Stolicy, (od 1958 r. Społeczny Funduszu Odbudowy Kraju i Stolicy), który odbudową kraju ze zniszczeń wznosił szkoły, domy kultury, kina szpitale [15].

Inicjatywę stworzenia ogólnopolskiej organizacji, podejmujących kwestię budowy szkół ze zbiorów społecznych, rzucono podczas drugiego Zjazdu Oświatowego Związku Nauczycielstwa Polskiego, zorganizowanego w dniach 2–5 maja 1957 r. w Warszawie [16]. Natomiast 5 lutego 1958 r. Związek zainicjował powołanie pierwszej ogólnokrajowej organizacji – Towarzystwa Popierania Budowy Szkół [17].

Niebawem – 29 listopada 1958 roku – podczas posiedzenia Ogólnopolskiego Komitetu Frontu Jedności Narodu, z udziałem premiera rządu, marszałka Sejmu i innych wysokich urzędników państwowych tudzież przywódców stronnictw politycznych oraz kierowników organizacji społecznych, powołano Społeczny Fundusz Budowy Szkół Tysiąclecia oraz jego Krajowy Komitet (SFBS) [18]. W Jego formalnym mocodawcą został wspomniany FJN – polska instytucja społeczno-polityczna skupiająca istniejące wtedy partie polityczne: dominującą Polską Zjednoczoną Partię Robotniczą, Zjednoczone Stronnictwo Ludowe, Stronnictwo Demokratyczne oraz związki zawodowe i organizacje społeczne, a w ich skład w różnym okresie wchodziły wysocy urzędnicy ministerialni z resortów odpowiadających za oświatę, budownictwo, finanse, wysocy decydenci z partii politycznych, central związkowych, niektórzy aktywiści terenowi, wybitny architekt, dziennikarze. W tej formie Fundusz działał do 13 stycznia 1966 r., kiedy po połączeniu z SFOKiS to został przekształcony w Społeczny Fundusz Budowy Szkół i Internatów i działał do 1972 r. Jednemu i drugiemu Funduszowi przewodził Czesław Wycech, ówczesny Marszałek Sejmu (ZSL).

Inicjatywa budownictwa społecznego wyszła – jak widać – ze środowiska nauczycielskiego, reprezentowanego wtedy przez Związek Nauczycielstwa Polskiego, a sformalizowana została przez FJN. Niebawem idea została zawłaszczona przez PZPR i personifikowana z Władysławem Gomułą. Powołanie SFBS odzwierciedlało jeszcze jeden ważny aspekt polityczny. Był to jeden z elementów walki władzy partyjno państwowej z Kościołem katolickim. Punktem odniesienia stanowił rok 1966, w którym Kościół katolicki miał obchodzić milenium chrztu Polski, a władze państwowe – tysiąclecie państwa polskiego [19]. Kościół ogłosił dziewięcioletnią Wielką Nowennę, władze państwowe cykl działań: badania naukowe, domy kultury, boiska, stadiony, muzea, szpitale, ośrodki zdrowia, pomniki, renowację zabytków. To właśnie zbudowaniem 1 000 szkół «Pomników Tysiąclecia Państwa Polskiego» – potocznie zwanych «tysiąclatkami» postanowiono najdobitniej uczcić wielki świecki jubileusz. Niektóre obiekty budowane były wspólnie przez różne organizacje społeczne, czasami w sporach o skalę zasług i w sprawozdaniach organizacyjnych wykazywane jako własne.

Podstawowym celem wskazanych wyżej Funduszy (SFOKiS, SFBS, SFBSiI) była zbiórka pieniędzy, a w tym aspekcie działalność propagandowa i organizacyjna: egzekwowanie składek, kwesty uliczne, konkursy, festyny. Pozostałe zadania sprowadzały się do udziału w planowaniu, a zwłaszcza lokalizacji placówek, nadzoru nad procesem inwestycyjnym (czasami uciążliwym dla wykonawcy), kwesta poprzez różnorodne formy aktywizacji społeczeństwa, czyny przy budowie, a zwłaszcza pracach wykończeniowych, w pewnym okresie nawet produkcja niektórych materiałów budowlanych.

Typowe procesy związane z budownictwem społecznym można miarodajnie scharakteryzować na podstawie SFBS, ponieważ w całości funkcjonował w omawianym okresie, a większość zjawisk powtarzała się w działaniach SFBSiI. Dla przejrzystości tekstu nie ma potrzeby powtarzania opisów, wystarczy przytoczenie spektakularnych przejawów działalności i danych statystycznych. SFBS nie był stowarzyszeniem a ruchem społecznym. Jego funkcjonowanie regulowała Instrukcja [20]. Ten niezwykle ważny akt (choć nie był ustawą) nadrzędnie traktował podmioty życia publicznego – ministerstwa zwłaszcza resorty oświaty, finansów, budownictwa, centralne i terenowe organy władzy, banki, organizacje społeczne i gospodarcze. Ustalał też wysokości składek dla wszystkich obywateli. Określał oczekiwania wobec prasy. Ustanawiał również wewnętrzną strukturę instancji centralnych i terenowych SFBS, z określeniem ich kompetencji. Dyspozycje władz SFBS sprawiają wrażenie wyraźnego imperatywu wobec całej administracji rządowej. Decyzje podejmowało Prezydium – jak wspomniano kierowane przez marszałka Sejmu oraz Plenum, a działalność wykonawczą prowadził Sekretariat. Usłużność urzędników wobec instytucji społecznej utożsamianej z PZPR jest symbolem ówczesnej rzeczywistości.

W terenie powołano wojewódzkie i powiatowe komitety koordynacyjne (WKK i PKK) SFBS oraz liczne komitety zbiorowe w miastach, gminach, wioskach. Kontynuowały one działalność w SFOKiS. Instancje były zhierarchizowane, ze wszystkimi konsekwencjami, nadzorem, kontrolami i uciążliwą sprawozdawczością. Obsługę finansowo – księgową prowadziła państwowa administracja oświatowa: w województwie kuratoria oświaty, w powiatach – inspektoraty. Do prac organizacyjnych Ministerstwo Oświaty oddelegowało po jednym nauczycielu do struktur powiatowych i po kilkoro w wojewódzkich [21]. Komitety wojewódzkie i powiatowe (na wzór centralny) aspirowały do podobnej nadrzędności nad terenowymi organami władzy w dziedzinie budownictwa szkolnego. W toku akcji zbiorowej powstało 43 614 komitetów, skupiających w swych szeregach 180 tys. działaczy [22]. Różny był ich charakter, niektóre to efemerydy organizacyjne, inne zaistniały tylko formalnie «na papierze». Ale było wielu autentycznych pasjonatów, którzy rzeczywiście przyczynili się do powodzenia akcji.

Wysokość składek ogólnie wyznaczała Instrukcją, w następujących wysokościach: 0,5 % od zarobków brutto wszystkich robotników i pracowników, po złożeniu dobrowolnych deklaracji przez załogi; 2 % od sumy przychodowości rocznej wszystkich gospodarstw rolnych; 0,5 % rocznych dochodów od wszystkich członków związków twórczych oraz wykonujących wolne zawody; 10 % podzielnej części rocznych nadwyżek spółdzielczości; 5 % od podatku obrotowego i 5 % od podatku dochodowego, w każdym roku od wszystkich przedsiębiorstw prywatnych. Przewidywano też inne wpływy: wpłaty instytucji, dodatkowe świadczenia zakładów pracy, dochody z imprez i zbiórek przeprowadzanych przez młodzież szkolną itp. Natomiast na rzecz SFOKiS zarządzano dopłaty do alkoholu, które w poszczególnych jednostkach przekraczały niekiedy 50 % całościowych dochodów zbiorowych [23]. Dopłaty wynosiły 4 zł do litra spirytusu, 2 zł do litra wódki, 50 gr. do wina. W 1960 roku wino owocowe słodkie 0,75 l kosztowało 16 zł, wódka czysta 36 zł, a wódka gatunkowa «Jarzębiak» do lat 41 zł. Piwo w tym czasie kosztowało 2 zł [24], czyli tyle ile znaczków dołączony do pół litra wódki.

W ostatecznym efekcie zbiorowym na SFBS (poza SFOKiS) najczęściej wpływów pochodziło z zakładów pracy i wszelkich instytucji państwowych – 53%. Pozostałe grupy świadczyły w następujących proporcjach: chłopcy – 20,7 %, rzemiosło – 1,9 %, handel – 0,75 %, wolne zawody – 0,18 [25]. Trudności przysparzało prowadzenie zbiórek od rolników i osób prowadzących samodzielną działalność.

By przysporzyć zysków i ułatwić zbiórki władze państwowe wydały rozporządzenia w sprawie ulg podatkowych od wykonujących dodatkową pracę na rzecz szkół. Ponadto

ukazywały się liczne zarządzenia, wskazówki, wytyczne dotyczące odstępiania od opłat pocztowych, procedur odprowadzania składek przez jednostki państwowe, zbiórek surowców wtórnych, udziału firm budowlanych, etc.

Corocznie zbierano po ok. 1,2 mld zł. W latach 1958 (grudzień) – 1965 uzbierano 8,6 mld zł, a w latach 1966–1970 – szacunkowo ok. 9,8 mld zł. Statystycznie w pięcioleciu na mieszkańca wypadało 283 zł, przy zróżnicowaniu – od 432, 55 zł w Warszawie, do 226,53 zł w Olsztynie [26]. Ze statystycznego punktu widzenia, to kwota niewielka, np. w 1964 r. przeciętna płaca miesięczna brutto w szkolnictwie ogólnokształcącym wynosiła 1969 zł [27], ale jednorazowa wpłata nawet kilkunastu złotych przy niskich zarobkach stanowiła poważny wydatek (chleb kosztował 7 zł).

Ruch budowy szkół wspierany był przez organizacje społeczne, wśród których prym wiodł Związek Nauczycielstwa Polskiego, optujący najsilniej za mieszkaniem. Najspieszniej angażowały się społeczności lokalne, w miejscowościach, w których wznoszono szkołę. Priorytetową rolę w akcji zbiórkowej odegrali nauczyciele, niezależnie od ich motywacji (dobrovolności, czy konieczności) jako promotorzy akcji, organizatorzy imprez, uczestnicy kwesty.

Proces inwestycyjny i jego efekty

Na szkoły wznoszone przez państwo środki budżetowe zapewniał oczywiście polski rząd, średnio w omawianym okresie w wysokości ok. 3,5 mld zł rocznie. Natomiast ze zbiórek pieniężnych inwestowano ok. 1,2 mld rocznie. Statystyczny koszt izby kształtował się w granicy 0,5–0,6 mln zł w miastach i ok. 0,2–0,3 mln zł na wsi. Oczywiście koszt uzależniony był od standardów, np. kanalizacji wodno-sanitarnej. Inwestowano więc:

1. Ze środków państwowych. Można tu wymienić dwie formy: budynki finansowane bezpośrednio z budżetu państwa i tzw. «fundacyjne», czyli wznoszone przez zakłady pracy, czasami z perspektywą wykorzystania ich w czasie wakacji na ośrodki kolonijne. Tego typu inwestowanie szkół stanowiło ok. 60–65%. Przy tej formie stosowano czasami wykończeniowe prace społeczne ale w ograniczonym zakresie. Te typowe działania inwestycyjne państwa, nie wymagają dodatkowych opisów.

2. Budynki wznoszone ze środków społecznych gromadzonych na kontach SFBS i w mniejszym stopniu SFBSiI, SFOKiS oraz małe szkoły spontanicznie wznoszone przez lokalne celowo powołane komitety, najczęściej wiejskie. W ramach tego wariantu toczyła się rywalizacja o darczyńców, a w konsekwencji o wysokość zebranych składek i splendor z powodu zbudowania pewnej ilości izb. Udział budownictwa społecznego stanowił około 40–35% (w zależności od województwa) ogólnej wielkości inwestowania szkolnego.

Czasami statystycznie ze względów propagandowych w tej formie budownictwa ujmowano wskazane w punkcie «1» – szkoły «fundacyjne», najczęściej wznoszone przez zakłady lub instytucje państwowe, tudzież wojsko. Wśród tej domeny znalazły się też szkoły, na których budowę pieniądze przekazywały organizacje polonijne.

Powstawały szkoły o różnej kubaturze, od trzech izb lekcyjnych do dwudziestu pięciu pomieszczeń dydaktycznych. W latach 1959–65 na 1 107 szkół przypadało: 3-izbowe (13 szkół), 4-izbowe (175 szkół), 5-izbowe (139 szkół), 6-izbowe (147 szkół), 7-izbowe (173 szkoły), po jednej 21-, 22-, 23-, 25-izbowe. Szkoły powstawały w małych i wielkich miastach ale i w niewielkich miejscowościach, co miało wtedy szczególne znaczenie w warunkach trudnego dostępu komunikacyjnego. Niektóre z nich przestały już istnieć, ale w ówczesnym czasie swoją rolę spełniły.

Wzbogaceniem programu budowy typowych izb szkolnych było wznoszenie pracowni przedmiotowych: fizyczno-chemicznych, biologicznych, geograficznych a przede wszystkim

pracowni do zajęć technicznych (prac ręcznych) zarówno w szkołach podstawowych, jak i liceach. Proces nazywano politechnizacją kształcenia, stanowił on przedmiot dumy polityków i działaczy oświatowych. Tysiąclatki przeznaczano głównie dla szkół podstawowych, z czasem gdy wyż demograficzny opuszczał podstawówki, wysiłek inwestycyjny został skierowany na licea ogólnokształcące, szkoły zawodowe, warsztaty szkolne i internaty.

Kolejnym elementem inwestycji szkolnych, po izbach lekcyjnych, były mieszkania dla nauczycieli, zwłaszcza na wsiach i w małych miejscowościach budowane zarówno ze środków budżetowych, jak i społecznych (tabela 1).

Tabela 1. – Izby lekcyjne oddane do użytku łącznie z pracownikami przedmiotowymi i salami gimnastycznymi, w tym zbudowane przez ze środków SFBS w latach 1959–1965 [28] i SFBSiI w latach 1966–1970 [29]

Lata	Izby ogółem	W tym w tysiąclatkach
1956–1960	24 646	1 773
1961–1965	31 804	12 690
1966–1970	27 293	8 960
1956–1970	83 743	23 423

Natomiast w całej społecznej akcji budowy szkół, czasowo przekraczającej cezurę końcową w niniejszym artykule, ze środków społecznych wybudowano 1 423 szkoły. 1 288 spośród nich to podstawówki, 75 – szkoły zawodowe, 41 – licea. Ponadto 3 szkoły specjalne, 7 przedszkoli, 21 internatów, a nawet dom kultury, schronisko i przedszkole [6] oraz 64 633 izb mieszkalnych dla nauczycieli. Zróżnicowanie wielkościach liczbowych ujętych w statystykach wynika z różnego ujmowania pojęcia izba lekcyjna nowo zbudowana, adaptowana, typowa izba lekcyjna, czy też pracownia.

Podsumowanie

Polski eksperyment w sprawie poprawy szkolnej bazy lokalowej polegający na wsparciu inwestycji państwami poprzez zbiórki społeczne zakończył się powodzeniem. Co prawda w ówczesnej sytuacji demograficznej nie rozwiązano całkowicie sytuacji lokalowej ale zapobieżono katastrofie. Autentyczny czy wymuszony ruch społeczny przyczynił się do intensyfikacji całego procesu budowlanego w oświacie, radząc sobie z wielkimi procesami makroekonomicznymi, których celem było uprzemysłowienie kraju. Można zarzucić działaczom oświatowym koniunkturalizm polityczny, ale jeśli już, to był koniunkturalizm racjonalny, za cenę podporządkowania się ideologicznego i politycznego polskie dzieci w zrujnowanym wojną kraju otrzymywały nowe izby lekcyjne. Dla nich nie miało znaczenia kto je zbudował. Budowa szkół tysiąclecia w Polsce to przykład znalezienia miejsca na skuteczną działalność społeczną w warunkach ograniczenia swobody politycznej i gospodarce ukierunkowanej na uprzemysłowienie w warunkach «zimnej wojny».

Oczywiście pojawiały się i trudności wynikające z braku materiałów, zdarzały się nadużycia, mankamenty, utyskiwano nad monotonna architekturę opartą o projekty typowe, ale częściej dominował zapał. Był to najlepszy czas dla budownictwa szkolnego w czasach PRL. Mimo makroekonomicznych preferencji dla przemysłu, budownictwo szkolne osiągnęło sukces. Załącznik [6, s. 36] (tabela 2).

Tabela 2. – Efekty i nakłady łącznie ze środków państwowych i społecznych w zakresie oświaty i wychowania w okresie 30-lecia Polski Ludowej

Lp.	Wyszczególnienie	Jednostka miary	1947–1949	1950–1960	1961–1970	Razem
1.	Szkoły podstawowe	Budynki	1 257	3 582	4 783	9 622
		Pomieszczenia dydaktyczne	11 200	28 663	44 830	84 693
2.	Licea ogólnokształcące	Budynki	–	93	107	200
		Pomieszczenia dydaktyczne	–	1 123	2 033	3 156
3.	Szkoły zawodowe	Budynki	27	314	607	948
		Pomieszczenia dydaktyczne	384	3 399	7 977	11 760
4.	Szkoły specjalne	Budynki	–	12	48	60
		Pomieszczenia dydaktyczne	–	125	543	668
5.	Warsztaty szkolne	Budynki	12	201	235	448
		Stanowisko pracy	1 850	29 469	40 426	71 745
6.	Internaty	Budynki	25	313	514	852
		Miejsca	2 900	43 705	81 144	12 7749
7.	Przedszkola	Budynki	–	655	543	1 198
		Miejsca	–	77 271	56 876	134 147
8.	Domy dziecka	Budynki	–	49	19	68
		Miejsca	–	3 764	1 955	5 719
9.	Specjalne zakłady	Budynki	–	18	13	31
		Miejsca	–	2 461	2 650	5 111
10.	Mieszkania dla nauczycieli	Izby mieszkalne	4 000	21 616	39 017	64 633
	Poz. 1–10	Nakłady, mld zł	4,2	26,0	44,7	74,9

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Krajowy Komitet Społecznego Komitetu Budowy Szkół // Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – F. 1170.
2. Krajowy Komitet Społecznego Komitetu Budowy Szkół i Internatów w Warszawie // AAN. – F. 1171.
3. Ministerstwo Oświaty // AAN. – F. 8413.
4. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza, Komitet Centralny w Warszawie // AAN. – F. 1354.
5. Roczniki Statystyczne // Gł. Urząd Statyst. – Warszawa, 1958–1972.
6. Architektura i budownictwo szkolne PR / J. Dobek [i. in.]. – Wydaw. Szkolne i Ped. – Warszawa, 1976.
7. Listy obiektów wzniesionych w akcji Tysiąc Szkół Pomników Tysiąclecia Państwa Polskiego // AAN. – F. 1170. – T. 17. – S. 8–66.
8. Gołota, J. Warszawskie «Tysiąclatki» / J. Gołota // Między historią polityczną a historią społeczną : pr. zbior. – Pułtusk ; Olsztyn ; Ostrołęka ; Warszawa, 2014. – S. 304–336.
9. Kartki z PRL. Ludzie, fakty, wydarzenia / pod red. W. Władyki. – Poznań ; Warszawa, 2005. – S. 330.
10. Dudziński, W. Gospodarka 1961–1965. Problemy rozwoju dynamicznego / W. Dudziński // Życie Gospodarcze. – 1965. – № 45 (738). – S. 1–2.

11. Statystyka urodzeń i zgonów po II wojnie światowej. Rocznik Demograficzny // Gł. Urząd Stat., 2012. – S. 28–29.
12. Wspólnymi siłami. X lat Funduszu Odbudowy Szkół. 1947–1957. – Katowice : Wydaw. Śląskie, 1957. – S. 10.
13. Wojewódzki Komitet Frontu Jedności Narodu // Archiwum Państwowe Olsztyn (AP0). – F. 489. – T. 97. – S. 2.
14. Wystąpienie przedstawiciela NIK Sztajnerta na posiedzeniu Komisji Oświaty 18 lutego 1958 r. // Sejm PR. Kadencja II. Biuletyn prasowy Komisji Oświaty i Nauki. – № 28/155. – S. 16.
15. Gołota, J. Komitet Wojewódzki Społecznego Funduszu Odbudowy Kraju i Stolicy w Olsztynie. 1946–1966 / J. Gołota // Komunikaty Warmińsko-Mazurskie, 2011. – № 4. – S. 635–667.
16. Zjazd Oświatowy 2–5 maja 1957 r. – Warszawa : Nakł. ZNP, 1958.
17. Protokół z zebrania założycielskiego TPBS // AAN. – F. 1161. – T. 1. – K. 18.
18. Wysiłkiem całego narodu zbudujemy tysiąc szkół na Tysiąclecie // Trybuna Ludu. – 1958. – № 1.
19. Uchwała Sejmu Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej z dnia 25 lutego 1958 roku // Monitor Polski. – № 16. – Poz. 98.
20. Instrukcja w sprawie społecznej akcji budowy 1 000 szkół dla uczczenia Tysiąclecia Państwa Polskiego. – Warszawa, 1958.
21. Pismo Ministerstwa Oświaty do kuratorów okręgów szkolnych i wojewódzkich komitetów koordynacyjnych SFBS z 30 maja 1959 r. // APO. – T. 97. – S. 138.
22. Sprawozdanie T. Wysokiego wygłoszone podczas plenarnego posiedzenia Komitetu Krajowego SFBS w dniu 13. I. 1966 // AAN. – F. 171. – T. 24. – K. 18.
23. Sprawę dopłat do napojów alkoholowych regulowała. Decyzja Ministra Spraw Wewnętrznych. – 1961. – 6 list.
24. Rocznik Statystyczny. – Warszawa : Gł. Urząd Stat., 1962. – S. 382–402.
25. Sprawozdanie z działalności Społecznego Funduszu Budowy Szkół w latach 1958–1965. – Warszawa, 1965. – S. 3.
26. Rozłuski, J. Rozwój oświaty na wsi w latach 1945–1973: studium o inicjatywie społecznej / J. Rozłuski. – Warszawa : Wydaw. Rolnicze i Leśne, 1974. – S. 57.
27. Rocznik Statystyczny. – Warszawa : Gł. Urząd Stat. – 1965. – S. 395.
28. Rocznik Statystyczny Szkolnictwa. 1944–1945. – Warszawa, 1967.
29. Rocznik Statystyczny Szkolnictwa. – Warszawa, 1972–1973. – S. 48. – Tab. 18.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.10.2019

Gołota J. School Building in Poland in Relation to Macroeconomic Processes (1956–1970)

Became an analysis the overcame building motion in Poland in 1956–1970, leaning on resources that take place from the budget of the state also for the money got from public collections. School motion lithoidal was for catastrophic post-war an answer local situation also on the apogee of demographic sublimity. In large building action zaangażowane were state authorities, political parties, economic organizations and public, teachers, young people, other citizens. In the discussed period in Poland it is built 83 743 school rooms in that, 23 423 from public resources, there were modern subject workshops in these numbers. Heaved up the close 55 thousand inhabited rooms for teachers. According to these statistical 18,4 milliards of zloty are collected, except that the organized social works, produce building materials. Without regard to macroeconomic preferencji for industry, school building scored a success. In this relation there was then the best time in history of Polish Republic of People's.

УДК 94(47)

Biały A.

dr nauk humanistycznych w dyscyplinie historii,
członek zarządu Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego (Ostrołęka, Polska)
e-mail: bal.pl@op.pl

**KODEKS ROLNY BIAŁORUSKIEJ SOCJALISTYCZNEJ REPUBLIKI RADZIECKIEJ
Z 1925 r. W TŁUMACZENIU I OBJAŚNIENIACH STEFANA HELTMANA**

Przedstawiono zmiany podejścia do ziemi i pracy na niej wśród mieszkańców Wielkiego Księstwa Litewskiego, które zachodziły na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego WKL do Rewolucji Październikowej oraz po utworzeniu Białorusi Sowieckiej. Ukazano przepisy sowieckie regulujące prawo do ziemi do czasu ukazania się Kodeksu Rolnego. Przedstawiono znaczenie Kodeksu Rolnego BSSR dla włościan. Wyjaśniono także dlaczego Stefan Heltman przetłumaczył go na język polski i w nowatorski sposób podał go rolnikom. Stawiał problem, a następnie wyjaśniał zagadnienie prostym, przystępnym, zrozumiałym przez włościanina językiem. Ukazano przykładowo kilka najbardziej palących problemów i ich wytłumaczenie.

Przystępując do omówienia białoruskiego rolnictwa trzeba podkreślić tu, iż wydajna gospodarka rolna włościan Białorusi związana jest z dwoma rzeczami. Pierwsza to pozostałość po tzw. epoce pozytywizmu, gdzie każdy starał się stworzyć jak najlepsze gospodarstwo i osiągnąć jak najlepsze wyniki wydajności – czy to w hodowli, czy w uprawach. Gospodarstwo pozwalało uniezależnić się pod względem ekonomicznym, żyć dostatnio. Istniejące przepisy carskie zabraniające kupna ziemi na Litwie (Wielkie Księstwo Litewskie, Białoruś) jeszcze bardziej wiązały ludność z posiadaną ziemią. Wiedzano, że raz straconej ziemi nie da się już odzyskać. Dlatego punktem honoru było właśnie prowadzenie jak najbardziej wydajnej gospodarki rolnej. Dotyczyło to nie tylko szlachty, obszarników ale także włościan. Te nabyte cechy: gospodarność, miłość do ziemi rodzinnej, szacunek do pracy – zostały przekazane z dziada na syna i wnuka. Dlatego też gospodarstwa polskie były przykładami porządku i gospodarności.

Kolejna kwestia związana z latami z przed rewolucji to relacje ziemiaństwa i włościan. Ziemiaństwo Wielkiego Księstwa Litewskiego (Ziem Zabrzanych) prowadząc gospodarkę rolną postawiło sobie za punkt honoru doprowadzić stan rolnictwa do jak najwyższego poziomu (poziom europejski). Kończyli oni wyższe szkoły o kierunku agrarnym nie tylko w Rosji ale i w krajach europejskich, gdzie rolnictwo stało na wysokim poziomie. Nie dość tego – odbywali właśnie tam także praktyki – aby poznać wszystko od podstaw. Sprowadzali nowe, wydajne rośliny zbożowe i przemysłowe, a także rasowe bydło mleczne, mięsne, owce, konie, świnie, oraz nowe maszyny rolnicze potrzebne w prowadzeniu nowoczesnej gospodarki intensywnej. Ziemiaństwo po tym przeszkoleniu tworzyli Towarzystwa Rolnicze, które nie tylko były ośrodkami polskości, ale i miejscem, gdzie przekazywano posiadaną wiedzę rolniczą. Uczyli nowoczesnie gospodarzyć szlachtę ale i włościan, zarówno Polaków jak i Białorusinów. Towarzystwa (za swoje pieniądze dokonywały komasacji, melioracji i innego uzdatniania ziemi także na ziemiach włościan. Zakładały banki które poprzez udzielanie pożyczek wspierały rozwój rolnictwa na terenach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Przykładem osiągnięć działalności Towarzystw była wystawa rolnicza w Mińsku zorganizowana przez Mińskie Towarzystwo Rolnicze z jej prezesem Edwardem Woiniłłowiczem w 1901 [7, s. 77]. Rezultaty, wyniki i osiągnięcia w dziedzinie gospodarki rolnej Wielkiego Księstwa Litewskiego (Litwy) wszystkich pozytywnie zaszokowały. Nic więc dziwnego, że praca organiczna w środowisku włościan nad unowocześnieniem rolnictwa, jaką wykonały Towarzystwa Rolnicze – procentowała. Samodzielne gospodarstwa rolne na Białorusi stały się silne i wydajne, kiedy włościanie wiedzieli, że pracują dla siebie i od ich wysiłku zależy poziom życia rodziny.

Po Rewolucji Październikowej nastąpiło upaństwowienie ziemi. Tuż po utworzeniu Rządu Sowieckiego został uchwalony «Dekret o ziemi» w Piotrogradzie w dniu 8.XI 1917 [4, s. 295]. Na mocy tego dekretu ziemia, lasy oraz wody zostały zabrane obszarnikom i oddane «ludowi pracującemu». Dekret określał sposób regulowania stosunków rolnych oraz co można spodziewać się od Władzy Radzieckiej. Był on jednak krótki, ogólnikowy i na jego mocy nie można było rozstrzygać wszystkich spraw związanych z rolą. Problem był pilny i dlatego w dniu 19 lutego 1918 r. ogłoszono ustawę «Zasadnicze prawo o socjalizacji ziemi» [4, s. 297]. Potwierdziła ona to, iż wszelka prywatna własność ziemi, jej wnętrza, wód, lasów i sił przyrody została odebrana. Prawo do ziemi posiadał każdy kto ją uprawiał osobiście. Jednak i ta ustawa nie spełniała zapotrzebowania społecznego. W dniu 14 lutego 1919 r. pojawiła się kolejna ustawa «Ustawa o socjalistycznych urządzeniach rolnych i o sposobach przejścia do socjalistycznego rolnictwa». Jednak i ta ustawa także nie rozwiązywała istniejącego problemu. W roku 1920 na VIII Zjeździe Rad przyjęto dekret «O sposobach umocnienia i rozwoju włościańskiego gospodarstwa rolnego». Jak widać rząd radziecki starał się dopasować nowe prawo do ziemi, a także wypracować nowy – socjalistyczny typ gospodarstwa rolnego, zgodnie z założeniami i ideologią partii bolszewickiej. Dekrety i ustawy Władzy Radzieckiej dotyczyły nacjonalizacji ziemi wskazywały zasadniczy sposób rozwiązywania spraw rolnych, jednak nie dawały odpowiedzi, jak należy postępować w poszczególnych przypadkach. Jest wiadome, że stosunki na wsi są bardzo złożone ale i często mocno pogmatwane. Trzeba zaznaczyć, że prawo do ziemi musi przewidzieć wszelkie przypadki i dać wyraźne wskazówki, jak w poszczególnych sytuacjach postąpić. Opracowanie takiego prawa było sprawą trudną ponieważ z przeszłości nie można było brać wzoru (wszelkie prawa burżuazyjne z zasady były odrzucane). Rewolucja bolszewicka zlikwidowała stare porządki prawne a nowy ustrój i nowe zasady użytkowania ziemi, trzeba było od nowa wypracować, ponieważ stare nie były przydatne. Na to trzeba było jednak kilku lat, by na podstawie zdobytego doświadczenia (zasada prób i błędów) można było stworzyć i ogłosić prawo rolne (prawo o ziemi). Tak potrzebne prawo rolne zostało opracowane 30 października 1922 r. Zostało ono zatwierdzone na 4 Sesji Ogólnorosyjskiej Centralnego Komitetu Wykonawczego Rad Delegatów. Od tego dnia weszło w życie i zaczęło obowiązywać jako Kodeks Rolny RSFSR. Nowo powołany Kodeks Rolny nie zmieniał poprzednio wprowadzonych w życie dekretów i ustaw był on ich rozwinięciem i uzupełnieniem. Kodeks ten z małymi zmianami uwzględniającymi specyfikę i poszczególnych republik związkowych został zatwierdzony w dniu 29 listopada 1922 r. przez Ogólno-Ukraiński Centralny Komitet Wykonawczy jako «Kodeks rolny Ukraińskiej Socjalistycznej Republiki Rad». Następnie w dniu 29 marca 1923 r. na 2 sesji Centralnego Komitetu Wykonawczego Białorusi zatwierdzono i wprowadzono do życia jako Kodeks Rolny Białoruskiej Socjalistycznej Republiki Rad. Widać wyraźnie, że poszczególne Kodeksy, które miały obowiązywać w poszczególnych republikach związkowych stanowiły tłumaczenie Kodeksu Rolnego RSFSR. Czy były wprowadzane zmiany dotyczące specyfiki poszczególnych republik – trudno powiedzieć, zapewne tak. Widać jednak, że wszelkie wzorce i obowiązujące prawa przychodziły z Moskwy, które trzeba było przystosować do specyfiki republik (różnica w czasie wprowadzenia w życie w poszczególnych republikach). Na początku 1924 r. terytorium Białorusi zostało znacznie powiększone, co spowodowało rozciągnięcie obowiązywania Białoruskiego Kodeksu Rolnego na nowo przyłączone ziemie. Wprowadzenie zmian na przeszło połowie Białoruskiej Socjalistycznej Republice Rad doprowadziło do rewizji całego kodeksu. Wprowadzono ponownie zmiany i poprawki jakie dało doświadczenie z ostatnich lat jego obowiązywania. Po uaktualnieniu nowy Kodeks Rolny został zatwierdzony przez 3 sesję Centralnego Komitetu Wykonawczego Rad Białorusi 5 listopada 1924 r. Przed ogłoszeniem i wprowadzeniem w życie 21 lutego 1925 r. został on

ostatecznie przeredagowany przez Prezydium Centralnego Komitetu Wykonawczego. Jak widać na załączonym przykładzie wszelkie zmiany dotyczące obowiązującego prawa w poszczególnych republikach były kontrolowane z Moskwy. Można zauważyć fakt, iż nie dowierzano republikańskim komunistom. Nowy białoruski Kodeks Rolny był odzwierciedleniem starego (potwierdzał dawne dekrety i ustawy) wprowadził natomiast nieznaczne poprawki, uproszczenia i zmiany. Wprowadzane korekty miały za zadanie uprościć prawo, przedstawić je w jasnym i zrozumiałym dla ludu języku, a zarazem uwzględnić praktykę życia codziennego. Jak wspomniano, nad tym aby Kodeks nie naruszał głównych praw ludu, które zdobył w czasie Rewolucji czuwało Prezydium Centralnego Komitetu Wykonawczego dlatego Kodeks Białoruski w nieznacznym stopniu różnił się od innych republikańskich (uwzględniał miejscowe warunki Republiki Białorusi).

Trzeba zaznaczyć, że bolszewicy nigdy nie pozwolili na zbytne usamodzielnienie się warstwy włościańskiej. Była szlachta i włościanie po przejściach różnych kolejach losu zawsze starali umiejętnie przystosować się do danego okresu w jakim żyli. I tu pod rządami bolszewików potrafili się przystosować. Jednak ich niezależność ekonomiczna była solą w oku władzy partii. Wrogiem nie był Polak, Białorusin lub Rosjanin lecz ten kto potrafił uniezależnić się finansowo od państwa.

Przeciwwągiem do indywidualnej gospodarki rolnej miała być zgodnie z wytycznymi partii gospodarka uspołeczniona. Teoretycy uważali iż uspołecznienie, kolektywizacja rozwiąże wszelkie problemy ekonomiczne biorąc pod uwagę podejście społeczne człowieka. Uważano, iż ludzie będą się garnąć do uspołecznionych instytucji. Miano nadzieję, że człowiek jest na tyle świadomy, iż dobro ogółu jest ważniejsze od jego. Życie pokazało, że człowiek walczy o swoje i dobro jednostki, rodziny jest bardzo istotne.

W przedmowie wyjaśniającej drogę powołania Kodeksu Rolnego Stefan Hertman ukazał prawa radzieckie dotyczące obywateli białoruskich. Podkreśla, że «prawo do korzystania z ziemi w celu prowadzenia gospodarstwa wiejskiego posiadają wszyscy obywatele RSFSR (Ukrainy, Białorusi) bez różnicy płci, wyznania i narodowości, pragnący uprawiać na własną pracę». Tak więc jak podkreślił autor tłumaczenia prawa jednakowe posiada zgodnie z prawem radzieckim każdy obywatel takie same. Polacy, których było na Białorusi Radzieckiej około 300 tys., do tej pory nie posiadali Kodeksu Rolnego w tłumaczeniu na język polski, co pozwoliłoby łatwiej zrozumieć i dokładniej zapoznać się ze zmianami, oraz z obowiązującym prawem rolnym. W związku z tym, że ludność polska to głównie mieszkańcy wsi – Kodeks Rolny w języku polskim był po prostu niezbędny, a jego znajomość koniecznością życiową w nowych realiach życia i polityki NEPu. Znając wrogi nastawienie władz państwowych i partyjnych do Polaków – potomków dawnej szlachty (wrogich klasowo) prowadzących bogate, wydajne gospodarstwa indywidualne (kułackie), a po wprowadzeniu białorutenizacji – także narodowościowe. W wydaniu podkreślono, że treść Kodeksu Rolnego ściśle odpowiada wydaniu urzędowemu, jednak wynikały czasami trudności spowodowane tym, iż w poszczególnych językach – tak w rosyjskim jak i w białoruskim – dla niektórych wyrażań brak było odpowiedników polskich. Dlatego tworzono nowotwory językowe. W związku z tym, że w życiu codziennym językiem używane były określenia rosyjskie i białoruskie do kodeksu dołączono słowniczek polsko-rosyjsko-białoruski.

Kodeks Rolny w tłumaczeniu na język polski wydany został przez Wydawnictwo Państwowe w Mińsku w roku 1926. Nakład jego nie był duży w porównaniu z wydawnictwami antyreligijnymi i wynosił 3 tysiące egzemplarzy [6, s. 1, 2]. Podzielony był na trzy części podstawowe, które dodatkowo zawierały część wprowadzająca i zakończenie znacznie rozbudowane przez dodatkowe elementy wyjaśniające i pomocnicze. Kodeks liczył 83 strony i był wydany na normalnym papierze książkowym. Kodeks Rolny Białoruskiej Socjalistycznej

Republice Rad rozpoczyna się przypomnieniem «Zasad podstawowych». Jest wymienionych 8 ustaw, które mówią o tym, że właścicielem ziemi jest państwo, zarządza ziemią Ludowy Komisariat Rolnictwa, użytkownicy podlegają kontroli, odpowiadają za prawidłowe jej wykorzystanie. Prawa i obowiązki gruntowe zawiera Kodeks Rolny, ustawy i rozporządzenia, które stanowią ich rozwinięcie. W stosunku do gromad wiejskich zaś statuty wiejskie. Część pierwsza «O roboczym użytkowaniu rolnym» jest najobszerniejsza. Składa się ona z dziewięciu rozdziałów. Druga część «O ziemiach miejskich i państwowych dobrach ziemskich», a trzecia – «O urządzeniach rolnych i osadnictwie».

Kodeks przetłumaczył, opracował i opatrzył wyjaśnieniami Stefan Heltman członek Biura Polskiego. Trzeba zauważyć, Stefan Heltman podszedł do opracowania Kodeksu Rolnego jak fachowiec znający się na zagadnieniu. Pochodził z rodziny inteligenckiej (ojciec lekarz). Po ukończeniu gimnazjum w Radomiu w 1905 r. rozpoczął studia na Wydziale Filozoficznym i Przyrodniczo-Agronomicznym Uniwersytetu Jagiellońskiego. Po ukończeniu w 1912 r. podjął pracę w szkole rolniczej w Gołotczyźnie pod Ciechanowem jako nauczyciel, co pozwoliło mu poznać praktycznie proces kształcenia przyszłych nowoczesnych i wykształconych rolników polskich. W oparciu o swoje doświadczenia wyniesione z Gołotczyzny tworzył podobne rolnicze szkoły techniczne na gruncie Białorusi Sowieckiej uwzględniając warunki społeczno prawne tam występujące [8; 9]. Kolejny etap to praktyczne wykorzystanie posiadanych wiadomości, praca jako agronom na Podlasiu ale i poznanie zasad pracy w dużych majątkach, folwarkach wysokotowarowych. Stefan Heltman poznał także działania towarzystw rolniczych (praca w Wileńskim Towarzystwie Rolniczym). Posiadane wykształcenie, praktyka, działalność lewicowa rewolucyjna sprawiły, że w 1919 został mianowany zastępcą komisarzem rolnictwa i leśnictwa Litewsko-Białoruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej. W 1920 kierował Wydziałem Rolnym w Tymczasowym Komitecie Rewolucyjnym Polski. Od 1921 do 1924 pełnił urząd sekretarza Biura Polskiego KC RKP(b). W latach 1924–1925 stał na czele Ludowego Komisariatu Rolnictwa Białoruskiej SRR. Stefan Heltman był również przewodniczącym Rady Gospodarczej Białoruskiej SRR odpowiadał za plan gospodarczy, oraz był wiceprzewodniczącym SNK Białoruskiej SRR. W tych to latach starał się upowszechnić wypracowane w Polsce metody prowadzenia wydajnej gospodarki rolnej przystosowując je do stosunków panujących na Białorusi Sowieckiej. W latach trzydziestych pracował w ludowych komisariatach Białoruskiej SRR. Jak widać Stefan Heltman nie tylko był przygotowany merytorycznie ale i praktycznie. Przetłumaczony Kodeks Rolny był dokumentem napisanym językiem prawniczym nie zawsze zrozumiałym dla przeciętnego obywatela. Po analizie i przetłumaczeniu na język polski Kodeksu Rolnego Stefan Hertman jako praktyk postanowił skrócić go, wypuklić tylko najistotniejsze zagadnienia potrzebne w życiu rolnika oraz tematy poruszane na licznych spotkaniach wiejskich, a następnie w przystępny sposób przedstawić go włościanom. Wydzielił w Kodeksie specjalny rozdział pt. «Objaśnienia» gdzie postawił 74 istotne pytania, a następnie prostym zrozumiałym językiem dawał szerokie odpowiedzi przytaczając jako poparcie odpowiednie numery paragrafów (do głębszego zapoznania się z tematem). Aby nie szukać zagadnień wszystkie pytania zostały zgrupowane na końcu rozdziału w postaci tabelki z pytaniami i stroną gdzie znajduje się odpowiedź. W związku z tym, że na Białorusi Sowieckiej w rolnictwie występowały nazwy w języku polskim, białoruskim i rosyjskim zamieszczono słownik trójjęzyczny. Opracowanie i wyjaśnienie znaczenia oraz odpowiedniej interpretacji poszczególnych punktów kodeksu było istotne ponieważ prawo radzieckie nie było spójne. Było to prawo proletariackie (bolszewickie) i nie było jednej interpretacji, a w Kodeksie występowały nazwy form rolnych niespotykanych na wsi polskiej. Kodeks Rolny w języku polskim potrzebny był rolnikom aby wiedzieli na jakich zasadach prawnych jest posiadana przez nich ziemia, jak mają prowadzić

działalność rolniczą w ramach NEPu aby nie złamać prawa. Trzeba podkreślić, że wykładnie prawną, interpretację poszczególnych paragrafów Kodeksu Rolnego SRRB podawał Komisarz, który stał na czele Ludowego Komisariatu Rolnictwa Białoruskiej SRR.

Stefan Heltman w opracowanym zestawie pytań jako wprowadzenie wyjaśnia na czym polegał przewrót rewolucyjny i zniesienie prywatnej własności ziemi. Od 1917 roku nikt nie może uważać siebie za właściciela jakiegokolwiek gruntu ornego, łąki lub lasu, nie może ziemi kupować, sprzedawać, darować i w ogóle dowolnie się nią rozporządzać. Wszelkie wywody uzasadniał artykułami prawnymi Kodeksu. Zgodnie z (II Art.) Kodeksu jedynym właścicielem ziemi jest robotniczo-włościańskie państwo, które jako właściciel ma prawo się nią rozporządzać [6, s. 50]. Mimo deklaracji włościanie jednak mieli wątpliwości odnośnie nowego pojęcia własności państwa oraz zasady proletariackiej interpretacji prawa. Zgodnie z Art. III Kodeksu Rolnego, wszystkie ziemie mające znaczenie dla rolnictwa, stanowią jednolity państwowy fundusz ziemski. Całym funduszem ziemskim zarządzał Ludowy Komisariat Rolnictwa oraz jego miejscowe organy, które jednak nie władały tymi ziemiami i same z nich bezpośrednio nie korzystają [6, s. 50–51]. Jednocześnie rewolucja określiła, kto ma prawo do korzystania z ziemi. Prawo do ziemi posiadają tylko ci, którzy sami uprawiają ziemię, albo łączą się czyli, zrzeszają dla wspólnego prowadzenia gospodarstwa wiejskiego. Warunek ten musi być ściśle przestrzegany, a kto go przekroczy traci prawo do korzystania z ziemi [6, s. 51, 12]. Olbrzymia większość ziemi uprawiają włościanie, którzy poprzednio byli właścicielami znacznej jej części. Włościanie ci obecnie nie są właścicielami tej ziemi, którą uprawiają, ale tylko jej użytkownikami. Właścicielem jest państwo robotniczo – włościańskie. Gdyby było inaczej, tj. własność ziemi pozostała, ziemię można by sprzedawać, kupować, darować, zapisywać. W takim razie w rekach niektórych osób stopniowo nagromadziłyby się znaczne ilości ziemi, czyli że znowu powstałoby obszarnictwo, wyzyskujący robotników i okolicznych włościan.

To, że włościanie nie są właścicielami ziemi, którą uprawiają nie stanowi żadnej przeszkody dla prowadzenia gospodarstwa, jeżeli tylko wykonują przepisy i nie popełnią przestępstwa za, które mogą być ukarani odebraniem ziemi (Art. XII) [4, s. 51, 13]. Po wyjaśnieniu zmian jakie zaszły odnośnie ziemi po Rewolucji Hertman przedstawił pytania, zagadnienia z jakimi spotykał się na spotkaniach z włościanami. Autor referatu przykładowo podaje kilka z nich, aby mieć wyobrażenie co najbardziej nurtowało włościan polskich. Kto daje ziemię? Na jak długo otrzymuje się ziemię? W jakim stopniu Kodeks zapewnia każdemu prawo do ziemi z której korzysta? Czy z powodu czasowego niezagospodarzenia traci się prawo do ziemi? W jaki sposób korzystać z ziemi? Do kogo należą budynki i zasiewy? Czy za kupno lub sprzedaż ziemi można być ukaranym? Jakie są formy użytkowania ziemi? Czy można wydzierżawić ziemię? Na jak długo można wydzierżawić ziemię? Kto ma prawo dzierżawić ziemię?

Znaczenie Kodeksu Rolnego rozwiązało podstawowy problem, którym była interpretacja przepisów prawnych. Od tej pory obowiązywał na Białorusi jeden Kodeks i trzeba było go przestrzegać. Dla Polaków obywateli Białorusi Sowieckiej odgrywał on szczególne znaczenie ponieważ chronił on Polaków przed łamaniem prawa poprzez administrację, tak państwową jak i partyjną w sferze rolnictwa podczas białorutenizacji. Większego znaczenia uzyskał jeszcze Kodeks, kiedy został przetłumaczony na język polski. Osoby nie znające języka białoruskiego lub znające go słabo narażone były na dyskryminacje urzędach. Znamienne jest to, że tak tłumaczenia Kodeksu Rolnego jak i interpretacji poszczególnych paragrafów i punktów dokonał Polak, zajmujący znaczące stanowisko Zastępcy Komisarza Rolnictwa SRRB. Jego tłumaczenie i interpretacja zatwierdzona została przez najwyższe władze republiki nie można było jej podważyć, oraz ograniczały złośliwą interpretację dokonywaną przez urzędników. Pozwoliło to na swobodny zgodny z prawem rozwój polskich gospodarstw rodzinnych, które odgrywały znaczącą rolę w gospodarce Sowieckiej Białorusi. Tworzenie się silnych, wydajnych polskich

gospodarstw pomagało tym samym utrzymanie polskości i bogacenie się Polaków. Trzeba zaznaczyć, że w rodzinach polskich panował kult pozytywizmu. Szacunek ziemi, wydajna praca, postawienie na rozwój i unowocześnienie gospodarstw rolnych, dążenie do uniezależnienia finansowego, to były cechy polskich gospodarstw rolnych. Polacy a szczególnie szlachta, za punkt honoru stawiali sobie aby ich gospodarstwo rolne było najlepsze w okolicy. Rozwój i bogacenie się Polaków poprzez wydajną pracę, był solą w oku władzy radzieckiej, a przecież włościanie tylko realizowali, wypełniali zadania stawiane przez rząd i partię.

Trzeba podkreślić, że zamierzenia Stefana Heltmana dotyczące nowoczesnego rolnictwa rodzinnego, wysoko towarowego mimo powodzenia nie zostały wprowadzone i rozpropagowane na większą skalę ze względów politycznych. To prawda, że szkoły rolnicze wypuszczały dobrze przygotowanych fachowców rolnych. Promowana przez rząd sowiecki i partię przyspieszona kolektywizacja sprawiła, że wydajne bogate rodzinne gospodarstwa rolne zostały zaliczone do gospodarstw kułackich i praktycznie zostały zniszczone.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Зональный государственный архив в Бобруйске. – Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1454.
3. Biały, A. Zwalczenie kułactwa na Białorusi Sowieckiej w latach 1926–1934 jako jeden ze środków eliminacji społeczności polskiej na tych terenach / A. Biały // Roczn. Hist. Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego. – 2014. – № 30. – S. 65–85.
4. Biały, A. Mniejszość polska na Białorusi Sowieckiej w latach 1921–1939 : dis. ... dr historii : 22.06.17 / A. Biały. – Pułtusk, 2018. – 839 s.
5. Fryszmanowa, F. Książka polska w ZSRR w r. 1930–1932 (Bibliografia) / F. Fryszmanowa. – Mińsk, 1934. – 164 s.
6. Heltman, S. Kodeks Rolny Socjalistycznej Republiki Rad Białorusi / S. Heltman. – Mińsk : Wydaw. Państw., 1926. – 83 s.
7. Woyniłłowicz, E. Wspomnienia. 1847–1928 / E. Woyniłłowicz. – Szczesne ; Warszawa : KłiniKa Języka, Lucyna Aninowska-Maciejewska, 2016. – Cz. I. – 404 s.
8. W sprawie organizacji polskiej szkoły młodzieży włościańskiej // Gwiazda Młodzieży. – 1927.
9. We dworze państwa Łęckich // Centralna Szkoła Młodzieży Włościańskiej. – 1927.
10. Jan-Dek. Formy kolektywów rolnych / Jan-Dek // Orka. – 1927. – № 5 (44).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2019

Biały A. Code of Law Concerning Agriculture of Socialist Republic of Belarus from 1925 Year Translated and Commented by Stefan Heltman

In the article there are shown changes in attitude towards soil and farmer's work among the people of Great Duchy of Lithuania, which were introduced on the territory of Great Duchy of Lithuania, till Soviet Revolution and after establishing Soviet Belarus. The soviet code of law concerning the right to own land until the time, when Code of agriculture was introduced, had been shown in this work as well as the importance of the code of agricultural law for landowners in Soviet Belarus. It had been explained, why Stefan Heltman translated it into Polish and introduced it to landowners in innovatory way. He set a thesis – then he explained an issue with a simple, common language understandable by every landowner. Some most urgent problems and their explanation were shown and explained as an example.

УДК 008

Е. А. Лагуновская¹, А. А. Ярошенко²

¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²магистрант 2 года обучения исторического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ¹helenlaguna@yandex.ru; ²G.Yaroshevich68@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИКИНГОВ И АРАБОВ

Анализируется взаимовлияние религиозных, культурных ценностей и социальных взаимоотношений между скандинавской и арабской этническими общностями. Рассматривается влияние культурных и религиозных факторов на становление и протекание политических, дипломатических, торговых отношений Западной и Восточной цивилизаций, формирование их особенностей. Изучается феномен принятия норманнами монотеистической религии. Обращаясь к анализу свободного перехода викингов в мусульманство, делается акцент на мирных, союзнических отношениях вразрез с господствующей точкой зрения о преимущественном действии военной дипломатии норманнов. Исследуется совокупность факторов, оказавших воздействие на этот процесс. Рассматриваются уникальные формы переплетения североευропейского и восточного стилей в архитектуре, литературе, игровой культуре, формах проведения досуга и т. д. Намечаются перспективы дальнейших исследований по данной теме.

Введение

В развитии человечества период раннего средневековья является очень важным, т. к. именно в это время происходит активная трансформация этнического и политического, культурного и религиозного пространства на территории как Европы, так и Востока. Начиная с VIII в. на мировой арене важную роль начинают играть викинги. Покопив значительную часть Европы, некоторые территории Азии, север Африки, они устанавливают свое политическое, экономическое и социокультурное господство в этих регионах, налаживают торговые связи, контролируют территории в военном отношении. Добравшись даже до Америки, викинги основали там поселения, о чем свидетельствуют археологические раскопки. С другой стороны, активизируются арабы, которые объединяют Аравию, завоевывают Сирию и Египет, строят там свою политическую и социокультурную систему. Арабы совершают набеги вплоть до Франции и укрепляют свое господство на Востоке. Таким образом, на мировой арене того периода представлены две доминирующие силы, оказавшие влияние на трансформацию социальной, экономической, политической, культурной структуры общества. В ходе раннего средневековья многогранная деятельность викингов и арабов создавала предпосылки, которые обусловили последующие развитие Западной и Восточной цивилизаций. Помимо этого, их взаимодействие зачастую переходило во взаимовлияние. Перенимая определенные черты жизнедеятельности друг у друга, арабы и викинги помимо того, что менялись сами, трансформировали и народы, подчинявшиеся им. Вышеперечисленные обстоятельства определяют социокультурную, теоретическую и практическую актуальность исследовательской работы.

Стоит обозначить общую характеристику названных регионов для полноценного представления о рассматриваемой эпохе. Арабские племена с 632 г. (смерть Мухаммеда) начинают проводить объединительную политику, выходя за пределы Аравии, укрепляя единство с помощью общей религии (ислам). Начиная с VIII в. они продвигаются на юг Пиренейского полуострова (Испания), Ближний Восток, в Среднюю Азию, Северо-

Западную Індыю, Закаўказье, по всей территории Северной Африки (Магриб). Во всем регионе основным языком коммуникации признается арабский, цивилизация строится на принципах мусульманской культуры. Но со временем в образованной цивилизации происходит внутреннее религиозное расслоение, т. е. появляются ответвления ислама: суннизм, шиизм, суфизм и т. д. Кроме этого, нарастают национально-освободительные настроения у покоренных народов. Нагнетает обстановку внешнеполитическая ситуация в государстве. В 1055 г. происходят нападения турков-сельджуков, а в 1258 г. Багдад был захвачен монголо-татарами. Все это привело к распаду огромной цивилизации на независимые эмираты и халифаты. В целом данный период совпадает со временем правления династии Аббасидов, характеризуется расцветом арабо-мусульманской культуры и распадом по итогу Арабского халифата (750–1055) [8].

Описываемый период напрямую затрагивает «эпоху викингов» в североευропейской истории. А. П. Гуревич описывает данное явление таким образом: «В мире скандинавов в конце VIII, первой половине IX века произошел резкий сдвиг – перерыв в постепенном развитии. Среди них появляется новый тип – смелые мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, имеющие связи в разных странах. Преведний и привычный строй жизни был сломан, сделался невозможным». Воины объединялись в дружины и отправлялись со своей колонизаторской политикой во все стороны света. Они посещали Западную Европу: Англию, Ирландию, Францию, Северную Германию, Пиренейский полуостров, Южную Италию; Восточную Европу: Киевскую Русь, Византию. Даже Северная Америка и территория Закаўказья попали под их влияние. Они образовывали новые города, были первопроходцами, как и представители арабской цивилизации. Норманны являлись язычниками и поклонялись многим богам, что нашло свое отражение в их мировоззрении и мироощущении. Но викинги совмещали в себе не только воинские черты, они являлись купцами и путешественниками. Со временем влияния континентальной Европы распространились и на территории Скандинавии. В итоге Северная Европа была христианизирована, а «эпоха викингов» завершилась [6].

Европейская и арабская модели цивилизаций начали свое сотрудничество еще сотни лет назад. В современном научном мире наиболее разработаны вопросы военного и торгового взаимодействия в этом проблемном поле. При этом происходит активное влияние друг на друга. Так, например, нападения викингов стали основной причиной развития флота и укреплений у арабов на территории Испании. Они подтолкнули правителей обратить внимание не только на внутренние проблемы, но и на опасность с внешней стороны и укрепить свои границы. Но, кроме того, происходил полноценный процесс межкультурной коммуникации, который имел яркие проявления в культурах двух регионов.

Цель статьи – на основании изучения многочисленных и разнообразных источников исследовать основные культурные и религиозные тенденции в процессе социального взаимодействия норманнов и арабов. Объектом исследования являются этнические процессы в раннем средневековье. Предмет исследования – определение основных культурных и религиозных тенденций во взаимодействии скандинавской и арабской этнических общностей.

Имеющиеся исследования по данной тематике характеризуются отсутствием комплексного подхода к ее изучению и неполной разработанностью. Отсюда вытекает необходимость в данном исследовании. В статье представлен новый взгляд на тему

исследования, что способствует в будущем востребованности данной темы как в теоретическом, так и в практическом плане.

Культурные аспекты социального взаимодействия викингов и арабов

Мирный путь сотрудничества между скандинавским и арабским регионами предполагал обмен посольствами. Сохранились упоминания о событии середины IX в., которое сыграло важную роль в развитии дипломатических отношений между скандинавами и арабами. Абдаррахман II отправил посольство из Кордовы на территорию скандинавского региона. Возглавлял миссию исламский богослов, правовед, философ и поэт Аль-Газали. До нашего времени дошли его мемуары, в которых он описывает дружелюбную встречу с конунгом. Но больше всего его впечатлила жена правителя. Он сразу же наладил с ней дружеские отношения, и они проводили много времени в обществе друг друга. Жена конунга объяснила послу, что не стоит бояться ревности мужа, потому что скандинавские женщины свободны и могут расторгнуть брак по своему желанию [5]. Историки не сходятся во мнении, куда именно было направлено посольство Аль-Газали, но солидарны в том, что это был скандинавский регион. Господствует точка зрения, что это была Дания.

Аль-Газали был последователем Багдадской поэтической школы во главе с Абу-Нувасом. Его стихи и философские трактаты все так же популярны в арабском мире, и некоторые из них переведены на русский язык. Одно стихотворение, написанное поэтом по возвращении из посольства и посвященное жене конунга, посвященное жене конунга, сохранилось. Оно было переведено М. Петровых и издано в 1975 г.:

Когда в мое сердце вошла любовь,
От прежних страстей не осталось примет.
Норманнку – язычницу я полюбил,
Ее красота – лучезарный рассвет.
Но чудо живет в чужедальном краю,
Куда не найдешь, не отыщешь след.
Как юная роза, она хороша,
В жемчужные росы цветок разодет.
Она мне дороже и сладостней всех,
Вдали от любимой мне жизни нет.
С другими сравнить ее – значит солгать,
А ложь непривычна мне с малых лет.
Любимая шутит: «Твои виски
Белы, словно яблони вешней цвет!»
А я отвечаю: «Ну что ж, не беда, –
Иной жеребенок с рожденья сед».
Смеется она, а ведь я и хотел,
Чтоб рассмешил ее мой ответ [1].

Это стихотворение является культурной гордостью в арабском мире. Таким образом, воспевание красоты женщины из Скандинавского региона заняло достойное место в арабской поэзии и стало достоянием мировой культуры.

Следующим интересным моментом межкультурного обмена можно назвать формирование особенностей игровой культуры регионов. В большинстве своем в источниках упоминается, что шахматы появляются в Северной Европе примерно с XI–XII вв.,

а у арабов с VI–VII вв. Это предположение базируется на упоминании в литературных произведениях скальдов, сагах и других источниках подобного типа шахмат [4]. Так, например, свод «Круг земной» (XIII в.) упоминает игру при рассказе о том, как Кнуд Великий приказал убить ярла Ульфа после ссоры за партией в шахматы [9]. Но есть доказательства того, что игра появилась в Северной Европе гораздо раньше названных границ. И главным аргументом этого положения являются археологические открытия. Город Тёнсберг, как утверждают исследователи, является древнейшим городом скандинавского региона и датируется он IX в. Северные регионы уделяют большое внимание поддержанию исторической науки и исследованиям, проводимым, как основными отраслями научного знания, так и вспомогательным историческим дисциплинам. Одним из сильнейших среди образовательных и научных центров в Скандинавском регионе является Норвежский институт по изучению культурного наследия (NIKU). Одним из приоритетных направлений его деятельности являются археологические исследования. Именно этот институт провел осенью 2017 г. раскопки города Тёнсберга. В результате произведенных раскопок было представлено большое количество артефактов: дома и улицы, керамика, металл, костяные изделия, но особое внимание было приковано не к ним, а к раскопанной шахматной фигурке. Фигурка имеет бочкообразную форму, «хоботок», небольшой размер, на ней нанесена резьба. Неспециалисту очень сложно понять, что это такое. Однако археологи и эксперты, занимающиеся историей шахмат, узнают в этом описании фараса, который используют для игры в шатрандж (протошахматы) [4]. Фарас – «конь» по-арабски, прототип «коня», который используется в современных шахматах.

Размеры фигурки – 30 мм в высоту и 26 мм в диаметре. Для изготовления использовался олений рог, но специалисты, исследовавшие артефакт, нашли остатки свинца. Использование свинца при изготовлении фигурки позволяло усилить ее устойчивость. В костяного коня был залит свинец именно для этих целей. Руководитель раскопок Ларс Хаугестен сделал вывод о происхождении фигурки, основываясь на изучении особого дизайна и необычной резьбы чередующихся точек и кругов, сплетающихся в узор: «Абстрактная, условная форма фигурки и орнамент на ней соответствуют исламской художественной традиции, в которой запрещены изображения людей» [4].

Ларс Хаугестен описывает процесс появления шахмат таким образом: «Полторы тысячи лет назад Индия прославилась тем, что именно там появилась чатуранга (игра в войну, но бескровная). Шахматная доска представляла собой отображение реальность (пехотинцы, слоны, боевая колесница и конница, руководитель армией и т. д.). Со временем игра перешла границы Индии, и, чем дальше она продвигалась, тем более трансформировались правила и названия фигурок в соответствии с тем регионом, в который они приходили. Так, например, в Персии индийская чатуранга превратилась в чатранг, а конная фигурка потеряла всадника и получила название “асп”, то есть просто “конь” на персидском. В VII веке происходят важные политические события, меняющие геополитическую картину мира, а именно арабы захватывают Персию. Этот процесс отражается в игре: чатранг стал шатранджем, появилась фигура советника, “фарзин” – отсюда русское название “ферзь”. Конь из набора никуда не делся, его просто перевели с персидского на арабский: асп = фарас. Фигура даже сохранила свой оригинальный Г-образный “ход конем”. С этого момента условно можно сказать “о всемирном распространении шахмат”: Египет, Испания, Северная Африка – все эти страны знакомилась с шахматами после того, как их покоряли мусульмане» [9]. Арабы создали характерный для них дизайн фигурок, о чем говорил ранее археолог [4].

Точная дата проникновения этой увлекательной игры на территорию Западной Европы досконально неизвестна, предположительно это VIII–IX вв. Арабы стремились к тому, чтобы игра набирала популярность. Так, первой из европейских стран познакомилась с шахматами Испания после завоевания ее арабами, затем Италия, правда мирным путем. Мусульмане добились успеха. Игра с огромной скоростью «покоряла народы» (уже в X–XI вв. она была известна и популярна во Франции, в Англии, в Германии) [3]. С учетом археологических данных к этому списку необходимо приобщит и скандинавский регион.

Со Скандинавской территории очень малое количество шахматных фигурок «арабского дизайна» обнаруживается и попадает в руки ученых. Именно по этой причине фигурка из Тёнсберга произвела такое ошеломляющее действие в современной науке. Но это не единственная находка, и существуют другие фигурки, обнаруженные в регионе, даже еще более древние. Самая древняя шахматная фигурка была найдена в шведском Лунде, примерное ее появление обозначают как конец XII в. Если сравнить Лундскую и Тёнсбергскую фигурки, то можно сделать вывод, что они сделаны в одинаковом «исламском» стиле. Помимо этого, встречаются даже клады настольных игр. Ярким примером является Бергенский клад, который состоял из более чем тысячи предметов. Шахматные кони из Бергена очень похожи на коня из Тёнсберга своей «бочкообразной» формой, в их оформлении также использована резьба в виде кругов и точек, однако узор орнамента отличается, как и размер фигурок. Тем не менее общие детали позволили археологам опознать находку из Тёнсберга и ее место на игровой доске [4].

Судя по археологическим данным многие шахматные фигурки не ввозились, а производились уже на месте. Это позволяет сделать вполне обоснованное предположение, что при проведении торговых операций и при обмене посольствами происходило взаимодействие, в том числе и культурное. Коммуникация двух цивилизаций привела к тому, что викинги заинтересовались шахматами и, научившись на Востоке правилам игры и способу производства фигурок, стали их делать на своей территории. Это яркий пример обмена культурной традицией мирным путем.

Взаимодействие таких крупных цивилизаций проявилось и в архитектуре. Особенно ярким примером можно назвать сицилийское и итальянское строительство в период раннего средневековья. Прежде чем рассматривать отражение арабского и норманнского ценностного восприятия в Палермо, необходимо изучить политическую историю обозначенных регионов. Готы заняли город Палермо и окрестные территории в 515 г. После регион перешел под влияние Византийской империи, пробыл в ее составе с 535 по 831 г. Затем арабы установили здесь свое владычество. Как ни странно, мусульманское влияние оказалось положительным фактором для развития и культурного роста сицилийских городов [2].

В этот же временной отрезок скандинавы укрепились в северной части Франции, при этом продолжили колонизационную политику. Они образовывали свои государства, таким была и Нормандия. Ориентируясь по всем сторонам света, викинги, продвигаясь по южным территориям, оккупировали в 1072 г. Сицилию. Все это трансформировалось в богатую и насыщенную историю, переплетение культур и религий, отразившись в образовании особого Сицилийского арабо-норманнского стиля [2].

Черты арабского стиля, присущие норманнским постройкам, проявляются в характерных для них украшениях стен – в виде сложного каменного узора из переплетающихся ложных арок. Наиболее масштабные и монументальные соборы находятся в Палермо и Монреале. В них этот узор дополняется утонченными абстрактными

конструкциями из лавы и туфа, растительными орнаментами, зубцами [2]. Стоит отметить, что человеческие изображения отсутствуют, как это принято в изобразительном искусстве традиционного ислама.

Весьма интересной чертой арабо-норманнского стиля являются бифоры. Это окна, разделенные пополам с помощью узкой колонны по вертикали. Окна-бифоры были весьма распространены и представлены как в духовных, так и в светских постройках [2].

Искусство арабского региона также нашло отражение в памятниках арабо-норманнского стиля. Так, например, в Палантинской капелле и Монреальском соборе особое внимание привлекает резной деревянный потолок, который своим видом воспроизводит свод пещеры со сталактитами. Это было преимущественно использовано при постройке фатимидских мечетей в Египте и других государствах Северной Африки. Потолок здания покрывался особыми геометрическими изображениями и куфическими надписями [2].

Культурный уровень арабов, традиции в их изобразительном искусстве производили сильное впечатление как на норманнских королей, так и на элиту норманнского общества – сеньоров. Этот процесс мы можем проследить на примере светских построек, в первую очередь королевских дворцов – Циза, Куба, Палаццо Норманни. При сопоставлении обозначенных замков с другими западноевропейскими подобными архитектурными памятниками того периода обнаруживается целый ряд дифференциаций. Наличие типично арабских бассейнов и фонтанов придает особую уникальность дворцовым помещениям и садам. Мозаики Цисы и Норманнского дворца (зал Рожера) имеют прекрасную сохранность. Благодаря им современные исследователи могут получить свидетельства о красочной и наполненной событиями истории, отражающей светскую жизнь королевского двора, которая была далека от традиционного христианского благочестия. При сопоставлении с данными хронистов можно сделать вывод о существовании гаремов, которыми пользовались Рожер II, Вильгельм I Злой и Вильгельм II Добрый: дворцовые мозаики в арабском стиле дают достоверную историческую информацию [2].

Кроме светских присутствовали и церковные строения, воспроизводящие арабские традиции в архитектуре, – внутренние дворы, окруженные колоннадой. Клуатры (крытые обходные галереи, обрамляющие закрытый прямоугольный двор-колодец или внутренний сад монастыря или крупной церкви) в арабском стиле сохранились в Чефалу, Маджионе, СанДжованни-дельи-Эремити. Наиболее интересным для рассмотрения и изучения является клуатр монастыря в Монреале. Специалисты называют его одним из самых выразительных в Италии. Отличительными архитектурными чертами клуатра монастыря в Монреале являются тщательно продуманная детализация постройки, уравновешенная гармоничность всего масштабного ансамбля [2].

Об арабском влиянии в норманнской архитектуре также свидетельствуют особенности в архитектурном исполнении куполов церквей Сан-Катальдо и Сан-Джованни-дельи-Эремити. По внешнему виду и форме купола данных церквей напоминают купола мечетей [2].

Арабо-норманнский стиль всегда был эндемичным, т. е. присущим только сицилийской архитектуре. Тем не менее строения в этом стиле встречаются и за пределами Сицилии – на других территориях, входивших в состав Сицилийского королевства. Так, например, на Мальте в городах Медина и Витториоза можно видеть частные дома арабо-норманнского стиля. К их числу относится палаццо Санта-София и т. н. Норманнский дом на главной улице Медины. Много арабо-норманнских черт сохранилось в многократно перестроенном соборе Салерно. Строения арабо-норманнского стиля

следует отличать от многочисленных норманнских зданий чисто романской архитектуры (например, знаменитая базилика Святого Николая в г. Бари, современная Турция) [2].

Таким образом, две мощные цивилизации осуществляли активное культурное сотрудничество, обменивались религиозным опытом, стремились понять друг друга. Это являлось примером интенсивного межэтнического сотрудничества народов в рассматриваемый период.

Религиозные аспекты социального взаимодействия викингов и арабов

Духовная жизнь и менталитет средневекового общества отличались глубокой религиозностью. Религия являлась одной из важнейших сторон жизни человека, проживавшего в ту пору, мировоззрением, определяющим отношение человека к внешнему – природному и социальному миру, к другому человеку и самому себе. Викинги и арабы имели разные менталитеты, обычаи, традиции, но при этом плодотворно сотрудничали. И, несмотря на то что народы были разными, имели разные представления о загробном мире и отношениях со сверхъестественными силами, они влияли друг на друга. Но если арабам обычаи и религиозное мировоззрение викингов казалось варварским, то викинги, активно познавая арабский мир, наоборот, восхищались его культурными достижениями и даже принимали ислам. Примером отношения арабов к религии и традициям северян являются свидетельства известного путешественника, купца и дипломата Ат-Таруши. В 961–962 гг. он странствовал по Западной и Центральной Европе. Конечной точкой его путешествия был Рим, где он был принят у императора Священной Римской империи Оттона I. Сведения, которые Ат-Таруши представляет в своих работах, считаются наиболее достоверными с исторической и географической точек зрения, поскольку данные совпадают с большинством археологических, этнографических и других источников, раскрывающих эту эпоху, но стоит учитывать и субъективное трактование некоторых явлений [11]. Например, религиозные и бытовые обычаи викингов привели его в культурный шок. В первую очередь это было вызвано языческой верой норманнов: «В честь своего божества они закатывают пиры, едят и пьют. Тот, кто совершает жертвоприношение – режет быка, овцу, козу или свинью, вывешивает тушу на столбах перед своим жилищем, дабы все убедились, что он принес жертву богу». Город Хедебю показался мусульманину бедным и невпечатляющим. Ат-Таруши не понял самые элементарные положения жизненного уклада викингов. Его возмутила традиция бросать слабых новорожденных в море, но хуже всего для него было слушать песни скандинавов – «звериный вой» [4]. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что понимание чужих религиозных убеждений или традиций на обывательском уровне является исключительно сложной задачей, и не только потому, что такое понимание предполагает принятие на веру идей, выходящих за рамки обыденного опыта и образа жизни индивида, но и потому, что оно обозначает изменение его мировоззрения. Однако личностные заблуждения арабов в восприятии традиций викингов, неправильное или искаженное понимание основы их вероучения, критическое или неосознанное отрицание их религиозных и бытовых принципов, вызвавшее психологический дискомфорт у путешественника Ат-Таруши, не стали фактором-антагонистом во взаимодействии викингов и арабов. Воспоминания Ат-Таруши являются дополнительным источником для изучения темы.

Другим известным примером могут служить «Записки» Ибн Фадлана. Данный источник позволяет подробно изучить историю Восточной Европы в период раннего средневековья. В составе посольства аббасидского халифа Аль-Мутадира (908–932 гг. – время путешествия посольства) Ибн Фадлан посетил Волжскую Булгарию. О результатах

деятельности самого посольства сведений нет, но сохранились записки, которые составлял Ибн Фадлан во время путешествия. Сведения, приводимые в них, уникальны, потому что содержат данные этнографического, социально-политического, экономического характера [7]. Этот отчет также имеет важное значение, поскольку в нем Ибн-Фадлан подробно описал обычаи и обряды русов. Анализируя эти данные, мы можем предположить, что под русами понимались норманны. Прежде всего стоит обратить внимание на описание Ибн-Фадланом этого народа: когда корабли русов причаливали к пристани на реке Итиль, каждый из них выходил на берег, держа в руке хлеб, мясо, лук, молоко и набиз (хмельной напиток, видимо медовуха). Он подходил к врытому в землю бревну с вырезанным на нем человеческим ликом. Вокруг этого самого большого бревна было множество идолов поменьше. Рус подходил к большому идолу, склонялся перед ним и говорил: «О, мой господь! Я прибыл из далекой земли и со мной прибыли столько-то девушек и столько-то собольих шкур» [7, с. 78]. Далее рус называл все, что привез для продажи, и приносил подношение в виде продуктов перед бревном и читал молитву, говоря: «Я прошу, чтобы ты пожаловал бы мне купца, у которого много денег, чтобы он покупал у меня товары в соответствии с моими желаниями и не перечил бы мне при сделке» [7, с. 78]. Последующие действия зависели от того, как шла торговля. Если дела будут идти плохо, то он попробует еще раз подкупить идола, если и это не поможет, тогда человек обращается к более мелким идолам: «Это жены нашего господя, дочери и сыновья его» [7, с. 78]. И так рус будет поклоняться и обращаться от одного бога к другому. Когда торги пройдут удачно, он скажет: «Господь мой внял моей просьбе и мне следует вознаградить его». Награда представляет собой мясо овец или другого рогатого скота, поднесенная идолам и оставленная перед ними. Когда мясо съедят животные, то это будет вызывать хорошие эмоции у руса: «Господь мой остался доволен и съел мой дар» [7, с. 78]. Из этого описания становится понятно, что речь идет о купцах, выходцах из Скандинавии, которые являлись язычниками и приносили жертву богам для успешных торговых операций.

Естественно, наблюдая за русами как за неизвестным до того Ибн-Фадлану народом, он не мог не обратить внимания на женщин. Про их внешний вид он говорил так: «На груди каждой из них висит особая коробочка из железа, серебра, меди, золота или дерева в соответствии с богатством их мужей. И у каждой коробочки – обруч и нож, также прикрепленные на груди». Коробочкой араб назвал, по всей видимости, открывающийся медальон, цена которого соответствовала уровню состояния мужа. А обруч, похоже, круглая застежка-фибула. На шее у женщин висели ожерелья из золота и серебра. Если муж владел десятью тысячами дирхемов, то его жена носила ожерелье в один ряд, если же супруг имел двадцать тысяч дирхемов, то супруга уже носила ожерелье в два ряда. Таким образом, каждые десять тысяч дирхемов состояния мужа прибавляли один ряд к ожерелью жены, так что у некоторых женщин на шее бывало много рядов ожерелий. Самым лучшим украшением считались у русов зеленые бусы «из керамики, которые бывали у них на кораблях. Они очень дорожили этими бусинами и не жалели денег, чтобы приобрести их. Покупали одну такую бусину за дирхем и нанизывали ее в ожерелье своих жен» [7, с. 76–78]. Указанные арабские дирхемы еще более подчеркивают торговый уклон на восточную сторону. В «Записках» Ибн-Фадлана содержатся сведения о том, что русы использовали проторубль – стандартизированный кусок серебра, который рубился. Вместо весов использовались стандартные бруски металла, а сыпучие товары они покупали и продавали с помощью особой мерной чашки [7, с. 76–78].

Ибн-Фадлан интересовался всеми сторонами жизнедеятельности русов, в том числе и работорговлей: «Русы приплывают из своей страны, и причаливают свои корабли на реке Итиль и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками – красавицами для продажи». Проведя параллель с современным миром, мы можем наблюдать типичный маркетинговый ход: рекламу, значение которой для успешной торговли прекрасно понимали работорговцы. «Едва входил в торговый зал заезжий купец, присматривающий себе живой товар, как кто-нибудь из русов тут же затевал половой акт со своей рабыней. От созерцания этого покупатель возбуждался и редко уходил без приобретенной невольницы. Работорговля – гнуснейшее занятие, и нравы этих людей были дикими и разнузданными» [7, с. 76–78].

Моральные качества торговцев скандинавского региона соответствовали той эпохе. Работорговля приносила очень хорошие деньги, и таким образом происходило обогащение – во многом потому, что в арабских странах (в частности, Кордова и берберские государства) была необходима постоянная рабочая сила. Был спрос, и поэтому норманнские торговцы поставляли рабов в эмират (в основном франкских, английских, славянских рабов). Их не заботило то, что молодых мужчин-рабов кастрировали, и ничего, кроме пожизненного унижения и прислуживания арабским господам, их не ждало.

Первая встреча с русами, когда они прибыли к булгарам торговать, произвела на него неизгладимое впечатление: «Я не видел людей с более совершенными телами, чем у них. Они подобны пальмам, белокуры, румяны лицом и белы телом. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит кису, кусок материи, которой он охватывает один бок, причем одна рука выходит из нее наружу. При каждом из них имеется топор, меч и нож, причем со всем этим они никогда не расстаются. Мечи их плоские, с бороздами, франкского образца. Иной из русов от края ногтей до самой шеи разрисован всякими изображениями, картинками и тому подобным» [7, с. 76–78]. Но быстрое восхищение сменилось быстрым разочарованием. Проблема с личной гигиеной очень сильно его возмущала: «Русы – грязнейшие из творений Аллаха. Они не очищаются ни от кала, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют рук своих после еды». А дальше мусульманин писал, что русы каждый день моют свои лица и головы самой грязной водой, какая только существует на свете, и подробно описал процесс: «Утром одна из служанок приносила большую лохань с водой своему господину. Он мыл в ней свои руки, лицо и даже волосы, вычесывая их гребнем в лохань». Потом, по словам араба, сморкался и плевал в нее. Когда же господин заканчивал мыться, девушка-служанка несла лохань к сидящему рядом русу, и тот совершал то же самое, что и его товарищ. Так она переносила лохань от одного руса к другому. И каждый якобы в нее сморкался, плевал и мыл свое лицо и волосы в ней [7, с. 76–78]. Это глубоко оскорбляло мусульманина, совершавшего по пять раз в день намаз, поскольку в его понимании такая нечистоплотность могла свидетельствовать только о примитивном уровне развития общества.

В результате археологических раскопок поселения Бирка (центра торговли времен викингов, недалеко от Стокгольма) исследователям был предоставлен огромный пласт артефактов. В древнем захоронении, датированном IX в. н. э., ученые обнаружили серебряное кольцо с розово-фиолетовым полудрагоценным камнем [5].

Развитие технологий позволяет в настоящее время установить, что кольцо было не простое, а с гравировкой на камне. Надпись представляет собой слово на арабском

языке «За Аллаха». Кольцо было найдено в захоронении женщины, поскольку там были представлены также брошки, остатки одежды и другие принадлежности женского гардероба. Скелет не сохранился. Но археологи все же смогли установить, что женщина умерла около 850 г. Т. к. кольцо оказалось необычной находкой, оно привлекло внимание ученых, в частности из Стокгольмского университета. По свидетельству С. Вярмляндера, это единственное кольцо с арабской надписью, найденное в Скандинавии. Ранее находили кольца, выполненные в арабском стиле, но на них не было никаких надписей [10]. При помощи специальной техники был проведен тщательный и разносторонний анализ. С его помощью было выявлено, что кольцо состоит из высококачественного серебряного сплава (серебро составляет 94,5 %). Камень представляет собой кусок натриево-известкового стекла с арабской надписью, упоминающей имя Аллаха в некотором падеже. Камень не является драгоценностью, но при этом он явно хорошей пробы. Надпись интерпретируется по-разному (она может читаться как «Иллалах» («За Аллаха/Аллаху») либо как «Иншалла(х)» («на все воля Аллаха»)). На удивление, несмотря на такое количество времени и погодные условия, кольцо хорошо сохранилось. На нем до сих пор заметны риски от напильника, что означает, что оно носилось недолго и не сменило множества владельцев [10]. Этот факт говорит о том, что женщина приняла ислам, хотя проживала на территории Скандинавии. Дополнительным фактом является то, что в Бирке при раскопках были обнаружены остатки камзола, украшенного горизонтальными лентами и застегивавшегося на груди рядом пуговиц. Известно, что скандинавы редко использовали пуговицы, поэтому специалисты считают, что наряд был сшит согласно традициям народов Востока. Возможно, чтобы завоевать доверие торговых партнеров, скандинавские купцы старались придерживаться обычаев той страны, где они находились. Согласно местной традиции, на Востоке они носили мешковатые штаны, стянутые у колен, о чем упоминают арабские ученые Ибн Фадлан, Ибн Руст и др. [10].

Викинги активно вторгались на территорию арабской Испании. В 889 г. норманны дошли до самой Севильи, пока их не разгромили на полях Таблады. Уцелевшие норманны осели в окрестностях, и многие впоследствии обратились в ислам. Важными источниками, подтверждающими тезис о принятии викингами ислама, являются воспоминания Амина Рази: «Они (викинги) высоко ценили свинину. Даже те, кто принял ислам, очень любили свинину и не могли от нее отказаться» [5]. Конечно, помимо Амина Рази были и другие мусульмане, которые упоминают этот удивительный факт. Так, например, Омар Мубайдин говорил: «Викинги совершали многочисленные походы как против мусульманских, так и христианских государств на Пиренейском полуострове. Впоследствии викинги, которые приняли ислам, обосновались в юго-восточной Севилье и занимались поставками сыра в Кордову и Севилью» [5]. Здесь автор напрямую говорит о том, что европейцы при своих завоевательных походах зачастую оставались на этих территориях, ассимилируясь с местным населением, помимо этого принимая новую веру. Примером может служить Таблада – единственное известное поселение норманнов в Иберии [5; 10]. Многочисленные факты говорят о том, что викинги-язычники принимали новую монотеистическую религию – ислам.

Таким образом, на основании вышеизложенных обстоятельств исследователи пришли к выводу о тесном культурном и религиозном взаимодействии и сильном взаимовлиянии арабской и норманнской цивилизаций.

Заклучение

Военные конфликты и столкновения между арабами и норманнами происходили довольно часто и мотивировались в первую очередь желанием северян расширить сферу своего влияния. Походы викингов на страны Востока не принесли им должного результата, т. к. арабские правители смогли поставить мощный барьер на пути норманнов. Неудачным фактором для викингов является также относительная малочисленность воинов, участвовавших в походах, т. к. основная волна экспансии скандинавов пришлась на Европу. К тому же в эпоху набегов викингов арабская цивилизация находилась на более высоком уровне развития и обладала военным потенциалом. Тем не менее некоторые набеги викингов нашли свое отражение в сагах и летописях. Особое внимание привлекает к себе поход Ингвара. Он упоминается в различных источниках: древнеисландской «Саге об Ингваре», грузинской летописи «Картлис Цховреба», армянской летописи Степаноса Орбеляна «История страны Сюник», рунических камнях, что дает основание для всестороннего его изучения. В грузинской летописи «Картлис Цховреба» описывается борьба за власть грузинского царя Баграта IV с Липаритом в 40-х гг. XI в. На основе изучения этой летописи и других источников можно сделать вывод, что Ингвар и его дружина, помимо того, что своими набегами захватили огромное количество ценностей на этих территориях, участвовали во внутренней борьбе царей за власть, что является показателем мощи этого похода и высокого уровня военной культуры скандинавов.

Проблему столкновений и вооруженных конфликтов викингов и арабов необходимо рассматривать с помощью комплексного подхода. Вооруженные конфликты активизировали скорее деструктивные, нежели созидательные процессы для этих двух цивилизаций. Огромное количество жертв с обеих сторон, человеческая жестокость, разрушение материальных и духовных ценностей, страдания обычных людей показывают, что эгоистическое желание политических элит завладеть большими территориями, возможно, разрушило эти две великие цивилизации. Это особенно актуально в наше время. Арабы и викинги имели много схожего в области военной культуры: защитное снаряжение, высокий уровень разработки различных военных хитростей (ложное отступление, заманивание врага в заранее подготовленные ловушки, использование особенностей рельефа). У викингов крайне популярным был прием «притвориться мертвым», чтобы оказаться в тылу у увлекшегося наступлением противника. И те, и другие были настоящими мастерами по этой части. И, соответственно, были готовы к любым сюрпризам с другой стороны. Но, несмотря на схожие черты в их военной тактике, нельзя говорить о доминировании между норманнами и арабами дружественной миролюбивой политики. Периодически между ними происходили крупные вооруженные столкновения. Поэтому только работа с литературой, обязательно различных авторов, с разнообразными хрониками и источниками, сопоставление исторических фактов и их анализ призваны дать возможность сформировать более объективное представление о событиях того времени, поскольку зачастую факты, которые описываются арабскими авторами, носят субъективный характер. В них показывается трагизм набегов, представляются только в негативном свете норманны, вооруженная сторона взаимодействия выглядит неполной. Более объективно показывают эти события западноевропейские источники, но, к огромному сожалению, этих источников крайне мало. Именно поэтому проблему конфликтов викингов и арабов необходимо рассматривать с разных сторон, используя комплексный подход и метод междисциплинарного синтеза. Именно при анализе событий и фактов прошлого исследователю предоставляется возможность увидеть ошибки

как в действиях исторических особ, так и во внешней политике государств и сделать необходимые для современности выводы, в том числе и при решении вопроса вооруженных конфликтов.

Другой важной стороной взаимодействия викингов и арабов являются экономические отношения и активный товарооборот между ними. Об активной торговле между викингами и арабами свидетельствует много фактов, но основное доказательство – это археологические находки, упоминания восточных и скандинавских авторов, рунические камни и др. Грамотное установление и дипломатическое укрепление торговых путей обеспечивает постоянный приток золота и серебра, постоянный обмен и взаимодействие культур посредством экономики. Например, персидский шелк, который прибывал к викингам с территории Востока через торговые пути, являясь ценностью арабской культуры, стал ценностью и северной культуры. Т. е. через экономическую сферу жизнедеятельности общества происходило и культурное взаимовлияние, приобщение одних народов к традициям других. Еще одна важная позитивная составляющая установления торговых отношений между арабами и викингами – это обмен посольствами. На основании исследования разнообразных источников можно сделать вывод, что торговля играла важную роль в их взаимоотношениях.

Подводя итог, можно заключить, что контакты викингов и арабов в раннем средневековье носили активный характер. Взаимовлияние арабов и викингов также вносило изменения в жизненный уклад подчиненных им территорий. В рассматриваемый период отношения викингов и арабов содержали элементы мультикультурности, исследование которой приобретает все более актуальный характер. Именно поэтому тематика взаимодействия арабской и норманнской цивилизаций нуждается в дальнейшем изучении и рассмотрении.

Контакты арабской и норманнской цивилизаций не сводилось лишь к войне и торговле, а включали в себя культурное сотрудничество и обмен религиозным опытом. Находясь в тесном контакте с представителями другого мира, люди открывали для себя новые способы жизнедеятельности, новый мировоззренческий опыт со специфической культурой и религией. Часто происходило непонимание и неприятие, но были и те, кто воспринял эту специфику, перенимал чужой культурный опыт или его части в свою жизнь. Основываясь на множестве данных, мы можем даже говорить о принятии некоторыми викингами ислама. Археологические данные свидетельствуют о том, что викинги перенимали у арабов особенности досуга. Так, норманны заимствовали у арабов шахматы. Скандинавские женщины, поражая своей красотой, вдохновляли арабских авторов на написание стихов, которые сохранились до наших дней и являются достоянием восточной поэзии. Помимо этого, ярким показателем их взаимодействия является появление нового архитектурного стиля – арабо-норманнского, свойственного исключительно Сицилии. Стремясь понять и перенять лучшие традиции и чужой успешный опыт, скандинавы и арабы взаимодействовали и влияли на культуру друг друга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аль-Газаль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://amalgrad.ru/viewtopic.php?id=1601>. – Дата доступа: 16.09. 2019.

2. Арабо-нормандский стиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wiki-org.ru/wiki/Арабо-нормандский_стиль. – Дата доступа: 17.09.2019.

3. В древнейшем городе Норвегии археологи нашли редкую шахматную фигуру в «арабском» стиле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sport.rambler.ru/chess/39023900-v-drevneyshem-gorode-norvegiiarheologi-nashli-redkuyu-shahmatnuyu-figuru-v-arabskom-stile/>. – Дата доступа: 12.09.2019.
4. Симпсон, Ж. Викинги. Быт, религия, культура / Ж. Симпсон ; пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. – М. : Центрполиграф, 2005. – 460 с.
5. Викинги и мусульмане – Абдул-Вахед Ниязов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abdul-vakhed.livejournal.com/108513.html>. – Дата доступа: 14.09.2019.
6. Гуревич, А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги / А. Я. Гуревич. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 352.
7. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. – С. 212.
8. Цивилизация арабов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kek.ksu.ru/Student/Islam/oglav.html>. – Дата доступа: 12.09.2019.
9. Шахматы (легенды, история возникновения, правила игры) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отдых.челсити.рф/отдых-дома/хобби/369шахматы-легенды,-история-воз%25>. – Дата доступа: 12.09. 2019.
10. Ярошенко, А. А. Религиозное взаимодействие викингов и арабов / А. А. Ярошенко // Религия и общество – 12 : сб. науч. ст. / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 261–263.
11. Ibrahim ibn Yaqub [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Ibrahim_ibn_Yaqub. – Дата доступа: 21.10.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.10.2019

Lahunouskaya A. A., Yaroshenko A. A. Religious and Cultural Factors in the Process of Social Interaction between Vikings and Arabs

The article analyzes the mutual influence of religious and cultural values on the social relations between the Scandinavian and Arab ethnic communities. The influence of cultural and religious factors on the formation and course of political, diplomatic, trade relations, the formation of their characteristics between Western and Eastern civilizations is considered. The phenomenon of acceptance of monotheistic religion by Normans is studied. Turning to the analysis of the free transition of the Vikings to Islam, the emphasis is placed on peaceful, allied relations, in contrast to the prevailing point of view about the predominant action of military diplomacy of the Normans. The set of factors influencing this process is investigated. The unique forms of interweaving of Northern European and Eastern styles in architecture, literature, game culture, forms of leisure, etc. are considered. The prospects for further research on this topic are Outlined.

УДК 637.148(1-07) (476.7)

А. Ю. Бодак¹, Е. И. Пашкович²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²канд. ист. наук, доц., зав. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ¹bodak1961@yandex.by; ²genhist@brsu.brest.by

ИСТОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА МОРОЖЕНОГО В Г. БРЕСТЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Прослежен процесс восстановления производства молочной продукции после войны и динамика развития этой отрасли пищевой промышленности. Темпы роста прибыльности, расширение ассортимента выпускаемой продукции делали производство мороженого одной из главных социальных задач, которые стояли перед местной экономикой, и эта задача решалась успешно.

Производство мороженого в г. Бресте берет начало еще в период, когда город находился в составе Польши, а продукт производился силами маленьких кустарных артелей. С приходом Советской власти все они были объединены в единую, находившуюся под контролем государства структуру, во главе которой встал созданный на базе национализированного городского молокозавода. Это было успешно работающее предприятие, что отмечали официальные документы.

При отступлении немецких войск в 1944 г. Брестский гормолзавод, эффективно и успешно работавший в 1939–41 гг., был взорван 28.07.1944 группой немецких солдат и офицеров. Было полностью уничтожено все оборудование и машины для изготовления молочной продукции и мороженого. Уже 10.09.1944 заводская комиссия в составе директора Андрея Ивановича Новаковича, счетовода Нины Иосифовны Садовской, мастера Василия Григорьевича Кравчука и представителя Брестского райисполкома составили акт об ущербе заводу по адресу ул. 17 Сентября, 20, оценив его в сумму 82 тыс. 630 руб. Согласно акту ЧГК от 14.09.1944 общий ущерб составил 226 тыс. 178 руб. [9, л. 37].

Производству вкусного и полезного продукта руководство СССР уделяло большое внимание. В условиях военного времени и послевоенного лихолетья люди имели право на хотя бы частичную компенсацию своих страданий. Мороженое – продукт недорогой, доступный, вкусный и питательный – как нельзя лучше подходил в этих условиях простому человеку, доставляя ему удовольствие в тогдашней бедноватой жизни. Об этом заявлял нарком пищевой промышленности А. И. Микоян. Летом 1945 г. в приказах по наркоматам мясной и молочной промышленности СССР и БССР прямо отмечалось: «Производству мороженого придается в настоящее время исключительно серьезное значение, и это задание нужно рассматривать как задание, имеющее важное народно-хозяйственное значение». Планы по его производству постоянно повышались, но их реализация упиралась в нехватку оборудования и перебои с поставками молока: крестьянство, которое должно было снабжать молокозаводы сырьем, только приходило в себя от последствий войны.

В 1944–46 гг. выпуск мороженого производился Брестским областным трестом молочной, маслодельно-сыродельной и казеиновой промышленности (облмаслопромтрест) Главного управления молочной, маслодельно-сыродельной и казеиновой промышленности (Белглавмаслосырпром) Наркомата мясной и молочной промышленности БССР.

Брестский гормолзавод в описанный период находился по адресу ул. 17 Сентября, 20, маслосырзавод – по адресу ул. Гоголя, 22. Несмотря на разрушения части производства, был определен план по производству мороженого на ноябрь – декабрь 1944 г. в объеме 7 ц [10, л. 3]. В условиях разрушенного производства плановые показатели не могли быть выполнены, и за 1944 г. было произведено 0,6 ц мороженого, и то, вероятнее всего, не на производстве, а кустарным способом [11, л. 15].

Согласно планам на 1945 г. Брестский гормолзавод должен был выпустить 70 ц мороженого (по области). Однако из-за плохих закупок молока и отсутствия тары план был выполнен только на 67 % (46,9 ц) [14, л. 2]. При этом в Бресте за 1945 г. было произведено 27,3 ц молочной продукции [14, л. 72]. В 1945 г. Брестский завод получил от населения 7 544,72 ц молока, из них на мороженое пошло 8,1 ц. От продуктов переработки молока из 441,5 ц на мороженое ушло 6,37 ц [14, л. 80].

Согласно приказам по наркоматам мясной и молочной промышленности СССР и БССР и управлению маслодельно-сыродельной промышленности на 1945 г. был установлен следующий ассортимент мороженого для населения: 1) мороженое, вырабатываемое с применением сахара (молочное, сливочное и пр.); 2) мороженое, вырабатываемое без применения сахара (молочное, сывороточно-альбуминное и пр.); 3) суфле глясе. При этом уже в июне 1945 г. ставилась задача произвести 20 ц коммерческого мороженого для розничной продажи [12, л. 48]. Руководство отрасли отмечало: «Руководителей, уклоняющихся от производства мороженого, предлагалось привлекать к уголовной ответственности. Принять меры по реализации на базарах, ларьках, лотках, поездах, театрах, кино и пр. Разрешается вырабатывать мороженое с вафлями и применять для его производства сахар в количестве 15 % без сахарина. Гильзы получить 25 штук в главснабе» [12, л. 48].

В соответствии с указаниями НКФ СССР от 18.07.1945 № 28-66 при отпуске с предприятий мороженого в нефасованном виде торгующим организациям предоставлялись скидки 7 % с розничной цены, а стоимость вафель для расфасовки оплачивалась покупателем по единым поясным розничным ценам по прейскурантам от 02.09.1940. БССР находилась во втором поясе вместе с Москвой, Ленобластью, Тулой, Смоленском, Рязанью. Согласно приказу по наркоматам мясной и молочной промышленности СССР и БССР и управлению маслодельно-сыродельной промышленности № 28-66 мороженое, фасованное в вафельные стаканчики, предоставлялось торговым организациям со скидкой в 5 %, а нефасованное – со скидкой 7 % [12, л. 78].

Согласно прейскуранту от 2 сентября 1940 г. 1 000 шт. резаных вафельных листов для мороженого весом 0,4 кг стоили 21 руб.; 1 000 шт. листов весом 0,5 кг – 20 руб.; 1 000 шт. листов весом 1 кг – 18,8 руб. Конусовидные стаканчики стоили 17,8 руб., вафельные трубочки – 12,5 руб. [12, л. 79].

Восстановление разрушенного Брестского гормолзавода осуществлялось согласно приказу № 185 по главному управлению маслодельно-сыродельной промышленности БССР от 25.08.1945 «О строительстве Брестского гормолзавода»: «Строительство идет совершенно неудовлетворительно. Руководство облтреста ссылается на хладопромстрой и устранилось от руководства новостройкой, хотя в основном хозяином строительства и распорядителем кредитов является неуполномоченный хладопромстрой Васильков. Возложить на управляющего Брестским трестом Потемкина непосредственный контроль и руководство строительством и ежедекадно докладывать. Не позднее 1 сентября доложить руководителю главного управления о выполнении указаний по строительству, в августе выделить 500 кг бензина и предупредить Потемкина

об ответственности» [12, л. 91]. В результате неудовлетворительного исполнения приказа о строительстве Брестский гормолзавод долгое время ютился в не соответствующих назначению помещений в антисанитарном состоянии. Согласно показаниям инспекции на предприятии «роились мухи, была грязь, стены были покрыты плесенью» [12, л. 94].

Несмотря на трудности, в 1945 г. было восстановлено производство мороженого на маслосырзаводе (ул. Гоголя, 22) и гормолзаводе (ул. 17 сентября, 20) [11, л. 44].

Продаже мороженого уделялось настолько пристальное внимание руководством страны, что прописывались даже детали реализации продукта. 13 марта 1945 г. появился приказ по наркомату маслопрома СССР № 261/86 «О торговле мороженым в 1945 г.». Согласно приказу до 10 апреля 1945 г. приказывалось отремонтировать точки продаж (в палатках, кафе, буфетах, кинотеатрах и др.). Предполагалось выпускать мороженое по довоенной рецептуре, согласно которой сухих веществ – не менее 28 %, фруктовое – не менее 23 %. При производстве мороженого было необходимо добавлять ванилин в количестве 15 г на 1 ц (таблица).

Таблица. – Типовые рецепты молочного мороженого, кг на 1 т [12, л. 13].

Сырье	№ 331	№ 332	№ 333	№ 334	№ 335	№ 336
Молоко цельное (жир. 3,2 %, сомо 8 %)	–	–	500	–	814	801
Масло сливочное (жир. 82,5 %)	43,7	19	24	43	–	–
Сливки (жир. 36 %, сомо 5 %)	–	62	–	–	28	23
Молоко сухое обезжиренное (сомо 93 %)	52	–	70	113	–	–
Молоко сгущенное цельное (жир. 8,5 %, сомо 20 %, сахар 43 %)	–	238	–	–	–	–
Молоко сгущенное обезжиренное (сомо 24 %, сахар 43 %)	240	–	–	–	–	–
Творог нетоварной обезжиренный (сухих веществ 25 %, кислотность по Тернеруне более 200°)	–	–	–	–	32	40
Яйцо (жир. 10,5 %, сухих веществ 26,3 %)	–	–	–	–	–	20
Сахар	–	–	101	101	101	101
Мука пшеничная (сухих веществ 85 %)	–	–	–	–	40	30
Агар-агар	3	3	3	3	–	–
Сахарин	0,1	0,1	0,1	0,1	–0,1	–0,1
Вода	676,3	693,60	316,6	755	–	–

При производстве мороженого допускалась заменяемость продуктов с сохранением процентности жира. Агар-агар предлагалось заменять желатином (5 кг на 1 т), крахмалом (20 кг на 1 т), пшеничной мукой (20 кг на 1 т) [12, л. 14].

Мороженое выпускалось с наполнителями: ванилином (0,015 %) – «Молочно-ванильное»; какао-порошком (2 %) – «Молочно-шоколадное»; кофе (2 %) – «Молочно-кофейное»; ореховым ядром (6 %) – «Молочно-ореховое»; миндалем (6 %) – «Молочно-миндальное»; клубникой, малиной, смородиной (10 %) – «Молочно-фруктовое»; цукатами (8 %) – «Молочно-цукатное» [12, л. 14].

Производству и продаже населению мороженого придавалось значение важнейшего государственного мероприятия, которое, безусловно, знаменовало переход страны к мирной жизни. С мая 1945 г. нарком молочной промышленности Смирнов ввел премирование директоров, технических руководителей и персонала за выполнение и перевыполнение плана. Нарком мясомолпрома БССР Мельников в приказе от 17.05.1945 предлагал руководителям «принимать все меры по максимальной выработке. Лично

ежедневно контролировать предприятия, обеспечивать молоком, сливками, сахаром, увеличить количество торговых точек. За выполнение плана несете личную ответственность. Один раз в 5 дней телеграфировать выработку» [12, л. 27].

С 1946 г. по 11.03.1953 производство мороженого находилось в ведении Брестского областного треста маслодельно-сыродельной промышленности Главного управления маслодельно-сыродельной промышленности Министерства мясной и молочной промышленности БССР, с 11.03.1953 по 30.10.1953 – Брестского областного треста маслодельно-сыродельной промышленности Главного управления маслодельно-сыродельной промышленности Министерства легкой и пищевой промышленности БССР, а с 30.10.1953 по 10.07.1954 – Брестского областного треста маслодельно-сыродельной промышленности Главного управления маслодельно-сыродельной промышленности Министерства промышленных и продовольственных товаров БССР.

Ведомственные и кадровые изменения в 1946 г. коснулись и руководителей Брестского гормолзавода. 06.05.1946 управляющим Брестским облтрестом «Маслопром» становится Николай Георгиевич Ендольцев, бывший директор Брестского гормолзавода [15, л. 21]. Согласно его отчету за 1946 г. было реализовано 104,4 ц мороженого [16, л. 7].

Однако уже в 1947 г. планы по производству мороженого были увеличены до 200 ц в год [13, л. 1]. Но в 1947 г. на заводе реально было произведено 288 ц. Однако невыполнение плана в целом по тресту было хроническим. Причина такого положения дел кроется в постоянном завышении плановых показателей по производству молочного мороженого, которое не пользовалось спросом (большей популярностью пользовалось сливочное мороженое). Поэтому молокозавод нарушал плановые задания – уменьшал производство молочного и повышал производство сливочного.

Для успешной реализации продукции немаловажным был фактор материальной заинтересованности торговых работников, которые занимались продажей мороженого. Согласно приказу министров мясной и молочной промышленности СССР и БССР и управления маслосыродельной промышленности БССР № 415 от 28.04.1947 с 1 мая по 1 октября 1947 г. вводился новый порядок оплаты труда продавцов мороженого в зависимости от места, отведенного для продажи, при этом с каждой 1 000 руб. оборота предполагались скидки по трем группам: 1-я группа – 10 руб., 2-я – 13 руб., 3-я – 16 руб. В приказе предусматривалась выплата только за реализованное мороженое. Других доплат продавцам не предусматривалось.

Потребность в мороженом у людей продолжала нарастать. На 1948 г. по Брестской области планировалось выпустить уже 500 ц (350 ц фасованного и 150 ц нефасованного) в следующем ассортименте: «Молочное» – 250 ц, «Сливочное» – 50 ц, «Фруктово-ароматное» – 125 ц, «Шоколадное» – 50 ц, «Эскиммо» без глазури – 25 ц [17, л. 6].

На 1952 г. в городе предполагалось наряду со сливочным и молочным мороженым выпускать еще фруктовое и ароматное [19, л. 2]. Однако производство этих сортов так и не было налажено, хотя в плановые показатели цеха их регулярно включали. Со временем расширялись производственные мощности завода, это требовало большего количества работников. В 1951 г. на Брестском гормолзаводе работали 44 человека.

Тогда же продолжалось развитие торговой сети, где можно было реализовать продукцию цеха мороженого. Оно приносило стабильный доход, и поэтому сеть продажи постоянно расширялась. В 1952 г. брестское мороженое реализовывалось в ОРСовских магазинах, тресте «Желдорресторан», ресторане «Беларусь», военторгах Бреста, Пружан и других торговых точках. Всего по городу было реализовано 164 т [18, л. 33].

Однако население города устойчиво росло, естественно, увеличивалось потребление молокопродуктов. Нельзя также забывать, что в первое послевоенное десятилетие часть продукции горьмолзавода планомерно уходила в Ленинград, причем поставки ее неуклонно росли; периодически часть продукции уходила в Москву. Исходя из этого в 1952 г. было принято решение о строительстве нового, более мощного горьмолзавода по улице 1 Мая, 116 (сейчас ул. Карбышева, 116). Строительство завода затянулось до 1959 г., и все эти 7 лет горьмолзавод работал по адресу ул. Ленина, 90 [22, л. 34]. Новый завод повышал производительность до 5 000 т молочной продукции, и при нем должен был заработать новый цех мороженого [21, л. 3]. В 1953 г. руководство треста «Маслопром» отмечало: «До окончания строительства сроком на 2 года придется работать на старом заводе. Намечается построить новый цех мороженого и для его оборудования необходимо приобрести маслоизготовитель 160/400 литров одна штука» [21, л. 4]. Справедливости ради приходится отметить, что за два года строительство не закончилось. Средства постоянно перебрасывались на другие объекты, и стройка затянулась до 1959 г.

В августе 1954 г. директору Брестского горьмолзавода Лещеву и инженеру-технику Гольдберг пришел приказ по облтресту «Маслопром»: «Мороженое, кефир, сырники и сырковая масса производится в недостаточном количестве, хотя спрос имеется. Помещение цеха мороженого не отремонтировано, и производство идет в ненадлежащих условиях». Согласно приказу ремонт и подготовку цеха мороженого нужно было закончить к 15.02.1954, а силовое и технологическое оборудование – до 01.03.1954 [23, л. 14–15].

На январь – февраль 1954 г. планировалось ежедневно производить мороженого не менее 150 кг. Руководству завода за невыполнение приказа был объявлен выговор, а в случае дальнейшего невыполнения были «предусмотрены более строгие меры наказания» [23, л. 14–15]. Для выполнения плана по производству мороженого на заводе стали систематически привлекать сотрудников к работе в выходные и в сверхурочное время. Например, мастер мороженого цеха В. И. Жило за сверхурочную работу получил 75 руб. [23, л. 35]. Однако, невзирая на все усилия работников завода, в этот период ситуация с выполнением плана по производству мороженого продолжала оставаться сложной. Так, в августе 1954 г. Брестский горьмолзавод из-за неудовлетворительной заготовки молока сорвал план производства мороженого. В мае было произведено только 79,6 %, в июне – 84,4 % плана [23, л. 186]. Районные заводы пытались составлять конкуренцию. Например, в 1954 г. Брестский горьмолзавод выпустил молочного мороженого 1 030,4 ц, сливочного – 351,72 ц, а в Пинске в том же году выпустили 704 ц этого продукта [24, л. 8 об.].

На строительство цеха мороженого в новом заводе выделялось не более годовой нормы в 15 тыс. руб. Полная сметная стоимость завода составляла 296,4 тыс. руб., из них на холодильное оборудование – 1 млн 376 тыс. руб. [25, л. 1]. В 1956 г. в цехе мороженого появилась душевая [27, л. 50].

В 1955 г. ситуация с невыполнением плана продолжалась из-за того, что, как было сказано выше, народ не хотел есть молочное мороженое, а тяготел к сливочному. План по молочному мороженому систематически завышался, игнорировался спрос населения. Руководство завода учитывало этот фактор и повышало производство сливочного, хотя за это особого поощрения завод не получал. В условиях падения спроса на молочное мороженое (в 1955 г. население не раскупило 28,6 т этого мороженого), руководство завода наказывалось и предлагало увеличить производство сливочного мороженого, мотивируя это высоким спросом [26, л. 39]. Молзавод перевыполнил план 1955 г. (106,5 %) за счет сливочного мороженого, при том что «молочное мороженое

тянуло назад», и был сорван план по фруктово-ягодному мороженому» [26, л. 159, 175]. Следует отметить, что с выполнением плана по производству фруктового мороженого в течение последующих лет имелись постоянные проблемы: оно либо не производилось, либо производилось в меньшем от плановых показателей количестве. В 1955 г. на заводе были установлены полуавтоматы для выпуска вафельных стаканчиков [26, л. 56].

В конце 1950-х гг. КПСС объявила о начале перехода к строительству коммунистического общества. Производство мороженого в этом смысле приобретало стратегическое значение. Вкусный и полезный продукт, который никогда не залеживался на прилавках, был в какой-то смысле символом комфорта и процветанием общества. В условиях огромного дефицита различных товаров, в т. ч. продовольственных, это было главное доступное лакомство, которое, ко всему прочему, добавляло удовольствия в нехитрой повседневной жизни людей того время. О внимании, которое уделяло мороженому руководство республики в то время, свидетельствуют такие цифры: 7-летний план предусматривал производство мороженого: 1959 г. – 450 т, 1960 г. – 500 т, 1961 г. – 510 т, 1962 г. – 550 т, 1963 г. – 580 т, 1964 г. – 620 т, 1965 г. – 650 т. Насколько это много или мало, свидетельствует тот факт, что Брестский завод (из 20 молочных заводов области) должен производить до 50 % плановой продукции [28, л. 17, 43].

1959 г. стал определенным рубежом в развитии Брестского молокозавода. Руководство Брестского ГМЗ 14 июля 1959 г. прекратило работу (кроме цеха мороженого) на старом предприятии, переехало на новое [29, л. 85]. Однако руководство облтреста издало приказ, согласно которому из-за массы «неделок», в т. ч. «в производстве мороженого», «к 27.07 все исправить, наладить до 1 августа работу фризера для расфасовки мороженого, эскимогенератора и с 1 августа начать выработку мороженого на полную производственную мощность на новом заводе. Вместе с тем продолжать выработку на старом заводе» [29, л. 86].

Поскольку новый завод значительно увеличил количество рабочих и сотрудников, надо было решить жилищный вопрос. На основании приказа треста «Маслопром» от 23.06.1960 Брестскому ГМЗ был передан 16-квартирный жилой дом треста по ул. К. Маркса, 3. С 1961 г. в руководство завода входили: Вера Ивановна Акуленко, заведующий производством В. С. Акимова (с 01.01 по 07.06.1961; с 15.08.1961 – Нелли Иосифовна Стомова), главный бухгалтер Порфирий Егорьевич Чучков (с 01.01 по 01.09.1961); с 01.09.1961 – Иван Сергеевич Кабадейцев [30, л. 157].

В 1961 г. в цехе мороженого были увеличены холодильные емкости закалочной камеры с 750 кг в смену до 1 500 кг в смену [30, л. 157].

Получив новые мощности, Брестский ГМЗ в 1961 г. фактически произвел 205 т мороженого, причем наконец-то мнение руководства завода было учтено: сливочного мороженого было произведено 156,1 т, а молочного – 48,9 т (для сравнения: в 1960 г. сливочного было выпущено 98,1 т, а молочного – 96,2 т) [20, л. 27]. В 1962 г. Брестский ГМЗ выпустил 200 т мороженого, из них 50 – молочного (10 т в брикетах, 31 т в вафельных стаканчиках, 9 т весового), 150 т сливочного (120 т в вафельных стаканчиках без начинки, 10 т с наполнителем, 10 т эскимо, 10 т весового) [32, л. 32]. То, что производство продукции учитывало динамику спроса населения, подтверждают поквартальные показатели в 1962 г.: 14,3/92/80/13,7 т [32, л. 32].

В 1962 г. завод выпускал продукцию в следующем ассортименте: сметана (в т. ч. весовая); сырки (сладкие 15,5 %; сладкие 7 %, с ванилином, шоколадные, с изюмом, глазированные, детские); сыр белорусский клинковый; снежок; брынза (начался выпуск с 1962 г.); мороженое молочное (в брикетах, вафельных стаканчиках,

весовое), сливочное (в вафельных стаканчиках, эскимо, весовое); кисломолочная продукция (кефир, ацидофилин, простокваша, кумыс, пищевая пахта); творожно-сырковая продукция нежирная (сырки сладкие, сырковая масса); масло (кислосливочное соленое и несоленое, сладкосливочное несоленое); сыр жирный (голландский круглый и брусковый, костромской, степной, угличский, ярославский, эстонский); цельномолочная продукция (цельное молоко бутылочное, с витамином С); диетпродукция (кефир, ацидофилин, ацидофильное молоко, простокваша, минская простокваша); сливки (20 %, 30 %, бутылочные); творог (18 %, 9 %, в том числе фасованный) [31, л. 26–28].

В 1968 г. было выпущено 221,6 т, в 1969 г. – 470 т, в 1970 г. – 535,6 т мороженого. В эти годы в цехе мороженого и вафельном цеху работали начальник ПТО В. И. Стомов, микробиолог Е. П. Милошевская, рабочая Веремчук, мастер цеха Нина Исаевна Здвижкова. Нина Исаевна активно работала над улучшением качества вафельных стаканчиков. В то время их качество зачастую оставляло желать лучшего, и их зачастую пускали на производство панировочных сухарей, а для фасовки продукта применяли стаканчики бумажные. Она же в 1975 г. предложила рациональное использование площади камеры хранения мороженого. Сотрудники цеха участвовали в движении рационализаторов и изобретателей. Так, инженер М. И. Манайчук в начале 1964 г. представил и реализовал проект изготовления полуавтомата для заворачивания мороженого в вафельных стаканчиках. В 1963 г. повысили свои разряды заворачивщик-укладчик Н. Е. Федосеенко и рабочая по выпечке вафель Н. П. Якубовская. В 1965 г. рабочая цеха Раиса Алексеевна Бочарова была представлена на городской Доске Почета за перевыполнение плана и хорошее качество работы.

В середине 1970-х гг. коллектив цеха мороженого составляли: глазировщик мороженого вручную (1), при помощи машин (4); закальщик мороженого вручную (1), при помощи машин (5). Через их руки в 1975 г. прошло 637 т мороженого (при плане 620 т), в 1976 г. – 715 т (при плане 650 т), в 1977 г. – 746 т (при плане 700 т).

К этому времени Брест разросся еще больше. Численность его жителей превысила 150 000 человек. Прежний молокозавод уже не мог покрыть всех потребностей ценителей его продукции. Поэтому в 1976 г. на карте города по улице Янки Купалы появилась новостройка – новый городской молокозавод. При этом старый завод по улице Карбышева, 119 продолжал полноценно работать, и производство мороженого было сосредоточено в его помещениях. Архивные документы упоминают действовавшего директора завода Евгению Дмитриевну Григорьян (позже она заняла пост заместителя директора Гормолкомбината Б. И. Капитонова), главного инженера М. И. Чеботаревич, главного бухгалтера З. А. Напольских, старшего инженера-микробиолога Э. И. Хомич.

После открытия завода на ул. Янки Купалы цехом мороженого, оставшимся на прежнем заводе, руководила уже упоминавшаяся Нина Исаевна Здвижкова. При ней цех мороженого достиг пика своего развития. Девизом ее жизни была фраза «Для чего голова? Чтобы соображать». Неофициальным заместителем Н. И. Здвижковой была Лилия Михайловна Засимук – мастер цеха мороженого. В том же году цех мороженого командировал своих специалистов на минский хладокомбинат учиться механизации производственных процессов и изменению способа укладки фасованного мороженого [1, л. 10].

В 10-й пятилетке (1976–1981 гг.) имел место спор руководства завода с планирующими организациями. Дело в том, что далекие от практических производственных вопросов плановики постоянно резко завывали план. В итоге руководство завода констатировало, что в 1976 г. вместо запланированных 2 100 т было реально произведено 1 796 т. И они просили снизить план на 600 т [4, л. 68]. В том же году руководство гор-

молзавода отдельно попросило Минмясомолпром БССР о приведении плана производства мороженого в соответствие с его реализацией [2, л. 14].

В том же году завод по ул. Карбышева, 119 выпускал мороженого в количестве 1,1 т за одну смену [3, л. 14].

В 1980 г. в связи с тем что в СССР прошла Олимпиада и через Брест в СССР хлынули толпы туристов, брестские мороженщики не остались в стороне и произвели 900 т вкусного продукта (при плане в 820 т) и при этом заметно расширили его ассортимент. Тогда были выпущены мороженое «Сливочное с плодами и ягодами», сливочное «Снегурочка», «Сливочное шоколадное», «Крем-брюле», «Сливочное без наполнителя», «Пломбир без наполнителя», пломбир «Крем-брюле» [5, л. 34–35].

В 1984 г. цехом были освоены новые сорта мороженого «Гуна» и «Полюс» с использованием плодово-ягодных сиропов. Также была механизирована загрузка контейнеров с мороженым в закалочную камеру. Всего за год было выпущено 2 738 т. Ассортимент в этом году выглядел следующим образом: «Гуна» (весовое и фасованное), сливочное без наполнителя (весовое и фасованное), сливочное «Снегурочка» (весовое и фасованное), сливочное Крем-брюле (весовое и фасованное), сливочное с плодами (весовое и фасованное), сливочное «Полюс» фасованное, пломбир Крем-брюле (весовое и фасованное), пломбир без наполнителя (весовой и фасованный), сливочное «Морозко» фасованное [6, л. 20].

На 1985 г. было запланировано производство 2 780 т продукции при ассортименте: сливочное без наполнителя (весовое и фасованное), сливочное «Снегурочка» (весовое и фасованное), сливочное «Крем-брюле» (весовое и фасованное), сливочное шоколадное (весовое и фасованное), сливочное с орехами (весовое и фасованное), пломбир без наполнителя (весовой и фасованный). Тогда же на заводе была внедрена новая линия по производству итальянского мороженого «Дерби»-300, которая позволила выпускать 6–7 т мороженого за смену. Руководила установкой новой линии все та же Н. И. Здвижкова. Линия позволила выпускать мороженое на палочке впервые в Беларуси. Стоимость новой линии окупилась за три года работы. С ее применением в 1986 г. было произведено 1 716 т продукции. При уменьшении объема производства ассортимент выпускаемой продукции заметно вырос. Тогда покупатели видели на прилавках магазинов такие виды вкусной продукции, как: «Ленинградское», сливочное без наполнителя (весовое и фасованное), сливочное без наполнителя «Дерби», сливочное с орехами (весовое и фасованное), сливочное с орехами «Дерби», сливочное шоколадное (весовое и фасованное), сливочное шоколадное «Дерби», сливочное крем-брюле (весовое и фасованное), сливочное крем-брюле «Дерби», сливочное с плодами (весовое и фасованное), сливочное с плодами «Дерби», сливочное «Полюс» (весовое и фасованное), сливочное «Полюс» «Дерби», молочное «Гуна» фасованное, молочное «Гуна» «Дерби», пломбир без наполнителя (весовой и фасованный), пломбир без наполнителя «Дерби», пломбир крем-брюле (весовой и фасованный), пломбир крем-брюле «Дерби» [7, л. 152].

В заключительный период Перестройки многие отрасли пищевой промышленности оказались в сложной ситуации. Некоторая часть их начала сокращать производство вследствие того, что в страну хлынули товары иностранного происхождения, кроме того, начала снижаться покупательная способность населения. В этих условиях брестские мороженщики не падали духом и продолжали исправно снабжать брестчан и гостей города привычным и любимым лакомством. В 1988 г. было выпущено 2 027 т, а в 1990 – 2 277 т мороженого, и его производство в начале непростые 1990-е гг. снижено незна-

чительно [8, л. 90]. В итоге к 1994 г. сфера производства любимого народом продукта работала динамично и без сбоев.

В завершение было бы уместно вспомнить добрым словом работников цеха, которые остались в народной памяти и внесли свою лепту в его кропотливую работу. Это мастер Валентина Ивановна Федорук, которая была первым руководителем цеха мороженого и, хотя не имела специального образования, хорошо справлялась со своими обязанностями; бригадир Александра Хомякова, под руководством которой была переделана линия по заливке мороженого в вафельные рожки (была премирована автомобилем «Волга», о ней была опубликована статья, написанная корреспондентом ТАСС). Большой вклад в развитие завода внесла главный механик Нина Викторовна Белоносова. Она в идеале знала английский язык и вместе с механиками завода смогла перевести технический паспорт новой линии и произвести ее запуск. Свой след в истории завода оставили: лаборант Татьяна Петровна Богданова, председатель профсоюзного комитета, которая работает и по сей день; микробиолог Надежда Тимофеевна Кирилук; механик Владимир Михайлович Осепчук; электрик Михаил Михайлович Осепчук; электрик Александр Васильевич Богуш; экспедитор Сергей Николаевич Жолнерук; Татьяна Петровна Олещук; заведующий производством Светлана Сергеевна Нестерович; главный технолог Тамара Сергеевна Тарасюк; оператор Мария Петровна Сатюк; Евдокия Семеновна Кузьмич; Тамара Петровна Королюк; Сливко; работники вафельного цеха Надежда Никифоровна Шаринда и Надежда Андреевна Король (ее называли «королева наша»); начальник цеха с 1991 г. Софья Степановна Самуйлич; Иван Петрович Наумчик, при котором произошло отделение цеха мороженого от молочного завода и было образовано ОАО.

Таким образом, производство мороженого на предприятиях Бреста остается динамично развивающимся и имеет долгосрочные перспективы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 86.
2. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 280.
3. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 290.
4. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 292.
5. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 681.
6. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 697.
7. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 739.
8. ГАБр. – Ф. 1610. Оп. 1. Д. 832.
9. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4.
12. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10.
16. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 14.
17. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 22.
18. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 26.
19. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 55.

20. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 56.
21. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 64.
22. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 67.
23. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 78.
24. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 81.
25. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 82.
26. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 109.
27. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 123.
28. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 184.
29. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 202.
30. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 286.
31. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 301.
32. ГАБр. – Ф. 1178. Оп. 1. Д. 302.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.10.2019

Bodak A. Yu., Pashkovich E. I. The History of the Production of Ice-Cream in Brest in Postwar Years

The article is devoted to the history of the production of ice cream in Brest in the post war period. The authors followed the process of restoration of production after the war and the dynamics of the development of this food industry. The authors prove that the growth, profitability and expansion of the range of products made ice cream production one of the most important social problems that faced the local economy, and this problem was successfully solved.

УДК 94 (476)

А. Н. Свирид

канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: raven_raven@mail.ru

**КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКОГО ОБРЯДА
В НОВОГРУДСКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1923–1939 гг.**

Рассматривается ситуация в Новогрудском воеводстве в период вхождения белорусских земель в состав Польского государства. Католическая церковь имела несколько проектов возрождения унии на этой территории. Возрождение унии в Западной Беларуси под руководством римско-католических bishops происходило на догматической, канонической и обрядовой основе, значительно отличавшейся от существовавшего в Галиции Греко-католичества. Реализованный проект получил название «Католическая церковь Византийско-славянского обряда». Рассматриваются попытки создания центров по ее распространению в населенных пунктах Новогрудского воеводства. Польские власти открыто не препятствовали деятельности Католической церкви по обращению православного населения в унию, а первоначально создали для Католической церкви Византийско-славянского обряда благоприятные условия. Тем не менее массового перехода православных в унию не произошло.

После вхождения Западной Беларуси по условиям Рижского мирного договора в 1921 г. в состав Польского государства Католическая церковь имела несколько проектов возрождения унии на этой территории.

Возрождение унии в Западной Беларуси под руководством римско-католических bishops происходило на догматической, канонической и обрядовой основе, значительно отличавшейся от существовавшего в Галиции Греко-католичества. Организационно Католическая церковь Византийско-славянского обряда не зависела от греко-католической иерархии. Некоторые историки, например Я. Н. Мараш, Ф. Жеменюк, С. Абламейко, называют попытку возрождения унии в Западной Беларуси в форме Католической церкви Византийско-славянского обряда «неоунией». Но это название в белорусской исторической науке не является общепринятым, и термин «уния» по отношению к Католической церкви Византийско-славянского обряда также продолжает использоваться отечественными и зарубежными историками.

Если принять во внимание, что термин «уния» в переводе означает «союз», понимаемый в данном контексте как союз между двумя церквями, а в рассматриваемый период никакого соглашения между православной и католической иерархией заключено не было, то можно отметить неправомочность употребления термина «уния» по отношению к Католической церкви Византийско-славянского обряда. Тем не менее, этот термин закрепился в исторической науке, использовался светскими и духовными властями в рассматриваемый период.

На территории Новогрудского воеводства попытки распространения восточного католичества были произведены в нижеследующих местах.

Альбертин (Слонимский повет)

Иезуиты Византийско-славянского обряда появились в Альбертине в 1923 г. [1, с. 8]. 26 сентября 1924 г. они основали в этом месте монастырь [2, с. 93] и приступили к миссионерской деятельности [3, с. 48]. Выбор этого места был не случаен. Во-первых, оно находилось в самом центре территории, на которой планировалось распространение Католической церкви Византийско-славянского обряда, и в то же время недалеко от советской границы. Во-вторых, находилось в выгодном месте с точки зрения коммуникаций –

в четырех километрах от Слонима на железной дороге Варшава – Москва [4, с. 44]. В-третьих, имело значение и то обстоятельство, что местное православное население сохранило приверженность к некоторым традициям прежней унии [5, с. 115]. В-четвертых, граф Пусловский пожертвовал иезуитам земли [6, с. 2] и здание бывшего помещения директора и управляющего фабрикой [5, с. 115]. 24 июля 1925 г. Альбертин получил статус первого в Западной Беларуси прихода Византийско-славянского обряда [7, с. 148].

В Альбертинском монастыре проходило краткий курс переподготовки перешедшее из православия духовенство [8, с. 16]. Эта практика установилась с начала основания монастыря. Первое свидетельство этого относится к февралю 1925 г.: в это время там находился запрещенный в служении и перешедший в католичество иеромонах Яблочинского монастыря Савва [9, л. 9]. В 1926 г. при Альбертине был образован новициат. Окончившие его имели возможность продолжить духовное образование в Кракове, Люблине и даже Риме. Один из его организаторов, француз Филипп де Режи, в 1933 г. был вызван в Ватикан и назначен духовником, а в 1934 г. ректором Руссикума [10, с. 135–136]. Только за 1926–1932 гг. в Альбертине более 60 человек прошли подготовку и были направлены в другие учебные заведения [5, с. 120].

Миссионерская деятельность велась иезуитами очень активно. Иезуиты сразу повели активную миссионерскую работу как в самом Альбертине, так и в его окрестностях и даже за пределами Слонимского повета и Новогрудского воеводства. Они обходили дома православных крестьян, читали им молитвы, предлагали совершать религиозные услуги. В апреле 1926 г. это имело место в селе Чепелёво Шидловской гмины Слонимского повета Новогрудского воеводства [11, л. 813]. 23 марта 1926 г. Полесский воевода сообщал в МВИОП, что на территории подначаленного ему воеводства иезуитами из Альбертина ведется проповедь [12, л. 96, 96об.]. Не позднее 1933 г. они начали совершать экскурсии миссионерского характера на Подляшье, а также территории других диоцезий [4, с. 45]. Антон Неманцевич за одну только Рождественскую неделю 1933–1934 г. посетил свыше 600 семей [5, с. 122].

Жизнь верующих в приходе была очень насыщенной. В Альбертине под руководством настоятеля Петра Бужака не позднее 1936 г. возник театральный кружок, который давал представления на польском и белорусском языках [13, с. 18]. 19 августа 1934 г. состоялся Крестный ход из Альбертина к находящейся в четырех километрах Белой Крынице, где была освящена вода [14, с. 13]. В Крестном ходе приняло участие 200 человек. В конце сентября 1935 г. состоялась совместная процессия верующих Византийско-славянского и Латинского обрядов к Жировичам. В октябре 1937 г. состоялось торжественное открытие нового храма, построенного для верующих Католической церкви Византийско-славянского обряда [15, л. 180].

Альбертин неоднократно посещали высшие иерархи Католической церкви: папский нунций в Варшаве Мармаджи, бискупы Зигмунд Лозинский, Казимир Букраба, Ромуальд Яблжиковский, апостольский визитатор Восточно-славянского обряда епископ Николай Чарнецкий. Постоянно интересовался делами в Альбертине иезуит Ян Урбан [5, с. 17].

Об относительных успехах деятельности иезуитов в Альбертине может свидетельствовать количество совершенных религиозных услуг. В 1932 г. было совершено 112 крещений, 45 венчаний, 65 погребений [5, с. 161, 162]. До 1930 г. настоятелем Альбертинского прихода был Эдвард Войтчак, а после него Петр Бужак и Владимир Пионткевич [16, с. 125–130].

К приходу Католической церкви Византийско-славянского обряда в Альбертине принадлежали верующие почти со всего Слонимского повета. Особенно много их было из деревень Чепелев, Хорошевичи, Шидловичи, Нагуевичи, Якимовичи [17, с. 95]. Чис-

ленность прихода постоянно росла. В конце 1927 г. приход насчитывал около 200 человек [18, с. 209], в 1930 г. – 40 человек [16, с. 138–139], в 1931 г. – 350 человек [19, с. 64], в январе 1933 г. – 500 человек [5, л. 120], в 1934 г. также 500 человек [16, с. 138–139], в 1938 г. – 600 человек [16, с. 109–114], в конце 1938 г. – 710 человек [18, с. 209], в 1939 г. – около 740 человек [20, с. 46].

Быстронь (Слонимский повет)

В конце 1933 г. житель местечка Быстронь бывший чиновник Теодор Коза обратился к римско-католическому бискупу в Вильно и греко-католическому митрополиту во Львове с просьбой поддержки его административной работы по организации униатского прихода. При поддержке римско-католического духовенства было создано собрание, в котором принимал участие Антон Неманцевич. Из собравшихся был избран исполнительный комитет, в который вошли Т. Коза, Ю. Гринчук, К. Макаревич, М. Давидовский, М. Гринчук. На том же собрании было одобрено предложение купить землю с целью постройки культового здания. Предполагалось, что средства на ее покупку выделит Католическая церковь. Было проведено несколько богослужений, на которых собирались денежные пожертвования. Но эта инициатива имела небольшое количество сторонников [21, л. 128, 128об.]. Деньги выделены не были, и это начинание не привело ни к образованию прихода, ни к появлению объединения верующих Католической церкви Византийско-славянского обряда в местечке Быстронь.

Бытень (Слонимский повет)

В 1915 г. была разрушена церковь в Бытеньском базилианском монастыре. Т. Гарбусь пишет, что в 1929 г. она частично обновлена и что в ней стали проводиться богослужения [22, с. 72] (скорее всего, это были богослужения латинского обряда). Здесь месте когда-то проживал Иосафат Кунцевич, и альбертинские иезуиты приложили немало усилий для организации в Бытене прихода Католической церкви Византийско-славянского обряда [23, с. 36]. Весной 1934 г. журнал «Oriens» сообщал, что «интерес к унии проявляют в Бытене» и что «есть намерение основать там униатский приход» [24, с. 93]. 5 апреля 1934 г., по информации исполнительных властей Новогрудского воеводства, в Луцке был рукоположен в священники Католической церкви Византийско-славянского обряда «украинец из Восточной Малопольши Хармоник» [21, л. 171об.], которого планировалось прислать в Бытень [21, л. 171об.]. Вероятно, «украинец из Восточной Малопольши Хармоник» – это Ян Герматюк, но направлен в Бытень он не был, потому что приход Католической церкви Византийско-славянского обряда был основан там только в 1937 г. [25, с. 167]. В качестве культового здания верующие пользовались римско-католической каплицей [16, с. 109–114, 138–139].

Во втором номере журнала «Oriens» за 1938 г. было опубликовано следующее сообщение: «Церковь в Бытене очень бедна. Не имеет плащаницы к пасхе», а также призыв пожертвовать [26, с. 64]. Обязанности пастыря прихода с 1938 г. исполнял Георгий Дроздов [16, с. 109–114, 125]. В 1938 г. приход насчитывал 30 человек [16, с. 109–114, 138–139], в 1939 г., по информации новогрудского воеводы, 115 человек [20, с. 45].

Волкорез (Новогрудский повет)

Миссионерская деятельность Католической церкви Византийско-славянского обряда велась в этом месте с 1925 г. [27, л. 47]. Но не позднее весны 1929 г. население численностью в 3 371 человек перешло из католичества Византийско-славянского обряда

в православие. Это село находилось недалеко от католического прихода Византийско-славянского обряда в Делятичах. По мнению католического священника Византийско-славянского обряда Михаила Кнуренко, это произошло вследствие того, что заменивший его на посту настоятеля прихода в Делятичах Платон Панько «не смог завоевать уважения и расположения прихожан... не смог заинтересовать... ни голосом, ни проповедями, ни даже своим внешним видом» [27, л. 46].

В материалах польской государственной и костельной статистики информация о наличии в селе Волкорез прихода или верующих Католической церкви Византийско-славянского обряда отсутствует. Это можно объяснить тем, что учет приходов Католической церкви Византийско-славянского обряда стал специально вестись только с 1929 г., а верующие села к этому времени уже вернулись в православие. Численность верующих из села Волкорез не включалась в число верующих прихода в Делятичах. Т. к. Волкорез Новогрудского повета Новогрудского воеводства обслуживался священником из Делятич, он может быть отнесен к числу филиальных приходов Католической церкви Византийско-славянского обряда, прекративших свое существование до начала 30-х гг.

Дарево (Барановичский повет)

Не удалась попытка организации прихода Католической церкви Византийско-славянского обряда в Дарево Барановичского повета. Священники Василий Гапанович и Ян Панько проводили усиленную миссионерскую работу среди прихожан Даревской гмины. Им удалось привлечь на свою сторону часть православных. Но большинство за ними не последовало [28, л. 8]. В процессе исследования никаких сведений о наличии в Дарево католического прихода или даже группы верующих Византийско-славянского обряда обнаружить не удалось.

Делятичи (Новогрудский повет)

В середине 1924 г. православный епископат в Гродно по соображениям экономии и вследствие длительной вакансии должности настоятеля ликвидировал приход в Делятичах, присоединив к приходу в Любче. Из-за отсутствия православного священника был также уволен псаломщик Якуб Семашко [29, л. 1155]. К. Николаев пишет, что приход в Делятичах был закрыт государственными властями [30, с. 146]. Сходной точки зрения придерживается и И. Касяк [31, с. 51], противоположной – Лев Горошко, который считал, что приход был закрыт в результате интриги православного священника из соседнего села Любча, который рассчитывал присоединить к своему приходу земли и имущество прихода в Делятичах [32, с. 75]. Примечательно, что с просьбой о возрождении прихода и присылке настоятеля верующие решили выслать состоящую из Якуба Семашко и церковного братства делегацию не к государственным властям, а к православному декану в Новогрудок. Получив отказ, верующие повторно выслали делегацию, но снова не к органам государственной власти, а к православному епископу в Гродно [29, л. 1155]. Это обстоятельство косвенно подтверждает точку зрения Льва Горошко и опровергает противоположную. Православный епископ же, по мнению делегации, без рассмотрения дела отказал и даже в порыве гнева пригрозил, что «вместо попа пришлет им раввина» [29, л. 1155]. После этого большая часть жителей решила перейти в католичество Византийско-славянского обряда [33, л. 6].

По мнению А. Надсона, первым священником Византийско-славянского обряда в Делятичи был назначен Платон Панько [34, л. 29]. Это неверная информация. 27 марта 1925 г. в Делятичи был назначен Михаил Кнуренко [27, л. 9]. В 1929 г. его заменил бывший православный священник Ян (Иван) Панько, который служил в Делятичах

до марта 1935 г. [16, с. 203]. Платон же Панько вообще не служил в Делятичах, он служил в Косно. Платон и Иван Панько – это разные священники Католической церкви Византийско-славянского обряда, хотя оба перешли из православия. С 1935 г. до конца рассматриваемого периода в Делятичах служил Вацлав Оношко [35, с. 11].

Жизнь верующих в приходе была насыщенной: был организован хор, который выступал и на светских мероприятиях, и в соседних приходах [36, с. 10]. 28 мая 1931 г. Делятичи должен был посетить Николай Чарнецкий [12, л. 3об]. В 1937 г. в Делятичах служил свою первую литургию Лев Горошко [37, с. 7].

Из-за здания церкви возник конфликт с Православной церковью, в ходе которого власти, по настоянию православного духовенства, неоднократно опечатывали храм [29, л. 1155об.–1156об.], но это только стимулировало религиозную активность верующих. Михаил Кнуренко проводил по три богослужения в неделю [29, л. 1155об.]. Лев Горошко отмечает, что в Делятичах остались только две православные семьи [32, с. 75], но не указывает, в каком году была такая ситуация.

После приезда Михаила Кнуренко в течение недели в католичество Византийско-славянского обряда перешло около 600 совершеннолетних мужчин. По мнению старосты, «если добавить к этому членов их семей, их численность составит около 2 000 человек» [29, л. 1155об.]. Новогрудское воеводское управление в феврале 1926 г. секретно сообщило в Полесское воеводское управление эту же численность – 2 000 верующих [12, л. 99].

Приход в Делятичах в 1928 г. насчитывал 1200 человек [5, л. 161], в 1930 г. – 1 420 прихожан [16, с. 138–139], в 1931 г. – 1500 прихожан [18, с. 210], в 1934 г., по информации Пинской курии, – 1 500 верующих [38, л. 14], а по информации МВИОП – 700 [16, с. 138, 139]. На 1 января 1938 г. по сведениям Министерства вероисповеданий и общественного просвещения (МВИОП) приход насчитывал 700 человек [16, с. 109–114], по информации воеводы, в 1939 г. – 1 200 прихожан [20, с. 46]. Можно проследить тенденцию: согласно информации МВИОП, количество верующих в приходе почти в два раза меньше, чем по информации Пинской курии и воеводы. И если можно допустить, что костельные власти завысили реальное число верующих, то крайне трудно допустить, что воевода в тайной инструкции по управлению Новогрудским воеводством по каким-либо причинам сделал это, как и то, что воевода не располагал достоверной информацией.

Дикушки (Лидский повет)

Запрещенный в служении за пьянство и другие проступки протоиерей Марк Ячиновский был послан осенью 1924 г. на должность псаломщика в приход Дикушки Виленской епархии. В приходе он образовал вокруг себя небольшую группу прихожан, недовольных настоятелем. По сообщению К. Николаева, «он куда-то отбыл и вернулся в новой рясе, с деньгами... пьяный и стал таинственно собирать подписи прихожан» [30, с. 138]. Подписи собирали в близлежащих населенных пунктах: 15 человек из деревни Макары, 22 из Бояры-Дикушки, 22 из Ново-Лядова, 12 из Огородников, 2 из Забёровцев, 19 из Борчича, 11 из Ходоровцев, 16 из Хмелевца [39, л. 387, 389, 391]. В результате на основании распоряжения католической духовной консистории в Вильно от 17 марта 1925 г. Марк Ячиновский вступил в управление Дикушским приходом. Но этот приход существовал только на бумаге: подавляющее большинство верующих сразу же не поддержало его [30, с. 138].

Лысица (Несвижский повет)

Бывший православный диакон этой деревни Тимофей Мацкевич в 1932 г. собирал в этой деревне, а также в Заблотье, Копцевщине и Оборках подписи жителей на прошении о создании в Лысице католического прихода Византийско-славянского обряда. По сообщению Новогрудского воеводского управления в МВД, прошения об открытии в Лысице католического прихода Византийско-славянского обряда были пересланы соответствующим духовным властям [40, л. 73]. Но приход в этом месте образован не был по причинам, выяснить которые в процессе исследования не удалось.

Негневичи (Новогрудский повет)

В конце марта 1931 г. бывший псаломщик православной церкви в Негневичах Г. Дешуро-Черевко решением православного консистора в Гродно был уволен с занимаемой должности. Тогда он собрал среди православных сельчан около 200 подписей на прошении, которое должно было быть переслано униатскому епископу [41, л. 16об]. По информации воеводы, он изготовил его копию и переслал экземпляр в Гродно с требованием отмены решения, угрожая в противном случае переслать прошение католическому бискупу [41, л. 17]. В процессе исследования не удалось установить, как разрешилась эта ситуация, но католический приход организован не был, и объединения верующих Византийско-славянского обряда в Негневичах не произошло.

Островки (Столбцовский повет)

Новогрудский воевода привел в отчете за март 1932 г. ситуацию в Островках в качестве примера использования православным населением католичества Византийско-славянского обряда с целью добиться желаемой перемены приходского духовенства. Когда из Островков был переведен православный священник Михаил Игнатович, население «приняло решение перейти в унию и вызвало униатского ксендза из Столбцов Зенона Шымкевича отправлять богослужения, не допуская одновременно нового православного священника в часовню» [42, л. 37]. Когда православный епископ в Гродно, ознакомившись с ситуацией, постановил оставить М. Игнатовича в Островке, прихожане отказались от намерения перейти в католичество Византийско-славянского обряда [42, л. 156]. Несмотря на факт приглашения священника и проведения богослужений, считать, что в Островках существовал католический приход или объединение верующих Византийско-славянского обряда, неправомерно.

Снов (Несвижский повет)

В конце 1932 г. в Снове Несвижского повета Новогрудского воеводства возникло недовольство в связи с переводом православного священника. Население выдвинуло православному епископу в Гродно ультиматум: или вернется старый священник, или деревня перейдет в католичество Византийско-славянского обряда [43, л. 31]. Информации о том, чем закончились эти события, в процессе исследования обнаружить не удалось, но в материалах польской государственной и костельной статистики сведения о наличии в Снове Несвижского повета Новогрудского воеводства прихода или верующих Католической церкви Византийско-славянского обряда отсутствуют.

Столбцы (Столбцовский повет)

Объединение верующих Католической церкви Византийско-славянского обряда в Столбцах было организовано в конце 1930 г. Не имея собственного культового здания, они пользовались римско-католической каплицей на кладбище. Первым исполняющим

обязанности настоятеля прихода был назначен Зенон Шымкевич, который считал себя белорусом и разделял идею независимого белорусского государства [16, с. 219]. В 1933 г. Зенон Шымкевича перевели, и примерно год приход был без священника, пока весной 1934 г. в Столбцы не был назначен Константин Сонгайло [24, с. 93], с 1938 г. обязанности настоятеля исполнял Иустин Селецкий [16, с. 219]. С 1938 г. по 15 мая 1939 г. в Столбцах в качестве викария находился Лев Горошко [37, с. 7].

30–31 мая 1931 г. Столбцы посетил Николай Чарнецкий [12, л. 3об]. Верующие этого прихода проявляли слабую активность [44, л. 4]. По словам Льва Горошко, к нему на богослужения приходило не более 10 человек, да и то не всегда [45, с. 163, 164].

В 1930 и 1934 гг. приход насчитывал 50 человек, в 1938 г. – 200 [16, с. 219], в 1939 г. – 150 [20, с. 46]. По сведениям Ф. Жеменюк, ни католическое, ни православное духовенство не интересовались этим приходом [16, с. 219].

Сынковичи (Слонимский повет)

В июле 1925 г. Виленская курия поставила в известность слонимского старосту о том, что Виленский диоцез открывает в Сынковичах приход Византийско-славянского обряда [12, л. 97]. В качестве культового здания верующие пользовались римско-католическим костелом [46, с. 75].

В 1925 г. исполняющим обязанности настоятеля был назначен Карл Буржуа [12, л. 97]. В 1930 г. настоятелем был Марселий Высокинский [47, с. 7]. В августе 1933 г. в Сынковичи на должность настоятеля был назначен Антон Неманцевич, которого через год перевели в Дубно [48, с. 51]. В 1934 г. его место занял Антон Шарейко [14, с. 14], который пребывал в Сынковичах до 1938 г. [14, с. 14], в 1939 г. на эту должность был назначен украинец Ян Германюк [20, с. 46].

В 1930 г. приход насчитывал 823 верующих, в 1934 г. – 1 150, в 1938 г., по информации Ф. Жеменюк, только 300 человек [16, с. 331], но по сведениям С. Абламейко – 1 425 [18, с. 209]. По информации новогрудского воеводы, в июне 1939 г. приход в Сынковичах насчитывал 1 400 верующих [20, с. 45].

Динамика изменения численности верующих прихода позволяет сделать предположение о том, что численность в 300 человек во второй половине 30-х гг. является результатом какой-либо ошибки. В ходе исследования удалось обнаружить некоторые факты, свидетельствующие об обратном. Согласно одному из документов, хранящихся в Государственном архиве Гродненской области, Антон Шарейко во время пребывания в поветовом старостстве заявил, что совершенно иначе представлял себе положение вещей в Сынковичском приходе на основании отчетов Восточной миссии и что реальность его ошеломила, потому что кроме немногочисленных случаев оказания религиозных услуг совершенно не видит верующих, о которых так широко доносила Альбертинская миссия [49, л. 112].

По мнению Ф. Жеменюк, снижение численности прихода во второй половине 1930-х гг. связано с личностью Антона Шарейко, который из-за своего корыстолюбия не пользовался уважением прихожан, что привело к переходу некоторых из них в православие [16, с. 331]. Косвенным доказательством того, что в 1934 г. приход был в кризисном состоянии, является то обстоятельство, что в этом году иезуиты отказались от идеи создания монастыря и решили, как сообщал журнал «Да злучэння», покинуть Сынковичи «по причине малого дома» [14, с. 19].

Но следует отметить, что низкая религиозная активность верующих была специфической чертой этого прихода. В течение 1931 г. приходские метрики зафиксировали 140 крещений, 20 заключенных браков, 70 погребений, к причастию на Рожде-

ство приступили 500 человек [4, с. 46]. В 1932 г. в метрических книгах было отмечено 112 крещений, 45 браков и 65 погребений. В 1933 г. до 1 октября – 82 крещения, 31 брак, 57 погребений. Журнал «Oriens» отмечал неудовлетворительное посещение богослужений в этом приходе: «В обычные воскресенья в церковь посещало едва более 30 человек, только в большие праздники приходило по несколько сотен. Такая ситуация объяснялась большим расстоянием от деревень до церкви, плохим состоянием дорог, особенностью религиозного сознания верующих, которые не чувствуют потребности присутствовать на воскресных богослужениях» [50, с. 188].

Заклучение

Таким образом, принимая во внимание территорию Новогрудского воеводства и проживающее на его территории население, результаты распространения унии за рассматриваемый период можно оценить как скромные. Польские власти открыто не препятствовали деятельности католической церкви по обращению православного населения в унию, а первоначально создали для Католической церкви Византийско-славянского обряда благоприятные условия. Тем не менее сколько-нибудь массового перехода православных в унию не произошло.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарошка, Л. Пад знакам «рускае» і «польскае» веры / Л. Гарошка // Божым шляхам. – 1955. – № 64–65. – С. 4–14.
2. Вабішчэвіч, А. Уніяцтва на заходнебеларускіх землях у 1920–30-я гг. / А. Вабішчэвіч // Брестской церковной унии – 400 : материалы Междунар. навуч. конф. – Брест : БрГУ, 1997. – С. 92–96.
3. Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е. С. Прокошина [и др.] ; под ред. А. С. Майховича, Е. С. Прокошиной. – Минск : Наука и техника, 1987. – 240 с.
4. Oriens. – 1933. – № 2.
5. Федоров, И. О. Униатская политика Ватикана в Западной Беларуси в довоенные годы (1919–1939) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. О. Федоров. – Гродно, 1985. – 227 с.
6. Каліноўскі, В. Трэцяя унія на Беларусі / В. Каліноўскі // Звязда. – 1993. – 27 нояб. – С. 2.
7. Лямеў, А. Гарошка Леў / А. Лямеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–2001. – Т. 2 : Беліцк – Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1994. – С. 489–490.
8. Мараш, Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси (1918–1939) / Я. Н. Мараш. – Минск : Беларусь, 1983. – 96 с.
9. Указы Синода Польской Автокефальной православной церкви и Полесской духовной консистории за 1925–1937 гг. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2059. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–66.
10. Винтер, Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968 / Э. Винтер. – М. : Прогресс, 1977. – 254 с.
11. Месячные отчеты поветовых коменд полиции об общественно-политическом движении. 1926 // Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 662. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–59.

12. Дело об уклонении священника Ружицкого Евгения от исполнения восточно-славянского обряда 2 марта 1926 г. – 12 декабря 1931 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1278. Л. 1–117.
13. Злучэнец. Сумныя падзеі ў Дубечне / Злучэнец // Да злучэння. – 1936. – № 3–4. – С. 18.
14. Да злучэння. – 1934. – № 11 (35).
15. Приглашения церковных комитетов и религиозных товариществ на конференции // Центральный Государственный исторический архив Украины во Львове. – Ф. 451. Оп. 2. Д. 197. Л. 1–291.
16. Rzemieniuk, F. Kościół katolicki obrządku Bizantyjsko-Słowiańskiego (Neounia) / F. Rzemieniuk. – Lublin : T-wo Nauk. katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1999. – 372 s.
17. Oriens. – 1938. – № 3.
18. Abłamejka, S. Problem staystyki parafij neounickich na terenie Zachodniej Białorusi w latach 1924–1939 / S. Abłamejka // Unia Brzeska z perspektywy czterech stóleci / pod red. J. S. Gaek, S. Nabywaniec. – Lublin : KUL, 1998. – S. 207–213.
19. Odzeimkowski, J. Neounia w Polsce 1924–1939 / J. Odzeimkowski // Chrześcijanin w Świecie. – 1988. – № 181. – S. 13–66.
20. Opracowanie zagadnienia polskiego stanu posiadania w województwie Nowogródzkim. – Nowogródek, 1939. – 216 s.
21. Отчеты поветовых коменд полиции Новогрудского воеводства об общественно-политическом движении. 1933–1934 гг. // ГАГр. – Ф. 662. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–172.
22. Габрусь, Т. Здань базыліянскай святыні / Т. Габрусь // Спадчына. – 1994. – № 3. – С. 72.
23. Urban, J. Pius XII a Wshód / J. Urban // Oriens. – 1939. – № 3. – S. 36.
24. Oriens. – 1934. – № 3.
25. Stępień, S. Nowa unia kościelna. Obrządek bizantyjsko-słowiański / S. Stępień // Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa : studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu kulturowym i etnicznym : w 2 t. / pod red. S. Stępnia. – Przemyśl, 1994. – T. 2. – S. 141–192.
26. Oriens. – 1938. – № 2.
27. Кнуренко Михаил Васильевич. 1921–1938 гг. // ГАБр. – Ф. 2346. Оп. 1. Д. 81а. Л. 1–111.
28. Недельный отчет Новогрудского воеводского управления о общественно-политическом состоянии [Без даты] // ГАГр. – Ф. 551. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–18.
29. Донесения, отчеты, и переписка поветовых и воеводских коменд полиции о происшествиях, сообщения о переходе православной церкви в Делятичах в униатскую. – 1924–1925 // ГАГр. – Ф. 662. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–1170.
30. Николаев, К. Н. Восточный обряд. Дорога Рима в Россию (Рим – Польша – Россия) / К. Н. Николаев. – Париж : YMCA-PRESS, 1950. – 334 с.
31. Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу. – Нью-Йорк : Изд. Беларус. Центр. Рады, 1956. – 190 с.
32. Гарошка, Л. Бібліяграфія. У палоне нянавісці / Л. Гарошка // Божым шляхам. – 1956. – № 70–75. – С. 73–79.
33. Отчеты о работе кружка униатов и библиотеки кружка за 1935–1936 гг. // ГАБр. – Ф. 2060. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–8.
34. Надсон, А. Друя і грэка-каталіцкая царква на Беларусі / А. Надсон. – Лёндан : Божым шляхам. – 2001. – 64 с.
35. Божым шляхам. – 1966. – № 2 (95).

36. Я. Г. Мае прыяцелі – В. Аношка / Я. Г. // Божым шляхам. – 1966. – № 2 (95). – С. 10.
37. Дзедзінка, А. Айцец Леў Гарошка – архімандрыт / А. Дзедзінка // Божым шляхам. – 1966. – № 1 (94). – С. 5–9.
38. Устав кружка униатов, положения, инструкции, утвержденные в 1931–33 гг. // ГАБр. – Ф. 2060. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–32.
39. Дела гражданского состояния, о смене вероисповедания, личные дела. 1919–1939 // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – Департамент вероисповеданий. – Syg. 390.
40. Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления в МВД о общественно-политическом движении на территории воеводства за 1-е полугодие 1933 г. // ГАГр. – Ф. 200. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–250.
41. Месячные отчеты Новогрудского воеводского управления об общественно-политическом движении на территории Новогрудского воеводства за 2-ю половину 1934 г. // ГАГр. – Ф. 551. Оп. 1. Д. 1137. 1931. Л. 1–176.
42. Отчет Новогрудского воеводского управления о общественно-политическом состоянии. Март 1932 г. // ГАГр. – Ф. 541. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–35.
43. Отчет Новогрудского воеводского управления о общественно-политическом состоянии. 1932 // ГАГр. – Ф. 541. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–31.
44. Отчет Новогрудского воеводского управления о общественно-политическом состоянии. Май 1931 г. // ГАГр. – Ф. 541. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–68.
45. Католицизм без маски / под ред. Г. Напреева. – Минск : Звязда, 1960. – 352 с.
46. Туронак, Ю. Міжваенная ўнія у Заходняй Беларусі / Ю. Туронак // Спадчына. – 1992. – № 5. – С. 73–78.
47. Домбровский, А. Альбертинская обитель отцов-иезуитов восточного греко-славянского обряда / А. Домбровский. – Варшава : Druk. W. Suwińskiego, 1930. – 18 с.
48. Гарошка, Л. Айцец Антон Неманцевіч / Л. Гарошка // Божым шляхам. – 1956. – № 70–75. – С. 49–54.
49. Отчеты Новогрудского воеводского управления об общественно-политическом движении на территории Новогрудского воеводства. 1930–1934 // ГАГр. – Ф. 551. Оп. 1. Д. 1211. Л. 1–130.
50. Oriens. – 1933. – № 6.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.10.2019

Svirid A. N. The Catholic Church of the Byzantine-Slavic Rite in the Novogrudok Province in 1923–1939

The situation in the Novogrudok province during the period when the Belarusian lands were part of the Polish state is considered. The Catholic Church in this situation had several projects for the revival of the union church in this territory. The revival of the union in Western Belarus under the leadership of the Roman Catholic bishops took place on a dogmatic, canonical and ritual basis, significantly different from the Greek Catholicism existing in Galicia. The implemented project was called the Catholic Church of the Byzantine-Slavic Rite. The article discusses attempts to create centers for its distribution in the settlements of Novogrudok province. The Polish authorities did not openly impede the activity of the Catholic Church in converting the Orthodox population into a Union church, but initially created favorable conditions for the Catholic Church of the Byzantine-Slavic rite. However, there was no mass transfer from the Orthodox church to the Union church.

УДК 330.34:316.42:304(1-07)(476.7)

А. Ю. Бодак¹, Е. А. Бурик²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. ист. наук, декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹bodak1961@yandex.by; ²burik-@mail.ru

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Показаны трудности, с которыми сталкивались органы власти, и пути их преодоления. Итогом деятельности руководства района и его жителей в условиях послевоенной разрухи и значительных демографических потерь стало полное восстановление экономической и культурной сферы в районе в короткий срок.

Введение

Малоритский район Брестской области БССР был освобожден от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 г. в ходе операции «Багратион» и ее составной части – Люблинско-Брестской операции. В те радостные дни вряд ли кто-либо мог предполагать, насколько сложным окажется процесс налаживания мирной жизни и в какой степени повторное строительство советской власти в районе столкнется с трудностями, которые отсутствовали в предвоенный период: военная разруха, бандитизм, плоды трехлетней обработки местного населения нацистской пропагандой. Все эти препятствия будут постепенно преодолены, однако здесь речь пойдет о первых шагах власти, пришедшихся на самый сложный период жизни района в частности и западно-полесского региона в целом. К числу первоочередных задач, которые стояли перед жителями района, следует отнести восстановление местной промышленности, разрушенного жилого фонда, социальной сферы и образования, строительство административной системы. На все это накладывали отпечаток военные факторы: одновременно проходила мобилизация мужского населения на фронт, необходимо было снабжать армию всем необходимым, восстанавливать стратегически важные шоссейные и железные дороги. Т. е. руководству района и местному населению пришлось столкнуться с решением в предельно сжатые сроки одновременно тех задач, которые в мирных условиях решаются в течение длительного времени и постепенно. Титаническая работа была успешно проведена. Данная статья посвящена первым дням трудового подвига жителей района.

Восстановление социально-политической сферы и экономики

Руководство республики понимало сложность задач, которые неизбежно станут перед ним после освобождения территории БССР, и заранее готовилось к их решению. Еще 3 июля 1944 г., когда только что был освобожден Минск и линия фронта еще пролегла от Малоритского района на расстоянии 300 км, партийное и советское руководство пока не освобожденного района получило от руководства также еще не освобожденной Брестской области соответствующие указания: «В связи с будущим освобождением области от немцев предлагается по мере продвижения частей Красной Армии обеспечить выполнение первоочередных задач:

1) восстанавливать работу всех учреждений: земельного отдела, медицинских, госбанка, сберкассы, торгово-кооперативной сети, столовых, хлебопекарен, заготконтор;

- 2) подобрать председателей сельсоветов и секретарей, разъяснить их задачи;
- 3) помогать Красной Армии (обеспечение фуражом, продовольствием, помощь в ремонте дорог и мостов, призыв в РККА);
- 4) тщательно подбирать кадры, лучше из партизан и партизанок, людей, помогавших партизанам; учесть, что мужчины призывного возраста могут попасть в армию, привлечь женщин;
- 5) изгонять с работы коллаборантов;
- 6) проводить с населением пропагандистскую работу под лозунгом «Все для фронта, все для победы»;
- 7) обратить внимание на наличие среди местной интеллигенции специалистов по сельскому хозяйству и медицине;
- 8) определить ущерб, нанесенный фашистами, восстанавливать медицинские и культпросветучреждения [1, л. 1].

22 июля 1944 г. Малоритский райком КП(б)Б констатировал, что район полностью освобожден, «восстановлена советская власть, власть депутатов трудящихся». Все распоряжения прежней оккупационной администрации были отменены, и в силу вошли приказы райсовета. Восстанавливаемым сельсоветам было предписано «в трехдневный срок учесть государственное, кооперативное, общественное имущество и принять меры к его восстановлению, восстановить строгую государственную дисциплину и порядок, помогать Красной Армии, выполнять все мероприятия для достижения полной победы над врагом» [2, л. 57].

4 августа 1944 г. населению района было предписано сдать имущество трофейное, государственных, кооперативных, торговых организаций, которое не было вывезено в 1941 г. На это отводилось 48 часов. Сданное имущество передавалось в ведение райисполкома и могло передаваться любой организации в пользование только с его разрешения. Это решение вошло в силу с момента его опубликования, и за его нарушение следовала уголовная ответственность [2, л. 58].

Поскольку фронт еще недалеко ушел на Запад, население района включилось в работу по восстановлению шоссе и железной дороги, поставляло продукты питания передовым частям армии [3, л. 6].

Руководство района прибыло на место еще в день освобождения 22 июля 1944 г. в 7 часов вечера. Судя по сохранившимся документам, его представлял тогдашний первый секретарь райкома КП(б)Б Сергей Михайлович Падучо. Через местных жителей он с товарищами связался с партизанами, депутатами местного совета, избранными до войны, они сразу приступили к организации советской власти на месте. В тот же вечер были подобраны помещения для райкома партии и райисполкома, там же, где они размещались до войны. На следующий день с помощью бойцов партизанской бригады имени Ленина собрали партизан и лучших из них назначили председателями и секретарями 12 районных сельсоветов. 25 июля 1944 г. собрали их и довоенных депутатов и ознакомили их с рядом указаний обкома партии и облисполкома, посвященных организации быстрого окончания уборочной страды, всемерной помощи Красной Армии, приведению в порядок документации, учету и уборке посевов помещиков и уехавших с немцами полицейских и бургомистров и сохранению собранного урожая. Необходимо было провести учет семей людей, призванных в армию, партизан, собрать средства на организацию детского дома в районе [4, л. 1].

Поскольку вновь назначенные кадры не имели опыта руководящей работы, в каждый сельсовет направили по одному опытному члену партии. Учитывая специфику ситуации и особенности населения, власть на первом этапе восстановительного периода

больше доверяла партизанам. Однако и здесь имелись местные сложности. При расформировании партизанской бригады на руководящую работу было подобрано 15 человек кроме уже назначенных руководителей сельсоветов. Но райком доводил до областного руководства свою позицию по этому вопросу: «Большинство – это люди, не внушающие политического доверия. Это бывшие военнопленные, которые попали в плен в 1941 году, попавшие в партизаны только в 1943 году, когда стало ясно, кто победит. Года плена для них являются темным пятном. Большинство из них – люди с высшим образованием» [4, л. 1]. Так, секретарь райкома беседовал с одним из партизан, Коротковым, имевшим среднее образование и на тот момент он временно занимавшим должность председателя райпотребсоюза. Он провел два года в плену в Каунасе. На вопрос, на какие средства он там существовал, тот честно ответил: «Не работал у немцев, выходили на дорогу, встречали какого-нибудь дядьку, убивали, грабили. Этим и жили» [4, л. 1]. В состав партизанской бригады помимо бойцов, не вызывавших сомнения у власти, входили пленные казаки, которые служили полицейскими у немцев, в штурмовых отрядах, а также представители местного населения, которые пополнили бригаду только за 4–5 месяцев до освобождения района. Таких людей проверяли соответствующие органы.

В этом смысле комплектация районных органов управления была очень сложной задачей. В первые дни после освобождения в районе имелись заведующие районо, райздравотделом, земельным отделом, дорожным отделом, собесом, райторгом, потребсоюзом, райотделом связи, директоры райместпрома, раймаслопрома, заведующий заготовзерном, секретарь райисполкома, завкоммунхоз, заведующий общим отделом. Однако отсутствовали директор банка, заведующие сберкассой, финотделом, уполномоченный наркомата по заготовкам, судья и прокурор. Райком просил областное руководство прислать в район недостающих представителей номенклатуры.

Комсомольская организация вся состояла на тот момент из бывших партизан. Комсомольцы к середине августа 1944 г. имелись уже в 9 сельсоветах. За две недели в организацию приняли 75 человек. Молодежь сразу заявила о себе, начав сбор подарков раненым бойцам и офицерам в Малоритском госпитале. В конце августа комсомольские организации действовали уже в 10 сельсоветах [4, л. 9–10].

Учителей на весь район осталось всего 10 человек, большинство из которых составляли местные жители, работавшие при немцах. Это доверия к ним со стороны власти не добавляло. Вообще данная сфера оказалась в тяжелом состоянии: много школ оказалось разрушено. В Малорите сохранилась неполная средняя школа (семилетка), но без мебели. Ее начали изготавливать буквально сразу после освобождения. Директором был назначен педагог с высшим образованием Макаров, который заявил, что он член партии, хотя соответствующих документов не имел [4, л. 1]. Потребность в учителях составляла 109 человек, и районное руководство просило область прислать из восточных областей девушек, окончивших 7–10-летние школы [4, л. 9]. Несмотря на трудности восстановления, учебный год планировали начать 1 сентября.

В первые дни после освобождения началась мобилизация мужского населения района в Красную Армию. На второй день по прибытии руководства райком партии совместно с политотделом 20 армии провел митинг жителей Малориты и окрестных деревень, посвященный освобождению. Открывал митинг полковник Чимуров, который прочитал доклад «3 года Великой Отечественной войны». Затем выступили два местных жителя. После этого показали кинофильм «Радуга», посвященный борьбе советских людей с немцами в оккупации, приняли приветствие И. В. Сталину. Всего на митинге присутствовало более 1 000 человек. Аналогичные мероприятия прошли во всех населенных пунктах района. 25 июля 1944 г. красноармейский ансамбль дал в райцентре

концерт песни и пляски. На следующий день армейский Дом Красной Армии демонстрировал населению фильм «Антоша Рыбкин» [4, л. 4].

Руководство района отмечало, что мобилизация в армию прошла удовлетворительно. Из призыва 1927 г. рождения явились почти 100 % призывников, «дезертировали единицы, и то бывшие фашистские прислужники». Согласно архивным документам, на 15 октября 1944 г., видимо, из призванных было извещено о 670 убитых, 310 инвалидах и 100 пропавших без вести [5, л. 40].

Крайне сложной оказалась работа по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов и их приспешников в первую очередь потому, что свидетелей зачастую не было: евреи – по причине их тотального истребления, а другие – потому что преступники не любили оставлять в живых свидетелей своих зверств. Поэтому статистика преступлений здесь не может быть абсолютно точной.

В первые дни после освобождения органы власти располагали приблизительными данными о потерях района – райком отмечал: «Население за связь с партизанами очень пострадало от немецких палачей. Три сельсовета (Збуражский, Ореховский и Олтушский) выжжены дотла, масса людей зверски замучена и расстреляна. Нами с военной прокуратурой и медэкспертизой произведено вскрытие могил евреев. Которых расстреляно и замучено более 1 000 человек, а так же были вскрыты могилы сожженных земель партизан и другие могилы... Это является ярчайшей агитацией, которая воспитывает наших советских людей в духе ненависти к немецким захватчикам» [4, л. 5].

В течение месяца потери уточнялись. Оказалось, что оккупанты организовывали целенаправленные облавы по населенным пунктам, где жителей расстреливали, деревни грабили, а потом сжигали. В Мокранском сельсовете, деревнях Борки, Заболотье и Хмелище было расстреляно 1 405 человек, в т. ч. 440 женщин и 480 детей. В Малорите расстреляли 924 жителя и 50 военнопленных. Полностью были сожжены Орехово, Збураж, Радеж, Гвозница, Олтуш. В немецкую неволю захватчики угнали 216 мужчин и 112 женщин. Еврейское население района было истреблено подчистую [5, л. 21]. В октябре 1944 г. общее количество уничтоженных жителей Малоритчины оценивалось в 3 448 человек [5, л. 40].

Морально-психологическая атмосфера в районе в этот период была непростой. Руководство района отмечало, что здесь имеется большая прослойка немецких прислужников, особенно там, где стояли немецкие гарнизоны («кусты»): в Малорите, Олтуше, Великорите, Мокранах. Часть таких людей бежала, но остались их родственники, которые вели скрытую антисоветскую пропаганду. Кое-кто из бежавших вернулся и включился в антисоветский пропагандистский хор. Имели место и открытые выступления. Так, жена выехавшего из района поляка Татьяна Кийчук, которая успела в Германии «нагулять» ребенка, при подворном обходе уполномоченного райкома с помощниками по проверке выполнения государственных обязательств заявила, что они «советские бандиты», что здесь «власть рабовладельцев»: «Всех хотите сделать рабами, там все подымают в колхозах, и тут всех хотите уморить». Как считали районные власти, «от этих антисоветских элементов всякие небылицы и пошлости» [5, л. 40].

Как отмечалось, в местах бывшего присутствия немецкой оккупационной власти советская работа шла крайне сложно. Народ поначалу неохотно выступал в поддержку советской власти, боясь, что Красная Армия опять отступит и начнется сведение счетов. По мере продвижения фронта на Запад люди, лояльные советской власти, постепенно «оттаивали». Однако появилась следующая угроза – бандиты (так в документах называли формирование бандеровцев и бульбовцев; и это была правда). Особенно сильным

их влияние было в местности, прилегавшей к Волынской области УССР. Напор «лесной братии» сдерживало наличие стоявшей на территории района армии.

На пассивность населения оказывали влияние фактор почти тотальной неграмотности и то, что большая часть работоспособного и сознательного населения пока воевала на фронте. В отчетах райкома наверх отмечалось также то обстоятельство, что власть пока недостаточно активно воздействовала на бедняков и середняков в деревне. Кроме того, помощь пострадавшим от оккупантов оказывалась недостаточно при том, что «район пострадал крепко, передовых представителей власти немцы расстреляли – цвет района». Особо пострадавшее население не могло справиться с госпоставками, особенно в Радежском, Гвозницком и Ореховском сельсоветах. Дома крестьян восстановили быстро, но холодные хозяйственные постройки долго не могли осилить, и во многих дворах хлеб был заскирдован во дворе. Половина населения лишилась скота и лошадей, испытывала нехватку одежды и обуви. Имелось много жалоб на перебои со снабжением солью. Вопрос снабжения затронул даже сельское руководство, оставшееся без снабжения промтоварами и покупавшее их втридорога. Пропаганда восстановления колхозов наткнулась на мощный аргумент местных жителей, заявлявших, что земля в районе плохая.

Это порождало «нежелательные» настроения и разговоры. Возмущение людей вызывали факты невыселения из района людей, которые сотрудничали с немцами и «сдавали им партактив». Кроме того, существенной причиной для общественного недовольства людей, в массе своей поверивших советской власти, стало поведение расквартированных в районе войск: имели место случаи грабежей населения и открытого мародерства со стороны военнослужащих [5, л. 40].

6 августа 1944 г. в райцентре прошло совещание комсомольского и молодежного актива о задачах молодежи в работе по восстановлению района. Комсомол взял шефство по подготовке школ к новому учебному году, провел учет детей-сирот (выявили 72 ребенка и подростка от года до 16 лет [4, л. 11]), начал сбор средств для открытия детского дома. На тот момент Хотиславский сельсовет уже дал 20 пудов ржи, 5 пудов ячменя и 500 рублей. Помещение для детдома было также подобрано.

До 15 августа планировалось закончить работу по учету скота в районе, жилых домов и населения. В культурной сфере подбирались помещения для изб-читален, набирали их заведующих из числа людей, помогавших партизанам.

В эти дни началось сопротивление советской власти со стороны антисоветских формирований. Для борьбы с ними создавались истребительные батальоны. В них набирали бывших партизан, однако тогда удалось набрать только 50 человек. Этим людей разбили на небольшие группы по 5–6 человек и разослали по сельсоветам, чтобы «дать возможность спокойно проводить работу в районе». Мало кто догадывался, насколько серьезной окажется данная проблема, а пока в районе была зарегистрирована только одна банда в 18 человек во главе с жителем Малориты. Однако истинное положение дел содержит небольшая оговорка секретаря райкома в донесении в область: «Пока живем спокойно. Нападений нет. Прошу обратить внимание, что работу проводить в районе очень трудно» [4, л. 6].

13 августа 1944 г. на совещании райкома с председателями сельсоветов подвели итоги первых недель после освобождения. Упомянувшийся выше главарь банды был пойман и отправлен в Брест. Были отмечены начавшиеся проблемы, связанные с учетом земли и скота. Население упорно скрывало и то, и другое, опасаясь излишнего налогообложения. В Луковском сельсовете 7 хозяйств скрыли от учета 2 коровы, 4 подтелка, быка, свинью и 95 овец [4, л. 8]. Эта проблема будет стоять долго. Но тут были у местного населения и поводы оправдаться: предельные нормы держания скота и земли не были

сразу доведены до жителей. То же происходило и с хлебосдачей: уборку зерновых в районе закончили в срок, начали обмолот. Уже 13 августа Радежский сельсовет сдал на склад конторы Заготзерно 7,5 ц ржи, но сколько именно нужно было сдавать, осталось неясным. Тем не менее массовая хлебосдача с середины августа началась в форме Красных обозов. Первым такой обоз организовал Великоритский сельсовет, сдавший за первый день 8 т зерна, а всего к 21 августа 1944 г. было сдано 25 т [4, л. 9–10].

Большое внимание местной властью уделялось восстановлению хозяйства. Сразу после освобождения начали работу ободная и колесная мастерские, артель по изготовлению саней и гонта. На 15 августа планировалось открытие второй столовой (первую быстро организовали для партийно-советского актива [4, л. 3]), готовилось открытие в Малорите базара (быстро оборудовали прилавки и крыши, заняв большую площадь). Для этого постарались артели плотников, столяров и каменщиков при коммунхозе – их было 30 человек, но планировалось довести их численность до 60 [4, л. 10]. 2 000 человек и 700 подвод были направлены на ремонт Ковельской железной дороги [4, л. 9]. Через несколько дней туда же направили еще 1 000 человек и 100 подвод, также мобилизовали 256 бывших железнодорожников. В результате 20 августа в райцентр пришел первый рабочий поезд. Дорога Брест – Ковель оказалась готовой к эксплуатации [4, л. 10].

Восстановление местной промышленности, обеспечивающей район предметами повседневного расширенного спроса, также требовало к себе внимания. До прихода немцев в районе имелись два лесопильных завода, один фанерный, три кирпичных, две мельницы с крупорушкой, по одному скипидарно-смолокурному, лимонадному, меловому и маслозаводу, одна вовноческа. Из них сохранились здания одной лесопилки (оборудование оказалось вывезено немцами, и восстановить его сразу не представлялось возможным); фанерный завод был разрушен полностью, а его оборудование было вывезено немцами. Из кирпичных заводов только один с сохранившимися машинами смог приступить к работе сразу и в августе 1944 г. должен был дать 60 000 штук кирпича. Планировалось, что два других завода приступят к производству только весной 1945 г. Из двух мельниц одну запустили при помощи трактора. Оборудование было выведено немцами из строя. Для запуска остальных мельниц МТС привез шесть почти исправных тракторов «Сталинец». Они должны были обеспечить работу мельниц в Малорите и Великорите. Ветряные мельницы были разрушены партизанами. Зато смолокурный завод в районе сохранился целиком. Для него шла заготовка сырья, и он должен был приступить к работе 15 августа 1944 г. Планировалось, что он будет обрабатывать три вида продуктов: смолу, скипидар и древесный уголь. Для этого имелись две печи емкостью 50 и 60 м³. Тара – стеклянные банки под скипидар и железные бочки под смолу – в наличии были. Вовноческа оказалась готова к работе, как и бойня и колбасный завод. Они приступили к работе практически сразу после освобождения. Здание лимонадного завода сохранилось, но оборудование было вывезено. Сохранившийся меловой завод стал вырабатывать меловую известь и мел. От маслозавода сохранилось здание и разные виды тары, но оборудование было разрушено. С первых дней в районе начали работу сапожная, швейная и шорная артели, две полностью оборудованные кузни, одна из которых имела собственный ветряной двигатель, приводивший в действие станки. Что важно, здесь были подобраны высококвалифицированные кадры [4, л. 2об., 3]. Райпотребсоюз быстро обзавелся складскими помещениями, овощехранилищем и двумя работающими хлебопекарнями. Одна из них уже пекла хлеб. Магазины и ларьки в этой системе сохранились и сразу заработали. Контора Заготзерно получила громадный пристанционный склад, который был готов к приемке зерна и его очищению и дезинфекции [7, л. 3].

Досадной праблемай оказалось использование т. н. бросовых земель. Часть из них принадлежала уехавшим за Буг полякам. Однако часть из них в Польшу не пустили, и возвращавшиеся требовали вернуть собранный на них урожай. Поэтому местные власти стали выжидать со сбором урожая тех, кто покинул район. То же получилось и с домами репатриантов. Дом одного из таких поляков успели отдать под школу, однако хозяин вернулся и стал требовать дом обратно [4, л. 10].

Власть проявила внимание и к довольно щекотливой проблеме – церкви, учитывая непростой характер взаимоотношений обоих институтов. До прихода нацистов в районе имелось 7 церквей и 1 костел. Две церкви немцы уничтожили. На весь район остался только один священник, причем из партизан. Руководство было довольно этим служителем культа: «Наш советский “батюшка” имеет хорошую характеристику из бригады и пользуется полным доверием населения, проводит сбор среди прихожан яиц, масла и хлеба для детского дома, который открывается в Малорите» [4, л. 9].

Заклучение

Таким образом, в течение первых месяцев после освобождения территории Малоритского района от немецко-фашистских захватчиков в районе сохранялась тяжелая ситуация как в экономическом положении, так и в кадровом обеспечении руководящего состава. Советская власть провела ряд мероприятий, направленных на восстановление социально-политической сферы и экономики. В первую очередь, была восстановлена работа всех сельсоветов, которые стали на практике реализовывать намеченные задачи: восстановление работы государственных учреждений, здравоохранения, образования. Степень разрушения экономики, демографические потери, деятельность антисоветских банд и другие проблемы были трудноразрешимы. Морально-психологическая атмосфера среди местного населения создавала определенные трудности в выполнении поставленных задач. Однако все изложенное выше показывает, что в условиях военной разрухи, при всех значительных людских потерях и продолжавшихся военных действиях руководство Малоритского района и его жители провели действительно огромную работу по налаживанию основ мирной жизни, и это было только начало огромной созидательной деятельности людей, сделавших район развитым и благополучным на долгие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
2. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 4. Л. 57, 58.
3. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
4. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 2об., 3–6, 8–11.
5. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 21, 40.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2019

Bodak A. Yu., Burik E. A. Measures of the Soviet Authority to Restore the Economy and Social Sphere of the Malorita District after its Exemption From German-Fascis Inventors

This article is devoted to the study of the process of restoration of Soviet power, the economic and cultural sphere in the Malorita district of the Brest region in the first time after the liberation of the region from Nazi invaders. The authors show the difficulties that the authorities faced and the ways to overcome them. The result of the activities of the leadership of the district and its residents in the conditions of military devastation and significant demographic losses will be the full restoration of the economic and cultural sphere in the region in a short time.

УДК 343.341

В. А. Робак

*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: robak_va@mail.ru*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ОРУЖИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Проанализированы вопросы оборота оружия в соответствии с законодательством России, Беларуси, Литвы, Нидерландов, Португалии, Польши, Молдовы, Словении, Словакии, Швейцарии, Финляндии, Хорватии, Чехии, Швеции, Германии, Испании, Японии, Люксембурга, Малайзии, Ирландии. Обоснована целесообразность и необходимость анализа законодательства иных стран с целью заимствования положительной практики и усовершенствования национального законодательства.

Регулирование правил оборота оружия, а именно правил получения разрешения на приобретение, хранение и ношение является актуальным вопросом для многих стран. С одной стороны, по мнению многих ученых и общественных деятелей, в разных странах, разрешение на приобретение гражданами огнестрельного оружия является необходимой мерой современности, поскольку такое право обеспечивает дополнительную защиту граждан от противоправных посягательств и является детерминантом снижения преступности, поэтому требуется расширение таких прав. С другой стороны, имеют место многочисленные примеры использования легально зарегистрированного огнестрельного оружия, повлекшего массовую гибель людей, вследствие чего противники массовой вооруженности населения выступают за ужесточение контроля законного оборота оружия.

В данном исследовании рассматриваются отдельные положения, регламентирующие оборот оружия в соответствии с законодательством разных стран.

Основной правовой акт, регулирующий правоотношения в области оборота оружия на современном этапе, – Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. В преамбуле Закона указывается, что данный нормативный правовой акт регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. В соответствии с указанным нормативным правовым актом (ст. 1) оборот оружия включает в себя производство оружия, торговлю оружием, продажу, передачу, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозку, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации. На основе анализа указанного Закона можно сделать вывод, что данный перечень не является исчерпывающим и к обороту оружия также можно отнести его пересылку (ст. 6), ремонт (ст. 9.1), дарение, наследование (ст. 20), награждение (ст. 20.1).

Указанный нормативный правовой акт определяет основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права

и обязанности участников этих отношений. Закон регулирует отношения, связанные с оборотом гражданского, служебного, боевого ручного стрелкового и холодного оружия.

Закон устанавливает ограничения на оборот и требования к гражданскому и служебному оружию, порядок лицензирования деятельности в сфере оборота оружия, устанавливает права на приобретение оружия физическими и юридическими лицами, регламентирует вопросы производства оружия и патронов к нему, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза оружия из Российской Федерации, продажи, передачи, дарения и наследования и награждения оружием, учета, ношения, перевозки, транспортирования, уничтожения, коллекционирования и экспонирования оружия, изъятия оружия и патронов к нему [1].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оружии» от 13.11.2001 № 61-З под оборотом оружия и боеприпасов понимается производство, реализация (в том числе продажа (далее – реализация)), передача во владение, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, транспортировка, перевозка, пересылка, использование, изъятие, уничтожение, а также ввоз оружия, его составных частей и компонентов, боеприпасов к нему (далее – боеприпасы) на территорию Республики Беларусь и вывоз за ее пределы (ст. 1). Закон регламентирует порядок приобретения, ввоза и вывоза, лицензирования деятельности, производства, учета, ношения, транспортировки, перевозки, уничтожения, коллекционирования и экспонирования, реализации, дарения и наследования, а также порядок применения оружия.

Регулируются правоотношения, возникающие при обороте боевого, служебного и гражданского вооружения. Также в нем содержатся ограничения относительно оборота, в частности, служебного и гражданского оружия, которые предусматривают запрещение использования в качестве таковых отдельные виды (огнестрельное оружие травматического действия, огнестрельное длинноствольное оружие и др.) и использования вне установленных мест (спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом и пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом и пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, а также спортивного холодного и метательного оружия вне спортивных объектов и др.).

Содержатся запреты на право приобретения отдельными категориями лиц, в частности подвергавшихся административному взысканию за умышленное причинение телесного повреждения, мелкое хулиганство, стрельбу из огнестрельного оружия в населенном пункте или в месте, не предназначенном для стрельбы, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, передачу управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения в установленном порядке проверки; подвергавшихся административному взысканию за распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения.

В Законе указываются правила применения оружия: оружие применяется по целевому назначению. Оно также может быть применено для защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов гражданина, интересов общества и государства, т. е. в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, а равно при задержании лица, совершившего преступление. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное и очевидное для лица, против которого применяется оружие, предупреждение о намерении его применить, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создаст непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь иные тяжкие

последствия. Оружие применяется в качестве крайней меры, когда иными способами невозможно защитить правоохраняемые интересы от общественно опасного посягательства. Оружие может быть использовано также для отражения нападения животного или подачи сигнала тревоги [2]. Необходимо отметить, что в Республике Беларусь запрещено ношение огнестрельного оружия.

Согласно Закону «О контроле за оружием и боевыми припасами» Литовской Республики от 15 января 2002 г. № IX-705 огнестрельным оружием также считаются и основные части огнестрельного оружия. Приложение к оружию – глушитель, лазерный, оптический прицелы и прицел ночного видения. Постоянные жители Литовской Республики, а также зарегистрированные в Литовской Республике юридические лица могут приобретать и иметь в своем распоряжении оружие и боеприпасы для следующих целей: 1) охота; 2) занятия спортом; 3) самооборона; 4) профессиональная деятельность; 5) создание коллекций; 6) обучение; 7) научные исследования; 8) другие цели, если это не противоречит законам, международным договорам и соглашениям (ст. 11).

Охотничье длинноствольное оружие с нарезным стволом категорий В, С и боеприпасы к нему после получения разрешения могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 21 года, имеющие действительный охотничий билет и охотничий стаж не менее 3 лет, а также юридические лица, имеющие лицензию на сдачу оружия в прокат. Охотничье длинноствольное гладкоствольное оружие категорий В, С, пневматическое (с кинетической энергией снаряда свыше 7,5 Дж), метательное оружие и боеприпасы к нему после получения разрешения могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 18 лет, имеющие действительный охотничий билет, а также юридические лица, имеющие лицензию на сдачу оружия в прокат. Спортивное оружие категорий В, С и боеприпасы к нему после получения разрешения могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 16 лет – члены организаций спортивной стрельбы и юридические лица. Короткоствольное огнестрельное оружие категорий В, С и боеприпасы к нему в целях самообороны могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 23 лет, сдавшие экзамен и получившие разрешение. Длинноствольное гладкоствольное оружие категорий В, С и боеприпасы к нему в целях самообороны могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 18 лет, сдавшие экзамен и получившие разрешение. Спортивное оружие категорий В, С и боеприпасы к нему после получения разрешения могут приобретать и иметь в своем распоряжении постоянные жители Литовской Республики в возрасте не моложе 16 лет – члены организаций спортивной стрельбы и юридические лица. Приобретать и иметь в своем распоряжении оружие категории D (однозарядное длинноствольное гладкоствольное огнестрельное оружие, пневматическое оружие с кинетической энергией снаряда от 2,5 до 7,5 Дж, газовое оружие (пистолеты (револьверы), аэрозольные устройства, приспособления), огнестрельное оружие, отвечающее критериям других категорий, однако не отнесенное к ним из-за небольшой убойной силы, с кинетической энергией снаряда от 2,5 до 7,5 Дж) и боеприпасы к нему без разрешений могут юридические и физические лица, достигшие 18 лет, после представления личных документов предприятию, осуществляющему торговлю ими. Приобретать и иметь в своем распоряжении спортивное пневматическое оружие категории D и боеприпасы к нему без разрешений могут юридические и физические лица в возрасте с 16 лет – члены организаций спортивной стрельбы

после представления предприятию, осуществляющему торговлю ими, личных документов, ходатайства спортивной организации о посредничестве и действительного удостоверения члена этой организации. Данное оружие регистрации не подлежит (ст. 13).

Глушители, лазерные, оптические прицелы и прицелы ночного видения запрещены к свободному обороту. Приобретать, использовать и иметь в своем распоряжении лазерные прицелы к огнестрельному оружию могут лица, имеющие спортивное огнестрельное оружие (ст. 13).

В соответствии с указанным Законом оружие не могут приобретать лица, осужденные за умышленные преступления (если с момента погашения судимости прошло меньше 10 лет), лица, стоящие на учете в связи с наркоманией, алкоголизмом, имеющие психические расстройства, лица, которым в связи с утратой оружия было аннулировано разрешение на хранение или ношение оружия, и с тех пор не прошло 3 года (ст. 17).

В соответствии с указанным законом аннулирование лицензии имеет место в случаях: применения лицом оружия в нарушение требований законов, других правовых актов, если такое нарушение создает угрозу для жизни, здоровья людей, общественной безопасности или общественного порядка; утраты физическим лицом своего оружия в результате нарушения правил оборота оружия и боеприпасов; если лицо, имеющее разрешение, вовремя не продлевает срок его действия при отсутствии уважительных причин и не реагирует на предупреждение, полученное в связи с этим от учреждения полиции (ст. 40) [3]. Необходимо отметить, что в стране запрещено открытое ношение короткоствольного огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Королевства Нидерланды от 5 июля 1997 г. «Об оружии» разрешение на право приобретения оружия выдается лицам, достигшим 18-летнего возраста, за исключением членов спортивных клубов (с 16 лет). Разрешение на право приобретения оружия выдается только лицам, которые имеют разрешение на охоту (ст. 26) [4]. В Нидерландах также запрещено ношение огнестрельного оружия.

Законодательство Португалии (Закон № 5/2006 от 23 февраля 2006 г.) довольно полно указывает все возможные понятия, характеризующие оружие и оборот оружия, а также действия, которые могут быть совершены с оружием. Также заслуживает внимание, что в данном нормативном правовом акте регламентируется оборот всех видов вооружения, которые находятся на территории Португалии. Согласно указанному Закону запрещены к обороту глушители и оптические прицелы (ст. 3). На основании лицензии разрешено приобретение короткоствольного огнестрельного оружия калибра не более 6,35 мм, охотничьего оружия гладкоствольного и с нарезным стволом, газового оружия, пневматического оружия калибром более 5,5 мм и начальной скоростью вылета снаряда менее 360 м/с (стст. 6–11). Указанное оружие может быть приобретено лицом, достигшим 18-летнего возраста, действие лицензии в зависимости от типа оружия выдается на срок 5, 6 и 10 лет (ст. 27). Одному лицу разрешено приобретение не более двух – пяти единиц, в зависимости от типа (ст. 32). В случае нарушения деятельности, связанной с оборотом оружия юридическим лицом, в отношении него может быть наложен запрет на осуществление такой деятельности на срок от 6 месяцев до 10 лет либо штрафом от 3 000 до 60 000 евро в зависимости от нарушения (ст. 92, 103). Лица лишаются лицензии в следующих случаях: осуждение за совершение преступления; лишение разрешения на право охоты; нарушение правил обращения с оружием; утрата или хищение оружия (ст. 108). Следует также указать, что в разделе VI указаны меры по предупреждению нарушений оборота оружия, которые должны осуществляться уполномоченными органами [5]. Необходимо отметить, что в стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Польши от 21 мая 1999 г. «Об оружии и боеприпасах» на основании полученного разрешения, выданного по месту жительства или пребывания, разрешено приобретение пистолетов и револьверов калибром от 6 до 12 мм, карабинов от 5,45 до 7,62 мм (статьи 9, 10). Оружие может быть приобретено для: 1) индивидуальной защиты; 2) защиты людей и имущества; 3) охоты; 4) спортивных мероприятий; 5) исторической реконструкции; 6) коллекционирования; 7) обучения. Необходимо указать, что основанием получения разрешения является обоснование необходимости его приобретения; так, например, для индивидуальной защиты и защиты людей и имущества необходимо наличие обращения в органы полиции, подтверждающее какую-либо угрозу для жизни и здоровья лица. Основанием приобретения оружия в целях охоты и участия в спортивных мероприятиях является членство в соответствующих организациях (ст. 10). Разрешение на оружие выдается на 5 лет (ст. 10а). Разрешение на огнестрельное оружие без эксплуатационных свойств (без возможности использования его в качестве боевого), а также пневматическое оружие выдается на неопределенное время (ст. 9). Запрещено приобретение оружия, оборудованного глушителем, а также оборот указанных предметов (ст. 10). Приобретенное оружие, в том числе пневматическое оружие, подлежит регистрации в уполномоченных органах в течение 5 дней после приобретения (ст. 13). Разрешение на право приобретения и хранения оружия, в зависимости от типа, может быть получено лицом, достигшим 18- или 21-летнего возраста (ст. 13, 15). Лица имеют право получить разрешение только после прохождения медицинского обследования у врачей, которые занесены в соответствующий перечень органов полиции (ст. 15b) [6]. Необходимо отметить, что в стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Республики Молдова от 8 июня 2012 г. № 130 «О режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения» глушитель является основной частью огнестрельного оружия и оборот глушителей, а также иных устройств, предназначенных или адаптированных для уменьшения шума, запрещен на территории страны (статьи 2, 5). Запрещается оборот лазерных прицелов и устройств, работающих по подобной технологии, приборов ночного видения (ст. 5). Разрешается приобретение огнестрельного оружия на основе разрешения, выдаваемого уполномоченными органами, с калибром не более 12,7 мм, а также боеприпасов, предназначенных для того вида оружия, которым владеет лицо (ст. 5). Разрешение на приобретение оружия может быть получено лицом, достигшим 21 года, при отсутствии определенных ограничений, предусмотренных ч. 2 ст. 7, сроком на 5 лет (статьи 7, 11). В соответствии с указанным нормативным правовым актом лицу разрешается приобретение не более 2 короткоствольных нарезных единиц оружия, не более 2 длинноствольных нарезных единиц оружия, не более 8 длинноствольных гладкоствольных единиц оружия, неограниченное количество оружия для спортсменов и коллекционеров (ст. 12), не более 250 патронов для каждой единицы нарезного оружия, не более 500 патронов для каждой единицы гладкоствольного оружия (ст. 13). Разрешение на оружие аннулируется в случаях, предусмотренных ст. 18 указанного Закона, в частности в случае неправомерного использования (в случае несообщения в орган полиции о применении или если имеют место жертвы в случае его применения (ст. 17)). Право приобретения неогнестрельного оружия имеют граждане, достигшие 18 лет и получившие в уполномоченных органах свидетельства о хранении (в частности, пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж) (ст. 22). Юридические лица, которые имеют право на совершение действий в сфере оборота оружия, получают разрешение сроком на 3 года (ст. 39). В статьях 41 и 57 предусмотрены условия аннулирования разрешений для юридических лиц,

в частности в случае допущения в течение одного года более двух правонарушений в сфере оборота оружия (ст. 41), продажа запрещенных видов оружия, а также лиц, которые не имели разрешения на приобретение (ст. 57) [7]. Необходимо отметить, что в стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Словении от 26 января 2005 г. № 213-05/90-1/78 «Об оружии» цель приобретения оружия – самооборона, охота, занятие спортом (ст. 2). Разрешено приобретение короткоствольного огнестрельного оружия (ст. 3). Разрешение на ношение и хранение охотничьего и спортивного оружия выдается на двадцать лет. Юридическим лицам разрешение на оборот оружия выдается на срок 5 лет (ст. 11). Право приобретения и хранения оружия предоставляется гражданам, достигшим 18-летнего возраста. Лицо имеет право приобрести не более 5 единиц охотничьего или спортивного оружия (ст. 14). Разрешение на право приобретения или хранения оружия не выдается лицу, которое было ранее осуждено за умышленное преступление (ст. 16). Разрешение выдается лицу при следующих условиях: предоставление доказательств, что его личная безопасность находится под угрозой и требуется необходимость ее защиты именно оружием; является членом охотничьих объединений; является членом соответствующей спортивной организации (ст. 16). За нарушение правил оборота оружия предусмотрено наказание в виде штрафа для физических лиц от 200 до 1 200 евро (ст. 81), для юридических лиц – от 800 до 8 000 евро (ст. 82) [8]. Ношение огнестрельного оружия в стране запрещено.

В соответствии с Законом Словакии от 4 июня 2003 г. «Об огнестрельном оружии» основаниями приобретения оружия являются: экспонирование оружия; реализация охотничьих, спортивных или культурных интересов; защита жизни, здоровья или имущества (§ 11). Разрешено приобретение короткоствольного огнестрельного оружия (§ 14). Право приобретения и хранения оружия предоставляется гражданам, достигшим 18-летнего (в частности, для охоты – пневматическое, с кинетической энергией не более 7,5 Дж) или 21-летнего возраста. Также возможна выдача разрешения лицу, достигшему 15-летнего возраста, с разрешения законного представителя (§ 18). Разрешения на право приобретения оружия выдает комиссия, в состав которой входит два сотрудника полиции, сотрудник прокуратуры и врач (§ 21). Разрешение выдается на срок 10 лет (§ 23). Запрещается хранение оружия в автомобиле (§ 28). Данные о владельцах оружия, об оружии и боеприпасах хранятся в электронных системах, которые ведутся уполномоченными органами, в течение всего периода владения указанными предметами и 20 лет с момента прекращения владения оружием (§ 65). За нарушение правил оборота оружия указанный закон предусматривает штрафные санкции от 3 000 до 33 000 евро (§ 68) [9]. В стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

Законодательство Швейцарии, регулирующее оборот оружия, является самым либеральным в Европе. Так, в соответствии с Федеральным Законом от 20 июня 1997 г. «Об оружии, аксессуарах и боеприпасах» (Закон об оружии) право приобретения и хранения оружия предоставляется гражданам, достигшим 18-летнего возраста (ст. 8), также разрешено приобретение оружия для занятия спортом лицу, достигшему 16-летнего возраста, с разрешения законного представителя (ст. 11). Без получения лицензии разрешено приобретение следующих видов оружия: гладкоствольное охотничье, спортивное, пневматическое оружие с кинетической энергией не более 7,5 Дж, оружие предназначенное для подачи сигнала тревоги (ст. 10), иное оружие приобретается на основании полученного, в уполномоченных органах разрешения (ст. 6а). Для приобретения указанных видов оружия требуется составление договора, где указываются личные

данные лица и характеристика оружия (наименование, калибр и номер оружия, а также дата и место приобретения). Разрешено ношение огнестрельного оружия, одним из обязательных условий получения указанного разрешения является наличие оснований для самозащиты, или для защиты третьих лиц, или имущества (ст. 27) [10]. Необходимо отметить, что в Швейцарии разрешено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Финляндии от 9 января 1998 г. «Об огнестрельном оружии» право приобретения и хранения оружия предоставляется гражданам, достигшим 18-летнего возраста (статьи 27, 45), право приобретения и хранения короткоствольного огнестрельного оружия предоставляется гражданам, достигшим 20-летнего возраста (ст. 45), разрешение выдается сроком на 5 лет (ст. 28). Разрешено приобретение короткоствольного огнестрельного оружия (ст. 27). На каждое огнестрельное оружие требуется отдельное разрешение. Целями получения разрешения на оружие являются: занятие охотой; занятие спортом; трудовая деятельность, связанная с необходимостью иметь оружие; организация выставок; коллекционирование (ст. 43). Разрешение на изготовление оружия выдается соответствующим организациям сроком на один год (ст. 51). Для приобретения, ношения и хранения газового оружия необходимо получение разрешения, которое выдается на пять лет (ст. 55) [11]. В стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Хорватии от 6 июня 2007 г. «Об оружии» право приобретения и хранения оружия предоставляется гражданам, достигшим 21-летнего возраста (ст. 10). Разрешено приобретение короткоствольного огнестрельного оружия (ст. 12). Оружие можно приобрести для: самообороны (при условии, что гражданин обоснует такую необходимость); занятия охотой; занятия спортом (ст. 13). Разрешение на ношение оружия действует в течение периода действия медицинского сертификата, разрешение на хранение оружия выдается на десять лет (ст. 21). Разрешение на приобретение газового оружия не требуется, оно может быть приобретено лицом, достигшим 18-летнего возраста (ст. 25). За нарушение правил оборота оружия юридическое лицо подлежит наказанию в виде штрафа от 50 000 до 500 000 кунов (ст. 91). За нарушение правил оборота оружия физическое лицо подлежит наказанию в виде штрафа от 1 000 до 200 000 кунов или лишения свободы на срок от 45 до 60 дней (статьи 91–95) [12]. В Хорватии ношение огнестрельного оружия разрешено.

В соответствии с Законом Чехии от 8 марта 2002 г. «Об огнестрельном оружии» (Закон об оружии) основные части оружия также являются оружием (ст. § 3). Глушители и лазерные прицелы запрещены к обороту (§ 4). Целями приобретения оружия являются: коллекционирование; занятие спортом; охота; работа с необходимостью использования указанных предметов; защита жизни, здоровья или имущества (§ 16). Разрешение на право хранения и ношения оружие выдается сроком на 10 лет, при условии, что каждые 5 лет лицо обязано пройти медицинское освидетельствование для подтверждения возможности владеть огнестрельным оружием (§§ 16, 20). Право приобретения, хранения и ношения оружия предоставляется гражданам, достигшим 18-летнего возраста. Право на приобретение, хранение и ношение отдельных видов оружия предоставляется лицам, достигшим 15-летнего возраста, являющимся членами спортивных организаций, а также лицам, достигшим 16-летнего возраста, являющимся учениками среднеобразовательных учреждений, в которых преподается курс обучения обращения с оружием, с согласия законного представителя и совета указанных организаций (§ 19). Разрешение на право хранения и ношения оружия не выдается лицам, которые были осуждены за умышленные тяжкие преступления или иные преступления, совершенные с применением оружия

с назначением наказания более пяти лет лишения свободы, в случае, если после отбытия наказания не истек двадцатилетний срок; осуждены за иные умышленные преступления с назначением наказания более двух лет лишения свободы, в случае если после отбытия наказания не истек десятилетний срок; осуждены за иные умышленный преступления с назначением наказания менее двух лет лишения свободы или иного более мягкого наказания, в случае если после отбытия наказания не истек пятилетний срок либо трехлетний срок, если наказание было условным; осуждены за неосторожные преступления, в случае если после отбытия наказания не истек трехлетний срок (§ 22). Лицу, имеющему разрешение на хранение и ношение оружия, разрешается приобретение не более трех видов оружия (§ 28). Уполномоченным юридическим лицам разрешена перевозка огнестрельного оружия в количестве не более 100 единиц и 200 000 единиц боеприпасов, при условии что автомобили оснащены устройствами, позволяющими отслеживать их месторасположение (§ 50). За незаконные действия с оружием, за исключением совершения преступлений в сфере оборота оружия, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 5 000 до 1 000 000 крон (§§ 76, 76a, 76b) [13]. Необходимо отметить, что в стране разрешено скрытое ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Швеции от 8 февраля 1996 г. «Об оружии» основные части оружия, а также глушители относятся к оружию (гл. 1, § 3). Право приобретения и хранения оружия имеют граждане, достигшие 18-летнего возраста (гл. 2, раздел 1, § 1). Целями приобретения оружия являются: коллекционирование; занятие охотой; занятие спортом; занятие охранной деятельностью; самооборона (гл. 2, §§ 1–4). Разрешение на оружие выдается на неограниченный срок, за исключением автоматического оружия, разрешение на которое выдается на пятилетний срок (гл. 2, §§ 5, 6(a)) [14]. В соответствии с законодательством Швеции разрешается приобретать до 6 охотничьих винтовок, или до 10 пистолетов, или 8 единиц смешанного оружия (винтовки и пистолеты). В стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с Законом Германии от 27 октября 2003 г. «Об оружии» целями приобретения оружия являются: занятие охотой; занятие спортом; занятие охранной деятельностью; коллекционирование (раздел 1, § 3). Право приобретения и хранения оружия имеют граждане, достигшие 18-летнего возраста. Удостоверение охотника может получить лицо, достигшее 16-летнего возраста, однако охота (с оружием), с 16 до 18 лет разрешена только в присутствии совершеннолетнего охотника (раздел 4, § 10). Разрешено приобретение неограниченного количества длинноствольного оружия, короткоствольного оружия – не более 5 единиц (раздел 5, § 13) [15]. В стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с законодательством Испании – Положением «Об оружии» от 5 марта 1993 г., утвержденным Королевским Указом от 29 января 1993 г. № 137/1993 – запрещается оборот глушителей (ст. 5). Право приобретения и хранения оружия имеют граждане, достигшие 18-летнего возраста. В спортивных целях или для занятия охотой оружие может использовать лицо, достигшее 16-летнего возраста в присутствии совершеннолетнего, которые владеет соответствующей лицензией. Целями приобретения оружия является: прохождение учебных испытаний, определенных Министерством внутренних дел; занятие охотой, занятие спортом (ст. 102). Лицензия на короткоствольное оружие выдается на три года, на нарезное охотничье оружие – на пять лет. Разрешено приобретение одного короткоствольного оружия, шести единиц нарезного охотничьего оружия. Срок действия лицензий сокращается до двух лет, когда их

владельцу или заявителю исполнилось шестьдесят лет, и один год, когда ему исполнилось семьдесят лет (ст. 104) [16]. В стране запрещено ношение огнестрельного оружия.

В соответствии с законодательством всех указанных выше стран право на приобретение и хранение (в некоторых странах в том числе ношение) оружия имеют лица, которые прошли соответствующее медицинское освидетельствование, в частности психиатрическое, т. е. не имеют медицинских противопоказаний, а также являются благонадежными лицами, т. е. такими, кто не имеет судимости и не совершили преступление в соответствии с уголовным законодательством. Также во всех странах проводится контрольный отстрел оружия, в частности, в отдельных странах он проводится после приобретения лицом, в некоторых до поступления оружия в организацию, которая имеет право реализации. Информация о владельце оружия регистрируется в соответствующих информационных системах и хранится в течение всего времени владения оружием, а также в течение 10–20 лет (в зависимости от особенностей законодательства) после окончания права хранения, в отдельных странах и ношения, оружия.

В Японии также действует оружейный запрет. Потомкам самураев воспрещается частное коллекционирование оружия, а также хранение любых видов ручного огнестрельного и охотничьего оружия. Исключение делается для военнослужащих сил самообороны и полицейских. В соответствии с законодательством Японии запрещено владение так называемым имитационным оружием, т. е. предметами, которые имеют схожесть с оружием, также запрещены торговля и владение модельными пистолетами и револьверами, поскольку они могут быть переделаны в настоящее оружие. Владение охотничьим оружием и его использование не запрещено, однако выдача разрешений на приобретение и владение подлежит жесткому контролю (например, семья не может иметь более двух единиц оружия и 50 патронов).

Рассматривая данный вопрос, также целесообразно указать, что абсолютный запрет на все виды гражданского огнестрельного оружия предусматривают законодательства Люксембурга и Малайзии. С 1974 г. запрещено хранение стрелкового оружия в Ирландии. В Великобритании в соответствии с актом «Об огнестрельном оружии» от 1997 г. запрещено владение огнестрельным оружием.

На основании указанного можно сделать вывод, что основными различиями в законодательстве, регламентирующем оборот оружия в разных странах, являются: предметы, в отношении которых имеет место оборот; ограничения относительно видов оружия; требования и запреты в отношении отдельных категорий лиц, которые могут получить право на приобретение и хранение оружия.

По нашему мнению, принятие закона, регламентирующего оборот оружия, должно урегулировать все возможные отношения в данной сфере, в противном случае принятие какого-либо нормативного правового акта вносит противоречивость относительно толкования тех или иных понятий (которые употребляются в различных нормативных правовых актах), неурегулированность или ненадлежащую урегулированность отношений в указанной сфере.

Мы считаем, указанный нормативный правовой акт должен распространять свое влияние на сферу оборота любых видов вооружения, которые существуют на территории государства и оборот которых, в том числе и незаконный, может иметь место. Одним из необходимых условий разработки и переработки нормативного правового акта, регламентирующего оборот оружия, является анализ законодательной базы иных стран, с целью заимствования положительной практики и усовершенствование национального законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Федер. закон, 13 дек. 1996 г., № 150-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191-380&fld=134&dst=100024,0&rnd=0.708962582291-2082>. – Дата доступа: 05.04.2019.
2. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законы/Закон_РБ_Об_Оружии. – Дата доступа: 10.09.2019.
3. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Литовской Респ., 15 янв. 2002 г., № IX-705. – Режим доступа: <http://guns.allzip.org/topic/127/207328.html>. – Дата доступа: 06.07.2019.
4. Закон Королевства Нидерланды, устанавливающий правила изготовления, продажи, транспортировки, хранения, ношения и т. д. оружия и боеприпасов (Закон об оружии и боеприпасах) [Электронный ресурс] : 05 июля 1997 г. – Режим доступа: <http://wetten.overheid.nl/BWBR0008804/2017-01-01>. – Дата доступа: 06.07.2019.
5. Закон Португальской Респ. [Электронный ресурс] : 23 февр. 2006 г., № 5/2006. – Режим доступа: http://www.psp.pt/Legislacao/Lei_5-2006.pdf. – Дата доступа: 06.07.2019.
6. Об оружии и боеприпасах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Польша, 21 мая 1999 г. – Режим доступа: http://prawo.legeo.pl/prawo/ustawa-z-dnia-21-maja-1999-r-o-bronii-amunicji/rozdzial-2_zasady-i-warunki-wydawania-cofania-pozwolen-na-bron-rejestracji-broni-oraz-dysponowania-bronia-i-amunicja/?on=30.11.2015. – Дата доступа: 06.07.2019.
7. О режиме оружия и боеприпасов гражданского назначения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова, 8 июня 2012 г., № 130. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=345127>. – Дата доступа: 06.07.2019.
8. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Словения, 26 янв. 2005 г., № 213-05/90-1/78. – Режим доступа: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-listrs/vsebi-na?urlid=200523&stevilka=777>. – Дата доступа: 06.07.2019.
9. Об огнестрельном оружии [Электронный ресурс] : Закон Словацкой Респ., 4 июня 2003 г. – Режим доступа: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2003-190#p61>. – Дата доступа: 06.07.2019.
10. Об оружии, аксессуарах и боеприпасах (Закон об оружии) [Электронный ресурс] : Федер. закон Швейцарской Конфедерации, 20 июня 1997 г. : [по состоянию на 14.12.2019 г.]. – Режим доступа: <http://www.admin.-ch/opc/fr/classified-compilation-19983208/index.html>. – Дата доступа: 06.07.2019.
11. Об огнестрельном оружии [Электронный ресурс] : Закон Финляндской Респ., 9 янв. 1998 г. – Режим доступа: <http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980001>. – Дата доступа: 06.07.2019.
12. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Хорватия, 6 июня 2007 г. – Режим доступа: http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2007_06_63_1959.html. – Дата доступа: 06.07.2019.
13. Об огнестрельном оружии (Закон об оружии) [Электронный ресурс] : Закон Чешской Респ., 8 марта 2002 г. – Режим доступа: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2002-119>. – Дата доступа: 06.07.2019.
14. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Королевства Швеции, 8 февр. 1996 г. – Режим доступа: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattnings-sam-ling/vapenlag-199667_sfs-1996-67. – Дата доступа: 06.07.2019.

15. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Федеративной Республики Германия, 27 окт. 2003 г. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/awaffv/>. – Дата доступа: 06.07.2019.

16. Об оружии [Электронный ресурс] : положение, утв. Королевским Указом, 29 янв. 1993 г., № 137/1993. – Режим доступа: https://www.boe.es/diario_boe/-txt.php?id=BOE-A-1993-6202. – Дата доступа: 06.07.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Robak V. A. Legal Bases of Regulation of Arms Turnover in Foreign Countries

In this artical analyzes the issues of arms trafficking, in accordance with the legislation of some countries, namely the Russian, Belarus, Lithuania, Netherlands, Portugal, Poland, Moldova, Slovenia, Slovakia, Switzerland, Finland, Croatia, Czech Republic, Sweden, Germany, Spain, Japan, Luxembourg, Malaysia, Ireland. The expediency and necessity of the analysis of the legislation of other countries for the purpose of borrowing the best practices and improvement of the national legislation is specified.

УДК 343

С. М. Храмов

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: crimlaw_515@brsu.brest.by

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТИ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность рассмотрения правового механизма защиты прав человека в области биомедицинских технологий связана с активным развитием репродуктивной биомедицины, что требует надлежащего правового регулирования. Приведены примеры вопросов, не урегулированных на законодательном уровне, в частности касающихся порядка разрешения споров по результатам применения биомедицинских технологий. Утверждается, что необходима сбалансированная оценка не только новых возможностей, но и потенциальных опасностей использования биомедицинских технологий. Делается вывод, что все инновации, связанные с внедрением биотехнологий, должны быть надлежащим образом урегулированы на законодательном уровне.

Введение

Биомедицинские технологии (далее – биотехнологии) радикально изменили традиционное представление о границах человеческого существования, качестве и возможностях вмешательства в естественный биологический процесс. Основные принципы биотехнологий были разработаны еще в первой трети XX в. На промышленной основе при производстве антибиотиков они стали использоваться с 1929 г. Например, в России в настоящее время продолжают работать Институт медико-биологических проблем (основан в 1963 г.). Первоначальной целью создания Института было медико-биологическое обеспечение «космических полетов, исследований в области экологической и экстремальной медицины» [1]. С 1997 г. функционирует Международный Комитет по биоэтике, который создан по инициативе ЮНЕСКО. С этого времени в различных странах стали создаваться национальные комитеты.

Ученые освоили новую технологию редактирования генома человека. В результате микровмешательства появляется возможность добавить хромосому в разрезанный геном и излечить нежелательную мутацию. Существуют и другие прогрессивные технологии. Так, благодаря «трансплантации стволовых клеток в мире уже лечатся десятки заболеваний» [2]. В XXI в. использование биотехнологий существенно расширилось. Биотехнологии становятся особенно актуальными в условиях, когда необходимо изучить наследственные недуги. В общей сложности в мире насчитывается около 6 000 связанных с наследственностью отклонений. Без применения биотехнологий не всегда возможно оказать эффективную медицинскую помощь нуждающимся пациентам.

Возможности современных биотехнологий

Биотехнологии открывают новые возможности. Например, в настоящее время активно развивается направление репродуктивных технологий биомедицины. Речь идет о «людях из пробирок». Первоначально появление этой возможности «стало шокирующей новостью для мира» [2]. В 2019 г. использование метода вспомогательной репродукции во многих государствах уже не является сенсацией. Другие направления биомедицинских технологий также демонстрируют прорывные достижения. Например, в Великобритании функционирует роботизированная система CompactSelect произво-

дителя TAP Biosystems. Эта система способна «производить живые клетки, как для испытания новых лекарств, так и для практической клеточной терапии» [3].

Многих откровенно пугают открывшиеся возможности. Например, посредством клонирования может быть воспроизведен организм: «пока существует хотя бы одна клетка с жизнеспособным геномом, сохраняется потенциальная возможность воспроизвести организм “в целом” методом клонирования» [4, с. 8]. Если после прекращения деятельности организма продолжают существовать его отдельные органы и ткани, остается возможность пересадки органов и тканей. Помимо новых возможностей биотехнологии несут различные риски, связанные с риском злоупотреблений. В связи с этим возникает задача необходимости защиты прав человека при применении биотехнологий.

Проблемные вопросы в сфере применения биотехнологий

Необходимо констатировать, что современные технологии в медицине наряду с прогрессивными методами лечения ставят новые вопросы, связанные с правами человека. Они обусловлены, в первую очередь, развитием генной инженерии, принципиальной возможностью клонирования человека, несоблюдением норм биоэтики. Вот несколько примеров таких вопросов.

1. В какой мере будет обладать правами индивид, появившийся на свет в результате клонирования?

2. Не будет ли в результате биомедицинских манипуляций ущемлено достоинство человека? Не пострадают ли традиционные семейно-брачные отношения?

3. Имеются ли гарантии того, что генная инженерия не будет применена в медицинских целях?

4. В достаточной ли мере на законодательном уровне урегулированы вопросы ответственности, в том числе уголовной, за нецелевое применение биомедицинских технологий?

5. Какова процедура разрешения споров, если ущерб причинен третьим лицам?

6. Каким образом разрешать спорные моменты?

7. Как устанавливается отцовство при суррогатном материнстве?

Анализ текущей ситуации в сфере применения биотехнологий свидетельствует о необходимости сбалансированной оценки не только новых возможностей, но и потенциальных опасностей, тем более что тревожные симптомы уже имеются. В частности, наблюдаются «специфические особенности китайской системы здравоохранения, которые выразились в отсутствии... а) биоэтики как самостоятельной научной дисциплины; б) сдерживающих законодательных и правовых факторов в возможности проведения (с 2015 г.) широкомасштабных экспериментов по генетической модификации человека (что сделало Китай мировым лидером в этой области)» [5, с. 421].

Зарубежный опыт правового регулирования применения биотехнологий

Несмотря на имеющиеся проблемы, преимущества от применения биомедицинских технологий неоспоримы, например при применении генотерапии или при осуществлении генодиагностики. Важность рассматриваемой проблемы осознана во многих странах. Заслуживает внимания опыт Германии, где еще в 1990 г. был принят Закон о генной инженерии. В США, Великобритании, Франции, Канаде также на законодательном уровне закреплены «вопросы правового регулирования и определения блоков основных проблем» [6, с. 9].

Среди нормативных правовых актов следует выделить Закон об охране и гигиене труда (Великобритания); Закон о риске опытов, связанных с возможным загрязнением окружающей среды (США); Закон о регулировании деятельности, включающей исследование, преподавание, разработку, производство и коммерческий сбыт в области генетически измененных микроорганизмов и организмов (Франция); нормативные положения в области биотехнологии: руководство для пользователей (Канада).

Имеется международный опыт создания и функционирования специальных и специализированных органов управления и контроля: районные бюро Исполнительного органа по здравоохранению и безопасности (Великобритания); министерство по делам потребителей и корпораций (Канада); Комиссия по изучению вопросов выпуска продуктов биомолекулярной инженерии в окружающую среду (Франция); Комиссия по генной инженерии (Франция).

В 1997 г. государства – члены Совета Европы приняли Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (ETS N 164) (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине) [7]. Она базируется на основополагающих международно-правовых нормах, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.

Согласно ст. 5 Конвенции о правах человека и биомедицине, «медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие» [7].

11 декабря 1997 г. на XXIX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Всеобщая Декларация «О геноме человека и правах человека». Согласно ст. 11 данной Декларации не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая как репродуктивное клонирование человека [8]. Лицо, в отношении которого планируется медицинское вмешательство, должно иметь возможность заблаговременно получить интересующего его информацию, касающуюся как цели, так и характера вмешательства. В обязательном порядке необходимо заранее проговорить прогнозируемые последствия и возможные риски. У пациента должна быть возможность на любом этапе отказаться от медицинского вмешательства. Со стороны медицинского персонала не должны ставиться преграды и препятствия лицу, добровольно отозвавшему свое согласие. О результатах биомедицинского вмешательства должен быть своевременно проинформирован пациент или его законные представители.

Перечисленные юридически значимые моменты следует закреплять в соглашениях. В первую очередь это касается согласия лица и его заинтересованности в предстоящих медицинских действиях. Должен быть также предусмотрен механизм на случай, если пациент самостоятельно не в состоянии выразить свое согласие или отказ.

С биомедицинской точки зрения перспективным видится создание банка донорских клеток с целью возможности быстрого подбора соответствующего генетического материала в случае острой необходимости борьбы с прогрессирующим заболеванием. Банк позволит создать огромное количество вариаций различных клеток, которые смогут быть применены в терапевтических целях в качестве так называемой клеточной терапии.

В итоге, благодаря созданию клеточной библиотеки, лечение определенных заболеваний может быть поставлено на поток, стать серийным.

Анализ сферы применения биомедицинских технологий предполагает рассмотрение проблемных вопросов имплантации различных устройств людям с ограниченными возможностями, например, коммуникативных устройств для людей с дефектами органов

слуха и зрения. В этих случаях права человека также должны быть законодательно гарантированы. Это же касается и необходимости соблюдения биоэтики.

Особенно подвержен рискам социально уязвимый контингент – неработающие, судимые, лица с отклонениями психического развития, лица без определенного места жительства. Поэтому методы лечения должны быть заранее проверены, а их эффективность должна быть подтверждена специалистами.

Представляется, что оптимальным решением проблем законодательного обеспечения реализации прав человека в сфере применения биомедицинских технологий является подготовка и принятие унифицированного нормативного акта, который бы урегулировал наиболее важные общественные отношения в данной сфере.

Главное право любого человека – право на жизнь. Применение новейших биомедицинских технологий должно в полной мере гарантировать соблюдение этого неотъемлемого права.

Правовое регулирование использования биотехнологий в Республике Беларусь

В Республике Беларусь постепенно складываются основы правового регулирования в области применения биотехнологий. Права человека при применении биотехнологий могут быть защищены различными способами. Для этого существует соответствующая нормативно-правовая база. Так, еще в 2006 г. был принят закон «О безопасности генно-инженерной деятельности» [9]. Через четыре года начала реализовываться Государственная программа «Инновационные биотехнологии» на 2010–2012 гг. и на период до 2015 г. [10]. Вместе с тем правовые механизмы нуждаются в дальнейшем совершенствовании. В частности, назрела необходимость разработки и принятия закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения», в котором можно было бы раскрыть и классифицировать основные определения понятийного аппарата данной проблематики. Также необходимо определить направления совершенствования уголовно-правового законодательства.

Прогресс медицинских и биологических наук налицо. Юриспруденция не должна отставать, выполняя свою функцию правового регулирования. Должны быть поставлены надежные правовые препоны разработке этнического оружия на основе генной инженерии. Недопустима бесконтрольность в процессе исследовательской деятельности и проведения биомедицинских экспериментов. В то же время перспективным видится развитие электронной системы здравоохранения. Некоторые страны уже ввели такие системы, соблюдая при этом приоритет прав человека.

Национальное законодательство Республики Беларусь в рассматриваемой области только формируется. Оно должно быть направлено на соблюдение интересов конкретного гражданина, который по необходимости воспользуется биомедицинскими технологиями.

Направления развития уголовно-правовой защиты в сфере применения биотехнологий

Для того чтобы наметить основные направления развития уголовно-правовой защиты в сфере биотехнологий, целесообразно обобщить имеющийся опыт других стран. Практика применения уголовно-правовых мер борьбы с общественно опасными деяниями, связанными с неправомерным использованием биомедицинских технологий, имеется во Франции, Испании, в некоторых других странах.

Например, в Уголовном кодексе Франции [11] в отдельную главу выделены преступные деяния в области биомедицинской этики. В этой главе содержатся такие разделы, как «О защите человеческого вида», «О защите человеческого организма», «О защите человеческого эмбриона». Во Франции наказуемым в уголовном порядке является зачатие человеческих эмбрионов экстракорпоральным методом в исследовательских, научных или экспериментальных целях, а также осуществление каких-либо экспериментов над эмбрионом. Наказания за такие деяния предусмотрены статьями 511-18, 511-19: виновное лицо может быть приговорено к 7 годам тюремного заключения и штрафу.

Ст. 511-1 Уголовного кодекса Франции предусматривает уголовную ответственность за селекцию эмбрионов человека. Селекция может заключаться в выборе пола и определенных физических характеристик. Такие деяния, признанные общественно опасными, влекут назначение наказания в виде тюремного заключения на срок до 20 лет.

Во Франции уголовно наказуемы и другие деяния в рассматриваемой сфере: купля-продажа человеческих органов, тканей, клеток или продуктов жизнедеятельности человека; торговля человеческими эмбрионами; проведение на человеке биомедицинского исследования без получения добровольно сделанного и ясно выраженного согласия информированного пациента; посягательства на права человека, связанные с исследованием его генетических свойств или идентификацией посредством его генетических признаков. Приведенный перечень не является исчерпывающим. Изучение же эмбриона, производимое специализированными учреждениями исключительно в медицинских целях и с письменного согласия мужчины и женщины, образующих пару, во Франции разрешено.

В другой стране ЕС – Испании – предусмотрена уголовная ответственность за противоправные генетические манипуляции. Соответствующая глава содержится в Уголовном кодексе Испании [12]. Состав этого преступления образуют:

- 1) изменение генотипа человека в целях, не связанных с лечением тяжелых наследственных болезней;
- 2) использование генной инженерии для производства биологического оружия или оружия массового поражения;
- 3) оплодотворение женской яйцеклетки с иной целью, нежели человеческое воспроизводство;
- 4) создание идентичных человеческих существ путем клонирования или совершение иных действий, направленных на селекцию людей, и др.

В Республике Беларусь полноценная система уголовно-правовых норм об ответственности за возможные общественно опасные нарушения биоэтики находится в стадии формирования. С целью оптимизации и актуализации уголовного законодательства необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности дополнения гл. 19 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса Республики Беларусь следующими составами преступлений:

- а) незаконные искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация;
- б) купля-продажа органов и тканей человека и принуждение к их изъятию для трансплантации;
- в) принуждение к изъятию органов, частей органов или тканей человека;
- г) незаконное проведение биомедицинских исследований или применение запрещенных способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств;

- д) незаконная торгавля крывёю або кампанентамі крыві;
- е) генетычныя маніпуляцыі, т. е. стварэнне існасці, падобнага чалавеку.

Заклученне

1. Развіццё высокіх тэхналогій у ўсіх сферах – адна з найбольш значымых характэрыстык сучаснай грамадскай жыцця. У сувязі з тым што біятэхналогіі развіваюцца імкліва, заканадаўства не заўсёды ўспявае ўрэгуляваць новыя грамадскія адносіны. У шэрагу выпадкаў яно мяжуе з разробанымі нормаў права ў вобласці абароны правоў пацыентаў, заканадаўствам аб ахоўне здароўя насельніцтва.

2. У сферы біямедыцынскіх тэхналогій неабходна забяспечыць комплексны падыход, дазваляючы ўзаемадзейнічаць розным спецыялістам. Успех у гэтай сферы можа быць забяспечаны ўсімі не толькі медыцынскімі работнікамі, хімікамі і молекулярнымі біялагамі, але і юрыстамі. Іх сумесныя ўсімі дазваляюць, калі не гарантуваць успех, то сур'ёзна павялічыць шансы вырашэння паставленых задач.

3. Усе інавацыі, звязаныя з ўвядзеннем біятэхналогій, павінны быць надлежным чынам урэгуляваныя на заканадаўчым узроўні. Надлежнае прававое забяспечэнне адносін у сферы інавацыйных біямедыцынскіх – частка вырашэння комплекснай праблемы рэалізацыі правоў чалавека.

4. Існуе патрэбнасць у далейшым развіцці прававога механізму абароны правоў чалавека ў вобласці біямедыцынскіх тэхналогій, у частнасці шляхам ўвядзення новых ўзгодна-прававых нормаў. Падобны вопыт ужо існуе ў шэрагу краін.

5. Перспектывным відаецца развіццё электроннай сістэмы здароўя. У свеце падобныя сістэмы ўжо ўспешна функцыянуюць (напрыклад, у Швецыі). Безумоўна пры гэтым выступае прыморы права чалавека, абавязанне сацыяльна-этычных нормаў, забяспечэнне захавання фізічнай і псіхалагічнай цэласці чалавека.

6. З развіццём біятэхналогій павялічваюцца рыскі зрабэння грамадска небяспечных дзеянняў у гэтай сферы. Для іх прадупрэджэння і прасячэння прапанавацца разгледзець пытанне аб устаўленні адказнасці за наступныя віды дзеянняў: незаконнае штучнае апладотворэнне і імплантацыя эмбрыона, медыцынская стэрылізацыя; кланіраванне; купля-продажа органаў і тканін чалавека і прымушэнне да іх выняцця для трансплантацыі; прымушэнне да выняцця органаў, частак органаў або тканін чалавека; незаконнае правядзенне біямедыцынскіх даследаванняў або прымяненне забароненых спосабаў дыягнастыкі і лячэння, а таксама лекаўных сродкаў; незаконнае торгавля крывёю або кампанентамі крыві; генетычныя маніпуляцыі, т. е. стварэнне існасці, падобнага чалавеку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сініцына, Т. Біямедыцына ў пошуках «бож'яга дара» [Электронны рэсурс] / Т. Сініцына // РІА Навіны. – Рэжым доступу: <https://ria.ru/20060201/43279609.html>. – Дата доступу: 17.02. 2019.
2. Зайков, Н. Разрэзаць геном, ці Чаму прарывныя тэхналогіі біямедыцыны застаюцца ў лабараторыях [Электронны рэсурс] / Н. Зайков // Рос. Газ. – Рэжым доступу: <https://rg.ru/2015/08/21/tehnologii.html>. – Дата доступу: 17.02.2019.
3. Дробышэва, І. У школе біямедыцыны вырошчваць клеткі будзе робот [Электронны рэсурс] / І. Дробышэва // Рос. Газ. – Рэжым доступу: <https://rg.ru/2014/02/10/reg-dfo/biomedecina-anons.html>. – Дата доступу: 17.02.2019.

4. Тищенко, П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М., 2001. – 177 с.
5. Петрова, М. С. Биоэтическое знание и проблемы биоэтики в контексте социокультурной динамики общества / М. С. Петрова // Диалог со временем. – 2018. – № 65. – С. 417–423.
6. Караваева, Е. И. Вопросы правового регулирования и ответственности / Е. И. Караваева, Р. В. Кравцов // Сиб. юрид. вестн. – 2005. – № 3. – С. 7–12.
7. Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901808464>. – Дата доступа: 09.02.2019.
8. О геноме человека и правах человека [Электронный ресурс] : Всеобщая Декларация : принята 11.12. 1997 г. на XXIX сессии Генер. конф. ЮНЕСКО // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
9. О безопасности генно-инженерной деятельности» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 96-З (с изм. и дополн.) / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 октября 2009 г., № 1386 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 262. – 5/30653.
11. Уголовный кодекс Франции / редкол.: Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой ; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 650 с.
12. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-ispanii/>. – Дата доступа: 04.10.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Chramov S. M. Legal Mechanism Protection of Human Rights in the Field of Biomedical Technologies

The article is devoted to the legal mechanism for protecting human rights in the field of biomedical technologies, including problematic issues arising in this area. The relevance of this topic is associated with the active development of reproductive biomedicine. The implementation of this area requires proper legal regulation. However, not all issues are settled at the legislative level. Especially, the issues of dispute resolution based on the results of applying biomedical technologies. The article provides examples of such issues. A balanced assessment of not only new opportunities, but also potential dangers is needed. Based on the results of the consideration of problematic issues, it is concluded that all innovations associated with the introduction of biotechnology should be properly regulated at the legislative level.

УДК 343.13:343.26

Х. П. Пашаев

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. права, философии и социологии
Горно-Алтайского государственного университета (Россия)
e-mail: p_khalik@mail.ru*

**ПРАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ:
ОТДЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Рассмотрены важные в теоретическом и практическом плане проблемы, связанные с проведением первоначальных следственных действий при расследовании убийств. Выделены недостатки в организации первоначальных следственных действий в виде ошибок и просчетов следователя, обозначены цели и задачи по отдельным следственным действиям, выявлены серьезные проблемы по их производству.

На протяжении последних лет в России отмечается снижение числа зарегистрированных убийств. Анализ статистических данных свидетельствует, что в 2012 г. было зарегистрировано 13 265 тыс. таких преступлений, в 2013 г. – 12 361 тыс., в 2014 г. – 11 933 тыс., в 2015 г. – 11 496 тыс., в 2016 г. – 10 444 тыс., в 2017 г. – 9 738 тыс., в 2018 г. – 8 574 тыс. Несмотря на то что количество убийств уменьшается, число лиц погибших в результате совершения преступлений остается достаточно высоким, но раскрываемость данного вида преступлений имеет тенденцию к снижению [1].

Умышленное причинение смерти другому человеку – убийство – является одним из самых тяжких преступлений против личности. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за убийство, в том числе при отягчающих обстоятельствах (ст. 105); привилегированные виды убийств – убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106), убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108).

Расследование убийств обычно представляет значительную сложность, поскольку преступники применяют множество способов совершения, маскировки и сокрытия преступления, прибегают к разнообразным средствам противодействия установлению истины. Успех в раскрытии и расследовании убийств, особенно при отсутствии на начальном этапе следствия информации о личности преступника, а иногда и личности потерпевшего, в значительной степени зависит от своевременного и квалифицированного выполнения первоначальных следственных действий с привлечением необходимых специалистов и использованием современных научно-технических средств на первоначальном этапе производства следственных действий.

В толковых словарях термин «первоначальное» означает «действие, бывшее в самом начале». Одни ученые отождествляют понятия неотложных и первоначальных следственных действий, усматривая в них единые цели и содержание. По мнению других, это самостоятельные категории следственных действий, хотя и имеющие общие признаки. Некоторые авторы вообще заменяют понятие первоначальных следственных действий неотложными следственными действиями. В юридической литературе получила распространение точка зрения, согласно которой понятие первоначальных следственных действий является криминалистическим, а неотложных – уголовно-процессуальным. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные

действия в науках уголовно-процессуального права и криминалистики является предметом длительной и оживленной дискуссии [2].

Мы придерживаемся мнения, что первоначальные следственные действия – это совокупность следственных действий, проводимых наряду с розыскными и иными мероприятиями, на начальном этапе расследования события, содержащего признаки преступления. Содержание и последовательность их проведения зависят от ситуации, складывающейся на данном этапе, в частности от информационной составляющей и иных обстоятельств. Осуществляются в целях обнаружения, закрепления, изъятия, сохранения и предварительного исследования следов преступления, для преодоления информационной неопределенности относительно преступного события, выдвижения и проверки следственных и розыскных версий, для получения и создания условий формирования доказательственной базы [3].

Среди первоначальных следственных действий особенно важны осмотр места происшествия, трупа на месте его обнаружения, установление личности убитого, установление очевидцев преступления, назначение экспертиз, обыск, выемка, а также допрос подозреваемых, свидетелей и др. Информация, получаемая на начальном этапе расследования в результате выполнения перечисленных следственных действий, служит основанием для выдвижения следственных версий и определения дальнейшего направления расследования.

Исследования материалов уголовных дел по совершенным убийствам показали, что в большинстве случаев следователи квалифицированно проводят первоначальные следственные действия, подробно фиксируют их результаты и умело используют полученные доказательства в процессе расследования. Высокое качество проведения осмотров места происшествия и других первоначальных следственных действий обеспечивается тщательной подготовкой и умелой организацией их производства, правильным взаимодействием с оперативными подразделениями органов дознания, умелым применением технических приемов, привлечением специалистов, квалифицированным использованием средств криминалистической техники.

По убийствам осмотр места происшествия обычно является отправным следственным действием, позволяющим восстановить обстановку совершения преступления, выяснить наиболее важные обстоятельства его объективной стороны, обнаружить, зафиксировать и изъять следы преступления и вещественные доказательства, а затем на этой основе выдвигать версии о личности подозреваемого, субъективной стороны преступления и организовать целенаправленные действия по выявлению личности преступника.

Нередко на практике результаты осмотров мест происшествий являлись основанием к назначению различных судебных экспертиз, к проведению оперативно-розыскных мероприятий и последующих следственных действий, что способствовало полному, всестороннему и объективному расследованию преступлений. Вместе с тем при осмотре места происшествия нередко допускаются грубейшие ошибки и упущения, впоследствии приводящие к неполному использованию широких возможностей этого следственного действия в целях получения доказательственной информации. Некоторые следователи все еще недооценивают важности квалифицированного осмотра места происшествия. Анализ практики расследования убийств показывает, что при наличии оснований для производства осмотра места происшествия чаще всего допускаются следующие ошибки:

1) осмотр места происшествия проводится несвоевременно, поверхностно, некачественно, формально (запоздалое проведение осмотра места происшествия, как правило, ведет к утрате следов преступления и других ценных вещественных доказательств, не говоря уже об изменении обстановки, позы трупа и других обстоятельствах, дезориентирующих следователя);

2) осмотр проводится не следователем, а работниками органов дознания на недостаточно высоком профессиональном уровне, что приводит к необходимости проводить повторный или дополнительный осмотр, который часто не дает желаемых результатов из-за упущенного времени;

3) к участию в осмотре специалисты-криминалисты редко привлекаются (бывают случаи, когда в нарушение закона осмотр трупа проводится без участия врача – специалиста в области судебной медицины или иного врача);

4) не всегда в необходимых случаях привлекаются к участию в осмотре места происшествия другие специалисты;

5) не применяются научно-технические средства, и поэтому имеющиеся на месте происшествия слабовидимые объекты остаются необнаруженными;

6) не изымаются предметы, на которых могут быть микрочастицы (микроналожения), следователи проявляют при осмотре предвзятое отношение к отдельным фактам; увлекаясь одной, кажущейся наиболее правдоподобной версией, следователь проходит мимо следов и предметов, эту версию не подтверждающих, но дающих основания для других версий, не используется возможность развития и проверки версий, возникших в ходе осмотра;

7) необоснованно сужаются границы участка, подлежащего осмотру, осмотр проводится наспех, «скоростным методом» и поэтому оказывается неполным, результаты осмотра фиксируются в протоколе, на плане и фотоснимках небрежно и неточно, обнаруживаемые при осмотре объекты лишь называются в протоколе, а не описываются, и это приводит к утрате доказательственной информации;

8) вещественные доказательства и копии со следов небрежно или неправильно упаковываются, что приводит к их порче и утрате.

Многие из этих недостатков и пробелов, допущенных при первоначальном осмотре места происшествия, не могут быть устранены ни повторным (или дополнительным) осмотром, ни допросом понятых и других участвовавших в осмотре лиц, ни другими следственными действиями, направленными на восстановление обстановки места происшествия, и утрата доказательств становится невозможной[4].

Отмеченные серьезные недостатки, допущенные при осмотре места происшествия и фиксации его результатов, а также последующие упущения следствия приводят к тому, что уголовное дело впоследствии приостанавливается в связи с неустановлением лица, подлежащего к привлечению в качестве обвиняемого (ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Несмотря на хорошее оснащение следственных подразделений средствами криминалистической техники, она, за исключением криминалистической фотографии, зачастую не применяется там, где необходимость ее применения очевидна. Отмеченное относится к применению как поисковых приборов с целью обнаружения орудий преступления и других важных доказательств, так и средств обнаружения и изъятия других малозаметных следов преступления.

Большую роль в обнаружении и изъятии вещественных доказательств, а также разыскиваемых лиц и трупов имеет обыск. Основанием производства обыска является

наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ст. 182 УПК РФ). Достаточность оснований в каждом конкретном случае определяется следователем исходя из имеющихся в деле доказательств, а также полученных сведений от органов дознания при производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Изучение следственной практики показало, что ряд следователей неправильно истолковывают понятие «достаточные основания» для производства обыска и проводят его только при наличии информации, полученной от оперативных работников, не подтвержденной процессуальным путем. Производство обысков следователи часто поручают работникам органов дознания, качество таких обысков нередко вызывает серьезные нарекания: либо они проводятся поверхностно, либо изымаются предметы, не имеющие значения для расследуемого уголовного дела. Зачастую при производстве обыска, допускаются те же недостатки и ошибки, что и при осмотре места происшествия [5, с. 114–115].

Исследования показали, что многие следователи обыски максимально заменяют проведением выемок (ст. 183 УПК РФ). Практика проведения выемки характеризуется рядом процессуальных нарушений, поскольку имеют место случаи отступления от установленного процессуальным законом порядка: либо выемка производится без вынесения соответствующего постановления, либо выемка необоснованно подменяется непроцессуальной, так называемой добровольной выдачей искомых предметов.

Допускаются существенные ошибки и при вынесении постановлений о назначении экспертиз, в протоколах отбора образцов для сравнительного исследования, в протоколах следственных действий, заключениях эксперта. Например, поставлены ли все необходимые вопросы на разрешение эксперта, отобраны ли нужные образцы для сравнительного исследования, проведены ли дополнительные следственные действия, использованы ли необходимые в данной следственной ситуации тактические приемы допроса и т. д.

Более серьезными являются неочевидные ошибки, которые простым изучением материалов уголовного дела сложно, а иногда и невозможно выявить. О наличии таких ошибок, зачастую узнают по их негативным последствиям. Поэтому нельзя своевременно принять меры к их устранению или хотя бы уменьшению нежелательных последствий этих ошибок [6, с. 267].

Требует пристального внимания и ряд наиболее распространенных типичных ошибок допускаемых следователем при производстве первоначальных следственных действий, к числу которых относятся:

- 1) пренебрежение версией подозреваемого, отказ от ее проверки, что позднее приходится восполнять суду, или несвоевременность производства отдельных следственных действий, сбор доказательств только в рамках версии признания подозреваемого;
- 2) не принимаются меры по обнаружению орудия убийства и установлению относимости этого орудия к преступлению, преступнику;
- 3) некачественный допрос свидетелей и неустранение существенных противоречий между их показаниями и иными имеющимися доказательствами;
- 4) неудовлетворительная работа по установлению очевидцев убийства непосредственно после убийства;
- 5) иные ошибки и нарушения уголовно-процессуального закона.

Таким образом, первоначальные следственные действия по делам об убийствах напрямую зависят от правильного планирования следователем необходимых следст-

венных действий, направленных на выполнение главной задачи данного этапа расследования – установления, задержания лиц, совершивших убийство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart. – Дата доступа: 20.09.2019.

2. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/966637/pravo/sootnoshenie_ponyatiy_neotlozhnye_pervonachalnye_sledstvennye_deystviya. – Дата доступа: 25.09.2019.

3. Первоначальные следственные действия [Электронный ресурс] // Национальная юридическая энциклопедия Российской Федерации. – Режим доступа: <https://determiner.ru/termin/pervo-nachalnye-sledstvennye-deistviya.html>. – Дата доступа: 20.09.2019.

4. Руководство по расследованию убийств [Электронный ресурс] / М. И. Авдеев [и др.] ; под ред. С. И. Гусева. – Режим доступа: <https://lib.sale/kriminalisticheskaya-metodika-pravo/tipichnyie-oshibki-dopuskaemyie-pri-osmotre-68692.html>. – Дата доступа: 22.09.2019.

5. Соловьев, А. Б. Следственная практика / А. Б. Соловьев, Г. И. Пичкалева. – М. : Юрид. лит., 1983. – С. 114–115.

6. Настольная книга следователя. Расследование преступлений против личности (убийства, торговля людьми) : науч.-метод. пособие / под ред. А. И. Дворкина, А. Б. Соловьева. – М. : Экзамен, 2007. – С. 267.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Pashaev Kh. P. Practice of Conducting Initial Investigative Actions in Murder Cases: Individual Errors of the Investigator

The article is devoted to important theoretical and practical issues related to the conduct of initial investigative actions in the investigation of murders. The author highlights the shortcomings in the organization of the initial investigative actions in the form of errors and miscalculations of the investigator, identifies the goals and objectives for individual investigative actions, identifies serious problems in their production.

УДК 349.6(075.8)

Г. И. Зайчук¹, О. А. Пасечник², П. В. Пошвенчук³¹канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²студентка IV курса специальности «Правоведение»³студентка II курса специальности «Правоведение»

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹g.zaichuk@mail.ru**ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ
И ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ВИДАМ,
ВКЛЮЧЕННЫМ В КРАСНУЮ КНИГУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
И ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИ**

Анализируется закрепленное в законодательстве понятие редких и исчезающих видов животных и растений, включенных в Красную книгу Республики Беларусь. Показывается фрагментарность и неполнота их правового режима из-за отсутствия в нем указания цели охраны таких животных и растений. Приводится авторское определение рассматриваемых представителей животного и растительного мира. Уточняется состав дикорастущих растений путем дополнения его озеленительными, защитными насаждениями и лесами. Рекомендуются к основным способам пользования указанными дикими животными и дикорастущими растениями отнести их использование без изъятия из среды обитания и произрастания путем наблюдения, фотографирования и т. п. в процессе осуществления экологического туризма.

Ведение

Редкие и исчезающие виды животных и растений, включенные в Красную книгу Республики Беларусь (далее – Красная книга), являются элементами таких компонентов природной среды, как животный и растительный мир, леса и выполняют наряду с другими составляющими природы важные экологическую, экономическую и социальную функции. Однако их состав, понятие и способы пользования ими в законодательстве отражены фрагментарно, что требует дополнительного теоретического исследования для внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты. Единственная монографическая работа по этой проблеме [1] выполнена на основании уже не действующего Положения о Красной книге Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 1836, и поэтому несколько устарела.

Юридическое понятие Красной книги Республики Беларусь

Содержание понятия «Красная книга Республики Беларусь» фрагментарно, его неполное определение раскрыто в общерегулятивном природоохранном Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1882-ХІІ «Об охране окружающей среды» [2] (далее – Закон «Об охране окружающей среды»). Согласно ч. 15 ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» Красная книга Республики Беларусь – это список редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов, в том числе подвидов, разновидностей (далее – виды) диких животных и дикорастущих растений. Приведенное определение является неполным, т. к. не содержит юридического признака – указания на правовой режим. Кроме того, в специальных природоресурсных нормативных правовых актах: Законе Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире» [3] (далее – Закон «О животном мире») и Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире» [4] (далее – Закон «О растительном мире») – определены только критерии включения диких животных и дикорас-

тущих растений в Красную книгу Республики Беларусь, но не установлена цель этой правовой охраны. Указанные критерии обобщены в ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды». Так, к редким и находящимся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видам диких животных и дикорастущих растений относятся виды диких животных и дикорастущих растений, в отношении которых имеются данные мониторинга животного и растительного мира, государственных кадастров животного и растительного мира, научных и иных исследований, указывающие хотя бы на одно из следующих оснований: ежегодное в течение 10 лет, или 3 поколений, (из двух случаев выбирается большее по временному интервалу значение) сокращение их численности и (или) ареала; неблагоприятные изменения условий среды их обитания либо произрастания; ограниченность распространения и малочисленность их популяций.

Суть правового положения этих животных и растений заключается в том, что они полностью изъяты из процессов природопользования и хозяйственного оборота, за исключением немногочисленных случаев, оговоренных в законодательных актах. Рассматриваемый правовой режим направлен на восстановление численности их популяций до не угрожающих исчезновению размеров, а по возможности и до размеров, позволяющих их хозяйственное использование. Это произошло, например, с зубрами и бобрами. Популяция зубров, которые полностью исчезли из европейских, в том числе и белорусских, лесов в 1921 г., вначале в Беловежской пуще, а затем и по республике полностью восстановлена. Зубры сейчас в соответствии с Правилами охраны и рационального использования зубров [5] подразделены на две категории – на зубров основного генофонда и зубров резервного генофонда. Последние являются объектами охоты [6], которая приносит республике прибыль (в частности, стоимость охотничьей путевки на 1 день охоты составляет 3 рубля; стоимость разрешения на добычу взрослого зубра резервного генофонда для гражданина Республики Беларусь составляет 6 000 руб., для иностранного гражданина – 7 000 руб.; при этом стоимость охотничьих трофеев (рога с черепом без нижней челюсти) определена в следующих размерах: для гражданина Республики Беларусь – 16 000 руб., для иностранного гражданина – 22 000 руб.) [7]. Кроме того, Беловежская пуща и зубры стали символами Беларуси. В 20-е гг. прошлого столетия на грани исчезновения в республике оказалась популяция бобров. Принятие экстренных мер по их сохранению привело к тому, что чрезмерно размножившиеся бобры стали перекрывать плотинами мелиоративные каналы, как следствие, подтапливаются сельскохозяйственные угодья и леса. Сейчас бобры отнесены к промысловым охотничьим животным. Предполагается, что в 2019 г. индивидуальными охотниками и охотничьими хозяйствами будет добыто порядка 9 000 голов этих мясных и пушных зверей. Из бобрового мяса в 2018 г. изготовлены и успешно реализованы в Минске по цене 80 руб. за 1 кг пробные партии сыровяленой колбасы.

Представляется, что Красная книга Республики Беларусь – это список редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных и дикорастущих растений, в отношении которых с целью сохранения и восстановления их численности экологическим и природоресурсным законодательством установлен особый режим охраны и использования.

Правовая охрана диких животных и дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, и способы пользования ими

В 90-е гг. XX столетия и в начале нынешнего века приоритет при включении животных и растений в Красную книгу Республики Беларусь отдавался, как, впрочем,

и в отношении других природных объектов и ресурсов, их охране. Цель достижения устойчивого пользования ими не ставилась. Однако, как справедливо отмечает российский ученый-юрист Т. Н. Разгельдеев, на сохранение качественного состояния объектов охраны окружающей среды следует направлять значительные средства, которые производятся в виде фиксированных затрат из всех видов общественной деятельности, а в основе природно-ресурсных отношений лежит доход [8]. Следовательно, заниматься только охраной компонентов природной среды и их элементов ради их сохранения экономически невыгодно: надо чтобы эта деятельность была финансово целесообразной, не только влекла за собой расходы, но и приносила прибыль. Поэтому предлагается ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды» дополнить следующим определением: целью правовой охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных и дикорастущих растений является установление единого подхода и порядка регулирования процессов их сохранения, восстановления и устойчивого использования для обеспечения биологического разнообразия и создания благоприятных условий жизни в Республике Беларусь, а также удовлетворения экономических, социальных, в том числе продовольственных, рекреационных и иных потребностей человека с учетом интересов нынешнего и будущих поколений.

Животные и растения, включенные в Красную книгу, могут быть использованы двумя способами – с изъятием из среды обитания и произрастания и без изъятия (это, к сожалению, не получило закрепления в экологическом и природоресурсном законодательстве, но показано практикой). Однако в ст. 64² Закона «Об охране окружающей среды» получило закрепление только пользование с изъятием таких животных и растений. Согласно указанной статье изъятие диких животных и дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, из среды их обитания и произрастания допускается в научных целях, в целях вселения (включая расселение), интродукции, реинтродукции, акклиматизации, скрещивания, содержания и (или) разведения в неволе. Дикие животные, относящиеся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, могут быть изъяты из среды их обитания также в случаях, если они имеют заболевание, опасное для их жизни, жизни или здоровья граждан, а также в случаях необходимости оказания помощи этим диким животным при заболеваниях, ранениях, травмировании, угрозе гибели.

Такое изъятие осуществляется на основании разрешения, выдаваемого Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, в порядке и на условиях, установленных Советом Министров Республики Беларусь. Из этого можно сделать следующие выводы.

Во-первых, взятый Беларусью курс на развитие «зеленой» экономики предполагает развитие экологического туризма, наиболее привлекательными объектами которого из-за редкой встречаемости являются дикие животные и дикорастущие растения, относящиеся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь (что нашло отражение в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2016 г. № 1061 «Об утверждении Национального плана действий по развитию “зеленой” экономики в Республике Беларусь до 2020 года» [9]). При этом, как справедливо отмечает Е. И. Сидорова, эффективное вовлечение в экономические процессы экологического ресурса, который является практически неисчерпаемым, в ближайшей перспективе может стать одним из главных источников ускоренного повышения благополучия государства [10, с. 102] и экономического развития регионов. Таким образом, приоритетным способом пользования особо охраняемыми животными и растениями должно стать

их использование экологическими туристами без изъятия из природной среды путем наблюдения, фотографирования, съемки.

Например, много таких животных и растений находится на территории Национального парка «Беловежская пуца», который входит в Список всемирного наследия человечества ЮНЕСКО. Этот природный комплекс является по-настоящему уникальным. Именно здесь сохранились нетронутые человеком леса. Возраст некоторых деревьев превышает шесть сотен лет. Местная флора и фауна не имеют аналогов во всей Европе. На 120 000 гектарах девственной природы обитает огромное количество редчайших животных и птиц, причем некоторых из них не встретишь нигде в мире. А еще там обитает крупнейшая на планете популяция зубров. У парка есть огромный потенциал для развития экологического туризма, т. к. рядом расположена 500-миллионная Европа. Так, в 2018 г. в Беловежскую пуцу приехало около 180 000 туристов (для сравнения: Национальный парк «Great Smoky Mountains» в США ежегодно посещают более 9 млн человек).

Во-вторых, природопользование может быть двух типов – общее и специальное. При этом ст. 222 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 [11] вступает в противоречие со ст. 16 специального Закона «Об охране окружающей среды». Однако из общего смысла п. 1 ст. 1 ГК следует, что гражданское законодательство может применяться к природоресурсным и природоохранным отношениям, если специальным законодательством не предусмотрено иное. В частности, в ст. 16, посвященной праву природопользования, закреплено, что природные ресурсы, под которыми понимаются компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность, могут предоставляться в пользование в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Гражданам гарантируется право общего пользования природными ресурсами для удовлетворения их потребностей безвозмездно без закрепления этих ресурсов за ними и без получения соответствующих разрешений, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Республики Беларусь (право общего природопользования).

Осуществление природопользования в процессе экономической деятельности (специальное природопользование) разрешается юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям за плату, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь, на основании решений государственных органов, в компетенцию которых входит принятие таких решений, договора аренды, комплексного природоохранного разрешения в случаях, установленных актами Президента Республики Беларусь, и на иных основаниях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

В ст. 222 ГК под названием «Обращение в собственность общедоступных для сбора вещей», установлено, что в случаях, когда в соответствии с законодательством, общим разрешением, данным собственником, или в соответствии с местным обычаем в лесах, водоемах или на другой территории допускается сбор ягод, лов рыбы, сбор или добыча других общедоступных вещей и животных, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществившее их сбор или добычу.

Анализ земельного, водного, лесного, фаунистического и флористического законодательства показывает, что земли, воды, леса, дикие животные, обитающие в состоянии естественной свободы, и дикорастущие в естественных условиях растения являются не имуществом, а природными ресурсами. Вещами они становятся после их изъятия

из природной среды, причем на праве как общего, так и специального природопользования. Поэтому ст. 222 ГК для избегания коллизий со специальным природоресурсным и природоохранным законодательством оправданно изложить в следующей редакции:

«Ст. 222. Обращение в собственность природных ресурсов.

В случаях, когда в соответствии со ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды», основаниям, предусмотренным в природоресурсных кодексах и законах, производится изъятие природных ресурсов, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществившее их добычу».

В-третьих, Законами «О животном мире» и «О растительном мире» в состав диких животных и дикорастущих растений необоснованно включены дикие животные в неволе и дикорастущие растения, изъятые из естественной среды и произрастающие в условиях культуры (ботанических садах в закрытом грунте и т. п.). Однако последние утратили экологические связи с другими природными объектами и перешли в разряд вещей, в силу чего стали объектами гражданского права. Поэтому п. 20 ст. 1 Закона «О животном мире» и ст. 1 Закона «О растительном мире» оправданно изложить соответственно в следующих редакциях:

«Животный мир – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных (млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, насекомых и других животных), постоянно либо временно в состоянии естественной свободы обитающих на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о животном мире установлен режим охраны и использования».

«Дикорастущие растения – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех дикорастущих растений (сосудистых и мохообразных растений, водорослей, лишайников и грибов), не имеющих древесной структуры, произрастающих в естественных условиях на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о растительном мире установлен режим использования и охраны».

Кроме того, анализ Списка редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных, включаемых в Красную книгу, утвержденного постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 9 июня 2014 г. № 26 [12], Закона «О растительном мире» и Лесного кодекса (далее – ЛК) Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З [13], показал, что термин «дикорастущие растения, относящиеся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь» употреблен не в узком юридическом, а широком биологическом значении, что, впрочем, оправданно в силу того, что это понятие распространяется не только на дикорастущие растения, но и на озеленительные и защитные насаждения, являющиеся природно-антропогенными объектами, и на леса. Последние представляют собой самостоятельный природный объект и ресурс, правовой режим которых определен не Законом «О растительном мире», а Лесным кодексом Республики Беларусь. При этом в ст. 1, посвященной определениям Закона «О растительном мире», дефиниции озеленительных и защитных насаждений отсутствуют, а определение лесов, приведенное в п. 14 ст. 1 ЛК сформулировано некорректно, без учета дифференцированного подхода к регулированию компонентов природной среды и указания юридического признака – правового режима. Поэтому для ликвидации образовавшихся пробелов и неточностей оправданно:

а) в ч.1 ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды» внести следующее дополнение: «дикорастущие растения, включая озеленительные, защитные насаждения и леса (в дальнейшем – дикорастущие растения)» (и далее по тексту);

б) ст. 1 Закона «О растительном мире» дополнить следующими определениями озеленительных и защитных насаждений:

«Озеленительные насаждения – это компонент природной среды, охраняемый природно-антропогенный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность древесно-кустарниковых и иных нелесных насаждений, произрастающих в окультуренных условиях на землях общего пользования населенных пунктов, выполняющих санитарно-гигиенические, рекреационные, инженерно-технические, культурные, эстетические или иные несельскохозяйственные функции, в отношении которых законодательством о растительном мире установлен режим охраны и использования».

«Защитные насаждения – это компонент природной среды, охраняемый природно-антропогенный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность древесно-кустарниковых и иных нелесных насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения и землях транспорта, выполняющий защитные или иные несельскохозяйственные функции, в отношении которого законодательством о растительном мире установлен режим охраны и использования».

П. 14 ст. 1 ЛК изложить в новой редакции: «Лес – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность естественной и искусственно созданной древесно-кустарниковой растительности, произрастающей на землях лесного фонда и землях иных категорий на территории Республики Беларусь, выполняющий экономические, средообразующие, водоохраные, защитные, санитарно-гигиенические, рекреационные и иные функции, в отношении которого лесным законодательством установлен режим использования, охраны, защиты и воспроизводства».

Согласно ст. 64¹ Закона «Об охране окружающей среды» Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь может устанавливать ограничения, запреты или другие меры в отношении охраны, изъятия, содержания, хранения, экспонирования диких животных и дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу, их частей и (или) дериватов и торговли ими, в отношении сохранения, охраны и восстановления среды их обитания и произрастания, а также в отношении осуществления хозяйственной и иной деятельности, в процессе которой они используются в качестве сырья, в иных целях потребления или реализации. Из этого следует, что нормотворческий орган распространил действие экологического и природо-ресурсного законодательства на дикие животные и растения, содержащиеся в неволе либо изъятые из естественной среды произрастания, относящиеся к видам, включенным в Красную книгу, а также их части и дериваты, которые являются вещами – объектами гражданского права. Наблюдается взаимопроникновение норм права различных правовых отраслей. Это отчетливо видно на примере гражданского законодательства. Как уже отмечалось, в ч. 1 ст. 1 ГК в общих чертах сформулировано, что к земельным отношениям, отношениям по использованию других природных ресурсов и охране окружающей среды может применяться гражданское законодательство, если земельным и другим специальным законодательством не предусмотрено иное. Поэтому для более четкого понимания сферы действия природоохранного и природоресурсного законодательства ст. 2 Закона «Об охране окружающей среды» по аналогии с ГК оправданно дополнить п. 3 (при этом п. 3 считать п. 4) следующего содержания:

«В целях охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального (устойчивого) природопользования к гражданским правоотношениям может применяться природоохранное (экологическое) и природоресурсное законодательство».

Заклучение

Таким образом, для ликвидации коллизий и пробелов в законодательстве, регулирующем порядок охраны и использования редких и находящихся под угрозой исчезновения диких животных и дикорастущих растений, включенных в Красную книгу Республики Беларусь, оправданно внести следующие изменения и дополнения:

1. В ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» закрепить следующее определение: «Красная книга Республики Беларусь – это список редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов (подвидов, разновидностей) (далее – видов) диких животных и дикорастущих растений, в отношении которых с целью сохранения и восстановления их численности экологическим и природоресурсным законодательством установлен особый режим охраны и использования».

2. Дополнить Закон «Об охране окружающей среды» ст. 16¹, в которой указать, что природные ресурсы могут использоваться двумя способами с изъятием из окружающей природной среды и без изъятия.

3. Ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды» дополнить следующим определением: «целью правовой охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных и дикорастущих растений является установление единого подхода и порядка регулирования процессов их сохранения, восстановления и устойчивого использования для обеспечения биологического разнообразия и создания благоприятных условий жизни в Республике Беларусь, а также удовлетворения экономических, социальных, в том числе продовольственных, рекреационных и иных потребностей человека с учетом интересов нынешнего и будущих поколений».

4. Ст. 222 ГК изложить в новой редакции:

«Ст. 222. Обращение в собственность природных ресурсов.

В случаях, когда в соответствии со ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды», основаниям, предусмотренным в природоресурсных Кодексах и Законах, производится изъятие природных ресурсов, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществившее их добычу».

5. П. 20 ст. 1 Закона «О животном мире» и ст. 1 Закона «О растительном мире» оправданно изложить в следующих редакциях:

«Животный мир – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных (млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, насекомых и других животных), постоянно либо временно в состоянии естественной свободы обитающих на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о животном мире установлен режим охраны и использования».

«Дикорастущие растения – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех дикорастущих растений (сосудистых и мохообразных растений, водорослей, лишайников и грибов), не имеющих древесной структуры, произрастающих в естественных условиях на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о растительном мире установлен режим использования и охраны».

6. В ст. 1, посвященной определением Закона «О растительном мире», дефиниции озеленительных и защитных насаждений отсутствуют, а определение лесов, приведенное в п. 14 ст. 1 ЛК, сформулировано некорректно, без учета дифференцированного подхода к регулированию компонентов природной среды и указания юридического признака – правового режима. Поэтому для ликвидации образовавшихся пробелов и неточностей оправданно:

а) в ч. 1 ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды» внести следующее дополнение: «дикорастущие растения, включая озеленительные, защитные насаждения и леса (в дальнейшем – дикорастущие растения)» (и далее по тексту);

б) ст. 1 Закона «О растительном мире» дополнить следующими определениями озеленительных и защитных насаждений:

«Озеленительные насаждения – это компонент природной среды, охраняемый природно-антропогенный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность древесно-кустарниковых и иных нелесных насаждений, произрастающих в окультуренных условиях на землях общего пользования населенных пунктов, выполняющих санитарно-гигиенические, рекреационные, инженерно-технические, культурные, эстетические или иные несельскохозяйственные функции, в отношении которых законодательством о растительном мире установлен режим охраны и использования».

«Защитные насаждения – это компонент природной среды, охраняемый природно-антропогенный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность древесно-кустарниковых и иных нелесных насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения и землях транспорта, выполняющий защитные или иные несельскохозяйственные функции, в отношении которого законодательством о растительном мире установлен режим охраны и использования».

П. 14 ст. 1 ЛК изложить в новой редакции: «лес – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность естественной и искусственно созданной древесно-кустарниковой растительности, произрастающей на землях лесного фонда и землях иных категорий на территории Республики Беларусь, выполняющий экономические, средообразующие, водоохраные, защитные, санитарно-гигиенические, рекреационные и иные функции, в отношении которого лесным законодательством установлен режим использования, охраны, защиты и воспроизводства».

7. Для более четкого понимания сферы действия природоохранного и природоресурсного законодательства ст. 2 Закона «Об охране окружающей среды» по аналогии с ГК оправданно дополнить п. 3 (при этом п. 3 считать п. 4) следующего содержания:

«В целях охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального (устойчивого) природопользования к гражданским правоотношениям может применяться природоохранное (экологическое) и природоресурсное законодательство».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайчук, Г. И. Красная книга Республики Беларусь: правовые вопросы / Г. И. Зайчук. – Минск : Тесей, 2011. – 246 с.

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1882-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О некоторых вопросах охраны и рационального использования зубров [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 окт. 2007 г., № 1408 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Об охоте и ведении охотничьего хозяйства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 марта 2018 г., № 112 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. О некоторых вопросах охоты и ведения охотничьего хозяйства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июня 2018 г., № 454 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Разгельдеев, Н. Т. К вопросу о правовой природе экологического и природно-ресурсного права / Н. Т. Разгельдеев // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. – 2014. – № 2 (23). – С. 29–35.
9. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 2016 г., № 1061 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Сидорова, Е. И. Кооперация – путь к эффективному использованию ресурсов / Е. И. Сидорова // Беларус. думка. – 2012. – № 10. – С. 102.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.
12. Список редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных, включаемых в Красную книгу Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 9 июня 2014 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 дек. 2015 г., № 332-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.03.2019

Zaychuk G. I., Pasechnik O. A., Poshvenchuk P. V. Issues the Legal Concept of Wild Animals and Wild Plants, Belonging to the Species Included in the Red Book of the Republic of Belarus and the Rights to Use Them

The paper analyzes the concept of rare and endangered species of animals and plants, included in the Red book of the Republic of Belarus, enshrined in the legislation, shows its fragmentary nature and the gap due to the lack of indication of the purpose of protection of such animals and plants and the legal feature-their legal regime. The author's definition of the considered representatives of flora and fauna is given. The composition of wild plants is specified by adding its landscaping, protective plantations and forests. It is recommended that the main methods of use of these wild animals and wild plants include their use without removal from the environment and growth by observation, photography, etc. in the process of ecological tourism.

УДК 347.963

В. А. Тюнин

канд. юрид. наук, ст. советник юстиции,
зав. каф. прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском,
арбитражном и административном процессе
Крымского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: prokuror-zakon@mail.ru

ПРЕДМЕТ, ПРЕДЕЛЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ

Исследованы проблемные вопросы практики избрания мер пресечения при расследовании уголовных дел органами дознания и предварительного следствия. Раскрываются полномочия прокурора, применение которых призвано обеспечить соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства при применении мер пресечения.

Конституция Российской Федерации устанавливает и гарантирует основные права, свободы и обязанности граждан. Все равны перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации). Эти права не отчуждаемы и принадлежат ему от рождения, но их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17 Конституции Российской Федерации). Их ограничение согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации возможно лишь в соответствии с федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [10].

Применение мер пресечения существенно ограничивают права подозреваемых, обвиняемых, в том числе такие важнейшие конституционные права, как право на свободу и личную неприкосновенность, право собственности, право на свободу передвижения. Кроме того, применение этих мер затрагивает интересы не только лиц, к которым они применяются, но и других участников уголовного процесса: потерпевшего, гражданского истца, залогодателя и т. д.

Прежде чем переходить к решению частных вопросов, необходимо определиться с терминологическим аппаратом, тем более что в науке не сложилось единого мнения на проблему определения понятия «меры пресечения». Рационально обратиться к теоретическим наработкам российских ученых с тем, чтобы выявить, что собой представляет определение понятия «меры пресечения». Так, Н. И. Капинус определяет меры пресечения как «предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры процессуального принуждения, которые применяются по установленным законом основаниям и в регламентированном законом порядке уполномоченными на то государственными органами к обвиняемому, а в исключительных случаях – и к подозреваемому с целью помешать им скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора, и которые заключаются в лишении либо ограничении личных, имущественных или иных прав в пределах, установленных нормами уголовно-процессуального закона» [2, с. 27].

В указанном определении понятие мер пресечения определяется через основание их избрания с указанием на общие процедурные моменты их избрания, такие как установленный законом порядок и надлежащий уполномоченный на то субъект.

Профессор В. А. Михайлов предлагает несколько иное определение мер пресечения: «Это установленные законом меры государственного (процессуального) принуждения, с помощью которых путем ограничения личных прав и личной свободы обвиняемого, получения имущественных гарантий, личного или общественного поручительства, а также не наблюдения (надзора, присмотра) за обвиняемым устраняется для последнего возможность скрыться от дознания, предварительного следствия, суда, отлучаться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения, предупреждается, пресекается, нейтрализуется и устраняется неправомерное противодействие со стороны обвиняемого установление по делу истины, обеспечивается его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременная явка по вызовам органов расследования, прокурора, суда, а также исполнение приговора» [3, с. 19]. Данное определение мер пресечения раскрывает это понятие через перечисление конкретных прав, которые подлежат ограничению в результате их применения, а также указание на всю совокупность задач, которые ставятся перед конкретными мерами пресечения.

Рассмотрим еще одно определение, которое предложено Л. И. Даньшиной. По ее мнению, меры пресечения – это предусмотренные законом средства воздействия на обвиняемого (подозреваемого), которые заключаются в лишении или ограничении его свободы, угрозе имущественных потерь или установлении за ним присмотра и применяются в целях воспрепятствования ему скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины, продолжить преступную деятельность и уклониться от отбывания наказания [4, с. 3].

Приведенные определения содержат как сходства, так и различия. Практически всеми авторами отмечается признак принуждения, присущий всем без исключения мерам пресечения. Также все определения содержат указание на основания применения мер пресечения, подробно перечисляя их. Соглашаясь с приведенными определениями, считаем, что рационально минимизировать громоздкость понятия. Необходимо исключить лишнее перечисление оснований применения мер пресечения, заменив их ссылкой на положение ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Исходя из вышеизложенного меры пресечения – это установленные уголовно-процессуальным законом меры процессуального принуждения, применяемые уполномоченными на то субъектами в установленном законом порядке и по основаниям, предусмотренным ст. 97 УПК РФ. Меры процессуального принуждения, которые установлены УПК РФ, могут быть систематизированы. Рационально использовать классификацию, предложенную Р. Х. Джумаевой, которая выделяет следующие критерии:

- 1) содержание принуждения: меры психического и физического принуждения;
- 2) процедура применения: меры, применяемые в состязательном порядке (судом по ходатайству стороны), и меры, применяемые в розыском порядке (органом расследования по своей инициативе);
- 3) основание применения: меры последующего или превентивного характера (последующее принуждение применяется как санкция за процессуальное нарушение и как мера восстановительного характера, а превентивное принуждение предупреждает возможное в будущем нарушение);

4) цели меры принуждения, обеспечивающие:

а) получение доказательств;

б) гражданский иск или возможную конфискацию имущества;

в) порядок в ходе производства по делу;

г) надлежащее поведение обвиняемого или подозреваемого [5, с. 229].

Уголовно-процессуальный кодекс меры процессуального принуждения систематизирует в рамках раздела IV в три группы:

1) задержание подозреваемого (гл. 12);

2) меры пресечения (гл. 13);

3) иные меры принуждения (гл. 14).

Существенное значение для реализации функций, возложенных на органы прокуратуры, имеет применение классификации по процедуре применения. Именно эта классификация наряду с легальной, закрепленной в УПК Российской Федерации положена в основу логики построения данной работы. Определив, что представляют собой меры пресечения, и раскрыв существующие виды их классификации, рационально перейти к определению предмета прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения.

Прокурорский надзор за законностью применения мер пресечения осуществляется в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие.

Ст. 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1ФЗ устанавливает общий предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, – соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешений заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнение оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность принимаемых ими решений [6].

Перефразировав указанную статью применительно к нашей теме исследования, приходим к следующему определению предмета прокурорского надзора за законностью применения меры пресечения: это исполнение законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, а также надзор за законностью принимаемых решений о применении мер пресечения в каждом конкретном случае.

Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства при применении мер пресечения имеет ряд особенностей, а именно характеризуется совокупностью нормативно-правовых актов, регламентирующих избрание и применение мер пресечения; самостоятельным объектом надзора, а также специфическим объемом полномочий.

Объект надзора – это круг должностных лиц и государственных органов, за которыми осуществляется прокурорский надзор за исполнением законов по соблюдению прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения, а также за соответствием закону принимаемых ими решений [7, с. 12].

Объектом надзора выступают все работники органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, действия или бездействие которых могут влиять на соблюдение прав и свобод человека и гражданина и которые принимают решение об избрании меры пресечения [8, с. 329].

Участвуя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога, прокурор

выступае як сторона в процессе, излагая свою точку зрения по рассматриваемому вопросу, способствуя принятию законного, обоснованного и мотивированного решения.

Что касается объема полномочий, которыми наделен прокурор для выявления нарушений законов, их причин и условий, им способствующих, важно отметить следующее. Как отмечалось ранее, применение мер пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых существенно ограничивает ряд принадлежащих им конституционных прав. Задача прокурора, осуществляя надзор в рамках исследуемого направления, не допустить необоснованного, не вызванного обстоятельствами дела ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор должен обеспечить правомерное ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, соразмерное обстоятельствам уголовного дела и личности указанных лиц. Также он призван восстановить и свободы в случае их нарушения незаконными решениями и действиями должностных лиц, которые иницируют вопрос или применяют меры принуждения.

УПК РФ наделяет прокурора целым рядом полномочий, применение которых призвано обеспечить соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства при применении мер пресечения. К таким полномочиям можно отнести следующие:

1) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене, изменении меры пресечения, которая допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

2) освобождать всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного действующим УПК (ч. 2 ст. 10 УПК);

3) отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК);

4) рассматривать жалобы участников уголовного судопроизводства (ст. 124 УПК);

5) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК);

6) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении судом жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ (п. 8 ч. 2 ст. 37, ст. 125 УПК РФ).

Таким образом, законодатель наделил прокурора реальными инструментами защиты прав и свобод подозреваемого, обвиняемого при избрании мер пресечения. При осуществлении надзора прокурор должен оценивать действия следователя, дознавателя по существу. В связи с этим необходимо тщательно подходить к изучению материалов, обосновывающих необходимость применения мер пресечения.

Осуществление надзора невозможно без грамотной его организации. Организация прокурорского надзора за соблюдением прав, свобод участников уголовного судопроизводства представляет собой упорядочивание такой деятельности и направлена на достижение установленных законом целей, которые ставятся перед прокуратурой.

Как отмечает ряд ученых, организация надзорной деятельности за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства в процессе избрания и приме-

нения мер пресечения, особенно в прокуратурах городов и районов, осложняется целым рядом обстоятельств» [7, с. 16]. К ним относятся:

- 1) малочисленность прокурорских работников;
- 2) необходимость планирования и осуществления надзорной деятельности по многим направлениям;
- 3) выполнение прокурорскими работниками большого объема другой работы;
- 4) невозможность определить заранее, какие нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения, когда и кем будут совершены.

Отсюда следует важный вывод о том, что эффективное осуществление надзора в исследуемом направлении возможно только разумном и умелом использовании имеющихся средств.

Для эффективного осуществления надзора за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения необходимо знание работниками прокуратуры действующего законодательства, отслеживание изменений и дополнений последнего, а также правоприменительной практики.

Важным аспектом эффективного выполнения надзорных задач является взаимодействие с органами дознания и предварительного следствия. Путем определения порядка уведомления о поданных в суд ходатайствах об избрании меры пресечения, а также оперативное предоставление сопутствующих документов – залог эффективности надзорной деятельности прокурора.

Кроме того, важным элементом организации надзорной деятельности в исследуемой сфере является планирование. Приказами Генерального прокурора предусмотрены следующие мероприятия, подлежащие планированию:

- 1) проведение регулярных проверок, включая вечернее и ночное время, законности содержания под стражей и в изоляторах (п. 1.7 приказа от 27.11.2007 № 189);
- 2) изучение не реже одного раза в квартал практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 23 приказа от 06.09.2007 № 137);
- 3) проверки не реже раза в полугодие совместно с представителями территориальных органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации условий содержания арестованных в помещениях для подсудимых и конвоя судов, военных судов (п. 1.2 приказа от 08.08.2011 № 237);
- 4) проведение не менее раза в полугодие анализа состояния законности и прокурорского надзора при содержании подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных в местах принудительного содержания (п. 5 приказа от 08.08.2011 № 237);
- 5) проведение не реже раза в полугодие анализа состояния и практики рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства и иных лиц на нарушение их прав (п. 9 приказа от 01.11.2011 № 373).

Грамотная организация осуществления прокурорского надзора за правами и свободами подозреваемого, обвиняемого при избрании меры пресечения – залог выполнения возложенных на прокуратуру функций на данном направлении надзорной деятельности.

Таким образом, определение понятия «мер пресечения» в науке представляется дискуссионным. Существует множество определений, базирующихся на различных признаках и характерных чертах, включаемых в тело определения. Нами были рассмотрены несколько определений данного понятия, проведен их анализ и на основании изложенного предложено свое определение понятия «меры пресечения».

Также рассматривался предмет прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения. Был рассмотрен общий предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, который нашел свое отражение в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Был выделен самостоятельный, специфический предмет прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения.

Рассмотрены вопросы организации прокурорского надзора. Подтверждена важность планирования осуществления надзорной деятельности и необходимость неукоснительного соблюдения положений приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Прокурорский надзор за законностью применения мер пресечения является одной из функций прокуратуры, а именно прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. – М. : Омега-Л, 2014. – С. 15.
2. Капинус, Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе / Н. И. Капинус // Следователь. – 1998. – № 8. – С. 27.
3. Михайлов, В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В. А. Михайлов. – М., 1996. – С. 19.
4. Даньшина, Л. И. Меры пресечения при производстве по уголовному делу / Л. И. Даньшина. – М., 1991. – С. 3.
5. Джумаева, Р. Х. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / Р. Х. Джумаева // Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук. – 2014. – № 11-1. – С. 229.
6. О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон, 17.01.1992 г., № 2202-1 : в ред. от 28.11.2015 г. – М. : Проспект, 2015. – С. 16.
7. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения : пособие / Н. В. Буланова [и др.] ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014. – С. 12.
8. Прокурорский надзор : учебник / О. С. Капинус [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – М. : Юрайт, 2012. – С. 329.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Tyunin V. A. Subject, Limits and Organization of Prosecutorial Supervision over the Legality of the Use of Preventive Measures and Coercion

The paper examines the problematic issues of the practice of election of preventive measures in the investigation of criminal cases by the bodies of inquiry and preliminary investigation. It also reveals the powers of the Prosecutor, the use of which is designed to ensure respect for the rights and freedoms of participants in criminal proceedings in the application of preventive measures.

УДК 330.1

Б. В. Салихов

*д-р экон. наук, проф., проф. каф. теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета,
проф. каф. экономики городского хозяйства и сферы обслуживания
Московского университета имени С. Ю. Витте
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru*

**ИМПЕРАТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Разработаны научно-практические системные рекомендации, обеспечивающие существенную трансформацию экономической политики государства в сторону создания реальных оснований устойчивого экономического роста российской экономики. Методологией исследования явился системный и междисциплинарный подход к проблеме устойчивости социально-экономического роста. Научная новизна материала заключается в следующих положениях: показана взаимосвязь экономической идеологии, политики, управления и хозяйственной практики как основных элементов современной экономики, призванных обеспечить ее устойчивость; доказан объективный характер низкой эффективности экономической бюрократии; обоснован социально-экономический механизм преодоления провалов государства в сфере разработки современной экономической политики; предложена общая схема формирования цивилитарной системы собственности как онтологии экономической и социальной устойчивости любой хозяйственной системы.

Проблема устойчивого развития и устойчивого экономического роста давно является злободневной и дискуссионной в отечественной и зарубежной экономической и междисциплинарной литературе. Общие тенденции социально-экономического развития и связанные с этим релевантные вопросы устойчивости исследуются непосредственно и в контексте выявления внутренних и внешних факторов хозяйственной динамики развивающихся (переходных) и развитых (лидирующих) стран. В частности, в методологически целостных и весьма глубоких по смысловому содержанию работах В. М. Полтеровича, Д. Аджемоглу и ряда других исследователей особое внимание уделяется роли и значению уровня развитости гражданского общества и, в связи с этим, эффективности соответствующих инклюзивных и экстрактивных институтов с приоритетом первых над вторыми [19–21]. При этом, однако, не является очевидным, что именно инклюзивные институты предстают в качестве «стабилизатора» по отношению ко множеству факторов риска и неопределенности в системе принимаемых хозяйственных решений на всех уровнях.

Отечественная институциональная история имеет и другие подтверждения: например, советский период, при всех сложностях и противоречиях социально-экономического развития, характеризовался гораздо большей степенью экономической устойчивости, чем сегодняшняя российская «рыночная система». Да и среднегодовые темпы роста ВВП были существенно выше, чем в период «свободного» рынка. Так, за период с 1928 по 1985 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли примерно 4,2 % (включая годы Великой Отечественной войны) против 0,7 % в 1991–2018 гг. (включая период трансформационного спада начала 1990-х гг.) [1; 9]. Цифры, конечно же, впечатляют. В связи с этим резонно констатировать, что активное внедрение требований «Вашингтонского консенсуса» и различных монетарных правил и либеральных концептов на российский «социально-экономический грунт» не дало ожидаемых высоких

результатов, несмотря на продолжающиеся попытки обосновать «ренессанс» идеологии монетаризма [16].

Заслуживает пристального внимания качественно обновляемая общая теория экономического роста, которая всегда прямо и непосредственно увязывалась с проблематикой устойчивого хозяйственного развития конкретной страны и региона. Вслед за широко известными моделями экзогенного экономического роста Р. Солоу, перекрывающихся поколений П. Даймонда, значительно обновленной Ф. Агийоном шумпетерианской теории «созидательного разрушения» растет популярность концептов и парадигм *эндогенного экономического роста, связанных с креативно-когнитивной и инновационной деятельностью, прежде всего, предприятий и организаций*. Примечательно, что Нобелевская премия по экономике за 2018 г. была присуждена П. Ромеру и В. Нордхаусу именно за разработку эндогенного экономического роста, что является критически важным основанием для обеспечения его поступательной устойчивости, ибо обосновывается такой рост на собственной основе, за счет мобилизации внутренних факторов и креативных ресурсов экономических агентов всех уровней [9]. Устойчивость экономического роста здесь напрямую увязывается с корпоративными инновациями и защитой прав интеллектуальной собственности при одновременном широком использовании спилловер-эффектов.

Важно подчеркнуть, что большинство существующих подходов, концепций и рабочих гипотез, касающихся исследования механизмов устойчивого экономического роста, идеологически по-прежнему «подпитываются» неоклассическими и/или неoinституциональными научными парадигмами, где основными «единицами» анализа являются, соответственно, «эгоистический индивид» и «транзакция». Замедление темпов роста мирового ВВП, а также механизм торможения отечественной экономики, перерастающий в механизм длительной стагнации, являются убедительным доказательством серьезных дисфункций монетаризма и институционализма, если они включаются исследователями и практиками в более широкий и одновременно глубокий логико-гносеологический и аналитический процесс и контекст [3; 4]. Этот «более глубокий» контекст исследователи все чаще увязывают с такой единицей анализа, как «система», и, следовательно, с необходимостью системного подхода к проблеме, в данном случае устойчивого развития в форме экономического роста.

В связи с этим наиболее продуктивными представляются дискуссионные положения и результаты исследований проблем устойчивого развития отечественной экономики учеными, использующими методологические постулаты системной парадигмы. При этом наиболее целостным предстает качественный анализ, проводимый Г. Б. Клейнером [10; 11]; количественный аспект проблемы с обоснованием индекса устойчивого развития экономики представлен работами С. Н. Бобылева, Н. В. Зубаревич и других исследователей [2]. Ценность и высокая результативность системного подхода определяется тем, что он является одновременно многодисциплинарным и методологически неортодоксальным, т. е. использующим достижения всех существующих исследовательских программ, включая монетарные, неокейнсианские, нешумпетерианские и другие творческие концепты. Но главное заключается в том, что системный подход оставляет «открытые двери» для дальнейшей дискуссии на соответствующие темы, а также для теоретического и научно-практического использования любых достижений релевантных исследовательских инноваций. Суть методологии системной парадигмы в исследовании устойчивого экономического роста заключается в поиске и выявлении «узких мест» в различных ключевых подсистемах современной экономики с учетом конкрет-

ного этапа развития воспроизводственного и/или кризисного цикла. При этом основные подсистемы представлены следующими элементами.

Во-первых, это *экономическая наука (теория)*, призванная исследовать ключевые явления хозяйственной действительности, а также выявлять и формулировать объективные экономические законы, закономерности и тенденции соответствующего развития. Кроме того, основной функциональный и аксиологический смысл экономической теории заключается в *разработке рекомендаций для экономической и социально-экономической идеологии*, которая призвана стать ведущим ценностно-смысловым элементом всей системы хозяйственных отношений. В частности, такие интегральные концепты, как монетаризм, кейнсианство, институционализм, эволюционная экономика и многие другие, и есть экономическая идеология как наиболее общий ценностно-смысловой конструкт, детерминирующий качественную целостность всех последующих решений и взаимодействий. Примером *социально-экономической идеологии* может быть модель социального государства, или «вашингтонский консенсус», с приоритетом стихийных сил механизма рынка и др. *Основными заинтересованными субъектами* развития экономической науки являются междисциплинарные ученые-экономисты – сотрудники академических профильных организаций, а также профессора и преподаватели, прежде всего высших учебных заведений, т. е. *креативная элита общества*. Очевидно, что уровень и качество экономической теории как источника экономической идеологии всегда есть функция уровня и качества условий и факторов, обуславливающих развитие креативного капитала названных субъектов, а также их заинтересованностью в высокой эффективности решения актуальных исследовательских задач [27].

Во-вторых, это *экономическая и социально-экономическая политика государства*, призванная системно реализовать научно обоснованную экономическую идеологию, трансформируя ее в соответствующие интегральные социально-экономические цели и стратегические установки. Цели и инструменты экономической политики носят наиболее общий характер и могут охватывать целевые установки темпов роста ВВП, показатели развития базовых отраслей промышленности (промышленная политика), решения о приватизации либо о национализации объектов собственности (политика развития общественного сектора экономики), бюджетные и монетарные правила (фискальная и денежно-кредитная политика), рекомендации и ориентиры по изменению условий в сфере научно-образовательной, инвестиционной, внешнеэкономической деятельности и многое другое. Показатели *социально-экономической политики государства* могут непосредственно увязываться с уровнем и качеством жизни домохозяйств, высшей формой системного проявления которых является достойная жизнь, а также с такими переменными, как целевые ориентиры роста ВВП на душу населения, инклюзивный рост ВВП, связанный с повышением уровня жизни каждого домохозяйства и т. д.

Очевидно, что качество социально-экономической политики напрямую зависит от качества, а также от системы *экономических и других интересов основных субъектов развития* экономической и социально-экономической политики, т. е. от качества *высшего руководства, или политико-экономической элиты государства*. Представителями такой элиты являются лидер страны (президент), его администрация, а также различные назначенные эксперты, советники и помощники, всегда имеющие собственные интересы и учитывающие их при разработке соответствующих решений. К политико-экономической элите следует также причислить и законодательные органы государственной власти – обе палаты Федерального собрания страны. Резонно отметить, что ожидаемая высокая эффективность экономической политики государства (продукт деятельности политико-

экономической элиты государства) всегда есть функция высокой эффективности экономической науки (продукт деятельности креативной элиты общества). Всякое нарушение и/или разрушение этой «сцепки» элит может быстро привести страну и ее экономику к системной социально-экономической деструкции. В частности, на рекомендации экономической науки (креативной элиты общества) о необходимости реализовать запрос общества на справедливость в распределении благ экономическая политика (политико-экономическая элита государства) может адекватно не отреагировать, создавая тем самым источник социальной напряженности и подрывая институциональное доверие (доверие граждан государству) [22].

В-третьих, важнейшей подсистемой современной экономики как качественной целостности является *экономическое и социально-экономическое государственное управление*, призванное институционально реализовать требования и установки экономической политики, т. е. провести в жизнь фундаментальные политико-экономические решения одноименной элиты. Основным субъектом данной подсистемы экономики является *бюрократический аппарат государства*, или класс государственных чиновников, представленный правительством страны и премьер-министром, а также множеством министерств и ведомств в центре и на местах, обладающих *реальной экономической властью* для реализации соответствующих решений. Под экономической властью в данном случае следует понимать возможность бюрократического класса производить формальные институты (указы, постановления, распоряжения и другие подзаконные акты), системно регулирующие и координирующие весь спектр экономических и социально-экономических взаимодействий. При этом очевидно, что государственные бюрократы (в общепринятом хорошем смысле) естественным образом имеют собственные, личные интересы, связанные с повышением своего служебного статуса и, конечно же, с максимизацией дохода. Это обстоятельство напрямую связано с попытками, при определенных институциональных условиях воссоздавать конфликт интересов, проявляющийся в различных формах рентоориентированного поведения и деловой коррупции [14].

Важнейшая интрига, связанная с деятельностью чиновничье-бюрократического аппарата в сфере организации и осуществления государственного управления экономикой, заключается в *реальном обладании бюрократией государственными властными полномочиями*. Социально-экономическая эффективность и качество применения этих полномочий напрямую зависит от множества субъективных и объективных факторов. К субъективным факторам следует отнести личностные свойства чиновников и их различных сообществ: ценностные смыслы, управленческие традиции, уровень управленческих компетенций и деловая репутация, стремление к карьерному росту и др. Объективными обстоятельствами для деятельности, например, чиновников в округах, регионах и муниципалитетах являются «правила игры», идущие «сверху», от вышестоящих чиновников, а также требования местных гражданских сообществ, предпринимателей и т. д.

В том случае, если контроль со стороны гражданского общества и местных гражданских сообществ над деятельностью бюрократии слабый либо попросту отсутствует, *закономерным является не просто «соблазн», но и системный, многоуровневый механизм поиска всеми чиновниками административной ренты*, т. е. сверхдохода, который обеспечивается и расширенно воссоздается с помощью релевантного использования властных полномочий. В такой ситуации формируется и развивается бюрократическая частная собственность на государственные властные полномочия и, как следствие, существенная деформация собственно государства при «разбалансировке» всей системы экономических интересов в обществе [23]. Такой деформации не произойдет, если обще-

ство *на деле* может и умеет осуществлять контроль над деятельностью чиновников, кому оно лишь временно доверило управлять своими делами.

В-четвертых, подсистемой современной экономики (в широком смысле) является *практическая экономика, или хозяйственная практика* (экономика в узком смысле), в процессе которой осуществляется воспроизводство всего набора ценных благ. Основными субъектами, действующими в рамках данной подсистемы, являются предприниматели, бизнесмены и домохозяйства, а также собственники предприятий и различных невещественных активов, включая системы человеческих (интеллектуальных и креативно-интеллектуальных) капиталов. Именно на этом уровне экономики осуществляется «таинство» эндогенного экономического роста в форме воссоздания различных, прежде всего корпоративных управленческих, организационных, институциональных, когнитивных и иных инноваций [9]. Вполне ожидаемым императивом здесь является превращение фирм и домохозяйств в самообучающиеся организации и «наноорганизации», способствующие непрерывности процесса индивидуальной и корпоративной познавательной деятельности [24].

Очевидно, что все субъекты (участники рассматриваемой подсистемы) имеют свои интересы, в соответствии с которыми формируют механизмы рациональных и других ожиданий, принимают инвестиционные и другие решения, призванные обеспечить им высокую эффективность творчески-трудовой деятельности. Социально-экономическая эффективность и качество функционирования всех звеньев данной подсистемы (практической экономики) в существенной степени обусловливается адекватной результативностью и качественными характеристиками подсистемы государственного управления экономикой, т. е. *эффективностью макроэкономического институционального капитала*, расширенно воссоздаваемого и внедряемого в экономическую деятельность «на местах», государственной бюрократией. Если институты государства являются низкокачественными и не отвечают требованиям хозяйственной практики, предпринимательство и бизнес прекращают свою работу либо уходят «в тень», что незамедлительно сказывается на благополучии множества домохозяйств и их конкретных членов. Если же институты, разрабатываемые «наверху», учитывают реальный институциональный спрос, предъявляемый «снизу», то возникает и воссоздается *институциональный акселератор (мультипликатор)*, катализирующий всю систему творчески-трудовых взаимодействий. Например, слабая система защиты прав собственности (сфера ответственности управления экономикой со стороны государства) едва ли когда-нибудь обеспечит инвестиционный и инновационный прорыв в практической экономике (сфера ответственности бизнеса и домохозяйств); равно как и несправедливая система налогообложения вкупе с постоянно высокими кредитными ставками и т. д.

Краткий анализ четырех подсистем экономической действительности (экономики в широком смысле) позволяет предварительно обозначить следующий круг ключевых проблем, которые могут квалифицироваться как некоторые обобщающие результаты исследования. *Во-первых*, современная экономика представляет собой сложную взаимосвязь каузально детерминированных подсистем, и проблема обеспечения устойчивого экономического роста, по сути, сводится одновременно к *устойчивости этих подсистем и их когерентному, взаимно детерминированному развитию*. Очевидно, что это потребует «точечного» анализа и одноименных инвестиций в приоритетное развитие тех подсистем, которые на определенном этапе хозяйственной динамики являются ключевыми, критически значимыми. Например, в условиях современного затянувшегося «механизма торможения» отечественной экономики первостепенным объектом инве-

стирования с целью существенной трансформации является подсистема управления экономикой. Крайне низкая эффективность национальной бюрократии, расширенно воспроизводящая низкокачественный институциональный капитал, является системным тормозом экономики [8; 17].

Во-вторых, факт наличия в рамках каждой подсистемы экономики собственной структуры и/или иерархии экономических интересов соответствующих субъектов объективно предопределяет необходимость выявления их онтологии, анализа специфики реального функционирования и развития, а также последующей конкретизации и оптимизации, т. е. *обеспечения единого баланса интересов участников всех подсистем*. Без такого баланса невозможно добиться общей синхронизации экономической идеологии, экономической политики, институциональных «правил игры» и творчески-трудовых интенций участников непосредственно воспроизводства благ. Всякое нарушение названного баланса либо отсутствие сознательного стремления к его обеспечению закономерно приводит к общей хозяйственной деструкции, проявляющейся в примитивизации научных исследований (вследствие не востребованности результатов) и экономической политики (из-за ее нацеленности на решение сиюминутных, а не стратегически значимых задач), в архаизации управления экономикой (человеческий капитал так и не стал основным объектом инвестирования) и разрушении творчески-трудового потенциала страны (действующие «правила игры» блокируют креативную энергию предпринимателей).

В-третьих, как свидетельствует экономическая история, ключевым элементом, или фактором, «балансировки» экономических интересов является собственность как общественная форма ценности или общественная форма отношений, возникающих между людьми в сфере и по поводу присвоения различных благ. В связи с этим представляется критически важным *интегрировать теорию собственности и проблематику обеспечения устойчивого экономического роста именно с учетом специфики функционирования четырех подсистем*. Резонно предположить, что «стяжкой» всех элементов разрозненных и, несомненно, противоречивых (по содержанию и направленности) экономических интересов субъектов всех четырех подсистем может стать *сбалансированная система собственности*, что требует самостоятельного исследования. В решении этой задачи, отметим попутно, существенно возрастает роль первой подсистемы современной экономики, т. е. экономической теории (науки), призванной разработать ясные рекомендации по дальнейшему модифицированному развитию собственности, но теперь уже как системного феномена [11].

В-четвертых, очевидно, что качество отмеченной «стяжки» экономических интересов с помощью теоретико-методологических и научно-практических инноваций в понимании и использовании системы собственности *должно тестироваться на предмет соответствия требованиям реального положения дел в рамках национального и регионального хозяйства*. Речь идет о том, что экономические интересы являются «струнами мотивации» различных субъектов деятельности, и «звучать» эти струны должны по-разному в зависимости от фазы (этапа) экономического и воспроизводственного цикла. Например, в условиях кризиса, как отмечалось, необходима актуализация интересов (посредством решения соответствующих инвестиционных задач) субъектов управления экономикой страны. В посткризисной ситуации «набирает обороты» бизнес и активизируются домохозяйства, что предполагает заблаговременные инвестиции в пользу данных хозяйственных агентов. Свою специфику имеет межкризисный и предкризисный период, что предопределяет необходимость четкого позиционирования

системы экономических интересов и анализ системы собственности соответствующих критически значимых субъектов деятельности [12; 13].

В-пятых, в современных условиях (а возможно, и всегда) критически важное значение приобретает экономическая теория, призванная дать свой *креативный ответ на возникшие теоретико-методологические вызовы и угрозы*. Основным вызовом, перерастающим в угрозу системных социальных деструкций, здесь является растущая неадекватность «рыночноцентрической» модели хозяйствования императивам ноосферной (разумной, гуманистической, креативно-интеллектуальной) экономики [3; 4]. В терминах становящейся все более актуальной марксистской политической экономии расширенно воссоздается объективное противоречие между архаичными, монетарно ориентированными институтами-постулатами свободного рынка (производственные отношения) и императивом качественного, именно ноосферного, гуманистически ориентированного обновления факторов производства (производительные силы), которые пока остаются в «угнетенном» состоянии вследствие низкого качества национального институционального капитала.

Креативный ответ на существующую ситуацию может быть разработан экономической наукой в русле становления *идеологии экономического антропо- и социоцентризма*, призванной «вывести» человека, домохозяйство, общество и цивилизацию в целом в разряд цели экономики и всей системы экономических отношений. В практическом смысле речь может идти о создании целостной концепции *достойной жизни человека и общества как функции интеллектуальной (ноосферной) экономики*, основанной исключительно на воспроизводимых факторах производства. Для создания такой экономики необходима креативная революция, на которую способны только люди, живущие достойно и стремящиеся закрепить это достоинство с помощью масштабных и радикальных креативных инноваций. Резонно отметить, что *идеологическим и ценностно-смысловым стержнем* развития всех подсистем экономики может и должна стать концепция устойчивости достойной жизни домохозяйств, являясь одновременно интегральной целью устойчивого экономического роста и специфическим фактором его социального обеспечения [25]. Общая, концептуальная, по сути, программная модель системного обеспечения устойчивого экономического роста показана на рисунке.

Таким образом, *общими результатами проведенного исследования* могут быть следующие интегральные умозаключения, имеющие существенное значение для современной российской экономики.

I. Любые попытки осуществить структурную перестройку, реализовать императивы региональной политики, ликвидировать провалы государства в сфере социальной политики, обеспечить рост институциональной и управленческой эффективности, мобилизовать культурный и социальный капитал и многое другое видятся *бесперспективным*, если будут предприниматься в рамках традиционной «нормальной науки» (по Т. Куну), под которой следует понимать «безоговорочное» предпочтение экономической философии «Вашингтонского консенсуса», или так называемого мейнстрима. Провальный характер этого «основного течения» уже многократно доказала сама отечественная хозяйственная практика хотя бы потому, что мифические силы механизма конкурентного рынка никак не связаны с императивами промышленной политики, не нацеливают экономику на расширенное воссоздание общественных и смешанных благ, роль и значение которых в современной экономике неуклонно возрастает (фундаментальная наука, новое качество образования, развитие технологий креативной деятельности и др.).

Рисунок. – Концептуальная модель обеспечения устойчивого экономического роста

В связи с этим сегодня требуется не «сдвиг парадигмы» и не «перезагрузка» прежних ценностей монетарной плутократии, а создание качественно нового аксиологического, экономико-идеологического и, следовательно, теоретико-методологического концепта, основанного не на экономической философии «эгоистического индивида, стремящегося к максимизации полезности (доходности)», а на социально-экономической философии *системного экономического агента, стремящегося к максимизации полезности, одновременно как индивида, члена корпоративных сообществ и как члена общества*. Личность в этой модели выступает как «свернувшееся общество», а само общество одновременно предстает как «развернутая личность». Отдельно функционирующий

методологічны індывідуалізм і методологічны холізм павінны сфарміраваць адзіны даследавальскі інтэграл у форме, напрыклад, *новай эканамічнай антрапалогіі, з методологічным «антрапо-соцыяцэнтрызмам» у «жэсткім ядры»*. Рэзонна палагаць, што для першай падсістэмы эканомікі (эканамічная навука) утворыцца велікае поле для новых і вельмі перспектывных даследаванняў.

II. Неабходна прызнаць, што любое следованне (упрамае і безальтэрнатыўнае) дзейсваючай палітыка-эканамічнай элітай постулатам «ваінаваючага монэтарызма» ужо не прывядзе адчэсвенную эканаміку к дэкларуемым «успехам». Очевідна, што *сущэсваючая эканаміка-палітычная дактрына як перэчэнь рэлевантных ключавых ідэалогічных постулатаў прывела расійскае хазяйства к стагнацыі, сістэмным провалам і разлічным «ловушкам»*. Эканамічная ідэалогія монэтарызма заканамерна абеспечыла «пападанне» нашэй эканамікі ў «ловушку беднасці», «інстытуцыйнаю ловушку», «ловушку сярэдняга дахода», «ловушку кансерватыўнай бюджэтнай і монэтарнай палітыкі», «отраслеваю і экспартную ловушку», «ловушку когнітыўнай дэструкцыі», «карупцыйную ловушку» і многія другія. Но гавяной ловушкай становіцца «ловушка безыходнасці» і/ці «ловушка беспэрспектывнасці» хазяйсвеннай дэятельнасці, паскольку маштабная какупцыя пры угасаючэм якасцэ інстытутаў расшырэна воссоздае велікае негаліўны пэнтэцыял *абщэнацыянальнага пэссімізма*.

В гэтых умовах другая падсістэма эканамікі (эканамічная палітыка) ў ліцэ ея «сістэмы суб'екта» прасю абязана якасвенна перэсмотреть прынцыпы сваю дэятельнасці, аснованыя на безумовнай прывэржэнасці ідэалогічным канцэптам монэтарнай плутократыі, давно даказавшэй сваю невосрэбованнасць «расійскім грунтым» хазяйсвенных традыцый і мэнтальных мадэляў эканамічнага паведэня нацыі як цэласюнасці. Паложытэльны опыт наібалее успэсных развіваючыхся страў (Кытай, Індыя і др.) убэдытэльно свідэтэльсвуюе о том, што ў умовах аб'ектыўнага прыорытэта экстрактыўных інстытутаў (слабосць гражданаўскага общэства не пазваляе абеспечыць высюкую эффэктывнасць інклюдывнаго інстытуцыйнаго сістэмы), *крытычэска важным становіцца іспользаванне ідэалогіі эканамічнага планіраванія, прэждэ всэго ў общэсвенном сэктэре нацыянальнаго хазяйсвенства*, о чэм давно і вельмі убэдытэльно гаворят расійскія учэныя [5]. Другымі словамі, ідэалогія канкурэнтнаго рынку дажна уступыць мэсто ідэалогіі *планово-рыночнаго эканамікі*, што на дэле азначае новае якасство взаімадэйствія общэсвеннаго і частнаго сэктэра эканамікі (т. е. общэсвеннаго і частнаго фармы сабсвеннасці). Это азначае, што неабходна как мажно быстрэе констытуіраваць сістэму общэсвеннаго сабсвеннасці, т. е. сабсвеннасць общэства (а не государства) на общэсвенныя блага, вклюдая само государство как «сверхообщэсвенную» цэнасцю.

III. Учытывая затыгнувшюся сістэмную крызісную стагнацыю саврэмнаго расійскаго эканамікі, мягко называемую «мэханызмом тармажэня», слэдуе выдэлыць асновнае слабое звэно ў общэй цэпчэке сістэмных сацыяльна-эканамічных, інстытуцыйнальных і іных мэждысцыплінарных дысфункцый. Таким *слабым звэном явлэцца крыіне нызкая эффэктывнасць государствэнаго управлэня эканамікай, што сістэмно проявлэцца ў «угасаючэй» эффэктывнасці нацыянальнаго інстытуцыйнаго капітала*, о чэм мажнократно атмэчалось ў саврэмнаго адчэсвеннаго рэлевантнаго літэратурэ. Прычынамі такой нызкаго «бюрократычэскаго эффэктывнасці» часто называюць аотсутствіе чэткой стратэгіі сацыяльна-эканамічнаго развітыя, прэдымэтно артыкуліраваўнаго ў абоснованыя, т. е. вполне дасяжымыя цэлі і задачы, параметры і пока-

затели хозяйственной динамики [1; 5; 7]. Более аргументированными представляются причины, связанные с рентоориентированным поведением чиновничьей бюрократии и одноименным присвоением различных благ, прежде всего денег, в процессе коррупционных сделок [15].

Фактором, тормозящим ожидаемую высокую результативность государственного управления экономикой, является недостаточный уровень знаний и компетенций соответствующих чиновников, имеющих весьма слабое представление о путях, формах и способах развития национального и регионального институционального капитала, становления системы доверительных отношений, императивах структурной перестройки экономики при ее одновременной цифровизации и т. д. Можно заключить, что для третьей подсистемы современной экономики (экономическое управление) требуется качественно новая парадигма, основанная на существенном *когнитивном и мотивационном «сдвиге»*, *имеющем ноосферную нацеленность при ускоренной «реанимации» отраслей, расширенно воспроизводящих новые знания, технологии и конечные продуктовые инновации*. Очевидно, что здесь требуется новая система смыслов и экономической заинтересованности бюрократического класса, нацеливающая творчески-трудовую энергию чиновников не на поиск «плохой» ренты, а на разработку, вслед за новой социально-экономической доктриной, высокоэффективных управленческих решений. Для начала в нашей стране важно как можно скорее сформировать «антикризисное правительство», способное осуществить технологический прорыв и создать новую систему образования.

IV. Известно, что качество продуктивности и эффективность хозяйственной практики (четвертая подсистема современной экономики) в существенной степени обуславливается экономической политикой и соответствующим государственным управлением, где, как выяснилось, существует множество «провалов», воссоздающих такое же множество «ловушек». Однако концепция эндогенного экономического роста, разрабатываемая в современной релевантной литературе [9], в любом случае предполагает ускоренное развитие корпоративных, внутрифирменных форм и способов расширенного воспроизводства когнитивных, технологических и продуктовых инноваций. Это означает, что в систему современного предпринимательства и бизнеса должны быть интегрированы механизмы (формы, способы, институты, алгоритмы и т. д.) *организационного самообучения* [24; 26], *обеспечивающего расширенное воспроизводство индивидуального и корпоративного креативно-интеллектуального капитала*. Даже при существующих институциональных барьерах и фискально-монетарных преградах в форме налоговой и кредитной рестрикции, результаты корпоративного самообучения могут стать мощнейшим фактором экономической устойчивости предприятий и домохозяйств.

В целом резонно отметить, что формирование и развитие механизмов устойчивого экономического и особенно социально-экономического роста в современном отечественном хозяйстве требует *когерентных и комплементарных усилий ученых (нет ничего практичнее хорошей теории), политико-экономической и управленческой элиты, а также всех субъектов-практиков, включая домохозяйства*. Резонно предположить, что единым стягивающим «обручем» всей системы разнонаправленных (в современной отечественной экономике) социально-экономических интересов может и, очевидно, должна стать *качественно обновленная вся институциональная система, а также заново конституированная система собственности как «звездь» всей программы институциональных преобразований*. В самом деле, «институты имеют значение» [18], и если национальный институциональный капитал в развивающейся хозяйственной систем воспроизводится не в интересах всей нации, то о действенной защите прав собствен-

ности представителей этой нации речь попросту не идет, т. к. нет ясности в том, существует ли вообще разумная система собственности в такой хозяйственной системе. В связи с этим требуется глубоко исследовать положение Г. Гегеля о том, что «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [6]. Конкретизированная, уточненная и всемерно защищенная система собственности, возможно, явится тем «звеном», которое позволит решить ключевые проблемы обеспечения устойчивого роста российской экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, Э. Ф. Взгляд на российскую экономическую трансформацию / Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 11. – С. 142–160.
2. Бобылев, С. Н. Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? / С. Н. Бобылев, Н. В. Зубаревич, С. В. Соловьева // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 1. – С. 147–160.
3. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 2. – С. 122–142.
4. Бузгалин, А. В. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2004. – № 3. – С. 36–50.
5. Бузгалин, А. В. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 1. – С. 63–81.
6. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 101.
7. Гурвич, Е. Т. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? / Е. Т. Гурвич, И. А. Соколов // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 4. – С. 5–29.
8. Зайцев, А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты / А. А. Зайцев // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 9. – С. 67–93.
9. Замулин, О. А. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России / О. А. Замулин, К. И. Сонин // *Вопр. экономики.* – 2019. – № 1. – С. 11–37.
10. Клейнер, Г. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2017. – № 8. – С. 56–74.
11. Клейнер, Г. Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) / Г. Б. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 8. – С. 118–128.
12. Клейнер, Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 12. – С. 107–124.
13. Клейнер, Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 1. – С. 117–139.
14. Кочнев, Р. Ю. Коррупция «одного окна»: теория и эмпирический анализ / Р. Ю. Кочнев, Л. И. Полищук, А. Ю. Рубин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 9. – С. 32–52.
15. Левин, М. Рентоориентированная Россия / М. Левин, Г. Сатаров // *Вопр. экономики.* – 2014. – № 1. – С. 61–78.
16. Моисеев, С. Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах / С. Р. Моисеев // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 1. – С. 26–45.
17. Натхов, Т. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование / Т. Натхов, Л. Полищук // *Вопр. экономики.* – 2012. – № 10. – С. 30–52.

18. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997. – 180 с.
19. Полтерович, В. Толерантность, сотрудничество и экономический рост / В. Полтерович // Вопр. экономики. – 2017. – № 11. – С. 33–50.
20. Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. География, институты или культура? / В. М. Полтерович // Вопр. экономики. – 2018. – № 11. – С. 5–27.
21. Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. Эволюция механизмов координации / В. М. Полтерович // Вопр. экономики. – 2018. – № 12. – С. 77–103.
22. Розинская, Н. Национальный проект «Доверие» / Н. Розинская, И. Розинский // Вопр. экономики. – 2015. – № 12. – С. 138–147.
23. Салихов, Б. В. Система государственной власти-собственности и качество человеческого капитала / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 2 (43). – С. 45–52.
24. Салихов, Б. В. Анализ социально-экономического качества самообучающихся организаций в когнитивной экономике / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Экон. анализ: теория и практика. – 2015. – № 11. – С. 49–63.
25. Салихова, И. С. Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики / И. С. Салихова, Б. В. Салихов // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 3. – С. 37–49.
26. Салихова, И. С. Качество образовательных услуг: социально-экономическая онтология и основы эффективности управления / И. С. Салихова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 3 (44). – С. 119–125.
27. Тамбовцев, В. Л. О научной обоснованности научной политики в Российской Федерации / В. Л. Тамбовцев // Вопр. экономики. – 2018. – № 2. – С. 5–33.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Salikhov B. V. Imperatives of Sustainable Development of Social and Economic Growth

The purpose of the article is to develop scientific and practical system recommendations that provide a significant transformation of the economic policy of the state towards the creation of real grounds for sustainable economic growth of the Russian economy. The methodology of the study was a systematic and interdisciplinary approach to the problem of sustainable socio-economic growth. The scientific novelty of the material consists in the following provisions: the interrelation of economic ideology, policy, management and economic practice as the main elements of the modern economy, designed to ensure its stability; the objective nature of the low efficiency of economic bureaucracy; the socio-economic mechanism of overcoming the failures of the state in the development of modern economic policy; the General scheme of the formation of a civilitarian system of property as an ontology of economic and social stability of any economic system.

УДК 330.1

И. С. Салихова

*д-р экон. наук, доц., проф. каф. бухгалтерского учета,
налогообложения и таможенного дела
Московского университета им. С. Ю. Витте,
гл. науч. сотрудник Института проблем рынка РАН
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru*

ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНКЦИИ КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО АГЕНТА

Конкретизируется общий контур взаимосвязи творчества и креативного капитала экономического агента, обосновываются ключевые направления управленческой деятельности в сфере повышения эффективности инновационной деятельности современных предприятий. Методологическим основанием исследования является междисциплинарный подход к проблеме творчества как функции креативного капитала субъекта экономики. Научная новизна состоит в систематизации онтологических теорий и типов творчества, конкретизации основных этапов дискретно-непрерывного творческого процесса, характеристике особенностей научного творчества, систематизации факторов, затрудняющих творческую деятельность субъекта экономики. Научно-практическое значение работы заключается в конкретизации направлений деятельности по повышению результативности креативного капитала как фактора расширенного воспроизводства инноваций и эндогенного экономического роста.

Растущая актуализация креативного капитала как системы, прежде всего неявных знаний и скрытых компетенций о том, как воссоздавать различные новшества, в том числе новые идеи, знания и уникальные компетенции, обусловлена множеством эндогенных и экзогенных условий и факторов. Среди этих условий и факторов-детерминантов важнейшее место занимает потребность в обеспечении устойчивого развития человека (домохозяйства), социума, государства, общества, экономики, цивилизации и самой природы. *Функциональная специфика креативного капитала по сути есть творческая деятельность, или творчество, в процессе которого внутренние интенции субъекта (личности, корпоративного сообщества и др.) объективируются и превращаются в различные полезные блага. В связи с этим резонно исследовать соответствующую «атрибутику» творчества, или ее междисциплинарную «оболочку», определяющую, в конечном счете, качественную целостность всего перечня экономических и других инноваций.*

Итак, *творчество* есть реализующаяся креативность, т. е. это процесс создания новых идей и их превращения в соответствующие созидательные знания с последующим многообразным использованием. Существует немало оригинальных трактовок и даже метафор, характеризующих сущность творчества, среди которых, например, следующие: «творчество – это часть всего нашего существования, нашего тела, нашего разума, эмоций, духа; творческость (способность к творчеству) порождается всем нашим организмом, не только интеллектом»; «творчество – это единственный вид деятельности, который делает человека человеком»; «творчество – создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей»; «выражение “творчество природы” не лишено смысла, и творчество природы и творчество человека есть лишь разные сферы творчества, несомненно, имеющие общие генетические корни»; «творчество – это духовная деятельность, результатом которой является создание оригинальных ценностей, установление новых, ранее неизвестных фактов, свойств и закономерностей материального мира и духовной культуры»; «творчество – это неадаптивность», или «неадаптивная активность», а также другие аналогичные трактовки данного понятия [8, с. 172–179].

К. Г. Юнг выделял два ключевых типа творчества. Во-первых, имеет место *интровертированный* творческий процесс, в рамках которого преобладает бессознательная доминанта с формированием так называемого автономного творческого комплекса при определенной пассивности субъекта (художественное творчество). Во-вторых, существует *экстравертированный* творческий процесс с преобладанием сознательной доминанты, т. е. активной роли конкретного субъекта, целенаправленно формулирующего замысел исследования (научная сфера творчества) [20]. К. С. Станиславский и Л. С. Выготский, анализируя творчество и акцентируя внимание на бессознательных аспектах, выделяли следующие его виды. Прежде всего, это *надсознание* как не поддающийся сознательному волевому контролю уровень психической активности в форме механизма творческой интуиции (эвристики), благодаря которому происходит рекомбинация и/или интеграция прежних жизненных и когнитивных впечатлений и представлений. Далее отмечается особая роль *подсознания* как системы неосознанных эндогенных побудителей и регуляторов выполнения действий (ментальные модели, автоматизмы и архетипы). Наконец, исследователи выделяли *предсознание* как промежуточное звено между сознательным и бессознательным, отражающим соответствующие «назревшие тенденции»; здесь формируется еще не сама мысль, а как бы ее «интонация», или мысль где-то «на кончике языка» [4; 16].

Очевидно, что важнейшей имманентной характеристикой творчества, или функционирования креативного капитала, является *творческое мышление*, под которым резонно понимать высшую форму психического процесса, в ходе которого выявляются, формулируются и фиксируются новые каузальные связи и зависимости. Исследователи отмечают, что творческое мышление существенно и качественно отличается от рационального мышления, т. к. *рациональное мышление* непосредственно зависит от сложившегося категориального аппарата и традиционной системы понятий. *Творческое мышление*, напротив, «означает формирование новых категорий и понятий, оно ориентировано как на уникальные интерпретации ситуации, так и на новые действия в ней» [9, с. 272].

Далее кратко проанализируем основные теории творчества, его типы и уровни, исследуем формы мотивации и основные когнитивные стили творческой деятельности. Резонно также проанализировать существующие концепции этапов творчества, системно охарактеризовать инсайт как центральное звено любой творческой деятельности, предметно рассмотреть специфику научного творчества, выявить критерии креативности продуктов обычной и научной деятельности. В связи с этим необходимо особо выделить факторы, затрудняющие творческий процесс экономического агента либо полностью его блокирующие. Рассмотрим последовательно все названные элементы общей системы функционирования креативного капитала при одновременном стремлении учитывать внутренние связи и отношения этих элементов.

К одной из исходных и известных *онтологических теорий творчества* следует отнести *психоаналитическую теорию* З. Фрейда [17]. Основные положения данной теории заключаются прежде всего в том, что мотивы творчества связаны с влечением к жизни, или эросом; здесь происходит так называемая сублимация, т. е. перенос сексуальной энергии в энергию творчества. В этом же контексте источником творчества, как отмечал К. Г. Юнг, становятся бессознательные процессы как автономный эндогенный творческий комплекс, как зародыш новых мыслей и открытий [20]. В рамках *теоретического концепта гештальтпсихологии*, творчество видится как способность субъекта к интеграции (в процессе мышления) множества разрозненных фактов, хранящихся в памяти, что закономерно приводит к творческому озарению, или инсайту. Большой интерес представляет *когнитивная теория*, в соответствии с которой творче-

ство предстае как альтернатива чему-то обычному и явному. Здесь человек всегда и «заранее» является исследователем, эффективно взаимодействующим с окружающим миром, перерабатывая информацию, прогнозируя события и «производя» ожидания; при этом, как отмечает Дж. Келли, вся жизнь субъекта предстае как единый творческий, исследовательский процесс [10].

В *теоретической модели гуманистической психологии* творческая деятельность рассматривается как функция следующих общих концептов. Во-первых, это компенсационный концепт, разработанный А. Адлером: каждый человек обладает творческой силой и с ее помощью компенсирует свои недостатки путем творчества [1]. Во-вторых, это экзистенциальный концепт Э. Фромма и А. Маслоу: творчество есть сам образ жизни человека, который постоянно самореализуется и постоянно делает свою жизнь более интересной [12; 17]. В-третьих, это концепт интеллектуально-креативной экологической ниши: каждый человек обладает мультипликативной творческой эффективностью, выступающей следствием выявления и использования его уникальной креативно-интеллектуальной ниши, или творческого предназначения [14; 15].

Следует также выделить *теорию развития творческой личности*, в соответствии с которой, по версии Г. С. Альтшуллера и И. М. Верткина, развитие творческих способностей, или «генетического клада», каждого человека (актуализация его «дремлющего» креативного потенциала) есть результат разрешения противоречия между потребностями общества в инновациях и возможностями самореализации каждого человека [2]. Названные теории творчества одновременно характеризуют и отражают соответствующие *типы* творческой деятельности, показанные на рисунке 1.

<i>Общие типы творчества</i>
Компилятивный тип креативности как функция сбора, классификации, рубрикации, ранжирования ранее известных, но разрозненных сведений и фактов
Комбинаторный тип как результат порождения новых идей и знаний посредством необычных комбинаций (возможно, ассоциаций) уже известных идей и знаний
Проективный тип креативности, заключающийся в формировании обобщенных суждений на основе собранных данных, фактов и ранее произведенных идей и знаний
Исследовательский (научный) тип креативности, связанный с обнаружением и исследованием проблем с целью разработки концепции устранения «белых пятен» и/или «провалов»
Трансформационный, или «инсайтный», тип креативности как озарение, неожиданное постижение нового, как радикальные прорывы в создания новых научных парадигм

Рисунок 1. – Типы творческой деятельности как системная интеграция онтологических теорий творчества

Очевидно, что любой тип творческой деятельности невозможен без релевантных *форм мотивации, или динамических сил (факторов) творчества*. Краткая интерпретация качества этих динамических факторов включает прежде всего мотив «необъяснимого» природного инстинкта в форме «любви к истине», т. е. мотив любознательности как врожденное качество человеческой психики; по сути, речь идет о природном интересе как познавательной потребности любого человека. Следующим известным мотивом является *стремление субъекта-творца к признанию*, его естественное желание обрести известность среди своих близких, корпоративных сотрудников и даже всех соотечест-

венников. К перечню мотивов творчества следует также отнести *желание испытать наслаждение* от самого процесса творчества с его «непредсказуемыми поворотами событий», а также *стремление субъекта «обрести себя»*, найти наконец-то собственную креативно-интеллектуальную экологическую нишу (свое творчески-трудовое предназначение). Также добавим, что динамическая сила творчества может быть функцией *духа состязательности* и даже обычной зависти, что хорошо известно многим. Важнейшим способом сохранения и развития мотивации является *смена вектора творческой деятельности*, в рамках которого происходит так называемый умственный севооборот и «перекрестное опыление интеллекта» как функция обмена-общения и конкордности (сотрудничества). Нельзя не упомянуть также и *материальные факторы*, существенным образом стимулирующие творческую деятельность [8].

Отмеченные и другие типы и формы мотивации творчества с учетом психических и иных особенностей собственника креативного капитала обуславливают его *стиль креативной деятельности*. Среди разнообразия стилей творчества, исследователи выделяют *романтический стиль*, которому соответствует обилие воображения и фантазий, множественная оригинальность видов креативной деятельности. Если субъект осуществляет поиск различных аналогий, то налицо *синтетический стиль* его творческого мышления. Быстрота реакции на изменения и скоростные решения характеризуют *импульсивный стиль* творческого мышления собственника креативного капитала. Стремление разработать множество или несколько вариантов приемлемого решения при возможном использовании различных потоков информации отражает *дивергентный стиль* творчества и одноименного мышления. В том случае, если ставка делается на спонтанный инсайт, то возникает *интуитивный*, а не дискурсивный стиль творчества. Изобретению новых способов решения известных проблем вместо конвенциональных форм соответствует *инновативный стиль* творческого мышления. Можно также выделить *анархичный стиль* творчества, в рамках которого преобладает образное мышление над мышлением словесно-логическим [8; 12].

Рассматривая *этапы творческой деятельности*, следует выделить некоторые интегральные концепции, в рамках которых выделяются две группы исследователей: первые признают ключевую роль бессознательного, т. е. систему непередаваемого неявного знания; вторые полагают, что в творчестве главное заключается в четком алгоритме исследования. В частности, с точки зрения Б. А. Лезина, следует выделять три этапа творчества: во-первых, это деятельность, связанная с накоплением и обработкой информации; во-вторых, это бессознательная работа как «беспокойный» эндогенный труд по «вынашиванию» новых идей; в-третьих, это собственно вдохновение как «перекладывание» из бессознательной сферы мышления в сознание готового вывода или умозаключения. При этом интуиция не играет существенной роли в творческом процессе; главное – это специфический труд по сбору информации и последующему обеспечению работы бессознательной сферы мышления [11].

Далее, как считает П. И. Якобсон, не стоит преувеличивать значение бессознательного в решении творческих задач; гораздо важнее придерживаться следующей «логики творчества»: интеллектуальная готовность исследователя; обнаружение проблемы и ее формализация; зарождение гипотезы (идеи решения проблемы) при одновременной формулировке цели и задач; творческое решение задач путем обработки ранее полученных знаний и производства новых суждений; получение общего концепта и методики решения задач; превращение концепта в схему решения; создание и верификация ценности продукта [21]. Попыткой интегрировать два подхода к характери-

стыке этапаў творчэства яўляецца *модель дыскрэтна-непрэрывнага творчэскага працэса*, прапанаваная А. Л. Галіным [5] (рысунок 2).

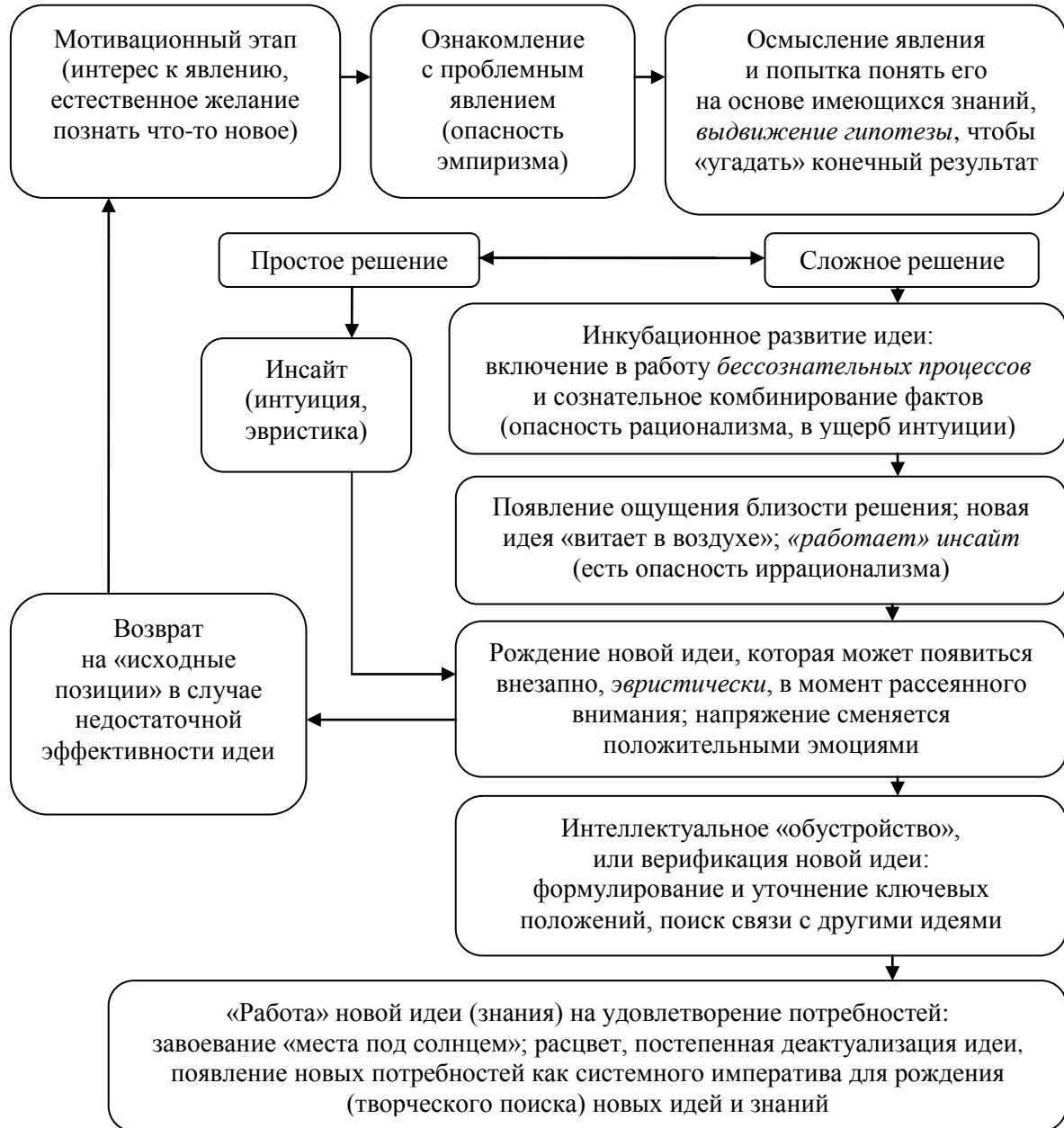

Рисунок 2. – Основные этапы дискретно-непрерывного творческого процесса экономического агента

Общая логика дискретно-непрерывного творческого процесса, как показано, содержит два типа решения. При *простом решении* гипотеза находит быстрое подтверждение путем творческого воображения и последующего инсайта. В данном случае экономится время и творческая энергия исследователя. Но чаще всего приходится идти по *сложному пути*, когда функционирует «логика» творчества, но где также может иметь место инсайт, однако уже в рамках конкретных этапов творческого процесса. Особое место здесь занимает период «инкубации» новых идей, основанный на бес-

сознательных процессах, а также на ранее приобретенных знаниях и креативных компетенциях. В действительности, едва ли возможно осуществить идентификацию сложного либо простого пути решения творческих задач. Очевидным резонансом видится смешение обоих путей при движении дискретно-непрерывного «механизма творчества» в сторону инсайтного варианта решения креативных инновационных задач.

Очевидной видится необходимость охарактеризовать *инсайт* как *центральное звено творчества*, особенно в современной экономике, нуждающейся в «креативной революции» [3; 13]. Собственно *инсайт* (озарение) есть внезапное понимание того, как можно решить сложную проблему. В связи с этим инсайт можно метафорически трактовать как результат «когнитивных мутаций», как функцию когнитивных комбинаций и интеллектуальных «опылений». Далее вполне резонно привести некоторые общие положения, характеризующие *природу возникновения инсайта*. Во-первых, созревание новых идей и их возникновение в качестве эвристического озарения требует весьма длительной инкубации, что связано с соответствующей работой подсознания и т. н. семантических сетей. Данная сеть имеет вид ориентированного графа, вершины которого соответствуют объектам предметной области, а дуги задают отношения между ними. В семантической сети роль вершин выполняют понятия и базы знаний, а направленные дуги задают отношения между ними. Таким образом, семантическая сеть отражает семантику предметной области в виде понятий и отношений; чем «гуще» и интенсивнее данная сеть, тем больше шансов на возникновение эвристики (инсайта).

Во-вторых, качество семантических сетей (узость или широта использования мыслительных возможностей мозга) обеспечивает формирование и развитие релевантных для инсайта видов мышления: *янусианское* как способность одновременно обдумывать две противоположные проблемы; *генерирующе-интегрирующее* как способность генерировать и интегрировать одновременное видение различных граней исследуемой проблемы. В-третьих, качество работы подсознания определяется прежде всего качеством «психических интенсивностей», характеризующихся параметрами восприятия, внутренней речи, воображения и долговременной памяти, что дает «материал» для мышления как «процессора внутреннего интеллекта» [20]. В-четвертых, инсайт возникает как результат долгого и, возможно, *непрерывного интеллектуального напряжения*, что есть функция «работы» долговременной памяти, обеспечивающей создание *неочевидных ассоциаций* как основы оригинального решения проблемы. В-пятых, в «производстве» инсайта всегда имеет место эмоциональный резонанс, представляющий собой «сгусток» *положительных психических состояний* субъекта (хорошее настроение, неожиданное вдохновение, творчески-трудолюбивый подъем, чувство уверенности и защищенности и др.).

Теперь можно кратко охарактеризовать *специфику научного творчества*, которое соотносится с творчеством как «особенное» и «общее». *Научное творчество* следует понимать как деятельность, направленную на открытие какой-либо «тайны» бытия или на постижение новой относительной истины. Такое творчество характеризуется следующими важнейшими чертами. Первая черта – это опора на *абстрактно-логическое мышление* при решении научно-исследовательской задачи и поиске глубинных закономерностей развития конкретного объекта. Вторая – процесс научного творчества заключается в исследовании чего-либо существующего, но пока недоступного нашему сознанию, т. е. выявлению непознанного. Третья черта состоит в том, что существуют уровни научного исследования: оно может быть эмпирическим (наблюдение и эксперимент, способствующие осмыслению результатов деятельности) и теоретическим (развитие понятийного аппарата науки, развивающего новые концепты). Четвертая черта связана с преимущественно коллективным характером научного творчества, что предопределя-

ется возможностью эмерджентного эффекта как функции высокой эффективности развивающего обмена-общения. Пятая особенность научного творчества непосредственно увязывается с исторической предопределенностью научного открытия, т. е. познавательная ситуация характеризуется фразой: «идеи сами витают в воздухе». Шестое положение характеризуется тем, что акт научного творчества предполагает активное *использование интуитивного неявного знания*, но именно как функцию «университета жизни» и естественного результата функционирования семантических сетей. Седьмое обстоятельство связано с опережением новыми научными идеями своего времени, что приводит к их практической верификации лишь с течением времени. Наконец, восьмое положение связано с тем, что *продуктом научного творчества* являются новые знания, существующие в виде понятий, умозаключений и теорий. Интегральным критерием результативности являются *продукты творчества*. Здесь исследователи выделяют следующие критерии такого продукта: он должен производить сильное впечатление и быть генерализуемым (переводимым от частного применения к общему использованию); призван быть экономным, создавать основания для становления достойной жизни человека (домохозяйства); должен вызывать необратимые изменения в человеческом опыте (желательно прогрессивные); содержать новые сенсорные образы и возможность их созидательной трансформации; наконец, такому продукту соответствует способность быть ценным и широко используемым в обществе.

Собственной спецификой обладают также *критерии креативности научных продуктов*: такой продукт должен быть сензитивен (реактивен, восприимчив, комплементарен) к пробелам в существующих знаниях и/или системах знаний; он призван переходить междисциплинарные границы и заключать в себе способность к категоризации; быть неожиданным и всегда отвечать поставленной исследовательской задаче, а также достижению цели познания; продукт научной деятельности должен быть сложным, изначально не сформулированным и представлять собой органический синтез пограничных и перекрестных областей знания; призван быть оригинальным и заключать в себе потенциал дальнейшего исследования соответствующих проблем. Итак, следует выделить некоторые *факторы, затрудняющие творческий процесс* (рисунок 3).

Тезаурусные барьеры: низкий уровень образования, интеллектуального развития при недоступности информации
Интеракционные барьеры: неспособность к самоорганизации и неумение организовать взаимодействие (создать дискурсивное пространство и обмен-общение)
Контрсуггестивные барьеры: недоверие к партнерам и неверие в свои силы, ригидность (стереотипность) взглядов; ментальная модель в форме: «лучшее – враг хорошего»
Конформизм: желание быть похожим на других и «быть как все», страх высказывать собственное мнение и выглядеть смешным, соглашательство со всеми, особенно с начальством
Активная внешняя и внутренняя цензура: подавление нетрадиционных мыслей как функция доминирующего в личности суперэго (моральные установки и ментальные модели)
Импульсивная нетерпимость как функция сильной мотивации в форме желания найти ответ немедленно, без учета всего многообразия событий, условий и факторов
Познавательный эгоцентризм: неспособность перейти от одной точки зрения к другой, а также неспособность менять познавательную перспективу (path dependence)

Рисунок 3. – Факторы, затрудняющие творческую деятельность субъекта экономики

Необходимо отличать творческое мышление от мышления инновационного и инновационности как таковой, ключевым свойством которых выступает обусловленность общим воспроизводственным циклом создания инновационного продукта. Следовательно, инновационное мышление – это такая форма творческого мышления, которое всегда объективируется в реальном инновационном продукте; это творческое мышление, «дошедшее» до конечной продуктовой инновации [6]. Отсюда и инновация предстает как новый, ранее не существовавший продукт, являющийся воспроизводственным результатом инновационного мышления.

Инновационное мышление есть мышление не только глубокое и всеохватывающее, но еще и полноценное, способное проникать в сущность любых явлений и процессов. Если исходить из известного тезиса о том, что «истинное знание есть знание причин», то инновационное (полноценное) мышление предстает как *каузальное, сущностное, созидательно ориентированное мышление*, осуществляющее поиск глубинных причинно-следственных связей и отношений в рамках исследуемого предмета [19].

Понятно, что во избежание большого количества «мертворожденных» новых идей, рациональным ожиданием результатов творчества должна быть их реальная объективация в конечные потребительские ценности, обеспечивающие добавленную стоимость предпринимателю и удовлетворенность конкретному потребителю. Другими словами, творческая деятельность призвана иметь такую институциональную обустроенность, чтобы у субъектов-творцов расширенно воссоздавалась заинтересованность трансформировать творческое мышление в мышление инновационное, характеризующее доведение всякой новой идеи до продуктовой инновации. В связи с этим можно показать общую систему связей и зависимостей таких феноменов, как интеллект, креативность, творчество и инновационность (рисунок 4).

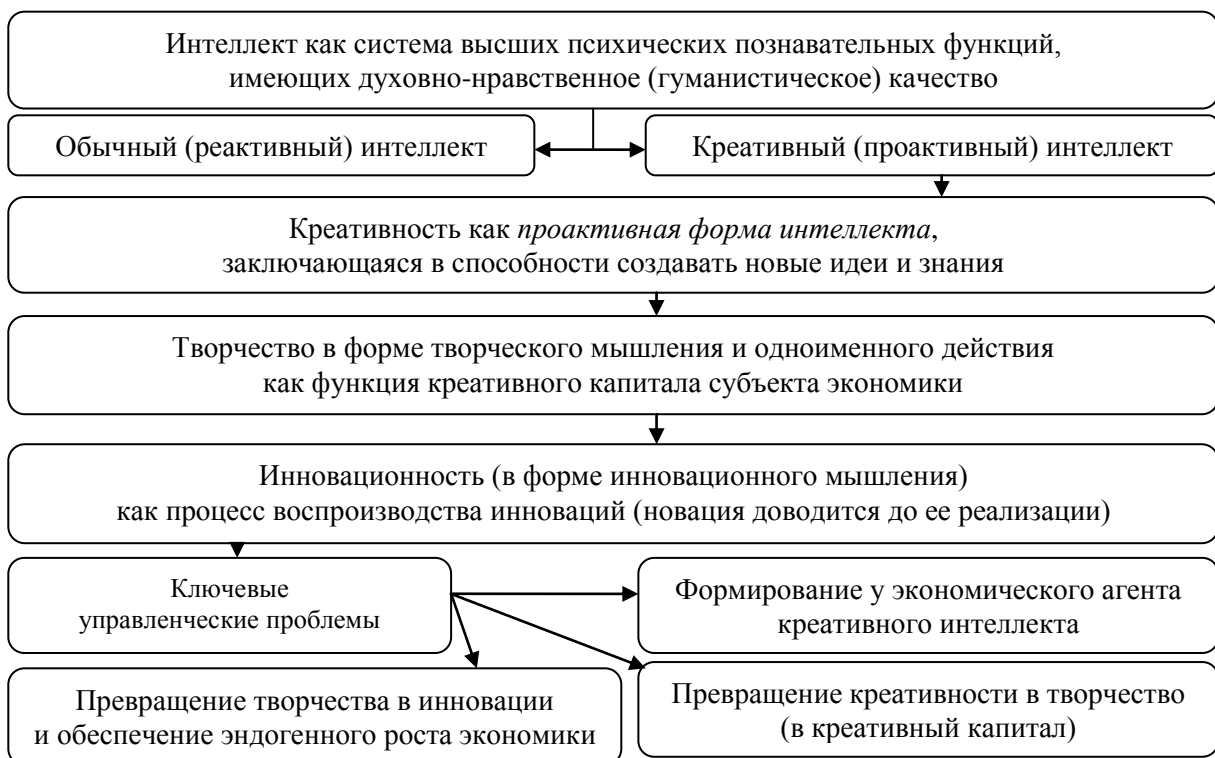

Рисунок 4. – Соотношение интеллекта, креативности, творчества как функции креативного капитала и инновационности субъекта экономики

Научно-практическое значение предложенной формы соотношения интеллекта, креативности, творчества и инновационности заключается в том, что в его рамках заключается онтология эффективности инновационной деятельности как таковой, а также основание эндогенного экономического роста [7]. Суть этой онтологии и эндогенности состоит в декомпозиции и генетической связи элементов объектной структуры соответствующего управления. Отсюда общая модель повышения эффективности и качества управления инновациями включает как минимум три системных элемента.

Во-первых, необходимо формировать и постоянно совершенствовать управленческий механизм повышения качества «креативного симптомокомплекса» у каждого экономического агента. Здесь критически важными задачами являются: обеспечение требуемой «плотности» и «интенсивности» научно-образовательного пространства; целенаправленная трансформация умственных способностей субъекта в интеллект как систему высших познавательных свойств, имеющих созидательную направленность развития. Особенностью решения отмеченных задач является научное обоснование использования существующих врожденных и благоприобретенных качественных характеристик как субъекта, так и объекта управления (личности сотрудника организации, члена домохозяйства и др.).

Во-вторых, ключевой управленческой задачей является превращение креативного потенциала (творчесткости) в креативный капитал конкретного экономического агента. Сущность этой трансформации заключается в конкретизации и направленности его способности к творческому мышлению в русло реальности решения конкретной творчески-трудовой задачи; при этом качество такой трансформации есть функция, прежде всего, качества управленческого капитала самого субъекта управления. Основанием же механизма названного превращения способности к творчеству в креативный капитал является соответствующий механизм мотивации (мотивационный капитал), а также система определенных психических состояний, т. е. релевантный эмоциональный капитал. Добавим, что параметры эффективности и качества креативного капитала субъекта призваны максимально соответствовать его креативно-интеллектуальной нише.

В-третьих, критически важной управленческой воспроизводственной задачей является доведение творческой деятельности до своего логического финала («до ума») в форме создания конкретной продуктовой инновации, т. е. обеспечить трансформацию творчества в инновационность. Особенностью решения данной задачи является «проблема экзогенности», непосредственно связанная с качеством действующего в обществе и экономике институционального капитала, регулирующего скорость и условия всех видов трансакций, а также определяющего параметры трансакционных издержек. Суметь обеспечить инновационный процесс (креативность + творчество + инновационность), проведя его через «рифты» низкокачественных институтов, как это имеет место в современной отечественной экономике, значит продемонстрировать функционирование управленческого капитала весьма высокого качества. Кроме того, особое значение имеет способность субъекта управления обеспечить гармонию и комплементарность всех трех названных уровней задач. При этом всегда следует вносить соответствующие коррективы в параметры и показатели оценки качества и функциональных свойств, отдельно креативности, творчества (как бытия креативного капитала) и инновационности.

Таким образом, анализ творчества как созидательного бытия креативного капитала позволяет выделить и конкретизировать блок воспроизводственных управленческих задач как следствие *воспроизводственного цикла функционирования данного капи-*

тала экономического агента. Спецификация этих управленческих задач представляет собой следующий алгоритм:

1) осуществление системных инвестиций в расширенное воспроизводство человеческого и интеллектуального капитала как общего и междисциплинарного источника креативности;

2) разработка и развитие механизма, обеспечивающего ожидаемую продуктивность прежде всего дивергентного мышления и других качественных свойств креативности как междисциплинарной и системной целостности;

3) создание институциональных и социокультурных условий, а также актуализация инвестиционных, экономико-психологических, социальных факторов, обеспечивающих высокоэффективную трансформацию креативности в креативный капитал;

4) разработка и инвестиционная «подпитка» механизма повышения качества использования креативного капитала в рамках определенной «эвристической логики» или алгоритма научного исследования;

5) управление минимизацией «мертворожденных» новых идей и обеспечение ожидаемого конечного результата в форме реального добавления стоимости как функции востребованности инновационного продукта;

6) актуализация кибернетической обратной связи маркетинговых и социальных форм инновационных продуктов с творческими замыслами экономического агента на следующий воспроизводственный цикл развития его креативности и использования креативного капитала. Очевидно, что существующая система подготовки, прежде всего управленческих кадров, требует радикальной ценностно-смысловой перестройки и профессионального обновления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – СПб. : Акад. проект, 2015. – 240 с.
2. Альтшуллер, Г. С. Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности / Г. С. Альтшуллер, И. М. Верткин. – Минск : Беларусь, 1994. – 479 с.
3. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопр. экономики. – 2018. – № 2. – С. 122–142.
4. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 672 с.
5. Галин, А. Л. Личность и творчество. Психологические этюды / А. Л. Галин. – Новосибирск, 1989. – С. 64–102.
6. Делия, В. П. Инновационное мышление в XXI веке / В. П. Делия. – Балашиха : Де-По, 2011. – 232 с.
7. Замулин, О. А. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России / О. А. Замулин, К. И. Сонин // Вопр. экономики. – 2019. – № 1. – С. 11–37.
8. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2012. – 448 с.
9. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б. З. Мильнера. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 624 с.
10. Келли, Дж. А. Теория личности. Психология личностных конструктов / Дж. А. Келли. – СПб. : Речь, 2000. – 249 с.

11. Лезин, Б. А. Художественное творчество как особый вид экономии мысли / Б. А. Лезин // Вопросы теории и психологии творчества : сб. ст. – Харьков, 1907. – С. 123–144.
12. Маслоу, А. Мотивация и личность : пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2010. – 352 с.
13. Салихов, Б. В. Духовная нравственность экономических исследований, или путь к парадигме созидательных смыслов / Б. В. Салихов // Соц. политика и социология. – 2010. – № 2 (56). – С. 24–40.
14. Салихов, Б. В. Креативный капитал в экономике знаний : монография / Б. В. Салихов. – М. : Дашков и К°, 2017. – 274 с.
15. Салихов, Б. В. Неявное знание как онтология корпоративных инноваций : монография / Б. В. Салихов, М. Б. Олигова. – М. : Рос. гос. ун-т им. А. Н. Косыгина, 2018. – 224 с.
16. Станиславский, К. С. Моя жизнь в искусстве / К. С. Станиславский. – СПб. : Азбука, 2015. – 576 с.
17. Фрейд, З. Художник и фантазирование : сборник / З. Фрейд. – М. : Республика, 1995. – С. 128–134.
18. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – С. 13–108.
19. Цаплин, В. С. Разумное, но не мыслящее / В. С. Цаплин. – М. : Крафт+, 2009. – 352 с.
20. Юнг, К. Г. Об энергетике души / К. Г. Юнг ; пер. с нем. В. Бакусева. – М. : Акад. проект : Мир, 2010. – 297 с.
21. Якобсон, П. И. Процесс творческой работы изобретателя / П. И. Якобсон. – М. ; Л., 1934. – 334 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Salikhova I. S. Characteristic of Creative Activities as a Function of the Creative Capital of an Economic Agent

The purpose of the article is to concretize the General outline of the relationship between creativity and creative capital of an economic agent, as well as to substantiate the key directions of management activities in the field of improving the efficiency of innovative activity of modern enterprises. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach to the problem of creativity as a function of the creative capital of the subject of the economy. The scientific novelty of the article consists in the systematization of ontological theories and types of creativity, the specification of the main stages of discrete-continuous creative process, the characteristics of scientific creativity, the systematization of factors that impede the creative activity of the subject of the economy. The scientific and practical significance of the work lies in the concretization of activities to improve the effectiveness of creative capital as a factor in the expanded reproduction of innovation and endogenous economic growth.

УДК 336

Н. В. Одиноченкова

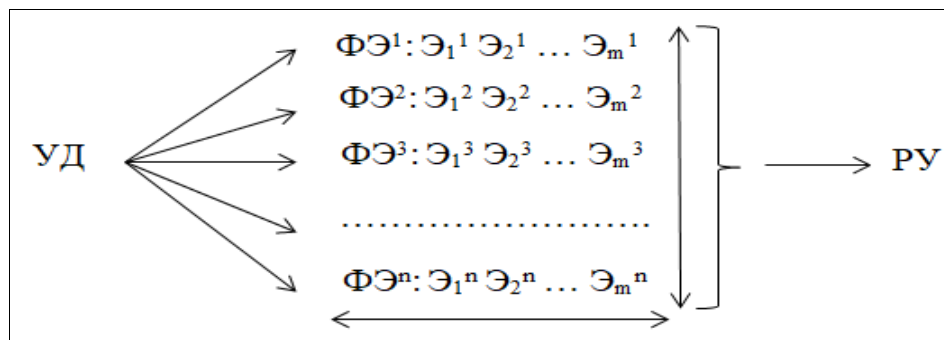
д-р экон. наук, проф. каф. эканомікі і менеджмента
Брянскага дасударственага тэхнічнага ўніверсітэта
e-mail: kaf.eim@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Решение задачи формирования управления промышленным предприятием предполагает использование информационных систем и технологий. Предлагаются схемы формирования управления на основе целенаправленно интегрированных информационных потоков, показаны схемы их движения как объекты для анализа. Приводится экономико-математическая модель как образ построения управления с учетом применения информационных систем.

В управлении современным промышленным предприятием все большее значение приобретает использование информационных систем и технологий. Но реальные процессы преобразования в экономике и объективные сложности управления выявили недостаточную готовность многих предприятий к комплексному системному их применению. Оказались не исследованы источники информации, пути ее движения и их упорядоченность. Это не позволяет выстроить управление, в оптимальной мере адаптированное к современным условиям.

Промышленные предприятия, особенно крупные, представляют собой сложные социально-экономические системы, отличающиеся видами труда, выпускаемой продукцией, ее назначением, масштабом применения производственных элементов. К этим элементам относятся: оборудование; технические системы; структуры, занимающиеся производством, управлением; продукция; материалы; работники, их квалификация; сами производственные процессы. Динамику состояния каждого из этих элементов обеспечивает определенная, соответствующая их природе схема движения информационных потоков. Процесс управления целенаправленно интегрирует и использует по назначению информационные потоки. Концептуально это можно представить в виде целенаправленного воздействия на элементы, относящиеся к деятельности предприятия, интегрированно обеспечивающие динамическое состояние информационных потоков (рисунок 1).

$\Phi Э^1, \dots, \Phi Э^n$ – функциональные элементы; $Э_1^1 \dots Э_m^n$ – переменные функциональных элементов;
УД – управленческие действия; РУ – результат управленческих действий;
◊, \leftrightarrow – взаимосвязь функциональных элементов: вертикальная, горизонтальная

Рисунок 1. – Схема управления информационными потоками
в деятельности промышленного предприятия

Решения оптимизации управления на предприятии могут быть чисто функциональными, структурными или смешанными. Общими для всех структур (подразделений), входящих в состав промышленных предприятий, являются управленческие функции: планирование, организация, регулирование, учет и контроль, мотивация. Условно эти функции можно разделить на организационные и экономические. Значительный объем работы и информации приходится на экономические функции: это планирование, устанавливающие экономические показатели и экономическую эффективность деятельности; учет и контроль, отражающие динамику выполнения экономических показателей; мотивация как комплекс действий, стимулирующих получение максимальной экономической результативности деятельности.

Все функциональные действия объемны и сложны сами по себе, а также требуют методолого-методического обеспечения, разработка которого базируется на значительном информационном материале. Современные экономические отношения, кроме всего прочего, отличаются быстротой изменений во внешней среде, что увеличивает потребность как во внешней, так и во внутренней информации, способствующей оперативному реагированию на эти изменения.

Схемы движения внутренних информационных потоков, обеспечивающих экономическое управление, можно рассмотреть на примере подразделения предприятия, представленном на рисунке 2.

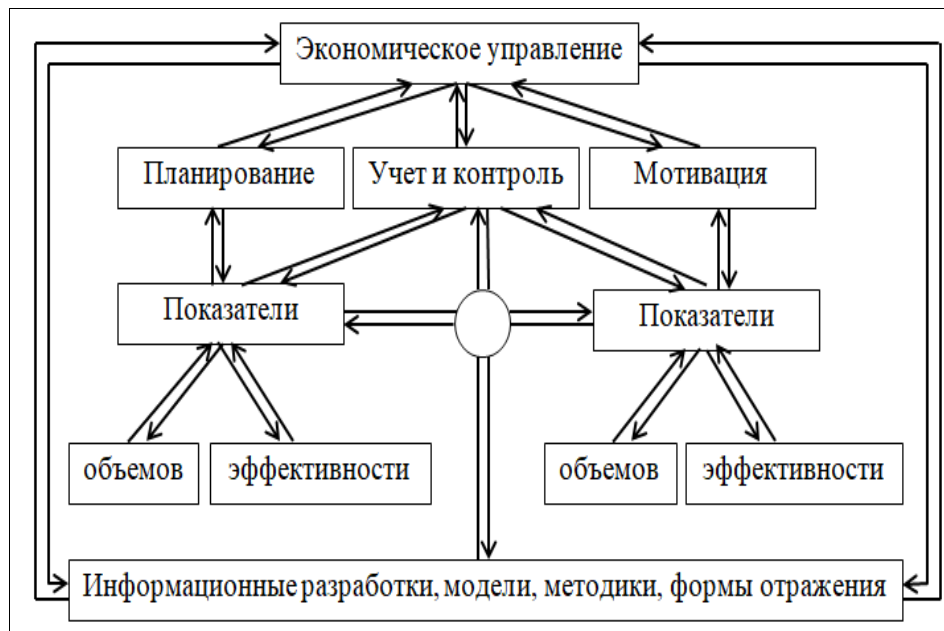

Рисунок 2. – Схема движения внутренних информационных потоков подразделения промышленного предприятия – исходный объект анализа с целью функционального совершенствования экономического управления

По результату анализа схемы, представленной на рисунке 2, можно оптимизировать управление путем изменения направлений движения информационных потоков, их объединения, выбора информационных систем и технологий работы с информацией, рационального использования средств ее автоматизированного сбора. Эффективность деятельности промышленного предприятия во многом зависит от того, как организаци-

онно выстроено управление, т. к. с этим тесно связана скорость движения информации, оперативность ее сбора, передачи, обработки.

Выделяют линейные, функциональные, линейно-функциональные организационные структуры управления. При линейной структуре управления вся информация (задания, распоряжения, отчеты) идет по одной линии, через одни и те же органы или должностные лица (рисунок 3).

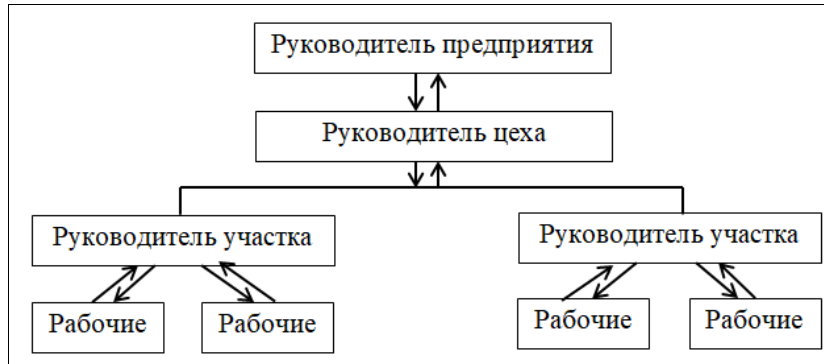

Рисунок 3. – Схема движения информационных потоков при линейной организации управления

К примеру, при такой организации управления информация идет по цепочке «директор» → «начальник цеха» → «начальник (мастер) участка». Подобная схема движения информации повышает оперативность и обеспечивает четкую последовательность ее прохождения через производственные звенья, а следовательно, ускорится процесс принятия управленческих решений.

При росте объемов производства продукции увеличиваются объемы информации, усложняется ее обработка. Тогда к работе с ней подключаются функциональные подразделения предприятия: конструкторские, технологические, экономические, финансовые и др. В этих условиях может быть использована функциональная структура управления со сложной схемой движения информации (рисунок 4).

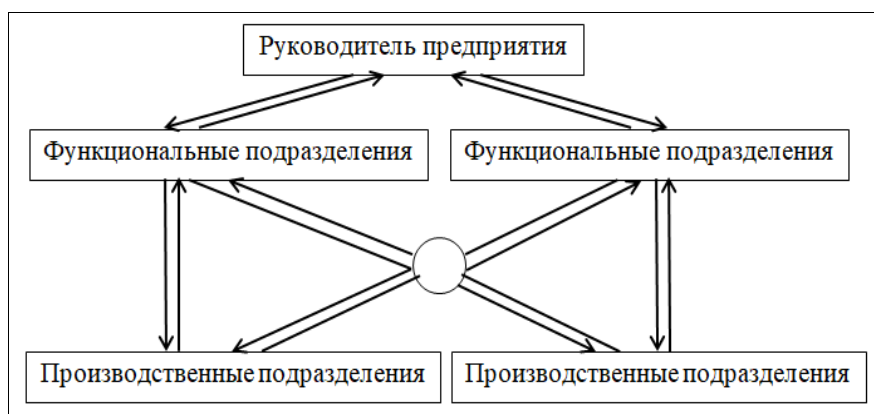

Рисунок 4. – Схема движения информационных потоков функциональной организации управления

По этой схеме информация по команде вышестоящего органа или должностного лица обрабатывается соответствующими функциональными подразделениями предприятия и в качестве управленческого решения выдается подразделениям-исполнителям. В этом случае информация идет по цепочке «директор» → «функциональные подразделения» → «начальники цехов (подразделений цеха)». По такой схеме движения информации можно обеспечить высокое качество принимаемых решений и привлечь к работе с ней высококомпетентных специалистов. В то же время создается замкнутость в рамках функциональных подразделений предприятия с нарушением между ними связей.

Наиболее эффективно использовать информационные потоки можно при линейно-функциональной структуре организации управления (рисунок 5). В этом случае функциональные подразделения осуществляют поиск, сбор, обработку, анализ информации и готовят проекты решений для линейного руководителя, который после их оценки направляет исполнителям для работы. Такая организация работы с информацией позволяет вырабатывать более качественные решения, чем при других формах построения управления, но удлиняет процесс выработки и допускает несогласованность при их поэтапных обсуждениях и итоговых согласованиях.

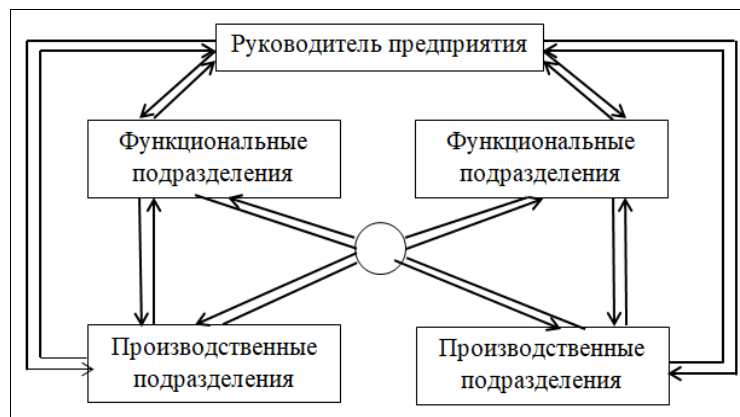

Рисунок 5. – Схема движения информационных потоков при линейно-функциональной организации управления

В целом функциональные и структурные исследования информационных потоков позволяют достигать сбалансированности связей между событиями и их параметрами, не выходя за рамки допустимых рисков, а также увязывать информационные системы с принятой на предприятии системой сбора информации. Принимаемые на основе результатов исследования решения оптимизации управления предполагают и финансовые последствия, способствуя минимизации на их выработку и реализацию затрат, в том числе благодаря более высокой степени обоснованности отбора и использования средств автоматизации управления.

В практике могут использоваться информационные системы различного назначения, из которых делается выбор, соответствующий запросам пользователя. Управление в масштабе всего предприятия обеспечивают интегрированные информационные системы. Отличительной чертой таких систем является то, что они включают компоненты разных систем, их пользователями могут быть многие подразделения предприятия. Показателем оптимальности совершенствования управления с использованием информационных систем и технологий является получение от этого процесса ожидаемого предприятием результата. Важным условием успешного решения этой системной задачи

является то, чтобы между отобранными для включения в задачу функциональными элементами и состоянием управления по качественным и количественным характеристикам существовала определенная корреляция и они имели максимально положительные значения. Чтобы отвечали этим условиям их функциональные элементы, переменные также должны иметь максимальные положительные значения. Концептуально в укрупненном виде экономико-математически результативность процессов оптимизации управления можно выразить следующим образом:

$$PY_{\text{опт}} = f(\Phi \Xi^1 \rightarrow \max; \Phi \Xi^2 \rightarrow \max; \dots; \Phi \Xi^n \rightarrow \max), \quad (1)$$

где $PY_{\text{опт}}$ – результат от оптимизации управления по определенным функциональным элементам (объективнее – прирост прибыли).

Оптимизация управления становится масштабной при увеличении числа включаемых в задачу функциональных элементов.

Сформированные структурные схемы и экономико-математические модели отражают вариативное поле использования возможностей современных информационных систем и технологий и информационной базы промышленных предприятий в решениях задач оптимизации и достижения наибольшей эффективности их управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириличев, Б. В. Моделирование систем : учеб. пособие / Б. В. Кириличев. – М. : МГИУ, 2010. – 273 с.
2. Кустарев, В. П. Информационные технологии и системы в управлении социально-экономическими объектами / В. П. Кустарев // Науч.-техн. вестн. информ. технологий, механики и оптики. – 2007. – № 2. – С. 213–215.
3. Махрин, В. В. Совершенствование управления промышленным предприятием с учетом современных информационных технологий / В. В. Махрин, Л. Е. Басовский. – Тула : Тул. полиграфист, 2002. – 120 с.
4. Якимов, А. И. Теоретические основы технологии имитационного моделирования и принятия решений в информационных системах промышленных предприятий : дис. ... д-ра техн. наук : 05.13.10 / А. И. Якимов. – Могилев : Беларус.-Рос. ун-т, 2017. – 350 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.10.2019

Odinochenkova N. V. Optimization of Enterprise Management with the Use of Information Systems

In modern conditions, the management of an industrial enterprise is characterized by a significant complication due to the large changes that have occurred in the economy. The solution of the problem of formation of management taking into account these changes involves the use of information systems and technologies. Schemes of formation of management on the basis of purposefully integrated information flows are offered, and also schemes of their movement as objects for the analysis are shown. The economic-mathematical model as an image of management construction taking into account application of information systems is given.

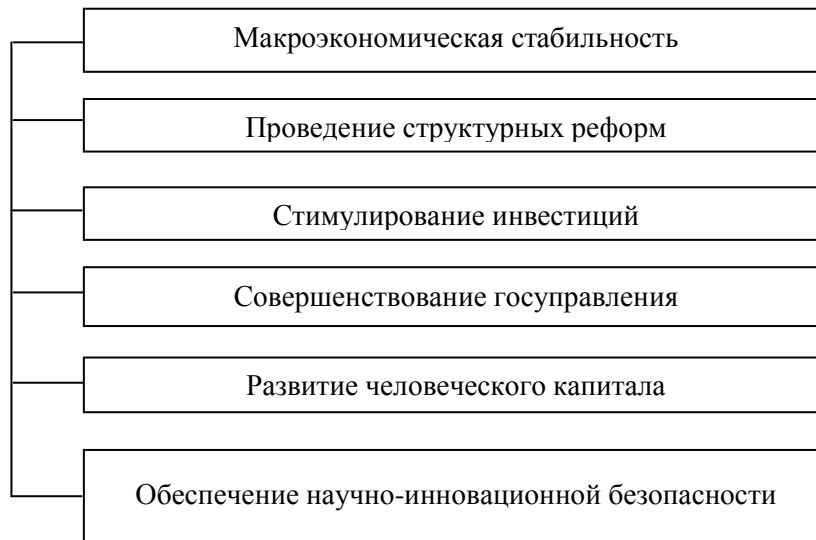

УДК 330.3

О. Я. Седель¹, Д. А. Петрукович²¹канд. техн. наук, доц., доц. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²канд. пед. наук, доц., зав. каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкинаe-mail: ¹sedel.oleg@mail.ru; ²dmitrypet@mail.ru**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Рассмотрены направления совершенствования социально-экономической модели Республики Беларусь в современных условиях развития рыночных отношений. Приведены приоритетные сферы реформирования экономики, обеспечивающие научно-технологическую и экономическую безопасность страны. Представленные направления позволяют создать новые точки экономического роста, а главным стратегическим направлением в области трансформации экономики Республики Беларусь является формирование белорусской модели социально ориентированной рыночной экономики.

Для преодоления инерционно-негативного сценария развития экономики и совершенствования социально-экономической модели на основе определенных Президентом Республики Беларусь ключевых принципов экономической программы текущего пятилетия, требуется активация научно обоснованных приоритетных целевых ориентиров государственной социально экономической политики [1] (рисунок 1).

**Рисунок 1. – Ключевые направления совершенствования
социально-экономической модели Республики Беларусь**

Во-первых, необходимо проведение политики стимулирования адаптивных возможностей экономических агентов, их способности улавливать быстро меняющиеся потребности и адекватно реагировать на них. Кризис – это всегда и угроза, и возможность. Прорывы «из третьего мира в первый» происходят, как правило, в условиях структурных кризисов, когда появляется возможность заметить инновации и внедрить их. Причем инновации не только технологические, но и институциональные.

Требуется обеспечение конкурентоспособности национальной экономики (субъектов хозяйствования) на основе принципов общей ответственности, стимулирования, саморазвития, саморегулирования: это создание комфортной среды для участников экономической деятельности, включая низкую инфляцию и на этой базе низкие процентные ставки; сбалансированный бюджет, консервативная бюджетная политика, опирающаяся только на деньги, которые заработаны при помощи роста производительности труда.

Во-вторых, макроэкономическая стабильность – необходимое, но недостаточное условие для возвращения страны на путь устойчивого экономического роста. Вопросом, определяющим перспективу развития, является проведение структурных реформ и стимулирование инвестиций. Новая стратегия долгосрочного устойчивого роста экономики Республики Беларусь должна основываться на использовании своих сравнительных конкурентных преимуществ, способных обеспечить стране максимальную конкурентоспособность на мировом рынке и максимальную прибыль.

Приоритетные сферы для реформирования структуры экономики, по которым наблюдается (либо ожидается) устойчивый рост рынков сбыта и существует научно-технический задел, определены в разработанной Национальной академией наук Беларуси стратегии «Беларусь 2020: наука и экономика» [3]. Представленные направления еще не реализованы с учетом необходимой для экономики «критической массы», имеют инновационные ниши и «окна возможностей», позволяющие создать новые точки экономического роста. Поэтому главная цель – создание новых высокотехнологичных производств [1] (рисунок 2).

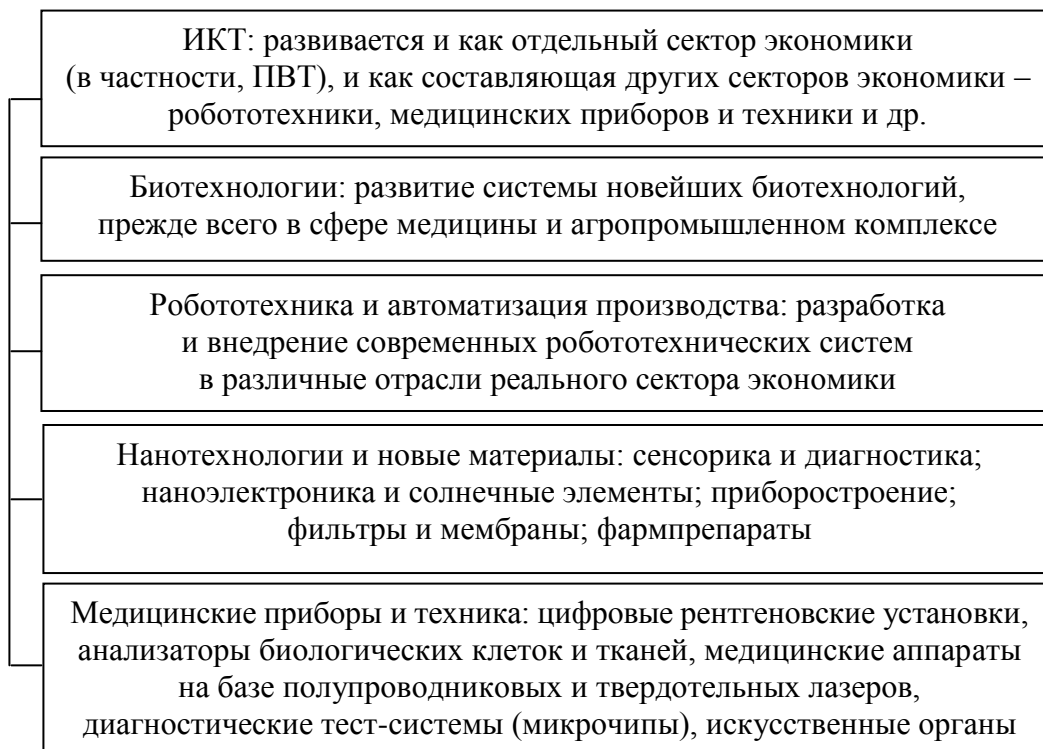

Рисунок 2. – Приоритетные сферы для реформирования структуры экономики Беларуси

Привлечение прямых иностранных инвестиций остается приоритетом инвестиционной деятельности Республики Беларусь по следующим основным причинам.

Во-первых, это чистый неэмиссионный внешний приток денежных средств, стимулирующий развитие страны.

Во-вторых, это новейшие технологии, которые являются определяющим фактором конкурентоспособности страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе и приходят в основной своей массе только с прямыми иностранными инвестициями.

Важный источник инвестиций – сбережения населения, для вовлечения которых напрямую в экономический оборот предприятий целесообразно развитие фондового рынка. Это позволит предприятиям получить более дешевые, чем в банковской системе, «длинные деньги». Соответственно, необходимо акционирование и вывод на фондовую биржу акций наиболее успешно функционирующих белорусских предприятий.

На повестке дня остается вопрос повышения эффективности и качества государственных решений, перехода от административных к экономическим методам управления. Все принимаемые решения должны быть досконально просчитаны, приниматься с учетом научно проработанной целесообразности на основе изучения мирового опыта. Сегодня важнейшей функцией государства является не дальнейшая концентрация ресурсов, а обеспечение условий для того, чтобы экономические субъекты могли максимально точно улавливать тенденции технологического прогресса. Узковедомственные интересы не должны сдерживать развитие страны. Сегодня госорганы сохраняют фактические права собственника без мотивации собственника

Вся работа должна строиться на основе партнерского участия, т. е. тесного взаимодействия государства, бизнеса и граждан, а также создания благоприятных условий для развития человеческого капитала, который является элементом успешной конкуренции в мировой экономической системе.

Для достижения баланса социальной и экономической эффективности необходимо культивировать в обществе положение о том, что государство не донор, а партнер, создающий условия для благосостояния граждан. Государство должно строить свою стратегию в направлении от социальной защиты к социальному прогрессу.

Рост производительности труда и на этой основе конкурентоспособности экономической системы страны всегда обусловлен новыми идеями, воплощенными в стоимость товаров и услуг. Наука является неперенным атрибутом любого государства, ставящего перед собой амбициозные цели развития в русле современных тенденций мировой экономики и нарождающихся новых укладов [1] (рисунок 3).

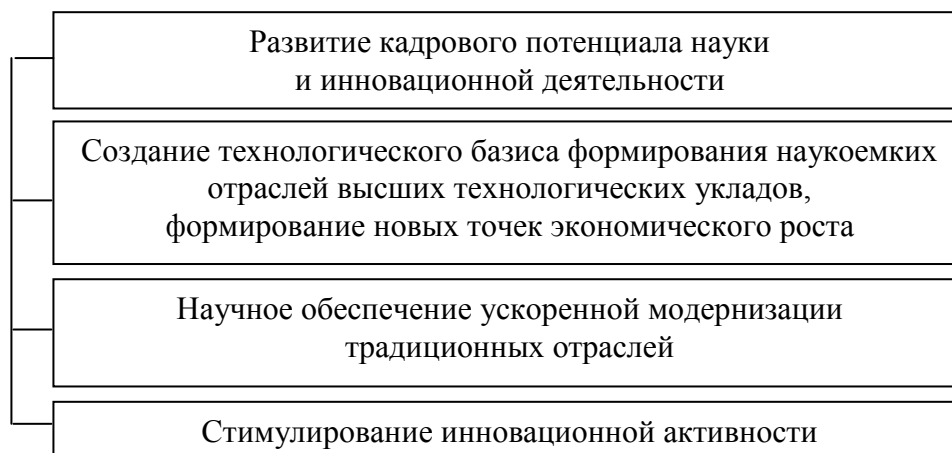

Рисунок 3. – Ключевые составляющие эффективного научно-инновационного развития

Стратегические и тактические планы и прогнозы социально-экономического развития должны строиться исходя из установки на приоритетность обеспечения научно-инновационной безопасности Беларуси. Это требует преодоления долговременных тенденций эволюционного (по сути – инерционного) развития национальной инновационной системы. Должна быть реализована всеобъемлющая среда научно-инновационного развития, сочетающая четкий и прозрачно действующий набор факторов, условий и мер.

Еще одно направление стимулирования конкурентоспособного предложения в Беларуси – открытость глобальному миру. В условиях кардинального изменения мироустройства и роста международных противоречий одним из элементов комплексного решения внутренних и внешних проблем является полноценная экономическая интеграция. Участники объединенного пространства ЕАЭС, безусловно, являются нашими ключевыми стратегическими партнерами, что обусловлено исторической, этнической и культурной общностью наших народов.

Интеграция в виде формального объединения территорий, даже с введением правил общего рынка, не способна обеспечить синергетический эффект и рост конкурентоспособности [1] (рисунок 4).

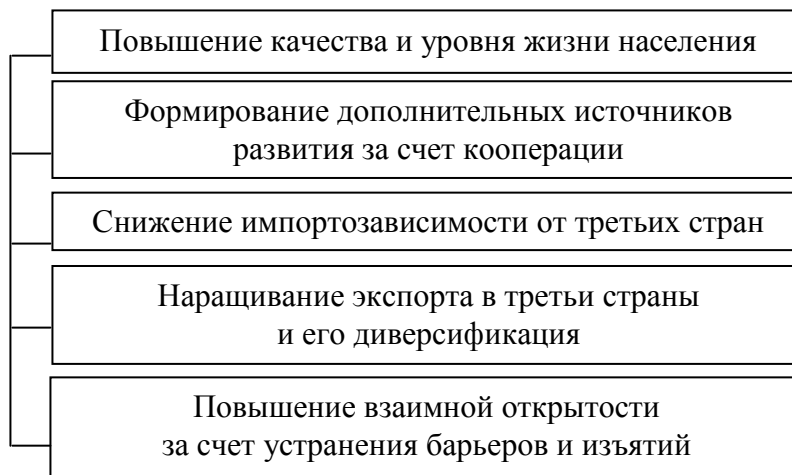

Рисунок 4.– Задачи экономического развития Евразийского экономического союза

Анализ проблем интеграции в рамках Евразийского экономического союза убедительно свидетельствует о необходимости согласованных действий в ключевых областях экономик государств – членов ЕАЭС: в макроэкономике, обеспечении правил конкуренции, сфере технических регламентов. Единые подходы должны применяться и при разработке согласованной промышленной политики, аграрной, транспортной (в первую очередь в рамках проекта по созданию Экономического пояса Шелкового пути), энергетической, финансовой и др.

Согласование социально-экономических систем, отличающихся размерностью, политическим устройством и соотношением движущих сил в экономике, должно опираться на непреложное требование признания равноправия партнеров. Главным стратегическим направлением в области трансформации экономики Республики Беларусь является формирование белорусской модели социально ориентированной рыночной экономики – высокоэффективной экономики с развитым предпринимательством и рыноч-

ной инфраструктурой, действенным государственным регулированием, обеспечивающим расширенное воспроизводство и повышение уровня жизни населения [5].

Для перехода к новой модели устойчивого, сбалансированного роста, обеспечивающего научно-технологическую и экономическую безопасность страны, необходимо решить следующие задачи:

1. Наращивание потенциала научной сферы, отраженного в Концепции национальной безопасности.

2. Развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности, ориентированное на создание новой системы взаимодействий. В ней должны быть интегрированы усилия науки, образования, госуправления и бизнеса по определению и практической реализации точек роста и прорывных направлений.

3. Увеличение исследовательской составляющей в расходовании средств инновационных фондов, а также использование механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере и научно-технической деятельности.

4. Реализация и развитие положений, предусматривающих эффективное использование средств инновационных фондов:

1) ориентировать распорядителей средств инновационных фондов на целевое расходование их средств по важнейшим направлениям, включая финансирование исследований, направленных на разработку инновационных и высокотехнологичных товаров;

2) придать процессам формирования и использования инновационных фондов планомерный заблаговременный характер посредством планирования на пятилетнюю перспективу объемов и направлений их использования;

3) гармонизировать планы использования средств инновационных фондов с мероприятиями, проектами и источниками финансирования Государственной программы инновационного развития.

5. Стимулирование научно-технической сферы должно стать более простым и прозрачным. Его основу должны составить льготирование затрат на выполнение исследований и разработок. Целесообразно применение для инновационного высокотехнологичного бизнеса льгот, аналогичных условиям для резидентов Парка высоких технологий;

6. Совершенствование кадрового обеспечения научно-инновационной сферы:

1) создание образовательных научно-производственных комплексов, осуществляющих непрерывную подготовку специалистов в области инновационной деятельности;

2) создание многоуровневой системы непрерывной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для инновационной деятельности, в том числе в сфере охраны и управления интеллектуальной собственностью;

3) подготовка инженерно-технических специалистов и научных работников высшей квалификации по приоритетным специальностям, обеспечивающим развитие высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI технологическим укладам.

Формирование новой модели устойчивого социально-экономического развития Беларуси будет зависеть от способности страны построить современные социально-экономические институты.

Одним из факторов недостаточной эффективности белорусской экономики является ее эклектичность в институциональном плане из-за попыток сведения воедино элементов различных институциональных систем, в том числе и чуждых белорусской институциональной матрице. Практика показала, что попытки импорта институтов

преимущественно рыночной системы приводят к возникновению институциональных ловушек, т. е. тупиковых ситуаций при принятии управленческих решений.

В белорусской институциональной матрице, относящейся к X-типу, не предполагается существенной децентрализации государственного управления, в том числе в сфере планирования. Беларусь, Россия, страны Азии и Латинской Америки отличаются доминированием X-матрицы [5].

Пример «институциональной ловушки» – неудовлетворительное развитие в стране фондового рынка, который в экономиках рыночного типа служит инструментом эффективного перераспределения финансовых ресурсов. В белорусской экономике перераспределение указанных ресурсов осуществляется преимущественно через систему государственного управления (в том числе через ОАО «Банк развития Республики Беларусь»), поэтому фондовый рынок является вспомогательным рыночным инструментом и не получает должного развития. В то же время в Беларуси создана достаточно оригинальная институциональная модель X-типа, которая впитала в себя специфику политической системы, национального характера, традиции и другие особенности отечественной институциональной среды.

Эта модель имеет следующие особенности:

1) эффективная система централизованного государственного управления, обеспечивающая стабильное политическое и экономическое развитие страны с быстрым нивелированием воздействия внешних шоков и «провалов рынка», общественный порядок и безопасность граждан;

2) максимально возможная реализация национальных интересов на основе многовекторности внешнеэкономической политики Беларуси;

3) эффективная социальная политика государства в пределах имеющихся бюджетных ограничений [5].

В качестве превентивной меры против «институциональных ловушек» органам государственного управления необходимо определиться с реализацией одного из сценариев. По первому сценарию принимается решение о переходе от преимущественно централизованного управления к рыночной модели. По второму сценарию в экономике Республики Беларусь сохраняется преимущественно централизованное управление, при котором:

1) роль рыночных институтов признается вспомогательной, подчиненной требованиям обеспечения эффективности централизованного государственного регулирования;

2) произойдет отказ от индикативной системы планирования как противоречащей белорусской институциональной матрице;

3) фондовый рынок будет использоваться как вспомогательный инструмент распределения капиталов в Беларуси, основные финансовые ресурсы по-прежнему контролируются органами государственного управления и ОАО «Банк развития Республики Беларусь».

Поэтому приоритетными задачами институциональной политики должно быть не только совершенствование системы правовых институтов, регулирующих экономическую деятельность, но и повышение уровня разработки инструментов регулирования системы неформальных институтов, которые позволят более сбалансировано регулировать экономические интересы с целью получения максимального эффекта от использования всех видов материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

В настоящее время в числе наиболее острых проблем, стоящих перед Беларусью в области бюджетно-налоговой политики, можно выделить:

1) Беларусь по-прежнему характеризуется самым высоким отношением налогов к ВВП в регионе, несмотря на сокращение налогового бремени; фактическая налоговая нагрузка с учетом отчислений в ФСЗН составила в 2015 г. 42 %;

2) эффективность государственной поддержки, оказываемой в рамках государственных программ, остается низкой, о чем свидетельствует рост объема проблемных кредитов (на 1.01.2017 оценивался примерно в 30 трлн руб.);

3) существуют проблемы с погашением государственного долга и ограниченной возможностью его рефинансирования, что связано с низкими кредитными рейтингами страны, затрудняющими доступ к внешнему финансированию [6].

Целью налоговой политики является повышение эффективности налоговой системы для стимулирования инвестиционной и инновационной активности, сокращение налоговых льгот, выравнивание налоговой нагрузки при применении различных систем налогообложения по отношению к общему порядку налогообложения. Соответственно, уровень налоговой нагрузки не должен превысить 26–27 % от ВВП.

По исследованиям, в предстоящем пятилетии целесообразно ориентировать бюджетно-налоговую политику на поддержку структурных реформ и выполнение социальных функций государства.

Наиболее значимой мерой, принятой Национальным банком Республики Беларусь для эффективности денежно-кредитной политики, стало введение нового механизма проведения торгов иностранными валютами, организуемых ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», что повышает значение рыночных факторов в формировании обменного курса белорусского рубля и способствует уменьшению рисков накопления внешних дисбалансов. Актуальными проблемами в денежно-кредитной сфере, требующими решения, являются:

1) снижение процентных ставок кредитно-депозитного рынка по мере замедления инфляционных процессов и сохранения устойчивости на валютном рынке;

2) снижение объемов нерыночного кредитования (в рамках реализации государственных программ);

3) доведение объема золотовалютных резервов до уровня, обеспечивающего внешнеэкономическую безопасность;

4) сокращение подоходного налогообложения для низкооплачиваемых категорий населения;

5) использование фондового рынка преимущественно как инструмента связывания свободных денег организаций и населения с обеспечением условий для роста курса обращающихся на нем ценных бумаг.

С учетом сложившихся негативных тенденций в инвестиционной сфере органам государственного управления целесообразно предпринимать следующие меры [6]:

1) повысить эффективность использования бюджетных средств на основе роста требований к инвестиционным проектам, ввести оценку соответствия их технологического уровня по сравнению с зарубежными конкурентами, применять рыночные критерии предоставления финансовых средств;

2) для оценки целесообразности предоставления государственной поддержки инвестиционных проектов за счет средств республиканского бюджета учитывать коэффициент бюджетной эффективности;

3) кредитование новых инвестиционных проектов, реализуемых в рамках государственных программ и мероприятий, осуществлять только через ОАО «Банк развития Республики Беларусь» на конкурсной основе;

4) внедрить в практику следующие инвестиционные инструменты: возмещение части расходов по лизинговым платежам организаций за приобретенные машины, оборудование, транспортные средства;

5) подготовить нормативную базу государственно-частного партнерства при реализации инвестиционных проектов в инфраструктурной сфере.

6) активизировать сотрудничество отечественных организаций с ТНК, в особенности с высокотехнологичными корпорациями;

7) выделять населению целевые денежные субсидии на покупку сложнотехнических промышленных товаров, строительных материалов и мебели отечественного производства, дорогостоящих услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дайнеко, А. Е. Регулирование внешнеэкономической деятельности в процессе интеграции Беларуси и России [Электронный ресурс] / А. Е. Дайнеко // Белорус. экономика: анализ, прогноз, регулирование. – 2016. – № 3. – С. 2–15. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/-34068670-Informacionno-analiticheskiy-doklad.html>. – Дата доступа: 10.10.2019.

2. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь на 2011–2015 гг. и меры по обеспечению устойчивого стабильного развития экономики на перспективу [Электронный ресурс] // Ин-т экономики НАН Беларуси. – Режим доступа: <http://doc.knigix.ru/22ekonomika/330407-1-o-negativnih-tendenciyah-socialno-ekonomichesk-razviti-respubliki-belarus-predlozheniyah-nan-belarusi-pre.php>. – Дата доступа: 08.10.2019.

3. О негативных тенденциях социально-экономическом развитии Республики Беларусь, предложениях на их преодоление и обеспечение достижение сбалансированного развития Республики Беларусь в 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] // Нац. акад. наук Беларуси. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-rosta-ekonomiki-belarusi-v-sisteme-eaes>. – Дата доступа: 12.10.2019.

4. Государственное регулирование экономики в условиях белорусской модели развития / Л. П. Матюшков [и др.]. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – 98 с.

5. Шимов, В. Н. Структурная трансформация экономики Беларуси: предпосылки и приоритеты / В. Н. Шимов // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 4–11.

6. Крук, Д. Причины и характеристики экономического спада в Беларуси: роль структурных факторов [Электронный ресурс] / Д. Крук // Берок. – Режим доступа: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_42.pdf. – Дата доступа: 10.09.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2019

Sedel O. Ya., Petrukovich D. A. Key Directions of Improving the Socio-Economic Model of the Republic of Belarus

The article considers the directions of improving the socio-economic model of the Republic of Belarus in modern conditions of development of market relations. The priority areas of economic reform providing scientific, technological and economic security of the country are given. The directions necessary for the economy are presented, allowing to create new points of economic growth, and the main strategic direction in the field of transformation of the economy of the Republic of Belarus is the formation of the Belarusian model of a socially oriented market economy.

УДК 332.142

T. S. Siluk*dr nauk ekon., doc., doc. wydziału turystyki i studiów regionalnych**Brzeskiego uniwersytetu państwowego im. A. S. Puszkina**e-mail: silyukts@mail.ru***POLITYKA REGIONALNA W UNII EUROPEJSKIEJ I POLSCE**

W artykule określone są cechy polityki regionalnej, ocharakteryzowane podstawowe modele wzrostu gospodarczego i strategie rozwoju regionalnego, systematyzowane doświadczenia związane z rozwojem regionalnym Unii Europejskiej i Polski. Autor stwierdza, że głównymi kierunkami polityki regionalnej województwa Mazowieckiego powinno być wspieranie badań naukowych i innowacyjnych sektorów gospodarki narodowej, które pozwolą regionowi spełniać wymagania nowoczesnej gospodarki.

Wprowadzenie

Rozwój regionalny, a także polityka rozwoju regionu są jedną z bardzo wielu gałęzi polityki gospodarczej. W zamiarze dobrego przedstawienia mojego tematu wyjaśnię na początku czym właściwie jest polityka gospodarcza, zwana także polityką ekonomiczną. W tym celu posłużę się definicją B. Winiarskiego: «Przez politykę gospodarczą będziemy rozumieć świadome oddziaływanie władz państwowych oraz instytucji i organizacji międzynarodowych na gospodarkę – jej dynamikę, strukturę, funkcjonowanie i stosunki ekonomiczne» [1, s. 6]. Jednak na politykę gospodarczą można spojrzeć z innej strony, jako na konkretne zjawisko, które pojawiło się na określonym poziomie rozwoju społecznego, a ewoluując pojawiło się na terenie każdego państwa, pod tym pojęciem kryje się również dyscyplina naukowa, teoria polityki gospodarczej, nauka zajmująca się poszukiwaniem sposobu, objaśnianiem kształtowania się zjawisk. Można powiedzieć, że polityka gospodarcza to sztuka rządzenia gospodarką albo jest to świadome oddziaływanie na zjawiska gospodarcze za pomocą określonych narzędzi, służących do osiągnięcia założonych celów. Moim zdaniem trafna jest także definicja S. Kruszczyńskiego, czyli bezpośrednie kierowanie gospodarką narodową przez państwo lub pośrednie oddziaływanie państwa na funkcjonowanie i rozwój tej gospodarki.

Polityka rozwoju regionalnego

Polityka gospodarcza ma za zadanie realizowanie określonych celów. Są to zjawiska społeczne, gospodarcze pożądane z punktu widzenia najwyższych organów władzy państwowej i rozumiane jako kategoria historyczna – zmieniają się w czasie w miarę ewolucji typu państwa. Nawet w tym samym czasie cele te mogą być różne w poszczególnych państwach. Cele zależą od typu i formy państwa. Jeśli władze pochodzą z wyborów, to muszą realizować cele społeczeństwa, jeśli są niezależne mogą realizować co uważają za słuszne, ale to jest tylko abstrakcja, bo zawsze musiały realizować cele jakiejś grupy społecznej, od której uzyskiwały poparcie. Demokratyczne państwa wysokorozwinięte doprowadziły do poszukiwań celów gospodarczych korzystnych dla większości społeczeństwa. Nie zawsze jest to łatwe, bowiem istnieją cele ważne tylko dla pewnych grup społecznych – stąd wielość ugrupowań. Współcześnie w państwach demokratycznych konkurują dwie partie o różnych celach albo wiele partii, spośród których żadna nie ma szans na całkowite zdobycie władzy.

O cechach polityki gospodarczej decyduje też sytuacja społeczna i gospodarcza poszczególnych państw w danym czasie. Inna jest ona w ustabilizowanych, rozwijających się gospodarkach, inna – w gospodarce objętej kryzysem. Nowe cele wyłoniły się po upadku totalitaryzmu, związane są one z przechodzeniem do gospodarki rynkowej. Cele te kształtują się także pod wpływem teorii ekonomicznych.

Rozwój regionalny to rozwój gospodarczy regionów wchodzących w skład danego kraju. Celem polityki rozwoju regionalnego jest to, aby osiągnąć jak najwyższy i względnie równomierny poziom rozwoju różnych regionów kraju. W Unii Europejskiej celem polityki regionalnej jest osiągnięcie jak najbardziej równomiernego poziomu rozwoju regionów na całym terenie Unii. Problematyka pomiaru stopnia rozwoju regionalnego nie jest prosta. Problemy występują już w momencie zdefiniowania, co oznacza równomierny poziom rozwoju regionów. Według jednego punktu widzenia, oznaczać to powinno dążenie do zbliżonego poziomu PKB na mieszkańca, a zatem poziomu życia [2, s. 4]. Przykładowo, za najbardziej potrzebujące wsparcia z tego punktu widzenia uważa się w Polsce województwa «ściany wschodniej». Inny punkt widzenia mówi, że rozwój regionalny oznacza dążenie do tworzenia zbliżonych szans rozwojowych dla regionów. Region wymagający wsparcia jest to niekoniecznie region o niższym poziomie PKB na mieszkańca, ale region o słabym poziomie rozwoju kapitału ludzkiego i produkcyjnego, niedostatecznie rozwiniętej infrastrukturze, szczególnych problemach związanych z restrukturyzacją gospodarki, czy szczególnie niekorzystnych warunkach geograficznych i przyrodniczych. Przykładowo, wsparcia z tego tytułu mogą wymagać w Polsce regiony o starzejącym się przemyśle, np. Śląsk albo przeżywające problemy związane z niedostatecznym rozwojem infrastruktury i kapitału ludzkiego, np. województwo Świętokrzyskie.

Obok dwóch różnych koncepcji rozwoju regionalnego mamy też doczynienia z dwoma różnymi podejściami do polityki regionalnej, a mianowicie jest to polityka redystrybucyjna dążąca do wyrównywania dochodów i PKB na mieszkańca w drodze kierowania zasobów z regionów zamożniejszych do uboższych (np. w formie dotacji) oraz polityka rozwojowa dążąca raczej do wyrównania szans rozwojowych poszczególnych regionów, usuwając przeszkody w funkcjonowaniu mechanizmów rynkowych i wspierając rozwój kapitału ludzkiego, produkcyjnego oraz infrastruktury. Problem poszukiwania sposobów i dróg prowadzących do optymalnego rozwoju gospodarczego był i jest podstawowym w naukach ekonomicznych. Ze względu na rosnące dysproporcje przestrzenne szczególne znaczenie w tych poszukiwaniach posiadają koncepcje dotyczące rozwoju regionalnego, a przede wszystkim próby określenia jego mechanizmu oraz warunków i czynników kształtujących ten proces.

Zróznicowanie przestrzenne rozwoju staje się podstawowym problemem współczesnej gospodarki. Wyrównywanie regionalnych dysproporcji rozwoju gospodarczego stanowi główny cel działań podejmowanych w ramach polityki regionalnej. Nie chodzi przy tym o ograniczanie się jedynie do redystrybucji środków finansowych, ale przede wszystkim o stymulowanie rozwoju w regionach opóźnionych, nawet kosztem wolniejszego tempa wzrostu obszarów najlepiej rozwiniętych. Na gruncie ekonomii rozróżnia się dwa pojęcia wzrostu i rozwoju, które mogą dotyczyć gospodarki regionu. Wzrost gospodarczy wiąże się ze wzrostem produktu na jednego mieszkańca, natomiast rozwój gospodarczy jest pojęciem szerszym i oznacza wzrost różnych aspektów poziomu życia człowieka, z których pewne mają charakter niemierzalny [2]. Wzrost należy postrzegać, jako zmianę ilościową, rozwój natomiast obejmuje zarówno zmiany ilościowe, jak i jakościowe, które mogą być rozpatrywane w ujęciu procesowym lub celowym i które prowadzą region przez proces fazowy od niższego poziomu rozwoju do wyższego. Biorąc pod uwagę fakt występowania wzajemnych zależności między wzrostem a rozwojem należy przyjąć, że wzrost jest podstawowym warunkiem wystąpienia rozwoju gospodarczego, którego konsekwencje kształtują poziom i warunki życia mieszkańców danego regionu. Powyższe zależności uzasadniają celowość dokonania łącznego przeglądu modeli wzrostu i rozwoju regionalnego, który przeprowadzono w tym opracowaniu.

Współcześnie ekonomiści regionalni w mniejszym stopniu zajmują się tworzeniem zupełnie nowych teorii rozwoju regionalnego, a bardziej próbują optymalizować politykę

regionalną przy zastosowaniu znanych koncepcji ekonomicznych, które zmieniają i dostosowują do nowych warunków społeczno-gospodarczych. Głównym celem tych działań jest tworzenie strategii rozwoju regionalnego, które bazując na podstawach teoretycznych ekonomii rozwoju mają zapewniać optymalny rozwój regionalny, a przykładem są nowa teoria wzrostu oraz nowa geografia ekonomiczna, korzystające z doświadczeń zarówno modeli neoklasycznych, jak i modeli popytowych, stanowiące podstawę endogenicznej koncepcji polityki rozwoju regionalnego.

Modele wzrostu gospodarczego

Modele neoklasyczne – pierwsze prace obejmujące swoją tematyką zagadnienia związane ze wzrostem gospodarczym – pochodzą z XVIII i XIX stuleć. W tym okresie Adam Smith (1776), Thomas Malthus (1798), David Ricardo (1817) oraz wiele lat później Frank Ramsey, Allyn Young (oboje 1928), Joseph Schumpeter (1934) i Frank Knight (1944) dostarczyli wiele elementów wykorzystywanych we współczesnych modelach wzrostu [3]. W swoich pracach analizują konkurencyjne zachowania przedsiębiorstw oraz równowagę całej gospodarki w ujęciu dynamicznym. Omawiają rolę prawa malejących przychodów w procesie akumulacji kapitału fizycznego i ludzkiego. Przedstawiają wzajemne zależności między dochodem na 1 mieszkańca a stopą wzrostu liczby ludności. Uwzględniają efekty postępu technicznego w postaci wzrostu specjalizacji pracy oraz odkrywania nowych dóbr i technologii. Wskazują, że monopolizacja może być bodźcem do rozwoju technologicznego. Modele neoklasyczne mają jedną wspólną wadę. Otóż nie wyjaśniają one dobrze długookresowego wzrostu gospodarczego, gdyż ten zależy od szeroko rozumianego postępu technicznego, który ma charakter egzogeniczny. Pożądaną własnością modelu wzrostu byłaby natomiast endogenizacja postępu technicznego tak, aby wzrost gospodarczy można było wyjaśniać w ramach modelu, a nie żeby pochodził zewnątrz. Koncepcje neoklasyczne (w swojej podstawowej postaci) nie najlepiej radzą sobie także z wyjaśnianiem różnic w poziomie dochodów między krajami. Różnice w poziomach kapitału są w rzeczywistości o wiele za małe, żeby można było mówić o wielkości kapitału fizycznego jako o przyczynie występowania różnic w dochodach [3, s. 7–11].

Model Solowa, nazywany również modelem Solowa – Swana, został stworzony przez Roberta Solowa i Trevora Swana. Stan ustalony w modelu Solowa jest stabilny. Oznacza to, że niezależnie od początkowego poziomu kapitału gospodarka zawsze będzie dochodziła do stanu ustalonego. W trakcie okresu przejściowego tempo wzrostu PKB (ogółem i na 1 mieszkańca) jest wyższe niż w stanie równowagi długookresowej, gdyż kapitał i produkcja na jednostkę efektywnej pracy rosną, a zatem we wzorach. Powyższa własność modelu Solowa, wskazująca na szybsze tempo wzrostu gospodarczego w trakcie okresu przejściowego, ma bardzo ważne znaczenie ekonomiczne. Mianowicie, model Solowa potwierdza występowanie zjawiska konwergencji (zbieżności) warunkowej. Konwergencja oznacza, że kraje słabiej rozwinięte (o niższym poziomie PKB per capita) wykazują szybsze tempo wzrostu gospodarczego niż kraje wyżej rozwinięte.

Zbieżność potwierdzona przez model Solowa jest warunkowa, gdyż występuje tylko wtedy, gdy gospodarki dążą do tego samego stanu równowagi długookresowej. Podsumowując, analiza modeli wzrostu gospodarczego obejmuje zarówno stan ustalony, który oznacza równowagę długookresową, jak i etap przejściowy, t. j. okres dochodzenia gospodarki do stanu ustalonego, który ma charakter krótkookresowy. Z przedstawionego tutaj modelu Solowa wynika, że w stanie ustalonym tempo wzrostu gospodarczego jest równe sumie tempa postępu technicznego i tempa wzrostu liczby ludności, co implikuje, że te dwie zmienne są determinantami długookresowego wzrostu gospodarczego. Niemniej jednak, model Solowa

można także zastosować do analizy czynników wzrostu w krótkim okresie. Wzrost stopy oszczędności (równej stopie inwestycji) powoduje wprowadzenie gospodarki na trajektorię okresu przejściowego i skutkuje tymczasowym przyspieszeniem tempa wzrostu gospodarczego. Oznacza to, że zgodnie z modelem Solowa zmiany stopy inwestycji są czynnikiem krótkookresowego wzrostu gospodarczego. W podobnych kategoriach można analizować większość pozostałych modeli wzrostu gospodarczego.

Model Ramseya zawdzięcza swą nazwę Frankowi Ramseyowi, brytyjskiemu ekonomście, który w 1928 r. opublikował artykuł o optymalnym poziomie oszczędności. Ujęcie Ramseya zostało rozwinięte przez Davida Cassa i Tjallinga Koopmansa (1965) i dlatego nosi również nazwę modelu Ramseya – Cassa – Koopmansa [3]. Główna różnica między modelem Ramseya a modelem Solowa dotyczy kształtowania się stopy oszczędności. Stopa oszczędności, która w teorii Solowa była egzogeniczna, w podejściu Ramseya kształtuje się endogenicznie na podstawie decyzji optymalizacyjnych podejmowanych przez maksymalizującą użyteczność gospodarstwa domowe.

Model Diamonda – w przeciwieństwie do prac Solowa i Ramseya – charakteryzuje się skończonym horyzontem czasowym i uwzględnia zmiany demograficzne. Modele takie, określane także jako OLG (ang. *overlapping-generations models*), powstały dzięki pracom Paula Samuelsona (1958) i Petera Diamonda (1965). Podejście Samuelsona różni się od przedstawionej tutaj koncepcji Diamonda tym, że nie obejmuje akumulacji kapitału. Model Diamonda uwzględnia zmiany demograficzne: rodzą się wciąż młode pokolenia (jednostki), a stare ciągle odchodzą. Gospodarstwa domowe żyją przez dwa okresy. W pierwszym okresie ich członkowie są młodzi, pracują, osiągają dochód, który dzielą między bieżącą konsumpcję i oszczędności. Oszczędności powiększone o odsetki służą do finansowania konsumpcji w drugim okresie, kiedy ludzie są starzy i nie pracują. Pomimo powyższych modyfikacji, model Diamonda podobnie jak modele Solowa i Ramseya wyjaśnia długookresowy wzrost gospodarczy i dlatego jest zaliczany do modeli neoklasycznych.

Wraz z nadejściem na początku lat 70. XX w. kryzysu związanego z podwyżkami cen ropy naftowej i wywołaną tym zmianą dotychczasowych trendów rozwojowych wielu gospodarek zachodnich, teoria wzrostu zeszła na drugi plan obszarów zainteresowań ekonomistów. Przełom nastąpił dopiero w 1986 r. wraz z artykułem Paula Romera (1986), inicjującym erę endogenicznych modeli wzrostu gospodarczego [3]. Modele endogeniczne – jak sama nazwa wskazuje – wyjaśniają wzrost gospodarczy w sposób endogeniczny, t.j. w ramach modelu. Cecha ta stanowi przeciwieństwo neoklasycznej teorii wzrostu, gdzie długookresowy wzrost zależał od egzogenicznego postępu technicznego, wprowadzonego do modelu wraz z innymi założeniami. Osiągnięcie endogenicznego wzrostu gospodarczego jest możliwe dzięki odejściu od neoklasycznej funkcji produkcji, zakładającej malejące przychody z odtwarzalnych czynników produkcji. W grupie modeli endogenicznych występują co najmniej stałe przychody z takich czynników.

Model Romera różni się od modeli neoklasycznych tym, że nie zakłada występowania malejących przychodów z odtwarzalnych czynników produkcji. Wprost przeciwnie, wiedza, jako jedyny odtwarzalny czynnik wytwórczy, wykazuje rosnące przychody na poziomie całej gospodarki. Uzasadnieniem przyjęcia tego założenia jest to, że wiedza, która powstaje dzięki inwestycjom pojedynczych przedsiębiorstw, może rozprzestrzeniać się nieograniczenie w całej gospodarce i tym samym może być wykorzystywana przez wszystkie przedsiębiorstwa bez konieczności ponoszenia dodatkowych kosztów. Powyższy mechanizm rozprzestrzeniania się wiedzy jest określany angielskim terminem *learning-by-doing*, co oznacza naukę (czyli nabywanie wiedzy) przez praktykę. Koncepcja *learning-by-doing* i założenie o występowaniu rosnących przychodów nawiązują do pracy Arrowa z 1962 r. Dzięki rosnącym przy-

chodom model Romera pozwala osiągnąć nieograniczony, coraz szybszy wzrost gospodarczy, bez uwzględniania zmiennych rosnących w egzogenicznym tempie.

Model Rebelo – podobnie jak ujęcie Lucasa – zaliczany jest do dwusektorowych modeli wzrostu gospodarczego, które uwzględniają kapitał w podziale na kapitał fizyczny i kapitał ludzki. Omawiany w niniejszym artykule model został przedstawiony w artykule Sergio Rebelo (1991), w którym autor wykorzystał endogeniczne teorie wzrostu do pokazania, że działania państwa w dużym stopniu wyjaśniają różnice w tempie wzrostu gospodarczego między krajami [4]. Podejście Rebelo jest bardzo podobne do wcześniej omówionego modelu Lucasa. Różni się od swojego poprzednika w dwóch aspektach. Po pierwsze, w modelu Rebelo nie występują efekty zewnętrzne i związane z tym rosnące przychody na poziomie całej gospodarki. Po drugie, w akumulacji kapitału ludzkiego jest również wykorzystywany kapitał fizyczny, a nie – jak w modelu Lucasa – tylko kapitał ludzki.

Typy strategii rozwoju

Strategia liberalna (monetarystyczna lub ortodoksyjna). Dąży ona do poprawienia alokacji zasobów dzięki zdaniu się na mechanizmy rynkowe oraz wskazówki, które one daje. Jej głównym polem zainteresowania są zagadnienia mikroekonomiczne. Ogromną rolę przypisuje sektorowi prywatnemu, a jej skrajne warianty przypominają zasady leseferyzmu. Nacisk kładziony jest na politykę pieniężną i budżetową oraz na reformy finansowe. Jej cele to: stabilizacja gospodarki, poprawa alokacji zasobów, dobre funkcjonowanie rynków, sprzyjanie wysokiemu poziomowi oszczędzania, zapewnienie bardziej efektywnego wykorzystania kapitału.

Strategia gospodarki otwartej podobnie jak strategia liberalna uwagę skupia na rynkowej alokacji zasobów, czy też na sektorze prywatnym. Najważniejsze znaczenie przypisuje eksportowi. W strategii tej usiłuje się uzyskać korzyści komparatywne oraz wzrost stopy oszczędności, co przyspiesza akumulację kapitału, a tym samym wzrost. Strategia ta opowiada się za aktywną rolą państwa.

Strategia industrializacji nacisk kładzie na ekspansję sektora przetwórczego. Jej celem jest podwyższenie stopy wzrostu gospodarczego, co można osiągnąć przez: rozwój produkcji dóbr przetwórczych, rozwijanie przemysłu dóbr kapitałowych oraz proeksportową orientację sektora przetwórczego. Opowiada się za interwencją władz publicznych.

Strategia rozwoju rolniczego («zielonej rewolucji»). Dąży ona do osiągnięcia wzrostu produkcji rolnej. Kluczem do jej osiągnięcia jest postęp techniczny, co wiąże się z wprowadzaniem wysoko wydajnych kultur rolnych. Jest ona głównie stosowana w krajach Trzeciego Świata.

Strategia redystrybucji. Jej celem jest poprawa podziału dochodu i bogactwa. Zaleca ona tworzenie miejsc pracy, redystrybucję części wzrostu dochodu narodowego na rzecz najuboższych, zwracanie uwagi na potrzeby podstawowe [2].

Dlaczego niektóre kraje rozwijają się szybciej od innych? Wydawać by się mogło, że na to pytanie nie ma właściwej odpowiedzi. Okazuje się jednak, że tempo rozwoju gospodarczego danego kraju zależy od rodzaju dominującej formy kapitalizmu. A biorąc pod uwagę definicję, głoszącą, iż kapitalizm to system ekonomiczny opierający się na własności prywatnej, rozwiązanie kwestii dynamiki rozwoju jest jednoznaczne: rozwój ten uzależniony jest wyłącznie od dochodów i majątków obywateli poszczególnych państw. Zgodnie z definicją, kapitalizm to system gospodarczy opierający się na zasadach wolnego obrotu towarami i usługami, wolnej konkurencji między podmiotami oraz wolnego obrotu kapitałem i środkami produkcji. Kapitalizm zależy od rozwiniętego systemu finansowego. Najważniejsze instytucje finansowe w systemie kapitalistycznym to banki i giełdy. Kapitalizm wymaga stabilnego pieniądza.

W krajach z wiarygodną polityką monetarną jest to waluta lokalna. Nigdzie na świecie nie ma systemu w pełni kapitalistycznego, jest on w stanie stałego zagrożenia przez interwencję państwową. Państwo stale próbuje ograniczać dominację kapitalizmu poprzez ograniczenia obrotu kapitałowego, przez kontrolę państwa nad systemem bankowym, nierówne traktowanie podmiotów przez prawo, w szczególności różne opodatkowanie, koncesje, zezwolenia, monopole państwowe, różne ograniczenia w wolnym obrocie towarami i usługami, biurokrację, interwencjonizm i protekcjonizm. Agresywna polityka państwa wobec kapitalizmu jest często nieuzasadniona ze względu na fakt, iż to właśnie kapitalizm jest gwarantem dynamicznego rozwoju gospodarczego. Historia jednak zna przypadki, w których państwa niszczyły dobrze rozwijającą się gospodarkę przez złe ustawy, czy też doprowadzały swoją polityką do destabilizacji systemu finansowego. Taka postawa może przyczynić się nie tylko do wewnętrznego kryzysu w danym państwie, ale nawet do poważnych kryzysów gospodarczych na skalę światową, takich jak Wielki Kryzys w latach 1929–1933. Kryzys został przezwyciężony dopiero po odrzuceniu polityki zarządzania zgodnie z zasadami klasycznej ekonomii.

Polityka rozwoju regionu w Unii Europejskiej

Choć UE należy do najbogatszych regionów na świecie, to w samej Unii istnieją zasadnicze różnice w poziomie dobrobytu, zarówno między państwami członkowskimi, jak i między regionami wewnątrz poszczególnych krajów. Najzamożniejsze państwo, czyli Luksemburg, jest ponad siedmiokrotnie bogatsze niż Rumunia czy Bułgaria – najbiedniejsi i najmłodszy członkowie UE. Jednak dynamiczne efekty członkostwa w UE, połączone z energiczną i właściwie ukierunkowaną polityką inwestycji, mogą przekładać się na konkretne wyniki. Unijna polityka rozwoju regionalnego ma: pomóc regionom w pełni wykorzystać swój potencjał, poprawić konkurencyjność i poziom zatrudnienia na szczeblu regionalnym dzięki inwestycjom w obszarach o dużym potencjale wzrostu, co zapewni wartość dodaną całej UE oraz ma jak najszybciej zbliżyć do średniej unijnej poziom dobrobytu w państwach, które przystąpiły do UE od 2004 r. Różnice między regionami mogą wynikać m.in. z długofalowymi zaległościami związanymi z oddaleniem geograficznym lub słabym zaludnieniem, niedawnymi przemianami społecznymi i gospodarczymi, dziedzictwem gospodarki centralnie planowanej, połączenia tych i innych czynników. Skutki takich trudności często przejawiają się: zubożeniem społeczeństwa, niską jakością szkolnictwa, wysoką stopą bezrobocia, niewydolnością infrastruktury.

Strategie dla Polski

Rada Ministrów przyjęła «Krajową Strategię Rozwoju Regionalnego 2010–2020: Regiony, Miasta, Obszary wiejskie» (KSRR), t.j. kompleksowy średniookresowy dokument strategiczny odnoszący się do prowadzenia polityki rozwoju społeczno-gospodarczego kraju w ujęciu wojewódzkim, którego przygotowanie przewiduje Ustawa z dnia 7 listopada 2008 r. o zmianie niektórych ustaw w związku z wdrażaniem funduszy strukturalnych i Funduszu Spójności [5].

Dokument ten określa cele i priorytety rozwoju Polski w wymiarze terytorialnym, zasady i instrumenty polityki regionalnej, nową rolę regionów w ramach polityki regionalnej oraz zarys mechanizmu koordynacji działań podejmowanych przez poszczególne resorty. KSRR wprowadza szereg modyfikacji sposobu planowania i prowadzenia polityki regionalnej w Polsce, a wraz z nimi różnych polityk publicznych mających największy wpływ na osiągnięcie celów określonych w stosunku do terytoriów. Wiele propozycji dotyczy zarządzania politykami ukierunkowanymi terytorialnie i obejmuje zagadnienia współpracy, koordynacji, efektywności, monitorowania i ewaluacji. KSRR zakłada także dalsze wzmacnianie roli regionów

w osiągnięciu celów rozwojowych kraju i w związku z tym zawiera propozycje zmian roli samorządów wojewódzkich w tym procesie oraz modyfikacji sposobu udziału w nim innych podmiotów publicznych. Polityka regionalna jest w nim rozumiana szerzej niż dotychczas – jako interwencja publiczna realizująca cele rozwojowe kraju przez działania ukierunkowane terytorialnie, a których głównym poziomem planowania i realizacji pozostaje układ regionalny. Szczegółowe propozycje rozwiązań dotyczą:

1) odejścia od postrzegania polityki regionalnej wyłącznie przez zróżnicowania przestrzenne mierzone na poziomie regionów na rzecz wykorzystania potencjałów endogenicznych terytoriów dla osiągnięcia celów rozwoju kraju – kreowania wzrostu, zatrudnienia i spójności;

2) odejścia od podziału na polityki inter- i intraregionalną, na rzecz jednej, wspólnej polityki (ze wspólnymi celami) określającej cele w odniesieniu do terytorium dla wszystkich podmiotów publicznych, każdy z tych podmiotów realizuje inne zadania zgodnie ze sferą swojej kompetencji;

3) stymulowania konkurencyjności w skali regionalnej, krajowej i międzynarodowej, jak również wspomaganie rozprzestrzeniania procesów rozwoju z ośrodków najszybciej rozwijających się na pozostałe obszary kraju;

4) większej efektywności działań w ramach polityki regionalnej przez skoncentrowanie interwencji polityki regionalnej na wybranych obszarach tematycznych i przestrzennych (obszarach strategicznej interwencji);

5) wprowadzenia kompleksowego systemu integracji i koordynacji polityk publicznych mających istotny wpływ terytorialny z celami polityki regionalnej określonych dla poszczególnych terytoriów;

6) wprowadzenia nowych instrumentów partnerstwa i koordynacji działań ukierunkowanych terytorialnie – kontraktu terytorialnego;

7) racjonalizacji systemu zarządzania i finansowania polityk publicznych przez określenie najbardziej efektywnego poziomu dostarczania usług publicznych;

8) zwiększenia efektywności polityki regionalnej m.in. przez szerokie zastosowanie zasady warunkowości i mechanizmów konkurencji w dostępie do środków publicznych jako nagrody opartej o realizację założonych wskaźników rzeczowych;

9) przemodelowania systemu finansowania polityki regionalnej przez oparcie go o wieloletni plan finansowy i kontrakty terytorialne [5].

Okres obowiązywania KSRR wyznaczony jest do 2020 r. Taki horyzont czasowy pozwoli na wdrożenie wielu proponowanych instrumentów i jednocześnie obejmie całą przyszłą perspektywę finansową UE, co będzie miało podstawowe znaczenie w sposobie wykorzystywania środków Unii Europejskiej w ramach koncepcji nowej polityki regionalnej zawartej w tym dokumencie.

Pierwszy etap prac nad KSRR objął próbę zidentyfikowania najważniejszych problemów aktualnego systemu polityki regionalnej w Polsce oraz potencjalnych obszarów do refleksji. Przede wszystkim skoncentrowano się na aspektach krajowej polityki regionalnej. Refleksji poddano następujące najważniejsze obszary charakteryzujące politykę regionalną: określenie miejsca polityki regionalnej państwa w polityce rozwoju; znalezienie kompromisu między polityką wyrównywania i polityką konkurencyjności; wykorzystanie know-how europejskiej polityki spójności we wszystkich obszarach krajowej polityki regionalnej; trudności w zapewnieniu koordynacji polityki regionalnej z polityką przestrzenną; brak wyrazistej specyfiki potrzeb i uwarunkowań regionalnych w Regionalnych Programach Operacyjnych; niepełny proces decentralizacji systemu polityki rozwojowej, w tym polityki regionalnej, konieczność zdefiniowania nowych ról uczestników polityki regionalnej i powiązań instytucjonalnych; słabość koordynacji działań podejmowanych na szczeblu centralnym i regionalnym;

niedookreślony zakres i granice polityki rozwojowej na poziomie sektorowym i regionalnym; brak systemowego monitorowania i analizowania zmian sfery realnej w przekrojach terytorialnych jako skutek działań polityki rozwoju, w tym polityki regionalnej; brak dokumentu programującego politykę regionalną państwa; niewystarczająca troska o efektywność instrumentów polityki regionalnej; potrzeba nowego spojrzenia na kontrakty wojewódzkie oraz weryfikacji palety instrumentów polityki regionalnej; weryfikacja podejścia do problematyki obszarów wiejskich.

Równolegle do prac nad dokumentem problemowym skierowano do urzędów marszałkowskich oraz resortów właściwych badania ankietowe na temat pożądaných kierunków zmian polityki regionalnej państwa. Ich celem było rozpoczęcie oraz ukierunkowanie dyskusji nad nowym modelem polityki rozwoju regionalnego, widzianym z różnych perspektyw. Ankietę skierowaną do urzędów marszałkowskich podzielono na siedem, a do ministerstw na pięć następujących bloków tematycznych.

Wnioskiem z wyrażonych w ankietach stanowisk była potrzeba dalszych prac, przy ścisłej współpracy wszystkich regionów oraz ministerstw, by możliwe było wypracowanie wspólnego i satysfakcjonującego wszystkie strony rozwiązania w odniesieniu do poszczególnych kwestii problemowych. W tym celu MRR powołało tematyczne grupy robocze, których zadaniem było wypracowanie projektu koncepcji w następujących obszarach: cele i zasady polityki regionalnej państwa, najefektywniejszy zakres podziału kompetencji w ramach realizacji polityki rozwoju (podział polityki rozwoju sektor/region, linia demarkacyjna, efektywny poziom dostarczania dóbr), *multi-level governance* oraz finansowanie polityki regionalnej, efektywność polityki regionalnej, weryfikacja instrumentów polityki regionalnej w tym kontraktów wojewódzkich. Do prac w grupach zaproszeni zostali przedstawiciele urzędów marszałkowskich (to im powierzono pełnienie funkcji ich przewodniczących) oraz przedstawiciele właściwych resortów i Kancelarii Premiera Rady Ministrów.

Strategia rozwoju województwa Mazowieckiego

W 2011 r. sfinalizowano proces okresowego monitoringu realizacji strategii. Jednym z podstawowych wniosków płynących z raportu z monitoringu był fakt, iż w ciągu 5 lat, które upłynęły od uchwalenia poprzedniej wersji podstawowego wojewódzkiego dokumentu strategicznego, zasadniczym zmianom uległy uwarunkowanie gospodarcze i prawne. W dziedzinie gospodarki widoczne są w wyraźnym wzroście wskaźnika PKB per capita w województwie względem średniej unijnej (przekroczenie poziomu 75 %), przy równoczesnym wzroście dystansu oddzielającego Warszawę od średniej wojewódzkiej. Oznacza to, iż aby utrzymać spójny i zrównoważony rozwój całego regionu należy w większym stopniu wzmacniać procesy dyfuzji impulsów rozwojowych na obszary wiejskie oraz poza metropolitarne. Zmiany w otoczeniu prawnym miały miejsce zarówno na poziomie europejskim, krajowym, jak i regionalnym.

Unia Europejska przyjęła nową strategię zatytułowaną «Europa 2020, Strategia na rzecz inteligentnego i zrównoważonego rozwoju sprzyjającego włączeniu społecznemu» [6]. Wskazuje ona nowe wyzwania, którym muszą stawić czoła wszystkie Państwa Członkowskie, jak też regiony, które się na nie składają. Na poziomie krajowym najbardziej istotnym nowym dokumentem z punktu widzenia województw jest Krajowa strategia rozwoju regionalnego wyznaczająca kierunki rozwoju regionów, zasady gospodarowania środkami oraz pociągająca za sobą obowiązek aktualizacji strategii wojewódzkich. Opracowywane są 8 innych strategii sektorowych, średnio- i długookresowa strategia rozwoju kraju, jak też koncepcja przestrzennego zagospodarowania kraju. Wreszcie, wśród dokumentów, do których należy dostosować nową strategię rozwoju województwa jest wojewódzki plan zagospodarowania przestrzennego, decyzję o aktualizacji jego podjął Sejmik uchwałą 166/10 już w październiku 2010 r.

Rozwój regionalny jest determinowany przez wiele czynników, spośród których część ma charakter zmiennych niezależnych od woli Samorządu Województwa. Dotyczy to przede wszystkim sytuacji geopolitycznej na świecie, skali i tempa globalizacji gospodarki, krajowych i unijnych rozwiązań prawno-systemowych. Sytuacja makroekonomiczna, stan gospodarki i poziom rozwoju, zarówno Polski jak i wszystkich krajów europejskich, w dużej mierze będzie zależał od tego, czy są one w stanie sprostać wzmożonej konkurencji oraz wyzwaniom cywilizacyjnym. Istotną rolę odgrywać będą priorytety rozwojowe przyjęte przez Unię Europejską polityki strukturalne, silnie determinujące kierunki rozwoju poszczególnych krajów i położonych w nich regionów. Równie ważny wpływ na sytuację poszczególnych polskich regionów będzie miała polityka gospodarcza, finansowa, społeczna i regionalna państwa, a także przestrzenna alokacja czynników regionotwórczych w relacjach krajowych i europejskich.

W świetle powyższych uwag, sprawą kluczową staje się pytanie, jaki będzie wpływ tych zewnętrznych czynników na szeroko rozumiany rozwój regionalny? Czy będzie dochodziło do dalszego pogłębiania się różnic pomiędzy najbardziej rozwiniętymi europejskimi regionami, bądź będzie stosowana polityka równoważenia rozwoju, w wyniku jej regiony otrzymają nowe impulsy rozwojowe, warunkujące ich restrukturyzację? Jak będzie się kształtował podział środków unijnych i jaka będzie efektywność ich wykorzystania? Także od wyboru celów strategicznych Unii Europejskiej będą zależały kierunki rozwoju województwa Mazowieckiego [7]. Zmiany na Mazowszu w dużym stopniu będą zależę od stopnia przygotowania władz oraz istnienia szeroko rozwiniętego *capacity building*, zdolnego do dokonania przeobrażeń. Należy brać także pod uwagę możliwość wystąpienia czynników destabilizujących rozwój regionu. Powszechnie stosowaną metodą antycypowania przyszłości w warunkach niepewności jest podejście scenariuszowe. W związku z tym dla potrzeb niniejszej Strategii zostały opracowane trzy scenariusze: realistyczny, optymistyczny i pesymistyczny. Pełnią oni rolę ramowego układu odniesienia dla sformułowania wizji rozwoju Mazowsza.

Scenariusz pesymistyczny, umownie nazwany «Przebrane Mazowsze» jest prognozą ostrzegawczą, która wskazuje na możliwość zaistnienia splotu negatywnych czynników, uniemożliwiających bądź utrudniających realizację zamierzonych celów. Rolą tego scenariusza jest ukazanie województwa Mazowieckiego w kontekście niesprzyjającej koniunktury a zarazem wskazanie kierunków działań, które w przypadku jego zaistnienia byłyby najbardziej pożądane. Scenariusz ten pełni rolę swego rodzaju «wyjścia awaryjnego». Opracowanie scenariusza «Triumfującego Mazowsza» miało na celu pobudzenie aspiracji oraz dążeń do większego zaangażowania na rzecz dokonania przeobrażeń województwa. Wskazując na szanse oraz możliwości rozwojowe, które dzisiaj wydają się być mało realne, scenariusz ten pobudza oraz ukierunkowuje dyskusję o nowych ideach i rozwiązaniach, a w związku z tym może on pełnić rolę «samorealizującej się przepowiedni». Spójny układ zamierzeń rozwojowych województwa Mazowieckiego tworzą w odpowiedniej hierarchii: wizja rozwoju regionu, misja i cel nadrzędny, a następnie urzeczywistniające je cele strategiczne, pośrednie i kierunki działań. Zgodnie z metodologią programowania strategicznego koncepcja ta opiera się na założeniu, iż główne zamierzenia strategiczne są uszczegóławiane na niższych poziomach poprzez wiązki celów i działań [8].

Przyjęta konstrukcja części strategicznej dokumentu w postaci «drzewa celów» zapewnia przejrzysty układ postulatowo-wykonawczy Strategii. Opiera się na rozbudowanych wiązках celów, a w ich ramach działaniach/zadaniach, których realizacja w określonym zakresie i horyzoncie czasowym, poprzez efekt synergiczny, przyczyni się do osiągnięcia celów Strategii na poziomie pośrednim, strategicznym i nadrzędnym, a docelowo do urzeczywistnienia wizji rozwoju województwa.

Podsumowanie

Chcąc sprostać wymogom nowoczesnej gospodarki oraz wyzwaniom cywilizacyjnym, należy rozwijać najbardziej konkurencyjne jej elementy. Biorąc pod uwagę obecny potencjał rozwojowy i innowacyjny Mazowsza, należy wspierać dotychczasowe obszary i dziedziny nauki i rozwijać nowe, zgodnie ze światowymi trendami w zakresie badań naukowych. W oparciu o Krajowy Program Ramowy, wyznaczający strategiczne obszary badawcze oraz na podstawie propozycji zgłoszonych przez środowiska naukowe podczas konsultacji zapisów Strategii, określono wiodące na Mazowszu dziedziny nauki i kierunki badań. Ich rozwój, zwłaszcza rych o charakterze interdyscyplinarnym z zakresu info-, techno- i biowzmocni konkurencyjność i innowacyjność regionu, przyczyniając się do realizacji założonych w Strategii celów i wizji. Opracowane zestawienie ma formułę otwartą, co umożliwi dostosowywanie jego zakresu do zmieniających się uwarunkowań. Dalsze dookreślenie niniejszej listy w sferze innowacyjnej zawiera Regionalna Strategia Innowacji.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Winiarski, B. Polityka gospodarcza / B. Winiarski. – Warszawa : PWN, 2006. – 234 s.
2. Krzuszczyński, S. Planowanie gospodarki narodowej i elementy polityki ekonomicznej / S. Krzuszczyński. – Warszawa, 2014. – 267 s.
3. Bartkowiak, R. Historia myśli ekonomicznej / R. Bartkowiak. – Warszawa : Pol. Wydaw. Ekon., 2003. – 344 s.
4. Неоклассические модели экономического роста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/821340/neoklassicheskie_modeli_ekonomicheskogo_rosta. – Дата доступа: 17.09.2019.
5. Krajowa Strategia Rozwoju Regionalnego 2010–2020: Regiony, Miasta, Obszary wiejskie [Dokument elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://dochot.net/document/krajowa-strategia-rozwoju-regionalnego-2010-2020-regiony-miasta-obszary-wiejskie>. – Data wejścia: 11.10.2019.
6. Новая европейская стратегия «Европа-2020» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/content/novaya-evropejskaya-strategiya-evropa-2020/>. – Дата доступа: 17.09.2019.
7. Fundusze europejskie [Dokument elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://www.fundusze-europejskie.gov.pl/sloownik/Strony/Polityka_rozwoju_wojewodztwa_regionu.aspx. – Data wejścia: 12.10.2019.
8. System zarządzania rozwojem [Dokument elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://www.mir.gov.pl/rozwoj_regionalny/polityka_rozwoju/system_zarzadzania_rozwoiem/Strony/System_zarzadzania_rozwojem.aspx. – Data wejścia: 13.10.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2019

Siluk T. S. Regional Policy in the European Union and Poland

In the article, the author defines the essence of regional policy, characterizes the main models of economic growth and regional development strategies, and systematizes the development experience of the European Union and Poland. The author comes to the conclusion that the support for scientific research and innovative sectors of the national economy should become the main directions in regional politics of Mazovetski voivodship, which allows the region to meet the requirements of the modern economy and the challenges of civilization.

УДК 338.519

Д. А. Петрукович¹, О. Я. Седель², Е. В. Иванюкович³¹канд. пед. наук, доц., зав. каф. эканомікі і управлення

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

²канд. тэхн. наук, доц., доц. каф. эканомікі і управлення

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

³магістрант каф. эканомікі і управлення,

спецыяліст па арганізацыі закупаў аддэла матэрыяльна-тэхнічнага снабжэння

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

e-mail: ¹dmitrypet@mail.ru; ²sedel.oleg@mail.ru; ³katya.ivanukovich1997@mail.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ КЛАСТЕРА – НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА

Рассмотрено государственное воздействие на инвестиционные и инновационные процессы в экономике страны и эффективность экономических методов, обозначена отличительная черта кластера – инновационная ориентированность подхода в развитии промышленного комплекса регионов.

Введение

Эффективная реструктуризация белорусской экономики требует активного взаимодействия крупного и малого бизнеса, представителей власти, научно-исследовательских центров, и здесь имеет место кластерный метод исследования, который предоставляет необходимые инструменты и аналитическую методологию.

Проблема создания и развития кластеров [1; 2] является широко изученной в отечественной и зарубежной научной литературе. Эффективным и современным экономическим методом регулирования инвестиционных и инновационных процессов выступает кластерный подход в развитии промышленного комплекса региона [1]. Однако вопрос создания пищевого кластера в Брестской области никем из экспертов не рассматривался.

Брестская область обладает большим промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. Промышленность Брестской области представлена пищевой, химической, машиностроительной, металлообрабатывающей, лесной, деревообрабатывающей и др.

Для создания кластера как жизнеспособной, самодостаточной, успешной и эффективной организации необходимо наличие пяти основных условий (рисунок 1).

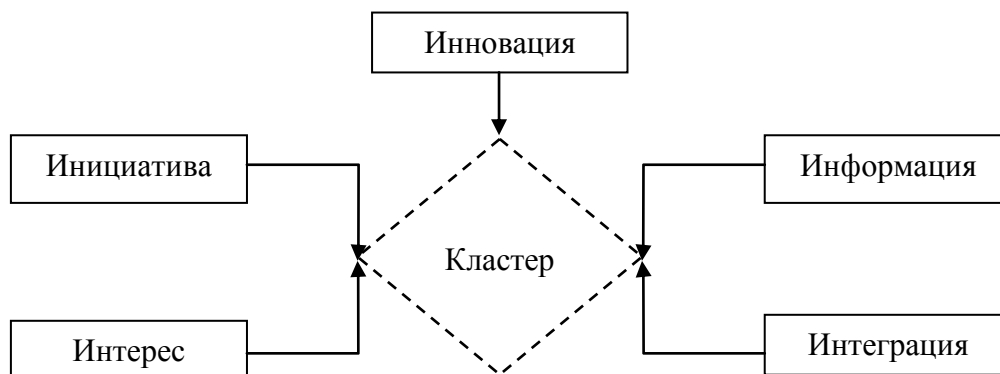

Рисунок 1. – Необходимые условия создания кластера

Эффективность кластерного подхода определяется тем, что преодолевается узко-отраслевое видение экономики региона. Развитие экономики регионов по пути кластеризации позволяет добиться положительного экономического эффекта (увеличить приток капиталов и технологий, прямых инвестиций), так и социального эффекта (создать дополнительные рабочие места), что в конечном итоге благоприятно отразится на состоянии региона в целом.

Долгосрочные контракты выступают основой экономических связей в системе кластерного подхода. Такие объединения позволяют малым организациям сочетать преимущества малых форм предпринимательства и крупных производств. Между организациями, принадлежащими разным собственникам, возникает родство при сохранении каждой из них своей автономности.

Главная отличительная черта кластера – его инновационная ориентированность. Опираясь на прорывы в научно-технологической сфере и интеллектуализацию основных факторов производства, страны, взявшие на вооружение политику кластеризации своих экономик, смогли обеспечить прирост ВВП до 75 %.

Другая особенность кластера – пространственная расположенность. В условиях ужесточения конкуренции между странами и регионами за инвестиции и размещение наиболее перспективных видов производств стало очевидно, что уникальные конкурентные преимущества формируются не на национальном уровне, а на уровне конкретных бизнесов, функционирующих на территории регионов, где высока концентрация взаимосвязанных отраслей [2].

По мнению экономистов, такие региональные инновационно-промышленные кластеры имеют ряд преимуществ перед традиционными индустриально-отраслевыми формами организации бизнеса.

Направление совершенствования механизма инвестиций и инноваций в пищевой промышленности Брестской области

Пищевая промышленность включает в себя производства, обеспечивающие население продуктами питания. Больше, чем другие отрасли, она связана с сельским хозяйством, т. к. получает от него сырье (зерно, молоко, картофель, сахарную свеклу) и входит в состав агропромышленного комплекса. Большое значение имеют межотраслевые связи пищевой промышленности с машиностроением, энергетикой и другими отраслями промышленности [4].

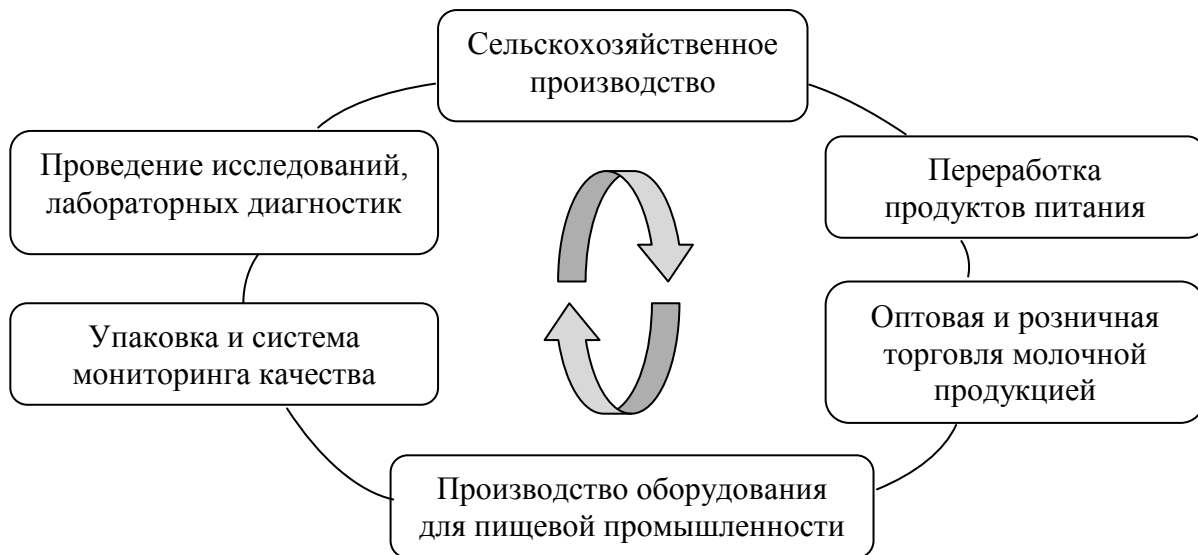
Создание пищевого кластера на территории Брестской области является обоснованным с точки зрения уже имеющихся крупных предприятий пищевой отрасли в стране, например, ОАО «Савушкин продукт», ОАО «Брестский мясокомбинат», СП «Санта Бремор» ООО, ОАО «Жабинковский сахарный завод» и т. д. Их продукция экспортируется в страны Балтии, Германию, Австралию, Израиль, Иорданию, Канаду, Нидерланды, ОАЭ, США, Россию, Казахстан, Польшу, Армению, Азербайджан, Украину, Молдову, Таджикистан, Китай, Корею, Японию, благодаря чему инвестор может рассматривать разработанный пищевой кластер как экспортно ориентированный.

Пищевой кластер Брестской области – это группа предприятий – производителей сельскохозяйственной продукции, заготовителей, переработчиков, предприятий торговли, поставщиков сырья, техники, образовательных, научных и исследовательских организаций, объединенных технологическими цепочками и общностью интересов.

Основные направления деятельности кластера – развитие внутреннего рынка органической продукции, внедрение инновационных методик производства; производство высококачественных и безопасных молочных продуктов питания.

Ключевые участники кластера объединены в законченную цепочку добавленной стоимости, которая представлена на рисунке 2.

Рисунк 2. – Цепочка добавленной стоимости пищевого кластера Брестской области

Цель создания кластера – развитие синергии частного бизнеса и государственных предприятий, исследовательских центров и образовательных организаций для инновационного развития молочной отрасли Брестской области:

1) производство высококачественной молочной продукции путем улучшения качества молока и специализированных кормов при более бережном отношении к окружающей среде, здоровью человека и с наименьшими издержками производств;

2) создание и продвижение новых молочных продуктов на новые рынки сбыта.

Что касается сферы сбыта продукции пищевого кластера, то в первую очередь речь идет о сотрудничестве с ООО «ЕвроТорг». ООО «ЕвроТорг» является крупнейшей продовольственной торговой сетью Республики Беларусь. По состоянию на октябрь 2018 г. это крупнейшая в стране по числу продовольственных магазинов торговая сеть (700 магазинов). Организация продолжает активное проникновение в сельскую местность: к концу 2018 г. 24 магазина работали в сельских населенных пунктах. Онлайн-гипермаркеты «Е-доставка» и «Гипер-Молл» обслуживают покупателей по всей Беларуси. ООО «ЕвроТорг» получает награды конкурсов «Брэнд года», «Выбор года» и «Народная марка»[4]. Это «гигант» ритейловской цепи, а в его цепь входят «Корона», «Рублевский», «Доброном», «Гиппо», «Белмаркет», «Соседи», «Mart INN», ООО «Санта Ритейл».

Схема производственно-технологической кооперации пищевого кластера Брестской области представлена на рисунке 3.

Техническая инфраструктура представлена тремя предприятиями, которые будут предоставлять оборудование, выполнять ремонт и сервисное обслуживание.

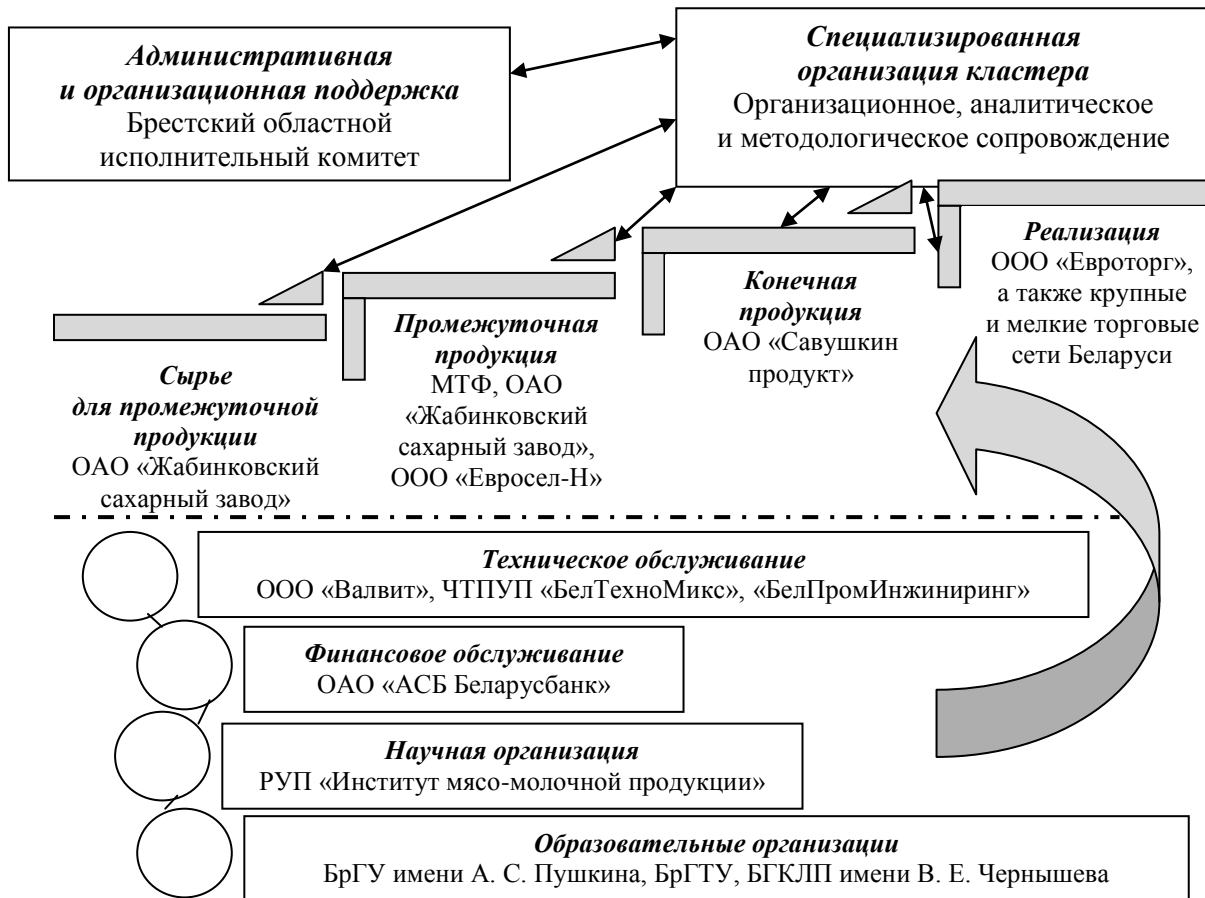

Рисунок 3. – Схема производственно-технологической кооперации пищевого кластера Брестской области

Инжиниринговая компания «БелПромИнжиниринг» обладает многолетним опытом успешной работы с пищевым оборудованием, оказывает услуги по реализации нестандартных заказов, полностью адаптированных к условиям работы и требованиям клиента, имеет собственное конструкторское бюро, способное вести разработку и производство от оборудования до технологических схем заводов [5].

ООО «Валвит» – активно развивающееся предприятие, выпускающее разнообразное оборудование для пищевой промышленности: режущий инструмент, расходные материалы, технологический инвентарь и аксессуары, энергосберегающие конструкции [6].

Финансовую поддержку инвестиционных проектов опора будет осуществлять ОАО «АСБ Беларусбанк».

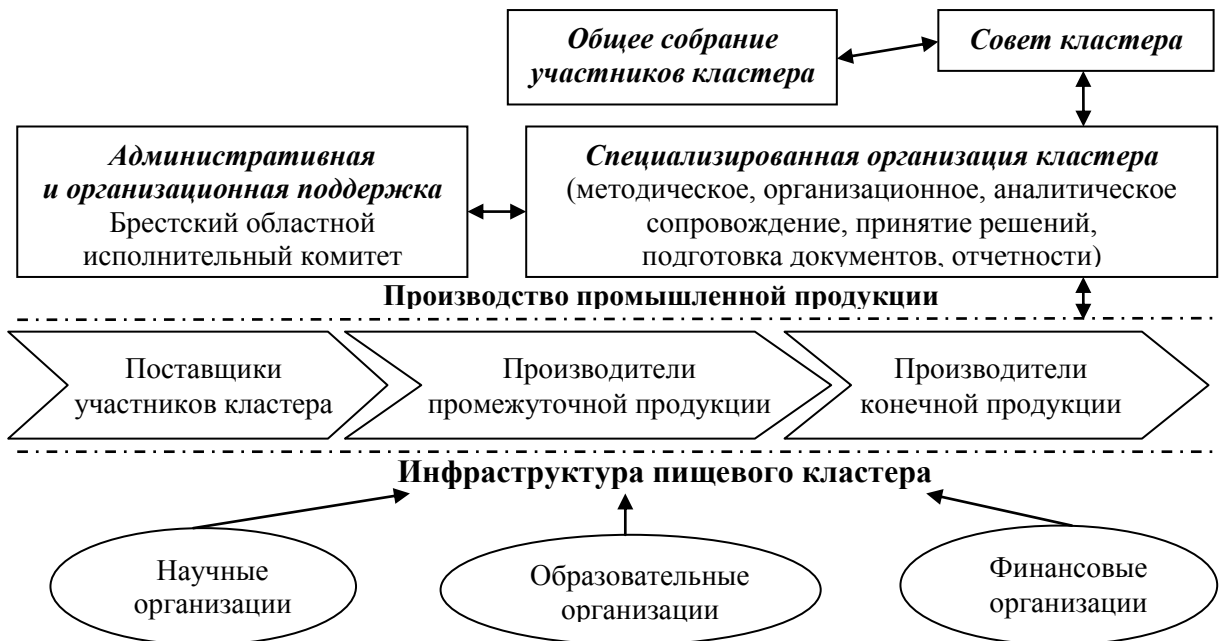
Реализация инвестиционных проектов пищевого кластера позволит обеспечить продовольственную самодостаточность Брестского региона в части удовлетворения потребности населения в качественной продукции по доступным ценам. Высокий уровень конкурентоспособности продукции позволит также закрепить прочные позиции молочной продукции на белорусском рынке и развивать конкурентоспособность на рынках ближнего зарубежья.

Особая актуальность развития пищевого кластера связана и с включением развития кластерного подхода в развитие экономики страны, которое обозначено в стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [7].

Участнікамі кластэра будуць яўляцца адукацыйныя ўстаноўкі (Брэстскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэстскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, Баранавіцкі дзяржаўны каледж лёгкай прамысловасці імя В. Е. Чэрнышава), а таксама навука-даследаўчыя арганізацыі (Інстытут мяса-малочнай прамысловасці НАН Беларусі, Тэхнопарк Брэстскай вобласці).

Взаемадзейства з вузамі, НІІ, інжынірынгавымі цэнтрамі дазволіць стварыць стажыровачныя плошчкі для работнікаў, павышаючых кваліфікацыю, проходячых падрыхтоўку, переподрыхтоўку, а таксама для будучых інтэгратораў і карыстачоў разрабаваных і прымяняемых інавацыйных біо- і другіх тэхналогій. Кооперацыя ўдзельнікоў кластэра дазволіць выстроіць трывалую сістэму ўзаемадзейства з знешнімі партнёрамі, асноваўаную на падтрымцы дзяржавы і рэалізацыі адной стратэгіі развіцця. Арганізацыйна-функцыянальная схема ежовага кластэра Брэстскай вобласці прадставлена на рысунке 4.

Рисунк 4. – Арганізацыйна-функцыянальная схема ежовага кластэра Брэстскай вобласці

Адной з асноўных задач стварэння кластэра з’яўляецца павышэнне эфектыўнасці ўзаемадзейства паміж крупным і малым бізнесам, а таксама паміж дзяржаўнай і частнай уласнасцю. Увключэнне ў прамысловую ланцужок прадпрыемстваў, якія не з’яўляюцца актыўна развіваючымі і прыбыльнымі, – галоўная канцэпцыя рэалізацыі ежовага кластэра, псколькі, выстроіў прамысловую кооперацыю з высокапрыбыльных і вядомых прадпрыемстваў, гэтая ланцужок стварала б і ўмацоўвала монопольную сроду бізнесу, што супярэчыць сутнасці кластэрызацыі эканомікі.

Взаемадзейства плануецца выстроіць на аснове стварэння арганізацыі, каардынуючай дзейнасць ежовага кластэра. У яе кампетэнцыі будуць ўваходзіць: каардынацыя, збор і апрацоўка аналітычнай інфармацыі, прыняцце рашэнняў у сферы інавацый і інвестыцый, падрыхтоўка дакументаў і адчотнасці. Звязі паміж прадпрыемствамі

ями основываются на долгосрочных договорах, что предусматривает стабильность и автономность субъектов пищевого кластера.

Взаимовыгодное сотрудничество – залог стабильного достатка партнеров путем предоставления инновационно-технической поддержки, высококачественных кормов и сырья в обмен на поставки экологически чистой молочной продукции, экспортная привлекательность которой возрастает с каждым годом.

Вертикальная интеграция производственной схемы кластера предусматривает реализацию концепции «от поля до прилавка» на основе создания замкнутого цикла производства молочных продуктов, продуктов переработки молока и сахара. Концепция предполагает создание селекционно-генетического центра на базе университетов и колледжа, объединение поставщиков сырья для производства кормов (зерно, премиксы), производителей молока, повышение эффективности дистрибуции собственной продукции путем взаимодействия с крупными региональными сетевыми ритейлерами.

Реализация этого плана функционирования пищевого кластера предусматривает преимущества со стороны субъектов кластера, самого региона и государства.

1. Реализация кластерного подхода развития экономики региона повышает эффективность бизнеса посредством объединения между предприятиями, образовательными и научными организациями, между малыми и крупными предприятиями, между существующими организациями и инфраструктурой, которая стимулирует появление новых предприятий в регионе, а также усовершенствование уже имеющейся продукции.

2. Поскольку кластер – это сформированный и динамично развивающийся субъект экономики, бюджетные средства на его инвестирование со стороны государства будут в приоритете, что крайне важно в условиях сокращения бюджетных расходов.

3. Кооперация экономически сильных и слабых предприятий позволит благодаря развитию сильных экономических субъектов развить технологический и экономический потенциал слабых предприятий, что крайне важно для экономики региона и для сохранения рабочих мест.

4. Кластерный подход позволяет выстроить стратегический диалог между органами государственной власти и профессиональным сообществом, что повышает качество принимаемых решений посредством дополнительной экспертизы со стороны кластера, состоящего в том числе из конкурирующих организаций.

Заключение

Создание кластера в Брестской области будет способствовать притоку инвестиций в регион как со стороны государства, так и со стороны иностранного инвестора, т. к. кластер – это объединение разнородных предприятий и организаций, имеющих единую цель – создание высококачественного конечного продукта.

Благодаря разнородности организаций будет осуществляться более качественный поход к выполнению каждого шага при производстве конечного продукта. Крепкие связи на основе долгосрочных договоров обеспечат надежные гарантии инвестору. К тому же пищевая промышленность достаточно востребована и развита в регионе, что подтверждается многочисленными республиканскими и международными наградами в области качества.

Создание кластерной системы производства продукции – важная составляющая в развитии региона. Это подтверждено Национальной стратегией социально-экономического развития Брестской области до 2030 г.: создание кластеров в различных отраслях народного хозяйства крайне необходимо.

Предприятия кластера имеют дополнительные конкурентные преимущества благодаря возможности осуществлять внутреннюю специализацию и стандартизацию, минимизировать затраты на внедрение инноваций.

Наличие в системе инновационно-промышленных кластеров гибких предпринимательских структур – малых предприятий, конкурирующих в процессе производства креативных идей, – позволит выявить инновационные точки роста экономики региона.

Региональные промышленные кластеры чрезвычайно важны для развития малого предпринимательства: они обеспечивают малым фирмам высокую степень специализации при обслуживании конкретной предпринимательской ниши, т. к. при этом облегчен доступ к капиталу промышленного предприятия, прочим ресурсам, а также активно идет обмен идеями и передача знаний от специалистов к предпринимателям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шапкин, А. С. Экономические и финансовые риски: оценка, управление, портфель инвестиций / А. С. Шапкин, В. А. Шапкин. – М. : Дашков и К°, 2014. – 544 с.
2. Буряк, А. П. Кластерный анализ – база управления конкурентоспособностью на макроуровне / А. П. Буряк, А. Г. Воропов // Маркетинг. – 2003. – № 1. – С. 34–40.
3. Шеховцова, Л. С. Кластер как современный инструмент повышения конкурентоспособности в регионе [Электронный ресурс] / Л. С. Шеховцова. – Режим доступа: www.clusters-net.ru. – Дата доступа: 15.10.2019.
4. Адамова, К. З. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности национальной экономики / К. З. Адамова // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. – 2009. – № 38. – С. 199–202.
5. Магомедов, М. Д. Экономика пищевой промышленности : учебник / М. Д. Магомедов, А. В. Заздравных, Г. А. Афанасьева. – М. : Дашков и К°, 2010. – 232 с.
6. БелПромИнжирг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belproming.by>. – Дата доступа: 10.10.2019.
7. ООО «ВАЛВИТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valvit.by>. – Дата доступа: 10.10.2019.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 02.05.2017 г., № 10 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2017. – № 28. – 1/189.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.10.2019

Petrukovich D. A., Sedel O. Ya., Ivanyukovich E. V. Innovative Organization of the Cluster – a Direction of Improvement of the Industrial Development of the Brest Region

The article considers the state impact on investment and innovation processes in the country's economy and the effectiveness of economic methods and a distinctive feature of the cluster is the innovative orientation of the approach in the development of the industrial complex of the regions.

А. И. Забейворота

*д-р юрид. наук, проф. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

e-mail: zabey@mail.ru

УЧЕБНИК ПО ТЕОРИИ ГОСУПРАВЛЕНИЯ ИЗ РАЗРЯДА «СЛОЖНО ВСЕ»

Понкин, И. В. Теория государственного управления / И. В. Понкин. –

М. : ИНФРА-М, 2019. – 529 с.

Учебник И. В. Понкина по теории государственного управления [1] продолжает (на более высоком уровне) его предыдущие учебные и научные издания [2–4]. Поэтому рецензируемое издание не могло остаться незамеченным специалистами.

Начнем со структуры учебника, чтобы показать его содержание, а также масштабность и уникальность.

Начинается учебник с предисловия и введения. Основной материал разделен на главы: Глава 1. Общее понятие науки государственного управления (общей теории публичного управления). Глава 2. Фундаментальные понятия общей теории публичного управления. Глава 3. Правовое обеспечение публичного управления. Глава 4. Универсум, онтология, процесс государственного управления. Глава 5. Принципы публичного управления. Глава 6. Цели и целеполагание публичного управления. Глава 7. Инструменты публичного управления и публичной политики. Глава 8. Модели публичного управления. Глава 9. Инструментальные концепты (подходы) государственного управления. Глава 10. Особенности публичного управления специфическими предметно-объектными областями и в особых условиях. Глава 11. Рецепция общей теорией публичного управления методологии из других научных дисциплин. Завершается издание заключением и списком рекомендуемой для изучения литературы (очень разумно подобранной). Оглавление убедительно свидетельствует, что учебник очень сложен и явно выделяется из общей массы изданных на постсоветском пространстве учебной литературы по этой теме. Авторская новация – это обращение к вопросам онтологии, процесса, порядка, энтропии-неэнтропии в государственном управлении.

Актуальность издания не вызывает сомнений, поскольку, как показывает практика, сегодня российская (да и белорусская) высшая школа испытывает острейшую потребность в высококачественных учебниках для подготовки государственных управленцев – государственников, патриотов, но главное – специалистов высокого класса, способных поднять и управление делами государства на должный уровень.

Это издание привлекло наше внимание в первую очередь серьезным научно-методологическим исследовательским подходом, колоссальной источниковой базой, масштабным охватом разнообразных проблем и аспектов государственно-муниципального управления. По многим из раскрываемых в учебнике тем нигде нет доступной информации.

Линейка учебников именно этого автора всегда отличается высоким уровнем академической сложности. Неслучайно автор предисловия – известный российский правовед-административист А. Б. Зеленцов отмечал: «В учебнике И. В. Понкина вообще все – из разряда “посложнее”... Неизбежно встает вопрос: сумеют ли понять магистранты и слушатели программы Master of Public Administration (МРА) то, что стремится донести до них профессор И. В. Понкин? Ведь, с одной стороны, по своему уровню, методологии и стилю изложения материала – это, скорее, учебник для профессорско-

преподавательского состава, читающего курсы государственного и муниципального управления, причем в верхней (самой сложной) позиции повышения их квалификации. С другой стороны, не связаны ли многие нынешние проблемы в организации и функционировании государственного управления с тем, что во многих случаях сегодня подготовка управленческих кадров осуществляется у нас по модели... обуславливающей выпуск слабо подготовленных управленцев в части, касающейся науки и технологий государственного и муниципального управления?»

Учебник И. В. Понкина характеризуется использованием сложнейших специфических терминов (читать это издание приходится со словарями), многочисленных источников и общим весьма существенным объемом (но это тот случай, когда объем релевантен, тут ценна каждая страница). Именно в силу этого издание будет интересна не только тем, кто учится на управленца, но и тем, кто уже несет нелегкую ношу государственного служащего низового и среднего звена (рассчитывать, что высшие управленцы читают сложную литературу, было бы опрометчиво), но более всего это издание нужно тем, кто обоснованно критикует власть, занимая принципиальные позиции несогласия с властью.

Учебник И. В. Понкина дает много пищи для размышлений, побуждая к новому осмыслению и более глубокому пониманию излагаемого в этом учебнике материала. При этом впечатляет беспристрастность автора. Хотя еще Х.-Г. Гадамер утверждал, что никакой «интерпретатор не в состоянии полностью воплотить идеал собственного неучастия» [5], в данном случае автору это удалось.

Масштабность и фундаментальность и позволили И. В. Понкину достичь тех научных свершений, весьма значимых для науки государственного управления (а также административно-правовой и конституционно-правовой наук), которые мы сегодня имеем возможность критически оценивать, приходя к самым высоким оценкам.

Из недостатков отметим раздел 9.14 ««Греф-подход» в государственном управлении», в котором воззрения политика Г. О. Грефа не сопровождаются авторскими комментариями и оценками. Недоумение вызывает и явно слишком короткое (один абзац) описание «принцип внешнего дополнения Стаффорда Бира», явно заслуживающего существенно больших объемов представления и объяснения.

Несмотря на отмеченные недостатки (не столь существенные для такого неординарного издания), учебник И. В. Понкина представляет собой уникальный и ценный труд, обеспечивающий продвижение российской и мировой науки государственного управления.

Работа И. В. Понкина оставляет очень хорошее впечатление, учебник подготовлен с учетом самого передового зарубежного и российского опыта в исследуемом тематическом поле, новейших изданий и достижений в этой области.

Конечно же, книга будет полезна всем тем, на кого рассчитана, а интересна будет существенно более широкой аудитории.

Особого успеха автор достигает тогда, когда его идеи начинают влиять на общество. Именно об этом можно говорить в случае автором рецензируемого издания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понкин, И. В. Теория государственного управления : учебник / И. В. Понкин ; предисл. А. Б. Зеленцова. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 529 с.

2. Понкин, И. В. Теория публичного управления : учеб. для магистратуры и программ Master of Public Administration / И. В. Понкин ; предисл. А. Б. Зеленцова. – М. : Буки Веди, 2017. – 728 с.

3. Понкин, И. В. Общая теория публичного управления. Правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления : лекц. курс / И. В. Понкин. – М. : Буки Веди, 2016. – 252 с.

4. Понкин, И. В. Теория девиантологии государственного управления: неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / И. В. Понкин ; предисл. А. Б. Зеленцова. – М. : Буки Веди, 2016. – 250 с.

5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988. – С. 461.

6. Жохова, А. 9 самых необычных российских бизнесменов – сумасбродов, чудаков и эксцентриков [Электронный ресурс] / А. Жохова. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/ekonomika-slideshow/lyudi/74979-10-samyh-neobychnyh-rossiiskih-biznesmenov-sumasbrodov-chudakov-i-ek?photo=1>. – Дата доступа: 12.10.2011.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.06.2019

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія зборніка навуковых прац разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. Г. Хадыва, Л. М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 30.12.2019. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 32,78. Ул.-выд. арк. 22,04.
Тыраж 50 экз. Заказ № 547.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.